

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

2

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume two

VICTIM PRIME
HUNTER/VICTIM

«POLARIS» PUBLISHERS

1994

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга вторая

**ПЕРВАЯ ЖЕРТВА
ОХОТНИК-ЖЕРТВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994

Victim Prime

Copyright © 1987 by Robert Sheckley

Hunter / Victim

Copyright © 1988 by Robert Sheckley

Первая жертва

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

Охотник-жертва

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

ПРАВИЛА ОХОТЫ

Участвовать в Охоте может любой достигший восемнадцатилетнего возраста, независимо от национальности, пола и религиозных убеждений.

Вступивший в клуб Охотников обязан принять участие в десяти Охотах — пять раз в роли Жертвы и пять раз в роли Охотника.

Охотникам сообщается имя и адрес Жертвы, а также выдается ее фотография.

Жертвам лишь сообщается, что на них ведется Охота.

Все убийства должны осуществляться только лично, то есть либо Охотником, либо Жертвой, любая замена запрещена.

Ошибочное убийство строго преследуется по закону.

Победитель всех десяти Охот наделяется практически неограниченными гражданскими, финансовыми, политическими и сексуальными правами.

Пролог

Ритуал Охоты претерпел многочисленные изменения с момента возникновения в начале 1990-х годов.

Своим зарождением Охота обязана близкому всякому человеку принципу искоренять любое зло при помощи жестокости и насилия.

В самом начале все хотели быть только Охотниками, никому не хотелось выступать в роли Жертвы. Особые социальные и психологические преимущества Жертвы были обнаружены лишь на промежуточном этапе, когда Охота стала проводиться на основе случайного выбора и компьютерного составления пар Охотников и Жертв.

В давние времена, в связи с малым количеством желающих выступить в роли Жертвы, Охотничья организация выбирала первых добровольцев среди тех социальных групп, где жестокость поведения считалась повседневным явлением. В основном это были члены отрядов смерти и политические убийцы всех мастей — прирожденные агрессоры, с которыми мало кто хотел связываться.

Тогда Охотничья комиссия приняла решение отказаться от существующей практики официально оповещать Жертву за день до начала Охоты.

Это шло вразрез с этическими принципами Охоты. И Охотничьей организации приходилось искать «мотивированных убийц», невзирая на соображения этики и морали, чтобы найти желающих принять участие в убийствах.

В те времена Охотниками становились только те, кого мы сейчас называем «мотивированными убий-

цами». В те далекие годы мало кто понимал истинную чистоту Охоты, ее аскетическую этику. Понадобилось немало времени, чтобы Охота стала восприниматься как высшая степень искусства, а ее правила исключали присутствие любых личных мотивов убийства.

Сегодня мы можем понимать ее духовный смысл. Сегодня мы понимаем истоки современного мироощущения, желание достичь исключительной чистоты, сознательное восприятие того, что в нашем мире неукоснительно действует единый принцип — убей, или убьют тебя.

Уже на заре возникновения Охоты четко определились основные структурные особенности: например, призовой фонд, пополнявшийся за счет пожертвований богатых либералов, а также использование Наводчиков, помогающих Охотнику или Жертве обнаружить своих противников. Даже в то давнее время Охотничий комитет старался хоть в какой-то степени обеспечить «справедливость» убийства.

Уже тогда стало очевидным, что Охота имеет огромную ценность: она сможет уберечь человечество от привязанности к войне, заменив ее двусторонней смертельной дуэлью. И это делало Охоту панацеей от всех бед и несчастий.

Сегодня война кажется такой же абсурдной, какой казалась Охота в начале девяностых годов.

На промежуточном этапе, во время внезапного расцвета Эсмеральды, были установлены новые правила, но в них до сих пор вносятся изменения. Возможно, некоторая двойственность в данном вопросе была необходима: Охота еще не распространилась на весь мир. Она была узаконена только в одной островной республике — Эсмеральде в Карибском море, где она считалась не только национальным развлечением, но и была основным источником дохода. В казну текли деньги от туристов, которые прилетали на остров со всех континентов — одни, чтобы принять участие в Охоте, другие — чтобы поглазеть на небывалые кровавые поединки. Люди получали удовольствие, наблюдая за чужой смертью, а международная аудитория следила за постыдными

Играми с их шокирующей Великой Расплатой. Следила и наслаждалась.

На раннем этапе Охотникам приходилось мириться с мыслью, что еще не все население одобрительно относилось к Охоте. Хотя многим она казалась довольно привлекательной в той или иной мере, представители закона и правопорядка постоянно досаждали участникам. В те времена полиция приравнивала Охотников к обычным уголовникам и убийцам.

Через несколько столетий мы наконец нашли способ сдерживать катастрофический рост населения. Ведь сама природа делает это по старинке, убивая людей.

Как много места в литературе двадцатого и двадцать первого веков уделялось теме одиноких людей, постепенно стареющих и влачащих жалкое существование! Сейчас такое даже трудно себе представить. Уровень Охоты поднялся настолько, что старики теперь долго не живут: у них нет достаточной сноровки, чтобы уворачиваться от пуль, которые как дождь поливают улицы наших городов.

А дети, наоборот, стараются как можно быстрее оказаться на линии огня.

Теперь уже никто не спрашивает: «Когда же прекратятся эти убийства?» Теперь мы знаем, что они прекратятся только тогда, когда прекратится сама жизнь.

Глава 1

Осенние сборы общественности города Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк, одобрили предложение вооружить Хэрольда Эрдмана лучшим в поселении револьвером «смит энд вессон» 44-го калибра и отправить его на южный остров Эсмеральда, чтобы он смог принять участие в Охоте.

Кандидатуру Хэрольда одобрили потому, что он сам этого хотел: ни родных, ни жены у него не было, он отличался крепким здоровьем, умел постоять за себя, и его считали достаточно честным, чтобы верить — он выполнит свою часть договора: пришлет городу половину выигранной в Охоте суммы, если, конечно, не погибнет раньше, чем ему удастся получить деньги.

Добираться до Охотничьего Мира надо было сначала попутной машиной, а потом уже на автобусе вдоль американского побережья до самого Майами. А оттуда уже можно вылететь на Эсмеральду — маленький островок на юго-востоке Багамского архипелага, где Охота официально разрешена законом.

Хэрольд прекрасно понимал, что путешествовать из штата Нью-Йорк до Флориды очень опасно. Ходили слухи про необычайно жестоких бандитов, которые, жаждая крови, устраивали засады на дорогах и убивали всех подряд. Про покрытые зловонным туманом опустошенные земли, где раньше располагались свалки промышленных отходов, а теперь стоит только неосторожно шагнуть, как из-под ног вырываются фонтаны ядовитых газов, будто сама земля старается избавиться от ужасного бремени концентрированных химических веществ и радиоактивных продуктов рас-

пада. От такого выброса человек погибал на месте. А тем, кому и это удалось преодолеть, оставались еще дикие места юга, где проживали существа, которых навряд ли уже можно было считать людьми. Убивая на своем пути всех встречных, они забирали вещи жертвы, а иногда и лакомились ее мясом.

Вот такие слухи ходили про те места, обрастая со временем новыми неправдоподобными подробностями, которые иногда оказывались чистой правдой.

Хэрольда все это не особенно волновало. Он был готов идти на любой риск, лишь бы покинуть свой умирающий город, который ютился возле одного их каньонов отравленных Адирондакских гор. Ему хотелось сделать что-нибудь в своей жизни, и Охота была единственной для него возможностью.

Хэрольд отличался высоким ростом и для своего сложения двигался довольно легко и бегал быстрее, чем можно было ожидать. На круглом лице этого приятного деревенского паренька всегда играла улыбка, но по глазам было видно, что своего он никогда не упустит. Длинные спутанные волосы падали на воротник старенького пиджака из красной шотландки, а лицо покрывала двухдневная щетина. В начале путешествия ему исполнилось двадцать восемь лет, и он немного походил на разбуженного посреди зимней спячки медведя. Здоровый, сонный, но проворный парень. Однако разве по внешности можно судить о человеке?

Глава 2

— Значит, ты все-таки решился, — сказал Алан. — Действительно собираешься на Эсмеральду?

Хэрольд кивнул. Прошел уже час после сбора общестственности. Они только что поужинали вдвоем и теперь сидели на веранде дома Алана на Спрус-хилл. Солнце опускалось за вершины гор.

Алан был лучшим другом Хэрольда. Он тоже мечтал стать Охотником, но у него были мать и две сестры. Бросить их в такое время означало бы обречь на верную смерть. А у Хэрольда не было никого. Мать умерла от туберкулеза, когда ему исполнилось пятнадцать. Отец — грустный, тихий человек — вскоре после ее смерти отправился на юг в поисках работы. Больше его никогда не видели.

— Говорят, там, в Карибском бассейне, целый год лето, — мечтательно сказал Алан. — И все у них новое и современное. Как в тех старых журналах, которые нам показывали в школе. У всех дома ванны с горячей и холодной водой. Есть там и рестораны, где готовят блюда из натуральных продуктов. Все красиво одеты и счастливы.

— Потому что они занимаются только одним — убивают друг друга, — ответил Хэрольд.

— Ну и что тут такого?

— Не знаю. Я еще никогда никого не убивал. Ну ничего, как-нибудь привыкну.

— Главное, чтобы тебя самого не убили, — заметил Алан.

— Точно.

— Там Нору встретишь.

Хэрольд кивнул. Нора Олбрайт уехала из Кин-Уэлли два года назад, когда из Монреаля в Нью-Йорк еще ходил автобус, делая остановку в Платсбурге. Вместе с четырьмя подругами она отправилась на поиски работы. Смазливой девушке всегда легче устроиться, чем мужчине, хотя иногда ее работе и не позавидуешь. Обеспеченные иностранцы — особенно из Азии — с удовольствием нанимали хорошеньких американок домашней прислугой, как когда-то сами американцы нанимали миловидных немок и англичанок домработницами и нянями. Несколько девушек из Кин-Уэлли нашли работу на юге. Нора же отправилась на Эсмеральду — независимый остров в Карибском море, где правил закон Охоты. Оттуда она регулярно присылала деньги.

— Будь осторожен, ладно? — попросил Алан.

— Хорошо.

— А Норе от меня привет передай.

— Конечно.

Они еще немного посидели, наблюдая, как садится солнце и темнеет небо, пока не стало прохладно. В Адирондакских горах всегда были чудесные закаты. Хэрольд внезапно подумал, что он, возможно, никогда уже их не увидит. Солнце будет садиться бесчисленное количество раз, но уже в другом месте.

Глава 3

На следующий день Хэрольд покинул родной город, имея при себе «смит энд vesson», тридцать четыре патрона к нему и двести семьдесят пять долларов семьдесят три цента, которые люди собрали ему на дорогу. Хотя сентябрь еще не закончился, в воздухе чувствовалось дыхание зимы, которая на севере штата Нью-Йорк наступала так стремительно, будто бы осени не существовало совсем.

Все свои вещи Хэрольд сложил в легкий рюкзак, «смит энд vesson» засунул за пояс, а патроны ссыпал в правый карман, чтобы удобней было доставать. Он надел свой единственный, практически неизнашиваемый костюм из толстой, тяжелой шерсти, доставшийся ему от дяди Люка, который прошлой весной умер от Т-вируса.

Последний раз он посмотрел на горы, на солнечные лучи, отражавшиеся от гладких валунов, на несколько уцелевших после последнего кислотного дождя деревьев и бросил рюкзак в кабину пикапа Биллингза. Машина тронулась с места, и Хэрольд ни разу не обернулся назад.

Джо Биллингз направлялся в Глен-Фоллз, где надеялся разжиться запасными частями для тракторов фермерского кооператива. Со временем стало тяжело поддерживать в рабочем состоянии старые «мак-кормики», а урожаи были такими скудными, что возникала мысль, нужны ли машины вообще? Впро-

чем, коней и ослов тоже не хватало, а яков, которых совсем недавно принялись разводить в этих местах, было еще недостаточно, чтобы значительно улучшить положение.

В конце двадцать первого века человеческая близорукость в конце концов проявилась и в Америке. Исчезли леса. Погибли перенасыщенные нитратами поля. В Средней Америке появилось бесконечное количество мертвых зон на местах свалок химических и радиоактивных отходов. В почве прекратились восстановительные процессы. Даже воздух стал портиться. Невозможно было найти работу, и у людей не хватало денег. Изнашивалось оборудование и ремонтные средства. И самое страшное — никому до этого не было дела.

Холодная война до сих пор не прекратилась, и государства время от времени бряцали оружием. Но это уже никого не интересовало. Все-больше и больше людей желали, чтобы наконец были сброшены эти проклятые бомбы и на этом все закончилось. Разве это жизнь? Лучше поскорее ее закончить. Старушка Земля летела в тартарары.

Зря вырубались леса и джунгли. Надо было срочно что-то предпринимать для защиты от кислотных дождей. Хэрольд еще помнил те дни, когда на склонах Адирондакских гор росла зелень. Но по-настоящему правительство начало заниматься проблемами экологии лишь пятьдесят лет назад. Но было уже поздно, к тому же денег не хватало. Земля была большой и поэтому выдерживала нескончаемое своеволие людей, пока те не зашли слишком далеко.

В сухих пустынях, на месте которых когда-то шумели леса, почти не осталось зверей. Сначала погибли крупные животные в Африке и Америке. А потом и вся уравновешенная экологическая система стала трещать по швам.

Когда-то плодородные прерии и саванны превратились в пустыни, теперь их покрывала сухая пыль. Опустошение продолжалось, и одна беда тянула за собой другую с такой быстротой, что их даже посчитать было трудно. Возникали эпидемии гриппа и других болезней. Те, кому удалось выжить, распло-

зались по Соединенным Штатам в надежде продержаться до лучших времен. Но наступят когда-нибудь лучшие времена? По правде говоря, на это уже никто не надеялся.

Над североамериканским континентом висела угроза смерти, смерти от голода, болезней и бесконечной цепи бед, в которых люди сами были виноваты.

И все равно людей было больше, чем Земля могла прокормить. Человечество увеличивалось, не имея возможности обеспечить себя едой. Общая гибель была неизбежной. Смерть стала таким привычным явлением, что обязательно должны были возникнуть города наподобие Охотничьего Мира, где как парадоксальная реакция на тяжелые времена возникла ситуация, когда люди аплодировали смерти, платили тем, кто играл с ней в прятки, и награждали победителей.

Глава 4

В Глен-Фоллз Хэрольду пришлось голосовать. Его согласился подвезти владелец магазинчика «Нью-Стенли Стимер», где торговали женским бельем. Они проезжали незасеянные поля, где острые камни торчали из пыльной земли, на которой ничего не росло с тех пор, как ядерные отходы отравили Гудзон, а озеро Чемплэйн превратилось в помойку.

После захода солнца продавец женского белья высадил его на перекрестке дорог на юг от Честертауна среди пустых полей и чахлых сосен. Хэрольд решил остановиться где-нибудь на ночлег, потому что голосовать ночью на шоссе было небезопасно.

Вечер был теплым. Хэрольд подкрепился жареным мясом, выпил воды из фляжки. Ему удалось обнаружить защищенную от ветра лощинку, незаметную с дороги. Не стоило привлекать к себе внимание.

Но его все же заметили. Уже темнело, когда на краю лощинки появились трое с собакой. У двоих были бороды. Невысокого роста, крепкие, одетые в нечто бесформенное серо-коричневого цвета, они нахлобучили шляпы на глаза. Третий из этой компании был высокий и стройный, даже выше Хэрольда. На нем были потертые джинсы и выцветшая пилотка времен гражданской войны. Неестественная кривая ухмылка придавала его лицу выражение умалишенного.

Собака была похожа на гончую, вся в белых и черных пятнах. Увидев Хэрольда, пес оцетинился, но лаять не стал.

— Спокойно, Дилси, — приказал человек в пилотке. — Он вам ничего плохого не сделает, мистер, он у нас только за птицами охотится.

— Хорошая собачка, — пробормотал Хэрольд. Он сидел, прислонившись к дереву спиной, а рюкзак лежал возле его ног.

— Впервые в наших краях? — поинтересовался человек в пилотке.

— Да, я с севера.

— Собираешься здесь остаться?

— Я иду на юг, — ответил Хэрольд.

— После того как там прошел Т-вирус, там нечего искать.

— Я слышал об этом, — ответил Хэрольд.

Двое уселись на землю по обе стороны от него на расстоянии пяти футов, а человек в пилотке сел на корточки напротив Хэрольда.

— Может, ты собираешься во Флориду, чтобы наняться рыбаком?

— Может быть.

— Забудь об этом. Рыба там вся передохла, даже вода воняет. Когда-то можно было уехать далеко на юг и жить там, обрабатывая землю. Но теперь, поверь мне, там уже не выжить. Оставайся лучше здесь, с нами. Это Карл, а тот — его брат Дэйл. Меня зовут Тэг Сэндерс.

— Рад с вами познакомиться, мистер Сэндерс. Меня зовут Хэрольд Эрдман. Спасибо за ваше любезное предложение, но лучше я пойду дальше на юг.

— Как хочешь, — сказал Тэг. — Уже поздно, так что, будь так добр — брось нам свой рюкзак и выверни карманы. Мы возьмем все, что нам надо, и пойдем своей дорогой. Одежду можешь оставить себе. Как тебе такой вариант?

— Очень любезно с вашей стороны, но дело в том, Тэг, что у меня не так уж и много вещей, и все они мне нужны.

Тэг покачал головой и вздохнул.

— Все так говорят. Все всем нужно! Но мне и моим парням без этого тоже не обойтись.

— Вам придется довольствоваться вещами кого-нибудь другого.

— Но мне кажется, — продолжал Тэг, — что нас трое, а ты один, хотя и здоровенный. Думаю, что с моей стороны было довольно благородно оставить

тебе одежду и жизнь. Как вы считаете, ребята? Но некоторые люди такие невоспитанные. Теперь у тебя только два выхода — или ты отдаешь нам рюкзак и выворачиваешь карманы, или мы это сделаем за тебя.

Братья подвинулись еще ближе. Харольд поднялся. В сумерках тускло блеснул «смит энд vesson», который он держал в руке.

— Не пойдет. Я буду делать то, что мне нужно, а вы — то, что нужно вам. Это самое лучшее, что я могу предложить. А теперь вставайте и валите отсюда.

Тэг с братьями немного отступили. Однако казалось, оружие их не слишком напугало.

— В наше время у каждого есть оружие, — процедил сквозь зубы Тэг, — но не у каждого есть патроны. А у тебя, Харольд, они есть?

— Лучше это не выяснять.

Тэг рассмеялся.

— Надо же, какой он агрессивный! Чем больше угроз, тем меньше патронов. Дилси!

Собака бросилась на Харольда. Прозвучал выстрел — пуля попала в грудь собаке. Упав, Дилси катался по земле и выл, пока Тэг не присел рядом и не перерезал ему горло большим складным ножом.

— Бедный старина Дилси, — сказал Тэг, вставая и вытирая лезвие ножа о траву. — С его помощью мы проверяли наличие патронов. Ты первый, кто их имел и осмелился использовать. У тебя есть еще или это был последний?

— У меня их достаточно, — невозмутимо ответил Харольд.

— Тогда мы, конечно, уйдем. Ты же не станешь стрелять нам в спину, правда? Ладно, ребята, разворачиваемся и тихо-мирно уходим. Ладно, Харольд?

В этот момент Тэг внезапно бросился на Харольда, замахнувшись ножом, пытаясь нанести смертельный удар. Но тот ждал такого поворота событий. В штате Нью-Йорк тоже водились грабители, хотя не так уж и много — грабить было нечего, — но все знали, что так просто они не сдаются. Бандиты считали, что добропорядочные граждане не любят стрелять, даже если у них есть оружие, поэтому, когда нападали на вооруженного человека, рассчитывали на его не-

решительность. Когда Тэг с криком бросился на Хэрольда, тот выстрелил ему в плечо, почувствовав отдачу своего «смит энд vessона». Братья завопили, будто он попал не в Тэга, а в них, и бросились наутек. Грабитель закрутился на месте и от резкой боли упал. Но тут же вскочил и побежал за братьями.

Хэрольд не стал их преследовать. Стрелять в темноте было делом почти безнадежным, и, кроме того, ему не хотелось никого убивать. Пока ему не станут платить за это деньги, как, по слухам, заведено в Охотничьем Мире.

Хэрольд собрал вещи и минуту постоял над телом собаки.

— Прости, Дилси, у меня не было другого выбора. Что ж, придется искать другое место для ночлега. По правде говоря, спать рядом с мертвой собакой мне не очень-то и нравится.

Пройдя полмили, он обнаружил еще одну ложбину, где и устроился на ночлег. Никто в Кин-Уэлли не назвал бы Хэрольда агрессивным; просто у него была цель, к которой он упорно шел, преодолевая любые препятствия.

Глава 5

На следующий день Хэрольду удалось доехать на попутной машине до Олбани. Там он выяснил, что ближайший автобус в южном направлении ожидается только через четыре дня и придется ждать. Хэрольд остановился в приюте Армии спасения, бывшем ранее складом, где ютились более двухсот женщин и мужчин. Хозяева кормили каждого, но суп был таким пресным, что почти не утолял голод. Свободных мест в приюте не оказалось, поэтому Хэрольд получил лишь тарелку супа и приглашение переночевать во дворе.

...Наконец пришел автобус. Это был видавший виды «грэйхаунд», обитый с двух сторон листами брони. В безлюдных районах штата промышляли банды грабителей. Диспетчер уверял, что местная полиция полностью контролирует местность, но этому никто не верил. Битком набитый старый автобус двигался по шоссе 1-95 на удивление быстро. До самого Сафферна, города на границе со штатом Нью-Джерси, ехали спокойно.

Когда автобус подкатил к местной автостанции, на платформе не было ни души. Внезапно из помещения станции выбежал коротышка в лохмотьях и забарабанил кулаком в дверь.

— Откройте! — завопил он. — Опасность!

— Где? — спросил водитель, открывая двери.

— Вот здесь, — ответил коротышка, вынимая из кармана автоматический пистолет. — Руки за голову, если вам дорога жизнь!

Хэрольд, как и все остальные пассажиры, подчинился приказу. Револьвер торчал у него за поясом, но он не мог его быстро вытащить — мешал рюкзак, лежавший на коленях. Коротышка что-то крикнул на непонятном языке — испанском, как оказалось потом — и в автобус вошли еще двое тоже с пистолетами в руках. На голове у одного из них красовалась стетсоновская шляпа, когда-то серая, а теперь такого же непонятного цвета и грязная, как и вся его одежда. Одна нога у него была забинтована окровавленным бинтом, и он мог ходить, лишь опираясь на кого-то из своих спутников.

Поднявшись в автобус, он оскалил зубы в ухмылке, снял шляпу и закричал:

— Приветствую вас, леди и джентльмены! Сейчас мы будем вас грабить. Прошу вас, подчиняйтесь моим людям — и все будет хорошо. Comprendes? — У него было противное, почти обезьянье лицо, разве что не такое волосатое. А тело казалось прямо созданным для лохмотьев, которые он носил. Правда, улыбка была приятной. — Хуан Лопес, или Малыш-кошкодав, — представился он. — Полагаю, вы уже поняли, что нам от вас нужно. Сейчас мои друзья пройдут между рядами и заберут все, что им понравится. Отдавайте все без сожаления, если не хотите, чтобы мы начали сердиться. Эй, ты! — небрежно бросил он Хэрольду.

— В чем дело? — спросил тот, готовясь выхватить пистолет.

— Вставай, амиго. Бери свой рюкзак. Пойдешь с нами. Но твою пушку я заберу.

Оказывается, он заметил револьвер. Забрав оружие Хэрольда, он сунул его в карман.

— Что вам от меня надо? — возмутился Хэрольд.

— Ничего плохого мы тебе не сделаем, — сказал Малыш-кошкодав, — просто я ранен в ногу, и ты мне немного поможешь.

Грабители закончили обход пассажиров и вылезли из автобуса, прихватив Хэрольда. Малыш свистнул. Из здания станции выбежал тощий человек.

— Сейчас, амиго, — сказал Малыш Хэрольду, — ты посадишь меня на свои широкие плечи, и мы отправимся восвояси.

Сделав красноречивый жест пистолетом, он улыбнулся. Хэрольд осторожно посадил грабителя на плечи. Малыш-кошкодав тихо ойкнул от боли в потревоженной ноге.

— Чато! — закричал он. — Быстро в машину, заводи мотор! А ты, — он похлопал Хэрольда по плечу, — *vamos caballo* *!

Они бросились к стоянке. Чато, толстяк лет восемнадцати, первым добежал до старого «бьюика». Когда все остановились возле машины, он попытался завести мотор, но безуспешно.

— Хватит шутить, — сказал Малыш. — В чем дело?

— Я же тебя предупреждал, что карбюратор ни к черту не годится, — стал оправдываться Чато. — Нужны запчасти.

— Но ты же уверял, что машина еще продержится, пока мы ее неотремонтируем.

— Я надеялся.

Мотор совсем заглох. Наверное, сел аккумулятор. Со станции донеслись чьи-то крики. По команде Хэрольд снова поднял Лопеса на плечи. Они засеменили к лесочку за автостоянкой. Позади раздалась выстрелы.

— Черт побери, Эстебан! — закричал Малыш-кошкодав. — Как же мы попали в такую переделку? Смотри под ноги, амиго, — сказал он Хэрольду, — не хватало только, чтобы ты упал.

Хэрольд изо всех сил бежал к лесочку. Добежав до опушки, он бросился в густые заросли. Лопес едва успевал наклонять голову, чтобы ветки не били по глазам. Тоненькая ветка хлестнула Малыша по голове, а ветка потолще выбила пистолет из руки.

— Постой! — завопил он.

— Некогда! — прокричал в ответ Хэрольд.

Не снижая скорости, он бежал что было сил почти полмили, потом сбавил шаг, а вскоре и вовсе оста-

* Поехали, лошадка (исп.).

новился. Опустив Лопеса на землю, он забрал у бандита свой револьвер и засунул за пояс.

— Ты сможешь как-нибудь собрать своих приятелей?

Малыш кивнул.

— Тогда зови их скорее. Вряд ли те люди со станции до сих пор нас преследуют. Одним словом, нам надо собраться всем вместе и подумать, как действовать дальше.

Малыш-кошкодав приложил ладонь к губам и пронзительно застрекотал.

— Крик сороки, — объяснил он. — Как, неплохо?

— Может, и неплохо, только ни одной сороки, кроме тебя, здесь нет.

Вскоре показались остальные трое грабителей. Они вышли из-за деревьев, целясь в Хэрольда из пистолетов. Малыш махнул рукой, и они опустили оружие.

— Когда я потерял пистолет, ты мог бы меня сбросить и вернуться к автобусу, — обратился он к Хэрольду. — Почему ты этого не сделал?

— По двум причинам. Во-первых, мне показалось, что хотя ты и *bandido*, но человек честный. Я не мог бросить тебя на произвол судьбы. Если бы пассажиры тебя поймали — не миновать бы тебе виселицы.

— А во-вторых?

— Когда людей разозлят, как сейчас, кровь ударяет им в голову и они уже ничего не соображают. Я подумал, что они могут и не вспомнить, что я не из вашей шайки. И, может быть, даже подумают, что специально подсел в автобус.

Малыш одобрительно посмотрел на Хэрольда.

— Правильно рассуждаешь. Но ты все равно рискуешь.

— Жизнь — штука рискованная, — ответил Хэрольд.

— Хочешь присоединиться к нам?

— Я не против, если вы направляетесь в сторону Флориды.

Малыш-кошкодав рассмеялся.

— Конечно, мы двигаемся на юг. На севере нет ничего, кроме голода. Ну что, пойдешь с нами? Мы

хотим добраться до коммуны Ла Испанидад — это где-то возле озера Окичоби. Там много кубинцев и есть врачи, которые смогут вылечить мою ногу. А теперь нам нужно найти машину. Неплохой план?

— Вроде ничего, пока мы никому не делаем зла.

— Это уж от нас не зависит, — сказал Лопес. — Лично мне никого трогать не хочется. Эстебан, дай мне пистолет. Пора двигаться.

Хэрольд посадил Малыша на плечи.

— Andale caballo! — крикнул Лопес, и его «конь» без перевода уяснил, что по-испански это означает «Но!».

Глава 6

Пройдя между холмами, они вышли на шоссе. У въезда в городок Лэйквилль стояла бензоколонка. Какой-то парень как раз заправлял свой разбитый «форд». Не успел он рассчитаться и уехать, как перед ним возникли четверо грабителей и наставили на него пистолеты. Пятым был какой-то здоровяк. Владелец бензоколонки тут же скрылся в помещении станции и запер за собой дверь.

— Эй, парень, это твоя машина? — спросил Малыш-кодав.

— Нет, сэр. Она принадлежит мистеру Уиллингзу, владельцу зернохранилища.

— А твой хозяин неплохой человек?

Парень пожал плечами.

— Вроде неплохой.

— Пускай таким и остается. Но уже без машины. Вылазь, парень, и продолжай свой путь пешком.

Тот вылез, отдал Малышу ключи и стал смотреть, как пятеро бандитов садятся в машину.

— Эй, — внезапно сказал он, — а можно и я с вами?

— Ты что, рехнулся? — спросил Малыш. — Или жизнь надоела?

— Здесь никто долго не живет. Я хочу поехать с вами.

— Придется тебе попроситься к кому-нибудь другому. Больше пятерых эта колымага не выдержит. — Лопес повернулся к Хэрольду. — Я мог бы набрать целую армию вот таких парней, которые хотят к нам присоединиться. Так бы я и сделал, если бы было кого

грабить. Но люди с большими деньгами знают, где их прятать, и нам всегда достаются только крохи, которые мы забираем у бедняков.

Усевшись в машину, они тронулись с места. Парень на дороге глядел им вслед.

— Вперед! — крикнул Лопес. — Малыш-кошко-дав снова на коне! Я — испанский Джесси Джеймс! Если бы только не простреленная нога. Но это мелочи, главное — добраться куда надо, а там уже доктор меня вылечит. Надеюсь.

За рулем сидел толстяк Чато. У Лопеса оказалась целая куча автомобильных карт. Он приказал ехать окружными путями в Пенсильванию. Хэрольд поинтересовался, почему они едут туда — ведь Флорида на юге.

— Все очень просто. Нам следует держаться в стороне от так называемого Северо-Восточного коридора. Придется за сто миль объезжать Нью-Йорк, Нью-Джерси, Балтимор, Вашингтон, Ричмонд и другие города. Потому что там полиция и полувоенные формирования останавливают все машины для проверки документов. А это нам ни к чему. А возле побережья слишком высокий радиационный фон после какого-то взрыва, который произошел еще до моего рождения. Туда я вообще ни ногой. Слишком уж у меня нежные соjones*.

Им понадобилось два дня, чтобы пересечь Пенсильванию и добраться до Вирджинии. Вечерами они съезжали с шоссе и укладывались спать возле машины. Погода стояла теплая, еды хватало. Однако каждый день приходилось останавливаться для заправки, и это был самый опасный момент. Но совсем не потому, что их разыскивают, как пояснил Лопес. У полиции и так дел полно — где уж ей заниматься какой-то украденной машиной.

— Так в чем же тогда дело? — удивился Хэрольд.

— В наше время полиция останавливает тебя для обычной проверки документов, находит оружие, выясняет, что ты не местный — и твоя песенка спета.

— Что ты имеешь в виду? Тюрьму?

* Яйца (исп.).

— Зачем держать людей в тюрьме, где их нужно кормить? Ты каждый день видишь мертвецов вдоль дороги, и большинство их погибли не от руки бандитов.

— Ходят такие слухи, но я никогда не верил, что полиция убивает людей.

— Поверь мне, так оно и есть.

Лопес много рассказывал про Ла Испанидад, коммуну, в которую они направлялись.

— Я много слышал про это местечко еще в Нью-Джерси, откуда мы все родом. Это коммуна во Флориде возле озера Окичоби. Там вообще много коммун, но эта — кубинская. Порядки как в израильском кибуце — у каждого есть право голоса, все много работают днем, а вечерами танцуют до упаду. Неплохо, правда? Лично мне это по душе.

Объезжая главные дороги, они проехали Вирджинию и Северную Каролину, потом повернули на юго-восток, направляясь к побережью. Все шло хорошо до Лисвилля, городка в Южной Каролине, расположенного недалеко от побережья.

Лисвилль оказался обыкновенным городком с высокими старыми деревьями, пока еще живыми. Путешественники зашли в придорожное кафе, чтобы подкрепиться. Они заказали себе гамбургеры и жареную картошку. А когда вернулись к машине, возле нее стоял полицейский фургон. Толстый небритый полицейский опирался на капот их «форда».

— Ну-ка, ребята, покажите-ка свои удостоверения личности.

С некоторых пор удостоверения стали использоваться по всей стране. Документ Лопеса полицейский рассматривал дольше всех.

— Так, ребята, повернитесь, руки на капот, ноги расставить. Сейчас я вас обыщу. — И он вытащил из кобуры пистолет — полицейский кольт «позитив» 38-го калибра.

— В чем дело? — возмутился Лопес. — Мы просто путешествуем.

— Делай, что тебе приказали! — рявкнул полицейский. У него был высокий, почти детский голос. — То

ли вы, то ли кто-то очень похожий на вас наделал дел в одном из местных банков.

— Никаких банков мы не грабили, — искренне запротестовал Лопес.

— Тогда вам нечего волноваться. Расставьте ноги и не заставляйте меня повторять.

— А вот этого не хочешь? — крикнул Лопес.

Все это время он держал руку на пистолете. И выстрелил, не вынимая его из кармана. Пуля попала полицейскому в бедро — тот застонал и упал.

Тут начался настоящий ад. Не успел Хэрольд опомниться, как на улицу выскочили вооруженные люди. Казалось, жители Лисвилля только и делали, что сидели дома с ружьями наготове и ждали, когда начнется какая-нибудь заварушка. Загремели выстрелы, и путь к машине оказался отрезан.

Бандиты бросились за угол здания и пустились наутек. Хэрольд с Лопесом на плечах бежал к лесу, который начинался сразу же за городом. За ним еле-еле успевал Чато.

— Черт возьми! — внезапно выругался толстяк.

У него хлынула кровь изо рта, и он упал. За ним упал Маноло. Начался лес. Хэрольд бежал, не снижая скорости, а справа от него мчался Эстебан. Потом упал и он. Дальше Хэрольд бежал один, размахивая одной рукой, а другой поддерживая Лопеса.

Лес закончился, и потянулось болото. Идя по щиколотку в мутной жиже, Хэрольд слышал, как стихают звуки погони. Вскоре Хэрольд оказался возле небольшой речушки или заболоченного рукава — трудно сказать. На берегу виднелось что-то наподобие деревянного причала, к которому была привязана одна-единственная лодка. Вокруг не было ни души.

— Что ж, Лопес, — сказал Хэрольд. — Придется становиться моряками.

Но бандит молчал. Взглянув на него, Хэрольд понял, почему тот смотрит на него стеклянными глазами. Получив три пули в спину, Малыш-кошкодав спас ему жизнь, хотя совершенно не собирался этого делать.

— Черт возьми, — выругался Хэрольд, осторожно опуская Лопеса на землю. — Прости, друг, — сказал он трупу. — Жаль, что ты так и не увидишь своей коммуны. Придется кому-нибудь другому похоронить тебя, иначе мне никогда не добраться до Эсмеральды.

Он отвязал лодку, взял весло и оттолкнулся от берега.

Глава 7

Хэрольд греб целый день. В зеленоватой слизистой воде плавали стволы деревьев и ветки. Это не то что дома, где вода была кристально чистой, хотя и неживой. Хэрольду впервые пришлось взять в руки весло, но он быстро сообразил, как с ним управляться. Пистолет был спрятан в рюкзак. Больше он останавливаться не собирался. Если эта река тянется до Флориды, то он преодолеет весь путь на лодке.

Но как Хэрольд ни старался, больше двух миль в час сделать не удавалось. Если так и дальше пойдет, то он и за год не доберется до Флориды. Но все равно лучше держаться воды, пока он не окажется на безопасном расстоянии от Лисвилля.

Вечером он привязал лодку к манговому дереву и проспал в ней всю ночь. Утром Хэрольд доел последний кусок мяса и снова тронулся в путь. Пришлось грести весь день. Ближе к вечеру он почувствовал голод, но еды осталось мало. Пришлось лечь спать без ужина.

Утром он снова взялся за весло и скоро оказался в болоте. Грести становилось все труднее и труднее. Часто мимо проплывали трупы.

Увидев на берегу речки одинокий причал, он направил к нему лодку. Привязав ее, Хэрольд выбрался на берег.

К полудню он дошел до развалин какого-то города. Наверное, Саванны. Город простирался на несколько миль и на первый взгляд казался безлюдным. Но Хэрольд заметил, что неподалеку, за рядами обвалив-

шихся зданий, кто-то прячется от него, распутивая крыс и мышей.

Он нащупал в кармане свой «смит энд vesson», но не стал его вытаскивать, пока прятавшийся не предстал перед ним, выйдя из прохода между двумя сторевавшими зданиями. Это был невысокий старик с облачком седых волос вокруг лысины. Он был похож не на бандита, а скорее на сумасшедшего.

— Вы дружески настроены? — поинтересовался он.

— Конечно, — ответил Хэрольд. — А вы?

— Я опасен лишь в словесных стычках, — объявил старик.

Они уселись возле развалин бывшего кафе. Человек, который назвался профессором, оказался ученым-путешественником и читал лекции во всех городах, которые ему приходилось посещать. Оказалось, что им с Хэрольдом по пути.

— О чем ваши лекции? — поинтересовался Хэрольд.

— Обо всем, — ответил старик. — Одна из моих самых любимых — тема номер тридцать два: «Почему человечество не способно развиваться стабильно».

— Какое смешное название, — заметил Хэрольд.

— Вы же рассудительный молодой человек и, я думаю, меня поймете, — сказал профессор. — Как раз в этой лекции я привожу доказательства, что стабильно развиваться мы сможем лишь тогда, когда освободимся от неверия в собственные силы. Когда люди поверят в себя, они поймут, что все их предыдущее существование было просто никчемным. Никчемность — враг рода человеческого, страшнее самого дьявола. Можно легко доказать, что великие цивилизации доколумбовой Америки исчезли только потому, что поняли, насколько они никчемны по сравнению с испанскими конкистадорами. Индейцы видели в испанцах нечто такое, чего не могли понять умом и даже не пытались этого сделать. Поэтому испанцы их всех уничтожили. Отсюда вывод — никчемность ведет к гибели цивилизаций. Индейцы считали испанцев богами, поскольку находились на низком уровне развития. Они полагали, что их покорили не люди, а боги.

Хэрольд кивнул.

— Ничего не поделаешь, когда тебя уничтожают боги.

— Они потерпели поражение от Weltanschauung * новой технологии. Новая технология меняет существующий мир, давая возможность одерживать все новые и новые победы над природой, — продолжал профессор.

— Кстати, нет ли у вас чего-нибудь поесть, профессор?

— Я как раз собирался задать вам аналогичный вопрос.

— Тогда можно идти дальше.

— Несомненно. А я могу вам процитировать избранные места из лекции номер шестнадцать: «Прогресс автономий».

— С удовольствием послушаю, — ответил Хэрольд. — Ваши лекции начинают мне нравиться, профессор.

— Люди пытаются найти забвение при помощи любви, войны, охоты, различных веселых или жестоких развлечений, лишь бы только не думать про то, что они не могут существовать автономно, что они не боги, а всего лишь звено в бесконечной цепи, которая состоит из людей, амёб, гигантских газовых образований и всего прочего. Существует масса доказательств того, что распад самовлюбленных индивидуалистичных западных рас произошел исключительно из-за недочетов в собственной философии. Они слишком верили в интеллект. Его подвергли испытаниям — и он предал людей. Интеллект должен стать конечной точкой эволюционного развития.

— А что будет дальше? — спросил Хэрольд.

— Никто не знает, что сейчас происходит. Вернее, мы знаем, что происходит в каждой местности отдельно, но не понимаем значения этих процессов — если они вообще имеют какое-нибудь значение. Миф о совершенстве человека рухнул. Продолжительность нашей жизни никогда уже не будет такой, как сто лет назад. Слишком уж много стронция в наших костях.

* Мировоззрение (нем.).

Слишком много цезия в печенке. Наши внутренние будильники заведены на слишком короткий срок. Наша находчивость уже ничем не может нам помочь. Сейчас мы напоминаем пациента, который, умирая на операционном столе, пытается строить планы на будущее.

— Мысль глубокая, — заметил Хэрольд, — но что все это значит?

— Не следует относиться к этому слишком серьезно. Просто мои слушатели любят, когда я изясняюсь высокопарным стилем.

— И все-таки мне нравятся ваши лекции. Некоторые мысли напоминают мне те странные картины, которые иногда появляются в моем воображении. Никогда бы не подумал, что человек может задумываться над такими вещами. Я имел в виду, что для меня они вообще не существуют.

— А что же тогда существует? — поинтересовался профессор.

Хэрольд задумался.

— Ну, сначала надо представить, чем ты хочешь заняться, а потом думать, как идти к цели.

Профессор кивнул.

— Правильно, но неужели у вас нет внутреннего «я», которое за всем следит и подвергает сомнению все ваши решения?

— Нет, не думаю.

— Тогда, возможно, вы социопат — человек, не способный чувствовать, — констатировал профессор.

— Полагаю, что вы снова ошибаетесь, — невозмутимо ответил Хэрольд.

— Тогда вы — Новый Человек, — сказал профессор таким тоном, что невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно.

— Может быть. А сейчас давайте поищем что-нибудь съедобное.

— Психическое раздвоение личности, — объявил профессор. — Благодарите Бога, что вы неагрессивны.

Они шли через развалины нефтеочистительного завода, которые тянулись на несколько миль. Завод не

действовал уже много лет. Трубы проржавели. Асфальт на гигантских автостоянках потрескался. Завод выглядел кладбищем мертвых машин. Хэрольду было непонятно, зачем здесь использовалось так много техники.

Пройдя завод, они достигли места, где переплетение автострад образовывало развязку в форме листка клевера, но теперь дороги заросли травой и даже небольшими деревьями. Рядом с шоссе 95 росли маленькие яркие цветочки. Заросшая автомагистраль своими правильными кольцами напоминала сад, спланированный каким-то великаном.

Путешественники добрались до невысоких зеленых холмов, перевалили через них и спустились к полю, через которое шла тропинка к невысоким строениям.

— Это Мэйпавуд, — сказал профессор.

В центре городка стояло длинное и низкое здание, которое могло одновременно вместить сотни, а может быть, и тысячи людей. Такого Хэрольд еще никогда не видел.

— Это торговый центр — самая большая святыня американской жизни, — объяснил профессор. — Для американца он был тем же, чем для римлянина атриум или рыночная площадь для испанца. Здесь собирались люди, чтобы исполнить ритуал покупки еды, назначали свидания лицам противоположного — хотя и не всегда — пола.

— Профессор, — сказал Хэрольд, — у вас действительно очень странные взгляды на многие вещи. Лучше пойдемте в город и поговорим с горожанами. Может, у них найдется что-нибудь съестное.

Глава 8

Из города донесся барабанный бой, извещающий о появлении чужаков. Большинство маленьких американских городков были отрезаны от остального мира и для передачи информации пользовались барабанами, как когда-то в незапамятные времена индейские племена, а прирожденная клановость требовала от белых, цветных и латинов делать так, как полагается настоящему племени. То есть использовать барабаны. У местных жителей это получалось неважно, ведь здесь в основном жили белые, у которых не хватало чувства ритма. Но они относились к делу очень серьезно и с большим энтузиазмом.

— Вы прибыли как раз во время великой потакавы, — сказал один из представителей местной власти, выходя из толпы и обращаясь к чужакам.

— Прекрасно, — сказал Хэрольд. — А что такое «потакава»?

— Потакава, — охотно принялся объяснять тот, — это старинное индейское слово, обозначающее День сезонной распродажи. В этот день согласно давним традициям нашего племени можно было что-нибудь купить со скидкой.

— Тогда мы действительно пришли вовремя, — согласился Хэрольд.

— Мы всегда рады покупателям-чужеземцам, — уверил их представитель власти. — Ваше появление — большая честь для нашей деревни.

— Вроде нормальные люди, — высказал свое мнение Хэрольд, когда они через некоторое время уже отдыхали в тихой местной гостинице.

Путешественники поели жареного мяса опоссума и утrey со стручками перца.

Городок назывался Мэйплавуд, то есть «Кленовый лес», гостиница — «Кленовая поляна», а комната, в которой они остановились — «Кленовый зал».

— А доски-то сосновые, — обратился к профессору Хэрольд, постучав костяшками пальцев по стене.

— Это не имеет никакого значения, — ответил старик. — «Мэйплавуд» не означает какой-то определенный вид древесины — в данном случае, кленовой, — а является названием данного города.

— Да, — вздохнул Хэрольд, — мне надо еще многому научиться. А что мы будем делать дальше?

— Насколько я понял, они ждут, чтобы мы сделали какую-нибудь покупку, — высказал свое предположение профессор.

— Ну это не так уж и сложно.

— Самое главное — купить то, что нужно, иначе мы нанесем им оскорбление.

— Но не убьют же они нас за это?

Профессор пожал плечами.

— Кто знает? Кого тут интересует судьба каких-то чужеземцев? Жизнь здесь ценится недорого.

— Тогда, — сказал Хэрольд, — пойдем и купим то, что нужно. А что это может быть?

— Эта вещь меняется каждый год, — хмуро объяснил профессор.

В эту секунду в комнату просунулась голова уже знакомого им представителя власти.

— Время делать покупку, — широко улыбаясь, сообщил он.

Хэрольд с профессором встали и пошли за ним к ярко украшенному супермаркету. Их сопровождающий был при полном параде — по традиции племени он надел дорогой шерстяной пиджак, брюки фирмы «Голливуд» и туфли, изготовленные на известной фабрике «Том Макэнн». Так одевались в больших городах крупные бизнесмены, исполняя никому не понятные теперь действия еще тогда, когда существовали те большие города.

Втроем они зашли в супермаркет. Полки в магазине оказались пустыми. Хэрольд удивился, но про-

фессор напомнил ему, что они принимают участие в символическом ритуале покупки. Настоящие товары не здесь, а во дворе, где им придется делать выбор между жизнью и смертью.

За супермаркетом стояли ряды палаток, напоминавшие восточный базар. На манер индейских вигвамов, они были сделаны из искусственных оленьих шкур, натянутых на металлические каркасы, которые покрасили под дерево. Перед каждой палаткой, скрестив ноги, сидел хозяин, а рядом стоял кто-то из его семьи — жена, сын или дочь, — чтобы в любую секунду помочь обслужить покупателя. По давней индейской традиции к покупателям относились с большим уважением.

На низких столиках перед палатками были навалены вещи, которые сильно отличались от тех, что продавал в своем магазине мистер Смит в Кин-Уэлли. Мистер Смит, например, никогда не торговал битыми электролампочками, а тут их была целая куча. В другой палатке продавали поломанную мебель, рядом — битую фарфоровую посуду. Была также палатка, битком набитая лоскутами разноцветного полотна. Предлагали и безнадежно покалеченную технику для сельскохозяйственных работ.

Хэрольд обнаружил, что на всем рынке нет ни одной целой или полезной вещи. По словам профессора, все здесь было «чисто символическим». Но тем не менее от них ждали покупки. Но какой?

Хэрольд наморщил лоб. Почему бы профессору не выбрать самому? Он человек образованный и должен разбираться в таких вещах.

Бросив взгляд на своего спутника, Хэрольд понял, что все его надежды напрасны. На лице старика было написано: «Выбирай сам».

Хэрольду было знакомо такое выражение лица. Взгляд раба, означающий: «Я боюсь выбирать, выбери ты за нас обоих».

Хэрольд резко повернулся, подошел к ближайшей палатке и вытащил из кучи предметов погнутый лом длиной фута в три.

— Сколько стоит? — спросил он сопровождающего.

Тот обратился к продавцу на каком-то непонятном языке. В этом городке наряду с испанским и английским языками говорили на своем собственном диалекте.

Продавец изобразил на лице гримасу, должно быть, стараясь показать, как он желает угодить покупателю, и ответил:

— Сегодня День сезонной распродажи, кроме того, мне нравится твое лицо, поэтому я возьму с тебя всего два доллара.

Увидев, что Хэрольд вытаскивает из заднего кармана вытертых почти добела джинсов потрепанный кошелек, зеваки подошли поближе. Он не спеша открыл его, а любопытные, разинув рты, подвигались все ближе и ближе. Можно было подумать, что они никогда не видели, как кто-то что-то покупает. Для них происходящее имело религиозный смысл, и надо было это учитывать. Профессор затаил дыхание, когда Хэрольд протянул продавцу два доллара.

— А теперь, — объявил сопровождающий, — ты должен ответить на один вопрос.

— Хорошо, — согласился Хэрольд. Его лицо было спокойно.

— Зачем ты купил лом?

Хэрольд улыбнулся. Он стоял перед толпой, выше и шире в плечах любого из присутствующих. Сжав в кулаке лом, он положил его на плечо. Толпа отступила.

— Я купил его для того, чтобы размоzzжить череп любому, кто ко мне пристанет.

Несколько минут царила мертвая тишина. Толпа переваривала его слова.

— Кроме того, — продолжал Хэрольд, — я родом из тех мест, где существует традиция покупать полезные вещи.

Секунду толпа обдумывала его слова, а потом люди облегченно вздохнули. Этот звук напоминал «Аминь!». Хэрольд произнес волшебные слова, которые делали его — хотя и временно — братом общины. Он дал понять, что пришел оттуда, где, как и в Мэйплавуде, существуют обычаи.

Глава 9

Несколько часов спустя, попрощавшись с профессором, Хэрольд добрался до шоссе и стал голосовать.

Через два дня он пересек границу штата Флорида. Если учесть состояние дорог, двигался он довольно быстро. Водители грузовиков охотно брали его с собой, потому что он был достаточно силен, чтобы помочь грузить вещи, да и вид у него был неагрессивный. С первого взгляда становилось ясно, что Хэрольд — свой парень.

Последний раз он остановил машину перед разрушенной военной базой «Мыс Канаверал». В кузове грузовика лежали доски и какие-то металлические детали, которые водитель хотел продать или обменять на еду. С ним Хэрольд и проехал остаток пути до Майами.

Город выглядел еще хуже, чем предполагал Хэрольд. От величественных зданий вдоль Флэглербульвар остались только бетонные каркасы, опаленные огнем. По улицам ходили урюмые люди в лохмотьях. Т-вирус наделал здесь немало дел. Кое-где вдоль дорог попадались мертвые тела. Даже карликовые пальмы выглядели настолько утомленными, что, казалось, могли завянуть в любую секунду. Хэрольда угнетала мысль, что на юге жизнь оказалась такой же паскудной, как и на севере. Но он не собирался здесь оставаться. Он собирался на Эсмеральду, где Охота была официально разрешена и где человек имел возможность заработать на хлеб.

Остров находился в двухстах милях к юго-востоку от Майами, недалеко от Кубы и Гаити, и принадлежал

к Багамскому архипелагу. Расспросив дорогу, Хэрольд отправился в доки «Диннер Ки». Он рассчитывал наняться на какое-нибудь судно, направляющееся на Эсмеральду. Но чернокожие рыбаки не понимали английский язык и только качали головами, когда он пытался заговорить с ними на ломаном испанском.

Потратив на уговоры три дня и проведя три ночи на пляже с пистолетом в руке на всякий случай, Хэрольд решил купить билет на самолет на те деньги, которые ему собрала община в Кин-Уэлли. Самолет, на котором он вылетел, раньше использовался для транспортировки скота.

Глава 10

Салон был забит до отказа. Через проход от Хэрольда сидели трое мужчин среднего возраста. Двое из них все время подтрунивали над третьим — «добрым старым Эдом», — намекая на его желание стать Охотником, что тот категорически отрицал. Это был хмурый мужчина в клетчатом костюме фирмы «Монтгомери Уорд», с простым обветренным лицом крестьянина и шапкой седых волос. Он казался старше своих приятелей. Видно было, что шутки друзей ему не очень нравятся и он уже немного стал нервничать.

Хэрольду быстро надоели их разговоры, и он отправился в небольшой грязный бар. От самого Кин-Уэлли он не тратил денег, а потому решил теперь позволить себе бутылку пива. Он опорожнил ее уже почти наполовину, когда в бар зашел «добрый старый Эд». Взглянув на Хэрольда, он сел рядом и тоже заказал пиво. Отпив глоток, он обратился к Хэрольду:

— Надеюсь, мы не очень шумели?

— Мне это ничуть не мешало, — пожал плечами Хэрольд.

— Им нравится надо мной подшучивать, — продолжал Эд, — но их шутки не злые. Мы знакомы с детства. И все трое живем в двадцати пяти милях от Седар-Рэпидс, штат Айова. Они нападают на меня потому, что я увлекаюсь оружием. На Среднем Западе я выиграл несколько соревнований на быстроту реакции. Естественно, я выигрывал у машин, а не у живых противников. Но, как я понял, для соревнований в

Охотничьем Мире одной реакции маловато. Это дело не для меня. Я еду туда как турист.

В баре сидели и другие посетители, и вскоре завязался общий разговор. Старик, чье лицо напоминало мятый бумажный пакет, заявил, что нынешний Охотничий Мир не что иное, как жалкая пародия на Охоту старых добрых времен, когда ее еще не запрещали в Соединенных Штатах.

— Тогда Охотничий компьютер был богом. Справедливым богом. Одинаково справедливым для всех. Правила были простыми и обязательными для каждого. Честные правила. Не то что теперь — какие-то Карточки Предательства, Карточки Вендетты и другие идиотизмы. Сейчас все это превратилось в коммерцию самого низкого пошиба, а правительство Эсмеральды закрывает на все глаза. Я даже слышал, что некоторые перестрелки там планируются заранее.

Мужчина с правильными чертами лица в надвинутом на лоб стетсоне перевел взгляд со стакана на собеседников.

— Сомневаюсь, что перестрелки можно запланировать. Трудно предугадать, когда начнется стрельба, если обе стороны вооружены.

— Сейчас люди способны на все. Кстати, меня зовут Эд Макгро. Я из Айовы.

— Текс Драза из Вако, Техас.

Спор продолжался, когда Хэрольд допил пиво и вернулся на место. Его сосед — полный загорелый мужчина в гавайской рубашке — дремал от самого Майами. Внезапно он проснулся и спросил:

— Что, уже прилетели?

В этот момент уставшая стюардесса в костюме грязно-зеленого цвета объявила по шипящей радиосети:

— Леди и джентльмены, посмотрите в иллюминаторы направо. Под нами остров Эсмеральда.

Через поцарапанный плексиглас Хэрольд увидел темное пятно на блестящей поверхности моря, которое увеличивалось в размерах. Поросшие деревьями холмы, песчаные пляжи, на которые набегали пенные волны. А дальше виднелся силуэт другого, более крупного острова.

— А это что за остров? — спросил Хэрольд у своего соседа.

Тот искоса посмотрел на него и пожал плечами.

— Что-что... Гаити.

Самолет быстро снижался над Эсмеральдой, разворачиваясь над Моргантаунским аэропортом, расположенным возле залива Мошуар.

Зажглись надписи «Не курить» и «Пристегнуть ремни», а стюардесса объявила:

— Леди и джентльмены, через несколько минут наш самолет совершит посадку на острове Эсмеральда. Прошу вас воздержаться от курения. Спасибо. Желаю вам приятно провести время в Охотничьем Мирове.

Глава 11

В отличие от майамского, это был отменный аэропорт, сиявший чистотой. Пальмы в кадках, высокие потолки с флюоресцентным освещением, пастельные цвета, настенные фрески в карибском стиле. Таможенные и иммиграционные службы работали быстро. Правда, казалось, их совсем не интересовало, кто прилетел этим рейсом. Полицейский в форме с иголочки даже не взглянул на грязный от пота и пыли костюм Хэрольда и пропустил его вместе с остальными пассажирами в здание аэровокзала. Наконец-то он здесь — в центре Охотничьего Мира.

Из переполненного аэровокзала Хэрольд вышел на стоянку такси и автобусов. В очереди стояло человек сто, поэтому Хэрольд закинул рюкзак на плечо и пошел по дороге, надеясь добраться до города на попутке. Впрочем, он был готов проделать весь путь пешком. Он уже свернул за угол аэровокзала, когда рядом с ним затормозил белый спортивный автомобиль.

— Если вам в город, — сказал водитель, — то вы идете в противоположную сторону.

— Черт побери! — выругался Хэрольд. — А может, вы меня подбросите?

Водитель открыл дверцу. Это был крупный загорелый мужчина ростом почти с Хэрольда, но гораздо более приятной наружности, с классическим итальянским лицом — кожа оливкового цвета, карие глаза и темная щетина на подбородке. На нем были спортивного покроя куртка из верблюжьей шерсти и синий шерстяной шарф.

— На Охоту приехали? — поинтересовался он.

— Еще не решил.

— Разрешите представиться, — сказал водитель. — Майк Альбани. Меня все знают. Я первоклассный Наводчик.

— Наводчик? А что это значит?

— А я-то думал, что все знают, кто такие Наводчики, — покачал головой Альбани. — Это, так сказать, советники Охотников. Мы обеспечиваем их всем: машинами, оружием, патронами и, самое главное, информацией. Мы организуем для вас убийство или узнаем, кто на вас охотится, когда придет ваша очередь быть Жертвой.

— А что вы получаете взамен?

— Такая помощь обойдется вам в четверть взноса за вступление в Охоту плюс накладные расходы. Поверьте мне, игра стоит свеч. Или вы думаете, что, купив телефонную книгу и дорожный атлас, вы сами сможете все рассчитать? Кто будет ломать голову над организацией вашей охраны, кто узнает, насколько защищен ваш противник? Это мое дело, и тут я — непревзойденный мастер. Так что, если вы решите стать Охотником, предлагаю обратиться ко мне.

— Спасибо за совет, — поблагодарил Хэрольд. — Буду иметь в виду.

— Может, вы хотите осмотреть город? Я могу организовать экскурсию и знакомство с ночной жизнью Эсмеральды.

— Вы считаете, что меня пустят в ночной клуб в таком виде?

Альбани осмотрел дешевый костюм Хэрольда и стоптанные башмаки, заляпанные грязью штата Джорджия.

— Откуда мне знать — может, вы эксцентричный человек. Иногда так одеваются миллионеры.

— Если бы я был эксцентричным миллионером, — ответил Хэрольд, — я бы одевался, как вы.

— Кто знает, может, вы и разбогатеете. За Охоту хорошо платят. Куда вас подвезти?

— Не знаю, — ответил Хэрольд. Сначала он решил поехать к Норе, но передумал. Он уже неделю

не брился, а его кожа стала такой же серой, как костюм. — Есть тут какой-нибудь дешевый отель?

— «Эстрелья дель Сур», как раз в центре. Расценки выше, чем в Южных доках, но там вашу комнату не ограбят. По крайней мере, пока вы в ней находитесь.

— Спасибо за предупреждение.

Они ехали по четырехрядному шоссе, которое пересекало равнину. За окном автомобиля мелькали магазины сувениров и фабрики с плоскими крышами. Дорожные щиты рекламировали гостиницы, рестораны, масло для загара, сигареты. Повсюду росли пальмы, напоминая о близости Карибского моря. Такого процветания Хэрольду еще не приходилось видеть, разве что по телевизору в программах про американскую жизнь до того, как все полетело вверх тормашками и природа-мать стала затягивать петлю на шее человечества. Через несколько минут они оказались в столице — городе Эсмеральде. Хэрольда поразила чистота улиц и отсутствие нищих.

— Тут и правда живут богатые люди, — заметил он.

— У нас круглый год туристы. Эсмеральда пользуется огромной популярностью у европейцев, а в последнее время стали приезжать и азиаты. Туризм — основа нашей экономики.

— А много людей приезжает, чтобы участвовать в Охоте?

— Да нет, — скривил губы Альбани, — большинство приезжает, чтобы посмотреть. Они не хотят никого убивать. Нет-нет, им только хочется попасть на остров, где мужчины носят оружие, устраивают дуэли и охотятся друг на друга. Им нравится, ничем не рискуя, наблюдать за происходящим через пуленепробиваемые стекла кафе и ресторанов. Так они утверждают. Но что удивительно — многие из них потом становятся Охотниками. Наверное, что-то есть в здешнем воздухе. Нам выгодно, чтобы они приезжали сюда убивать. Если бы количество Охотников постоянно не пополнялось за счет приезжих, через год на острове не осталось бы ни души. Видите ли, у нас очень низкий прирост населения. Сюда приезжают не семьи создавать.

Альбани остановил машину возле ветхого четырехэтажного здания. Выцветшие буквы на фасаде сообщали, что это гостиница «Эстрелья дель Сур».

— До свидания, — попрощался Альбани. — А если решите принять участие в Охоте, кто угодно вам скажет, как меня найти. Я один из лучших Наводчиков и беру недорого.

Глава 12

Эсмеральда — продолговатый плоский островок, расположенный в юго-восточной части Багамского архипелага недалеко от Большого Инагуа. Отсюда легко добраться до Гаити. В 2021 году обанкротившееся багамское правительство продало все права на этот остров консорциуму международных инвесторов, штаб-квартира которого находилась в Берне, в Швейцарии. С точки зрения генерала Ласаро Руфо, который возглавил военный переворот на Багамах, это был необходимый шаг, так как правительство позарез нуждалось в свободно конвертируемой валюте. Что там какой-то островок, тем более такой безлюдный, как Эсмеральда, когда тебе надо заботиться еще о семистах других! За никудышный клочок суши были заплачены большие деньги.

Но только не для корпорации «Охотничий Мир» — международного консорциума состоятельных бизнесменов, которые придерживались одного принципа — получение максимальных доходов при быстром обороте средств. Убийство было идеальным товаром, даже лучше наркотиков, ибо тот, кто его производил, сам поставлял все необходимое — свою жизнь, свое оружие, свою смерть. Убийство по всем правилам, исполненное по-деловому и по обоюдному согласию, было даже социально приемлемым актом. И, кроме того, в нем был заложен огромный потенциал спортивного азарта для тех, кто уже все перепробовал.

Много разных стран хотели разместить Охотничий Мир на своей территории, но совет директоров консорциума решил создать для него собственную страну.

Таким образом, все проблемы, которые могли бы возникнуть с правительством, они решали, создав свое собственное правительство. Еще одним стимулом для вкладчиков стал тот факт, что вместо уплаты налогов они могут собирать их сами.

С самого начала проект Охотничьего Мира разрабатывался с привлечением лучших умов, на него выделялись бешеные ассигнования. Моргантаун — маленькую занюханную столицу острова — сровняли с землей, создав на его месте архитектурный проект совершенно нового города, и в кратчайшие сроки вдохнули в него жизнь. Новый город — Эсмеральда — отличался от кроличьих нор из стали и стекла, которые после долгой борьбы за освобождение от хорошего вкуса стали венцом архитектуры современной урбанистики.

Эсмеральда напоминала средневековый городок, тут даже возле супермаркетов не было автомобильных стоянок. Почти половину зданий построили из светлого известняка, залежи которого были обнаружены на острове. А для самых главных строений, таких, как Охотничья академия и Колизей, использовали импортируемый известняк и итальянский мрамор. Поэтому с самого начала Эсмеральда походила на колониальный город прежних времен, город эпохи Возрождения, который как мираж появился на плоском коралловом острове.

Мягкий тропический климат острова в сочетании с прекрасно стилизованным под старину городом был и так прекрасной приманкой для туристов, даже без официально разрешенных убийств. На Эсмеральде можно было наслаждаться блеском минувших времен, пользуясь при этом всеми достижениями современности.

Не только забавы и опасности посреди невероятной красоты природы притягивали туристов в Охотничий Мир, приезжали сюда и серьезные ученые. На острове располагались всемирно известные музеи ассирийского и хеттского искусств, полностью выкупленные у обанкротившейся Англии и перевезенные на Эсмеральду для придания острову еще большего шика. Здесь также размещались известные курорты с го-

стиницами — «Рокфеллер Хилтон», «Холидей Форд», «Дорада дель Сур», «Кастильо», «Кантинфлас» — площадки для гольфа, теннисные корты, были непревзойденные возможности для подводной охоты и кухни всех пяти континентов.

А если на вашем электронном банковском счету не хватало средств на отпуск по первому классу, Охотничий Мир предлагал более дешевый вариант — карнавальное поселение на пляже Де Ланси, разместившееся на южном берегу острова. Именно тут ежегодно происходили современные Сатурналии — смесь эсмеральдского карнавала с Марди Гра.

Главным компонентом этой мешанины была Охота, то необычное человеческое занятие, когда люди рисковали своей жизнью, сражаясь один на один в соответствии с установленными правилами. Охота являлась чем-то вроде контролируемого беззакония, которое возвеличивало самые низкие инстинкты. То, что было официально разрешено в Охотничьем Мире, человечество пыталось искоренить с самого начала своего существования. Но напрасно.

Весь мир приходил в упадок, а Охотничий Мир продолжал процветать. В него отовсюду стекались люди, чтобы собственными глазами увидеть отказ от моральных устоев и чудо экономической стабильности. Убийство всегда было хорошим бизнесом. Охотничий Мир не обошел вниманием и секс с наркотиками, завершив таким образом круг своих инвестиций в те вещи, которые нравятся людям.

Почти во всем мире люди не доверяли переменам и чурались всего нового. Художники стремились использовать уже известные мотивы, а не творить что-то свое. Мода почти исчезла. Понемногу люди стали и одеваться, и действовать одинаково. Конформизм стал нормой. Наука совсем захирела. Медицина радикально изменилась с фаустовских времен двадцатого столетия. Врачи уже не стремились спасти чью-то жизнь. Теперь речь шла о спасении замученного болезнями населения в целом, а его численность постоянно уменьшалась.

Теоретическая физика вот уже почти целое столетие не предлагала ни одной новой важной кос-

могониической теории, а за последние тридцать лет не было открыто ни одной новой элементарной частицы.

Наука задыхалась от недостатка ассигнований, но это никого не волновало. Люди даже радовались, что ее развитие застопорилось. Ведь всем известно, что наука — штука опасная. В конце концов, именно она вытащила атомные бомбы и все остальные беды из ящика Пандоры с гениальными идеями. Не пришло ли время установить мораторий на гениальные идеи и постараться что-нибудь исправить или хотя бы сделать из всего этого какие-нибудь выводы?

Современный относительно спокойный период мировой истории стал результатом ядерной войны 2019 года между Бразилией и Южной Африкой. Кто бы мог подумать, что какое-то мелкое недоразумение касательно прав на вылов рыбы приведет к войне, которая унесет двенадцать миллионов жизней на двух континентах и едва не подтолкнет все человечество к самоуничтожению? Нынешняя эра застоя началась после прекращения военных действий между Южно-Американской федерацией во главе с главным проводником новой — хотя и недолговечной — идеологии Карлосом Эстебаном Саенсом и Южной Африкой, возглавляемой чернокожим правителем Чарльзом Граатцем.

Война, получившая название Рыбной, закончилась 2 июня 2021 года после внезапной смерти Саенса, причины которой не установлены и по сей день. Смерть диктатора через несколько часов после второго обмена стран ядерными ударами вызвала страшную панику в правящем кабинете Южной Америки. Ранее запланированное вторжение в район Замбези пришлось отложить до выборов нового главы правительства. Перед африканцами открылись невиданные возможности.

Однако случилось неожиданное. Хотя во вражеском стане и царил суматоха и кто угодно сразу бы использовал данное преимущество, Чарльз Граатц удивил всех. Вместо того чтобы немедленно воспользоваться ситуацией, он в одностороннем порядке прекратил боевые действия, объявив, что африканцы

больше не собираются спорить из-за прав на вылов рыбы.

Якобы он сказал: «Стремление воспользоваться преимуществом в такой ситуации было бы сумасшествием. Зачем уничтожать весь мир из-за какой-то рыбы? Если ни одна страна не захочет поступаться своими интересами — разве что в случае полного поражения — война станет постоянным явлением. От имени моих зулусских избирателей, а также от имени наших белых, черных, цветных и других меньшинств я официально заявляю — если американцам это так важно, пусть ловят свою рыбу».

Следовало отдать должное и Южной Америке во главе с новоизбранным генералом Реторио Торресом. Торрес заявил, что в рыбном споре для них был важен принцип, а не рыба. И со свойственной ему рассудительностью предложил, чтобы в этом конфликте разобралась ООН.

Кризис закончился быстро и неожиданно, и мир оказался в удивительной ситуации, когда не существовало ни одного кризиса, который бы требовал срочного решения и посредством которого можно было развязать новую войну. И ни одна страна не стала спешить создавать кризисную ситуацию, как это случалось раньше. Несмотря на все прогнозы, на земле воцарился мир.

Люди устали жить под дамокловым мечом, устали бояться оказаться на грани уничтожения. Когда-то важные вопросы национальностей, рас, религий, политики, социальных теорий и политической власти стали теперь никчемными перед лицом нового всеобщего императива — «Не раскачивайте лодку».

Все человечество, внезапно оказавшись в состоянии мира — неслыханное дело за всю историю цивилизации, — решило, что наступило время оставить все так, как есть, забыть про все национальные интересы и подождать конца периода полураспада радиоактивных элементов, оставленных в наследство двадцатым веком, не прибавляя к ним новых.

Настало время, когда наконец можно было уделить внимание атмосфере и дать возможность планете со

всеми ее обитателями спокойно дышать чистым воздухом.

Время размышлять, отдыхать, заниматься своими домашними делами.

Так начался период мира, который называли по-разному: «Перемирие», «Время великого застоя», «Начало нового средневековья».

И вот какая появилась тенденция — люди в расцвете сил, которым уже не нужно было погибать в очередной бессмысленной войне, стали искать новые средства смерти.

Будто какая-то часть человечества не могла жить без того, чтобы время от времени не уничтожать себя по тому или другому поводу или без повода вообще.

Безумие — но никуда от него не денешься. А иначе как еще можно объяснить процветание такого места, как Охотничий Мир?

Глава 13

Хэрольд уже собирался зайти в гостиницу, когда внезапно услышал крики и чьи-то торопливые шаги. Развернувшись, он увидел мужчину, который выскочил из бокового входа. За ним метрах в пяти бежал второй мужчина с пистолетом в руке.

Вжавшись в стену, Хэрольд услышал, как что-то просвистело рядом с его головой и ударилось о гранит. Пуля просвистела чуть ли не в дюйме от него. Хэрольд посмотрел на выбоину в стене. А преследуемый и преследующий уже завернули в переулок.

Портье, загорелый блондин в замызганных белых штанах и майке, оторвал взгляд от газеты.

— Пять долларов в день, — сообщил он. — Деньги вперед. Душ в коридоре.

— Я только что чуть не погиб, — пожаловался Хэрольд.

— Надо быть осторожным, — посоветовал портье. — Тут ужасное движение.

— Нет, я чуть не погиб от пули.

— А, Охотники, — махнул рукой портье, как бы говоря: «Дети есть дети». — Вам нужна комната? Вот тут распишитесь.

В комнате с белыми занавесками на окне, небольшой, но довольно чистой, стояла односпальная кровать и умывальник. Окно выходило на площадь, где красовался какой-то памятник.

Взяв рюкзак, Хэрольд прошел в душ, находившийся в конце коридора, вымылся, побрился, выстирал костюм и переделался в джинсы и синюю

рубаху. Вернувшись в комнату, он нашел в шкафу вешалку и повесил одежду сушиться.

Заметив в комнате телефон, Хэрольд достал из потрепанного кошелька клочок бумаги с номером телефона Норы. Пришлось подождать, пока соединят через коммутатор гостиницы, и это показалось ему вечностью. Наконец на том конце подняли трубку.

— Нора? Это ты?

— Кто это?

— Угадай!

— Не собираюсь играть в эти игры. Это ты, Фрэнк?

— Черт возьми, Нора, ты действительно меня не узнала?

— Хэрольд? Неужели это ты? Здесь, в Охотничьем Мире?

— А кто же еще, как не я?

— А как ты... Ладно, об этом можно поговорить и потом. Может, заглянешь ко мне? Ты не хотел бы чего-нибудь выпить?

— Это все равно что спросить у свиньи — не хочет ли она поваляться в грязи.

— Тогда приходи, — сказала Нора и рассказала, как к ней добраться.

На улицах былолюдно, в воздухе пахло поджаренным на растительном масле мясом, острыми приправами, сладким вином и еле уловимым, но навязчивым запахом бездымного пороха. Люди были одеты в самые удивительные наряды. Встречались прохожие в меховых шубах, купальниках, греческих туниках, римских тогах, с прическами времен Возрождения, в набедренных повязках американских индейцев и турецких шароварах. Были тут и другие костюмы, происхождение которых Хэрольд так и не смог определить. Все здесь говорило о достатке, и Хэрольд с удовольствием глазел по сторонам. Ему еще никогда не приходилось видеть такой сияющий чистотой город. Вдоль тротуаров росли деревья, и на них было приятно смотреть. Говорили, что на острове есть

даже целый лес, и он решил обязательно там побывать.

Прежде чем он добрался до небольшой площади, про которую говорила Нора, пришлось несколько раз расспрашивать прохожих. Он сразу же нашел ее дом с каменной аркой. Пройдя под ней, Хэрольд поднялся на второй этаж и нажал кнопку звонка первой двери справа.

Дверь открыла Нора.

— Ну заходи, — сказала она.

Глава 14

За те два года, что они не виделись, Нора почти не изменилась — такая же невысокая, с хорошей фигурой, миловидным личиком и гладкими, коротко подстриженными волосами, как у девушек с рекламных плакатов парикмахерских. У нее была небольшая, но аккуратная квартирка. Нора предложила ему пива.

— Как же ты попал сюда, Хэрольд? У тебя ведь была такая хорошая работа на фабрике синтетического мяса. Я никогда не предполагала, что ты можешь ее бросить.

У старого Клэймора никогда не было лучшего специалиста по обогащению искусственного мяса жиром. Эту работу приходилось проделывать вручную, так как оборудование было ветхим и все время ломалось, а автоматическая линия жиробогащения вообще никогда толком не работала. Отремонтировать машины не было никакой возможности, потому что ближайшая мастерская располагалась в Олбани. Хэрольд целыми днями простаивал возле конвейера, обрабатывая прямоугольные куски мяса, которые проезжали мимо на загаженной мухами ленте. Каждый кусок мяса имел размеры шесть кубических дюймов и весил ровно один килограмм. Все куски были одинакового розового цвета. После Хэрольда, куски мяса направлялись дальше по конвейеру к структуралистам.

— Если говорить правду, то не я бросил работу, а она меня, — сказал Хэрольд. — Знаешь, что сделал со мной старый Клэймор? Со мной, лучшим на фабрике жиробогастителем? Решил на некоторое время

перестать обогащать жиром искусственное мясо и посмотреть, вызовет ли это жалобы. Якобы слишком дорого ему обходилось обогащать те желатиновые куски натуральным жиром. Хотя он и придает им какой-то вкус. Вот меня и уволили. А как ты сама знаешь, работу сейчас в Кин-Уэлли не найдешь.

Нора кивнула.

— Кто-кто, а я-то прекрасно знаю. До того как приехать сюда, я по двенадцать часов в день работала в магазине Симмонса в Лэйк-Плэсиде и еле-еле сводила концы с концами.

— Фреда Симмонса уже нет, — сообщил ей Хэрольд. — Упал в один из старых карьеров. Теперь магазин перешел к его сестре.

— Нельзя плохо говорить про покойников, — вздохнула Нора, — но он был ужасный скупердай. Хэрольд, но ты зачем сюда приехал?

— Общественность города поручила мне проверить, как ты тут себя ведешь.

— А серьезно?

— Мне нужны деньги. Я приехал сюда, чтобы посмотреть, смогу ли я тут немного подработать.

— Охотой?

— Ну если ты считаешь, что легче ограбить банк...

— Забудь про это. Тут разрешено убийство, но ограбление считается преступлением и карается очень строго.

— Я просто пошутил, — успокоил ее Хэрольд. — Я не имею в виду ограбление банка. Забыл тебе сказать — на Сэма Кэнзайла, который гулял с дочкой Бергера, накинута сая диких собак и разорвала его на клочки.

— Всегда приятно слышать новости из дома. А как вы там сейчас развлекаетесь?

— Ночная жизнь мало чем отличается от той, что была до твоего отъезда. Пьем кофе в кафе у мисс Симпсон. Иногда, когда на душе становится паскудно, я влезаю на старый террикон, насыпанный когда-то шахтерами. Мне кажется, что сейчас это самое достойное для человека место — вершина кучи мусора, которую создал сам вместе со своими соседями.

— Говорят, тот террикон радиоактивный.

— А все остальное разве не радиоактивное, черт возьми? Говорят, что радиация когда-нибудь на нас скажется, если какая-нибудь зараза раньше не сведет в могилу.

— С тобой всегда так ужасно весело, — сказала Нора. — Именно поэтому я и уехала из Кин-Уэлли. Там мне никогда не было весело, и люди разговаривали только о грустном.

— Тебе надоели разговоры про смерть? — удивился Хэрольд. — Надо же, а я-то полагал, что уж в Охотничьем Мире этого добра навалом.

— Это действительно так. Но здесь смерть — развлечение, а дома — печальное и неинтересное событие.

— Ты права, моя дорогая.

Нора засмеялась и пошла на кухню.

Хэрольд встал с кресла и принялся разглядывать комнату. На стенах висели фотографии в рамках. Снимки родителей Норы, виды долины Уэлли и Лэйк-Плэсида. А также портрет какого-то незнакомца — загорелого мужчины среднего возраста с уже обозначившейся лысиной. У него были суровые черты лица; он заговорщицки улыбался в объектив камеры.

— А это кто? — спросил Хэрольд, когда девушка вернулась в комнату.

— Джонсон.

— Действительно Джонсон. Как это я сразу его не узнал. Нора, черт возьми, кто такой этот Джонсон?

Девушка рассмеялась.

— Мой парень. Мы познакомились в Майами и приехали сюда вдвоем. Это его квартира. Вернее, была его.

— А чем он занимался?

— Он был Охотником. Очень хорошим Охотником. Его последняя Охота оказалась такой комичной. Джонсону выпало быть Жертвой, а тот, кто на него охотился, оказался индийцем. Не американский индеец, а индеец из Индии, представь себе только! Ведь у них в крови отвращение к убийствам. Правда? Такой смуглолицый толстяк в чалме. В чалме! Уму непостижимо! Джонсон сказал, что, если бы он заранее знал, что тот тип будет в чалме, он не стал бы даже тратить на Наводчика.

— У твоего Джонсона было хорошее чувство юмора.

— Да, веселиться он действительно умел. А вот его трофеи.

Хэрольд подошел к стене. Там на отлакированных пластинках из черного дерева блестели четыре бронзовых диска. Каждый из них официально свидетельствовал, что их владелец совершил Убийство.

— А где же сейчас этот весельчак Джонсон?

— На Бут-хилле, местном кладбище. Его подстрелил какой-то очкарик из Портленда, штат Оклахома. Трудно поверить, правда?

— Точно. Слушай, Нора, нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Деньги у меня есть, я заплачу.

— Мы сделаем гораздо лучше, — предложила девушка. — Я тут знаю одно местечко, где неплохо кормят, к тому же владелец этого заведения мне должен.

— За что? — поинтересовался Хэрольд.

— Оставь свои вопросы. Каждый зарабатывает на жизнь по-своему.

Внезапно она подбежала к нему и бросилась на шею.

— Хэрольд, я действительно рада тебя видеть!

Глава 15

Чтобы попасть в ресторан, нужно было пройти до конца извилистую улочку, вымощенную булыжником, свернуть в тупик и спуститься в подвал. Несколько посетителей в тирольских коротких кожаных штанах распевали тирольские песни. Играло цыганское трио. Небольшой пятачок для танцев освещался яркими красными лампочками. В зале было тесно, в воздухе плавали клубы дыма, слышались обрывки разговоров на пяти языках. Владелец забегаловки подмигнул Норе, провел их к столику рядом с танцплощадкой и даже прислал им бутылку вина.

Хэрольд был слишком голоден, чтобы вести беседу, и прямо-таки набросился на еду — чертовски вкусную маринованную рыбу под названием «севиче». Следующее блюдо — бифштекс из натурального мяса — он ел уже не так быстро, поэтому смог задавать вопросы.

— Слушай, Нора, а как платят за Охоту?

— Две тысячи долларов за вступление в клуб Охотников. Три тысячи — за первое убийство. Но это только начало.

— А потом?

— Сумма вознаграждения постоянно увеличивается.

— А если меня убьют?

— Правительство бесплатно похоронит тебя на Бут-хилле.

— Пять тысяч — деньги немалые.

— Это правда, но, если ты умрешь — это навсегда.

— Согласен, — пробормотал Хэрольд. — Но человеку все равно приходится умирать, даже если он и

не собирается никого убивать, но в этом случае ему никто не платит пять тысяч.

— Не думай, что эти деньги даются легко, — предупредила Нора. — За Охоту хорошо платят, потому что она притягивает туристов и способствует процветанию Охотничьего Мира. Однако уровень смертности среди Охотников-новичков чрезвычайно высок. Обычно счастье улыбается тем, кто занимается этим постоянно.

— Но ведь когда-то им пришлось начинать, как и мне сейчас.

— Ты прав.

— Говорят, сюда приезжают люди со всего мира, чтобы убивать тех, кого они даже не знают. Это правда?

— Да. Хотя звучит как-то дико. Я прочитала интересную теорию в одном журнале. Там шла речь о так называемом «синдроме Охотничьего Мира», хотя я так и не поняла, что это такое. А может, это называется «Охотничий способ мышления». Там говорилось, что жажда убийства возникла в результате перенаселения планеты.

— Какая чушь! Я всегда считал, что мир терпит лишения от опустошения или недонаселенности — или как это там называется?

— Это если сравнивать с количеством населения сто лет тому назад. Но сейчас слишком многие хотят поделить между собой то, что осталось от Земли. А этого наследства на всех не хватает. Все чего-то хотят, никто не производит ничего нового, денег не хватает, большинство даже никуда не ездит. Исключение составляют разве что Охотники.

— Значит, есть смысл стать одним из них. Пять тысяч долларов — бешеные деньги. Думаю, чтобы получить их, я готов убить кого угодно. Если он идет на это по собственному желанию, как и я. Так что я не против.

— А если он убьет тебя? — спросила Нора.

— Мою смерть можно будет считать издержками профессии.

— Разве можно называть убийство профессией?

— А почему бы и нет?

— Профессия убивать людей... Пять тысяч за особь. Одно скверно — тебя тоже могут убить. Но для развлечения не так уж и плохо.

...После ужина Хэрольд проводил Нору домой.

Возле дверей она спросила:

— А ты не хотел бы пожить у меня, Хэрольд?

— Я и не надеялся, что ты мне это предложишь.

— Тебе не хватит денег на гостиницу. У меня пустует одна маленькая комната. Ты можешь поселиться там. Я дам тебе ключ от квартиры. Можешь приходить когда угодно.

— С удовольствием переберусь к тебе, — согласился Хэрольд. — Я заплатил в гостинице за один день, так что сегодня переночую там. Присмотрю за своими вещами и еще раз вымоюсь. А завтра переберусь к тебе.

Девушка протянула ему ключ.

— Хэрольд, меня часто не бывает дома. Ну ты сам понимаешь...

— Не беспокойся, Нора. Что бы ты ни делала, я не собираюсь тебя осуждать. По пути сюда я убил собаку, продырявил одному типу плечо, а скоро буду заниматься еще худшими вещами. Такие вот дела.

— Не спеши становиться Охотником. Смертность среди новичков действительно очень высока.

— Все равно когда-то надо начинать.

— Ты прав, — грустно кивнула девушка.

Глава 16

Майк Альбани вылез из белого «ламборджини» с откидным верхом, приветливо помахал рукой привлекательной соседке, которая катала в коляске трехлетнего малыша, и подошел к дверям своего дома. По привычке он несколько раз обернулся — все знают, что семьи погибших Жертв часто пытаются отомстить Наводчику, хотя это и противоречит гражданскому и моральному кодексу. Не заметив ничего подозрительного, он быстро отворил дверь и проскользнул внутрь.

Его жена Тереза смотрела телевизор. Как раз передавали «Хронику марсианской колонии» — передачу, которая ежедневно транслировалась с Марса, принималась антеннами Земли и показывалась по кабельному телевидению. Терезу ужасно волновали подробности повседневной жизни в экзотических местах. Терпения у нее было хоть отбавляй. Могла часами сидеть в саду и наблюдать, как растут помидоры.

— Как у тебя сегодня дела? — поинтересовалась она.

Альбани со вздохом опустился на стул. И куда только подевалась его блестящая самоуверенность?

— Подвез одного парня из аэропорта. Если он решит стать Охотником, то, возможно, возьмет меня Наводчиком.

— Прекрасно. А как там тот, которому ты сейчас помогаешь?

— Джеффрис? — Лицо Майка немного оживилось. — Сегодня он взял выходной. Говорит, что ему

надо отдохнуть перед финальным этапом. А на завтра я придумал чудесную западню. Не волнуйся, Жертва от нас никуда не убежит.

— Что вообще представляет собой этот Джеффрис?

— Пока на его счету лишь одно удачное Убийство. Однако ходят слухи, что ему просто повезло — пуля попала в Жертву рикошетом.

Тереза вздохнула.

— Тебе действительно придется искать клиентов самому, так?

— Джеффриса я не искал. Он сам меня нашел. Придется пока поработать на этих неудачников, пока мне не попадется такой Охотник, который исполнит красивое Убийство. Тогда мы получим дополнительную награду. Пусть тебя это не волнует.

Тереза пожала плечами. Альбани налил себе бокал вина. Забот у него хватало, потому что дела действительно шли из рук вон плохо. Фортуна повернулась к нему спиной.

Тридцатилетний Майк Альбани был родом из Дорчестера, штат Массачусетс. Его отец — Джанкарло Альбани, итальянский эмигрант с Кастельмаре — прежде чем переехать в Дорчестер, работал механиком в Провиденсе. У Джанкарло и его жены Марии было шестеро детей. Мать Майка работала в химчистке на соседней Непонсет-авеню. Братья и сестры Майка жили в различных концах Соединенных Штатов, но их уже осталось только четверо. Анжело погиб при попытке ограбить банк в Шайенне, штат Вайоминг, а Тито — в автокатастрофе возле водопада Сиу.

В раннем детстве у Майка проявился талант организатора мелких краж. Поэтому в Дорчестере, а потом и в Бостоне, ему жилось неплохо, пока один из членов его банды — Бешеный Пес Лонниган — не попался на ограблении обувного магазина «Том Макэнн» в Бруклине и не заложил Майка, надеясь, что за это ему скостят срок. Об этом Майк узнал из надежных источников и вовремя смылся. В 2081 году он приехал в Охотничий Мир.

Некоторое время он перебивался случайной работой, а потом пошел в ученики к Луиджи Ванилли — старому, опытному Наводчику, родом из Сицилии.

Когда Ванилли погиб от пули соседа, с которым постоянно ссорился из-за персикового дерева, которое росло на соседском дворе, а ветви склонялись через забор на его участок, Тереза получила в наследство всех клиентов отца, дом и белый «ламборджини». Они с Майком давно уже встречались и скоро сыграли свадьбу.

Первый год самостоятельной работы принес Майку небывалый успех. Его второе Убийство занесли в Книгу рекордов. А потом ему посчастливилось работать с непревзойденным Убийцей — Хулио Санчесом из Коста-Рики. Через два года после приезда на Эсмеральду у Альбани было все, о чем только может мечтать человек.

А потом Санчеса подстрелили — рано или поздно это случается даже с талантливыми Убийцами, — и дела пошли все хуже и хуже. По городу поползли слухи, что Альбани утратил чутье и фантазию, которые делали его засады такими хитроумными. Кое-кто предполагал, что у него «наводческий срыв». Никто не хотел пользоваться услугами Наводчика-неудачника. Дела пошли настолько скверно, что Альбани приходилось ошиваться в аэропорту, предлагая свой талант новичкам.

В Охотничьем Мире взлеты и падения происходят с молниеносной быстротой. Альбани был готов на все, лишь бы снова подняться на гребень успеха. Пока его единственным клиентом был Джеффрис, но этот эксцентричный англичанин не подавал почти никаких надежд.

Альбани был нужен успех. Наводчикам за каждое Убийство платили не только клиенты, а — как и Охотникам — государство. С другой стороны, если Охотник погибал, с Наводчика брался штраф в размере выигрыша плюс десять процентов на судебные издержки. Поэтому сейчас Альбани ходил по лезвию бритвы. Трех предыдущих клиентов Майка убили. Каждая неудача увеличивала размер штрафа. Если Джеффрису повезет, Майку удастся отсрочить банкротство еще на некоторое время. А если англичанин проиграет, Майка снова оштрафуют, что приблизит его к окончательному краху.

Крах в Охотничьем Море означал прохождение через формальную процедуру лишения гражданских прав, после чего человека провозглашали рабом, все его имущество переходило в собственность государства, а ему самому приходилось выполнять определенную правительством принудительную работу — например, убирать свинарники.

— Микеланджело, — внезапно сказала Тереза, — давай вернемся в Дорчестер.

Альбани покачал головой.

— Там меня до сих пор разыскивает полиция.

— Тогда поедem в какой-нибудь другой город в Америке.

— Чтобы влечить жалкое существование и голодать? Даже не говори мне про это! Просто мне нужно переждать тяжелые времена. Найти бы еще какого-нибудь Санчеса...

— Санчес был настоящим профессионалом, — согласилась Тереза. — Ты тоже тогда блистал. Но Санчеса убили. А после него появился этот Антонелли.

— Я не хочу слышать это имя!

— Майк, что же нам теперь делать?

— Джеффрис исполнит Убийство, и я снова окажусь на вершине славы. Или тот парень — Хэрольд — наймет меня, и мы еще ухватим счастье за хвост благодаря его способностям Убийцы.

— А если нет?

— Если ничего не выйдет, я воспользуюсь правом на самоубийство, и тогда все останется тебе.

— Опять пустые разговоры, — вздохнула Тереза. — Ты всегда обещаешь наложить на себя руки, когда у тебя депрессия.

— В этот раз я настроен решительно, — сказал Альбани, поднимаясь со стула. — Покончу с собой прямо сейчас. Кому тогда ты будешь жаловаться?

Хотя Тереза и подозревала, что все эти угрозы — чистой воды блеф, — она испугалась.

— Нет, Альбани, — дрожащим голосом сказала она, — не надо выбирать право на самоубийство.

— Ладно, — ответил Майк, снова садясь на стул. — Я просто хотел показать, что забочусь о тебе.

Глава 17

«Дорогой Алан!

Вот наконец я и добрался до Охотничьего Мира, и меня чуть не убили в первый же день. Если не считать этого случая, то видел я тут не особенно и много. Я-то думал, что здесь вооруженные люди бегают прямо по улицам, как в том старом фильме, снятом еще до официального разрешения Охоты. Кажется, он назывался «Десятая жертва». Время от времени я слышу что-то похожее на стрельбу, но ни одного Убийства пока не видел. Наверное, не успеваю в нужное место в нужное время.

Сегодня случайно встретился с человеком, который вместе со мной летел из Майами. Его зовут Текс Драза. Если бы в Техасе остались ковбои, его можно было бы назвать ковбоем. Он именно из тех краев. Мы остановились поговорить, а потом зашли пропустить по стаканчику в один уютный ресторанчик под названием «Слоппи Джо», где на стенах развешены фотографии известных людей, которые были его посетителями. Мы с Тексом заказали по «Зомби» — старинному напитку, который пили еще в двадцатом веке. Эта смесь различных сортов рома с добавлением некоторых химических веществ сразу бьет в голову.

Знаешь, сейчас весь город украшают, повсюду развешивают флаги, транспаранты и гирлянды. Ведь я попал сюда как раз накануне самого главного эсмеральдского праздника. Называется он Сатурналии. В этот день каждый старается одеться так, чтобы всех переплюнуть. Мужчины и женщины позволяют себе всякие вольности, так мне намекнул Текс. С нетерпением жду начала праздника. Интересно будет посмотреть.

Текс рассказал, что во время Сатурналий устраиваются приемы, парады, регаты, спортивные состязания, танцы, а также «Передача эстафетной палочки» — это местное развлечение.

Эстафетная палочка — небольшой медный цилиндр с красной отметкой на боку. Внутри находится маленькая, но мощная бомба с часовым механизмом, которая может разнести в клочья кого угодно на расстоянии одного-двух футов. Никто не знает, когда именно бомба взорвется. Известно только, что это произойдет во время Сатурналий.

И знаешь, Алан, что с ней делают? Ты не поверишь — передают из рук в руки. Нечто похожее на «русскую рулетку», где вместо револьвера — бомба. Чем дольше человек держит ее в руке, прежде чем передать дальше, тем большую храбрость он проявляет. Туристы могут не брать «эстафетную палочку», но большинство все равно это делает. Они похожи на туристов в одном из произведений Хэмингуэя, которые бежали с быками наперегонки по улицам Памплоны.

Вчера вечером видел Нору. Она прекрасно выглядит. Живет в живописном районе рядом с центром города. Пока не найду себе постоянное жилье, проживу у нее. В том районе улицы такие узкие и запутанные, что машины там не ездят. Эсмеральда кажется старинным городом, все здания из камня и такие необычные, даже забываешь, что ее только недавно построили. Большая часть Эсмеральды была построена в последние семьдесят лет.

Город мне ужасно нравится. Улицы извилистые, расходятся под странными углами. Тут есть на что посмотреть. Эсмеральда — счастливый город, хотя нехорошо говорить так про место, предназначенное для Убийства, но это действительно так.

Я расспрашивал, какие требования предъявляются к Охотникам. Кажется, можно рискнуть. Скоро я приму участие в Охоте, только сначала не мешало бы немного оглядеться. Передай Калебу и всем остальным, что пришлю деньги, как только получу вознаграждение.

Пишу тебе, сидя за столиком в баре. Я только что увидел своего знакомого — он позавчера подвез меня из аэропорта. Он Наводчик, и его зовут Майк Альбани. Закончу письмо позже».

Глава 18

Альбани сидел на обитом красной кожей табурете и потягивал белое вино. На нем был модный блейзер синего цвета, серые фланелевые брюки и начищенные до блеска черные штиблеты. Когда Хэрольд подошел к стойке, на приятном загорелом лице Наводчика расцвела улыбка.

— Хэрольд! Рад тебя видеть! Надеюсь, тебе не приходится скучать на нашем маленьком острове?

— У вас тут очень хорошо. Мне ужасно нравится.

— А наша Охота тебе нравится?

— Интересно бы самому принять в ней участие, лишь бы только никто не убил.

— Опытный Наводчик поможет тебе остаться в живых. Что-нибудь выпьешь?

— Спасибо. Того же, что и у вас.

— Еще один стаканчик белого, Чарли! — крикнул Альбани бармену в белом кителе.

Хэрольд устроился на соседнем табурете.

— Вы сегодня не встречаете самолеты?

— Нет. Сейчас у нас праздничная горячка перед Сатурналиями. Большинство людей в эту пору теряют интерес к прекрасному искусству Охоты. Они заняты лишь тем, чтобы напиться, найти себе женщину, наделать как можно больше шума, чтобы было потом о чем рассказать соседям дома. Разумеется, ничего плохого тут нет, и я их ничуть не осуждаю. Но все равно мне жаль старого доброго времени.

— А как было раньше?

Альбани задумчиво улыбнулся. Достав из серебряного портсигара сигарету с золотым ободком, он прикурил и предложит Хэрольду.

— Возьми, попробуй. Смесь виргинского и турецкого табака с небольшой добавкой препарата для поднятия настроения «Кайф-32». Не вызывает никаких галлюцинаций и придает ощущение бодрости.

Хэрольд взял сигарету, прикурил, затянулся и тут же закашлялся. Потом затянулся еще раз, не очень глубоко. У дыма был странный пряный привкус, сначала не особенно приятный, но Хэрольд быстро к нему привык.

— Можно и не пускать дым в легкие, — сказал Альбани. — Можешь даже не вдыхать его. Активные частички попадают в кровяной поток через слизистую оболочку рта. Продукт абсолютно безвредный, не вызывает привыкания и, разумеется, официально разрешен для продажи. Впрочем, ты интересовался, как обстояли дела в старые добрые времена. Еще двадцать лет тому назад Охота считалась почти религиозным ритуалом. Каждый глава семейства хоть раз в году должен был принять в ней участие. Люди нанимали целые семьи Наводчиков в те времена, когда деньги можно было заработать немного легче, чем сейчас. Такие Наводчики становились собственной командой Охотника. Это было нечто большее, чем просто толпа служащих. Они были почти членами его семьи, несмотря на то что ему и приходилось им платить. Это немного напоминает обычай, имевший место среди знатных семей эпохи Возрождения, когда каждый состоятельный человек имел свой собственный почетный караул.

— Здорово, — заметил Хэрольд.

Альбани кивнул, а в его блестящих карих глазах засветилась грусть.

— Тогда у опытного Наводчика было столько работы, что он не мог справиться. Иногда он так много получал от своих клиентов, что сам становился Охотником.

— Разве это так дорого? — удивился Хэрольд. — Я думал, для этого надо лишь иметь оружие.

— Дорого обходится не сама Охота. Главное — не относиться к ней настолько серьезно, чтобы забывать обо всем остальном. Для большинства Охотников выступать лишь в этой роли довольно трудно. Не-

обходимость работать где-то еще оставляет меньше времени на Охоту, заставляет жить по жесткому графику, человек срывается, попадает в ловушки и засады. И все из-за того, что надо работать! Мы в Охотничьем Мире не очень-то любим работать.

— А как же вы живете?

— Каждый год налоговое управление производит расчет, сколько бы получал каждый зарегистрированный Охотник, если бы уделял все время Охоте, и правительство выплачивает ему определенную сумму. Так называемый отрицательный налог на доход. Почти все его получают. Кроме того, за каждое зарегистрированное Убийство выплачивается премия.

— А как же правительство может себе такое позволить? Ведь оно, наверное, поддерживает таким образом половину населения!

— Все рассчитано до мелочей. Охота — главная приманка для туристов и основная статья доходов. Благодаря ей на Эсмеральду стекаются деньги, поэтому правительство делает все возможное для сохранения фондов поддержки Охотников и Наводчиков. К сожалению, это лишь капля в море, я по себе знаю.

— Правда? — удивился Хэрольд. — А вид у вас — как у преуспевающего человека.

— Надо же марку держать. Но сейчас я сижу на мели. Почти все деньги потратил на развлечения. К ним привыкаешь быстрее, чем к Убийству. Я предаюсь самому сильному из пороков — карточной игре.

— А разве вы не можете бросить играть?

— Наверное, нет. Во всем мире нет таких правил игры, как на Эсмеральде. Азартные игры на нашем острове не только разрешены, но иногда и обязательны.

— Правительство заставляет вас играть?

— Большинство из нас заставлять не приходится. Тяга к риску в крови каждого эсмеральдца.

— А что происходит с теми, кто проигрывает?

— Если они проигрывают слишком много, их ждет банкротство.

— А потом?

— Те, кто оказался полным банкротом, занимают места на самой нижней ступеньке социальной ле-

стницы. У них нет денег, им никто не дает в долг, все их имущество переходит в собственность государства, а сами они становятся государственными рабами.

— Рабами? Не может быть! В наше время рабства не существует!

— Разве? — иронично спросил Альбани и повернулся к бармену. — Чарльз, расскажи мистеру Эрдману про рабство.

— С удовольствием, — радостно откликнулся тот.

Это был лысый мужчина с огромным животом и плоским, как тарелка, лицом. Бармен вытер здоровенные красные руки о замызганный фартук в синюю и белую клеточку.

— Я расскажу вам все, как оно есть на самом деле. Видите кольцо? — Он протянул Хэрольду ладонь. — Это знак государственного раба.

На вид это было обычное кольцо из какого-то черного блестящего материала — возможно, эбонита — с блестящим камешком.

— Весной исполнится три года, как я стал рабом, — продолжал Чарльз. — Пять карточных долгов — вот как я сюда попал. Во время туристского сезона должен работать в этой гостинице. В остальное время проверяю грузы на государственной таможне.

Хэрольд не знал, что и сказать. Как можно расспрашивать раба, как тот относится к рабству? Было бы понятно, если бы он испытывал стыд. Но у Чарльза и мысли об этом не было. У Альбани тоже.

— В таком месте без рабства не обойтись, — сказал Майк. — Наши граждане только и делают, что развлекаются или ищут новые развлечения. Поэтому для обычной работы просто не хватает людей, некому поддерживать существующий строй. Тяжело даже найти желающих на некоторые должности в местном правительстве. Большинство его членов — тоже рабы. Рабство — единственный способ заставить людей заниматься серьезными вещами, такими, как охрана здоровья или строительство.

— Вот это да! — только и сказал Хэрольд.

— Рабовладельческая система всем по душе, — добавил Чарльз. — Можешь сколько угодно рисковать и развлекаться, не опасаясь, что тебя подстерегает

какое-то несчастье, разве что убить могут. Самое страшное, что может произойти, — когда прокутишь все деньги и будешь вынужден сам зарабатывать себе на жизнь.

— Но даже в этом случае, — добавил Альбани, — это не навсегда. Естественно, рабы начинают с самой грязной работы или добывают в карьерах соль. Но если повезет, можешь подняться по административной линии. Рабы, которые являются членами администрации, зарабатывают кучу денег. Можешь представить, какие оклады они себе назначают. Поэтому государственный раб очень быстро может себя выкупить.

— Все это мне кажется довольно странным, — признался Хэрольд. — Хотя здесь и присутствует здравый смысл. Единственное, чего я никак не могу понять — зачем богатым людям рисковать, принимая участие в Охоте?

— Для того чтобы это понять, надо обладать определенным складом ума, — сказал Альбани. — Думаю, со временем ты сам все поймешь. Многие из нас считают, что куда лучше быть хорошим Охотником, чем кем-либо иным.

— А что нужно, чтобы стать хорошим Охотником?

— Крепкие нервы и везение. Тут ничего не стоят всякие военные глупости, такие, как владение оружием, быстрая реакция, умение незаметно куда-то проползать и тому подобное. Главное в Охоте — уметь жить среди опасностей своей обычной жизнью.

— Тут у вас, наверное, полно всяких злодеев.

Альбани это не понравилось.

— Ничего подобного. Большинство Охотников составляют люди, стремящиеся досконально изучить человеческую психологию.

— Убедили вы меня или нет, но мне это все необходимо как следует обдумать, — сказал Хэрольд.

Зазвенел стоявший на дальнем конце стойки телефон. Чарльз взял трубку. Сказав несколько слов, он позвал Альбани. Тот подошел к телефону, поговорил несколько минут и вернулся.

— Я бы с удовольствием продолжил нашу дискуссию, но меня ждут дела. — Он посмотрел на часы. —

Ровно через двадцать минут я должен быть в засаде. Но если нам по дороге, могу подкинуть.

— А где эта засада? — поинтересовался Хэрольд.

Он закурил еще одну сигарету с наркотиком, в голове просветлело, и на все стало наплевать.

— А, это за городом, на Кватранангских высотах, недалеко от Тюльпанового дворца и зоопарка. Очень живописная местность, если ты еще там не бывал.

— Поехали! — согласился Хэрольд.

Глава 19

Пурпурное солнце, проглядывавшее сквозь облака, окрасило белоснежные дома Эсмеральды в розовый цвет. Усевшись в машину рядом с Альбани, Хэрольд услышал шелест пальмовых крон, колымавшихся от вечернего бриза на Океанском бульваре. В такой чудесный вечер, проезжая по бульвару с пальмами, вряд ли думаешь, что будешь делать, когда приедешь в место назначения. Главное — ехать. Какая разница, куда приведет тебя дорога — на свадьбу или на похороны.

Свежий ветер с моря пах солью и йодом. С берега несло затхлым запахом водорослей, выброшенных приливом на пляжи. Альбани вел машину уверенно, мимо пролетали бело-розовые предместья Мальдорадо и Инчбурга.

Выехав за город, они свернули с шоссе на дорогу, которая поднималась к Ланширским высотам. Мелькнул указатель «К зоопарку», и скоро начался небольшой лесок. Они продолжали подниматься, воздух становился все холоднее. Внезапно их глазам открылась панорама равнинной Эсмеральды — разбросанные по зеленому полю фермы, тянувшиеся до блестящей поверхности моря.

Альбани затормозил возле входа в зоопарк.

— Можешь выходить. Зоопарк у нас действительно хороший. Единственный на весь Карибский бассейн, где еще остались дикие звери. Отсюда в город ходит автобус.

— Мне, конечно, хочется посмотреть, но как-нибудь в другой раз. Вы не против, если я пойду с вами? Я никогда еще не был в засаде.

— С удовольствием возьму тебя с собой.

Альбани проехал еще немного и свернул на грунтовую дорогу. Не рассчитанная на такое покрытие, машина подпрыгивала на кочках, днище скреблось об острые камни. Кое-как дотянув до поворота, Альбани остановился, выключил мотор и включил сигнализацию охраны.

— Дальше придется идти пешком, — сказал он.

Они направились к лесу по узенькой тропинке. Продравшись через густые заросли, они вышли на вершину горы, с которой открывался вид на дорогу, петляющую в ста футах ниже. Перед ними на краю ущелья находилась похожая на деревянный ковш V-образная конструкция, доверху заполненная валунами. Под ковшом виднелась платформа с зубчатыми шестеренками какого-то странного механизма.

— Стоит только крутануть ручку, и вся эта груда камней свалится на дорогу, — объяснил Альбани. — Тонкий расчет, не правда ли? Мои помощники соорудили эту засаду еще несколько месяцев тому назад. Люди подстерегают друг друга на маршрутах, которыми обычно пользуются. А опытный Наводчик должен предвидеть развитие событий.

— И что же случится? — спросил Хэрольд.

— Скоро по этой дороге проедет машина. В ней будет сидеть Жертва — мистер Дразз из Техаса.

— Эй, — сказал Хэрольд. — Да я же вместе с ним прилетел сюда на одном самолете!

— Он приезжает на Эсмеральду каждый год. Помоему, это у него уже шестая Охота. И последняя. Когда я крутану ручку, камни высыплются перед его автомобилем, перекрыв дорогу. Дразз придется выйти. Пока он сообразит, что к чему, Охотник — некто мистер Скотт Джеффрис, на которого в настоящее время я работаю, изрешетит его пулями.

— Не слишком ли это сложно? Неужели его нельзя убить более простым способом? — удивился Хэрольд.

— Можно, — презрительно скривил губы Альбани. — Но такие засады являются частью традиции Охоты. К тому же благодаря им сохраняется потребность в Наводчиках. А теперь нам осталось проверить, все ли в порядке.

Альбани вынул из кармана пиджака миниатюрный радиопередатчик и вытащил длинную гибкую антенну.

— Мистер Джеффрис, вы на месте?

В динамике послышались статические разряды.

— Да, я готов, — высоким возбужденным голосом отозвался Охотник.

Альбани взглянул на дорогу.

— Отлично, он появился именно тогда, когда я и рассчитывал.

С такой высоты серебристая машина, в которой приближалась Жертва, казалась игрушечной. Альбани наклонился вперед, держа руку на рычаге механизма. Хэрольд стоял в нескольких футах от него и наблюдал. Внезапно краем глаза он заметил какое-то движение позади себя. Что-то блеснуло на поросшем лесом склоне горы чуть правее от них. Хэрольд обернулся. Снова что-то блеснуло. А потом он увидел, как что-то, словно тень, движется среди деревьев.

Хэрольд не знал, кто это и что это все означает, но весь напрягся, и кровь застучала у него в висках.

— Ложись! — закричал он и сбил Альбани с ног.

Через долю секунды послышался звук выстрела из мощной винтовки. Пуля попала в камень, возле которого только что стоял Альбани.

Хэрольд стал подниматься. Альбани дернул его за руку. С одинаковыми интервалами прозвучали еще четыре выстрела. Откуда-то снизу донесся рев мотора, потом звук стал понемногу стихать и пропал совсем — машина проехала мимо засады.

— Что нам теперь делать? — растянувшись на земле, спросил Хэрольд.

— Будем ждать. Все понятно: где-то тут в лесу прячется Наводчик. Он не имел права в нас стрелять. Так никогда не поступают. С профессиональной точки зрения это просто незачно.

— А разве вы не можете выстрелить в ответ?

— Я никогда не ношу с собой оружия. Наводчикам это не разрешается. Но даже если бы у меня и был пистолет, я бы не стал нарушать правила из-за какого-то негодя. Просто будем лежать. Скоро сюда поднимется Джеффрис, и Наводчик уйдет.

— А он не станет убивать Джеффриса?

— Нет, конечно. Наводчикам запрещается убивать Охотников.

Через несколько минут на холм взобрался Джеффрис, держа в руках винтовку. Он был невысокого роста, с лицом цвета слоновой кости, намаженными черными волосами, маленькими усиками и родинкой над верхней губой.

— С вами все в порядке, Альбани? — поинтересовался он.

— Да, вроде все в порядке. Но, судя по всему, меня выследили. И хуже того, предвидели все мои действия. Честно говоря, я чувствую себя морально уничтоженным.

— Не принимайте этого близко к сердцу, друг Альбани, — успокоил его Джеффрис. — Такое с каждым может случиться.

— Но ведь я сорвал вам Убийство, — в отчаянии ломая руки, продолжал Альбани.

— Даже не думайте про это. Что-то у меня нет сегодня интереса к Охоте. Мой врач утверждает, что я надышался кордита. Так что не обращайтесь внимания. А это кто?

— Друг. Мистер Хэрольд Эрдман из Америки. Он спас мне жизнь.

— Молодец, — похвалил Джеффрис. — Мне бы не хотелось вас потерять, Альбани. Не так уж много нас осталось из старой гвардии. Пора возвращаться. Пристрелим его в следующий раз. Договорились, Альбани?

— Можете не сомневаться.

— Позвоните, когда придумаете что-нибудь новенькое. И лучше всего в городе. Мне не нравится лазить по горам. Рад был с вами познакомиться, Эрдман.

Повернувшись, Джеффрис стал спускаться по склону.

По дороге в город Альбани не сказал ни слова. И только остановив машину возле входа в «Эстрелю», произнес:

— Хэрольд, ты мне очень помог. Как ты узнал, что там кто-то прячется?

— Я увидел, как блеснуло стекло его оптического прицела.

— На таком расстоянии? Ну ладно. У тебя прекрасная реакция. В нашей игре ты станешь победителем. Слушай, не хочешь ли ты завтра пойти на прием?

— На прием? — спросил Хэрольд. — К кому?

— На Охотничий бал. Его проводят раз в год перед началом Сатурналий. Попасть в число гостей практически невозможно. На него приходят все Охотники и, как всегда, артисты, рок-звезды, сенаторы и так далее. Будет про что рассказать друзьям...

— Никаких планов на завтра у меня нет, — признался Хэрольд. — А девушку я могу с собой взять?

— Конечно. — Наводчик вынул бумажник и достал оттуда приглашение на двоих. — Это в Охотничьей академии. Приходите к десяти, когда начнется самое интересное.

Глава 20

Рейс 461 из Атланты задерживался уже на целый час, и Луэйн Добрей почти кипел от злости. Сейчас он с головой ушел в Охоту, что, как он и предвидел, вытянет из него все соки, а кузина Джекинс — студентка последнего курса Беннингтонского университета — в последнюю секунду решила приехать к нему на каникулы.

Визиты Джекинс всегда приходились на самое неудобное время. В прошлом году она также решила приехать в последнюю минуту, и Луэйн знал наверняка, что она поступила так, чтобы заставить его лишний раз понервничать, поспешно договариваясь о комнате для нее. Тогда это выбило его из колеи, и Убийство вышло такое неудачное, что его критиковали не только газеты, но и всегда относившееся к нему с симпатией «Охотничье шоу», телепередача, в которой ведущий Гордон Филакис обозвал его случайной вивисекцией, добавив, что Луэйн действовал с изяществом кобылы, упавшей на крота.

Впрочем, так оно и было. Жертвой был мужчина в очках с толстыми линзами, а Луэйн попытался срубить ему голову на скаку, однако тот погиб лишь потому, что кобыла Охотника испугалась и упала на Жертву. Луэйн не любил вспоминать этот случай. С тех пор его стали преследовать неудачи.

Сначала он было решил послать вместо себя в аэропорт Сузера, своего Наводчика, но ему пришла в голову мысль, что Джекинс может обидеться и пожаловаться его матери. Мать Луэйна, которая после смерти мужа жила одна в Шароне, штат Коннектикут,

получила в наследство все семейное состояние, и сын полностью от нее зависел.

Сара Добрей не принимала философии Охотничьего Мира. Она неоднократно утверждала, что убивать друг друга должны лишь бедняки, а жизнь богатых людей — слишком большая ценность, чтобы приносить ее в жертву. Однако Луэйн как либерал был убежден, что кто угодно имеет право убивать кого угодно, все равно, богатого или бедного.

Лучшей подругой Сары Добрей была Эллен Джоунз, мать Джекки. Если кузина дома расскажет, что он был так занят Охотой, что не мог сам ее встретить... Ну, может, ничего и не случится, но зачем рисковать такой важной вещью, как деньги?

Вот почему он и сидел в зале ожидания аэропорта, куря одну сигарету за другой до тех пор, пока в ясной голубизне карибского неба не показался самолет. Он снижался, оставляя за собой темный шлейф выхлопов.

А вот и Джекинс. Двадцатилетняя стройная девушка среднего роста с короткими, модно подстриженными блестящими волосами, симпатичным личиком и тонкими малиновыми губками.

— Луэйн, дорогой, как хорошо, что ты меня встретил! Мне страшно хотелось снова тебя увидеть!

Нельзя сказать, что она сильно любила Луэйна, просто ей нравилось бывать в Охотничьем Мире, особенно во время Сатурналий. К тому же у Луэйна была прекрасная квартира как раз рядом с Центральной площадью.

— Как я рад, Джекинс! — Он всегда называл ее полным именем, — Если ты не против, дорогая, мы сразу же поедem домой. Понимаешь, я как раз сейчас охочусь... Твой багаж привезут позже.

Тридцатичетырехлетний Луэйн Добрей был среднего роста со светлыми волосами и тонкими, почти незаметными бровями. Его отец, удачливый биржевой маклер из Нью-Хэвена, штат Коннектикут, бросив дела, стал известным на Эсмеральде Охотником, который имел на счету двенадцать Убийств до того, как какой-то сопляк, переодетый официантом, не пригвоздил его автоматной очередью к столу, уставленному итальянскими блюдами.

Сара, мать Луэйна, светская дама, гордившаяся тем, что в ее жилах течет одна восьмая ирокезской крови, осталась в Шароне, чтобы заправлять семейными финансовыми делами и держать антикварную лавку. Ей всегда хотелось этим заниматься. У Луэйна была шикарная квартира в Эсмеральде и небольшая вилла за городом. Ему было доступно все, о чем только может мечтать мужчина, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

Проводив Джекинс в ее комнату, он вернулся в гостиную и сел за стол. Луэйну нравилось рассматривать свое оружие. Больше всего ему нравились три пистолета: «уэбли-мартин 303», двухствольная крупнокалиберная «беретта», стрелявшая патронами от «сорокчетверки» и длинноствольный револьвер 22-го калибра. На столе у него лежали еще несколько пистолетов, остальные были спрятаны в навесном шкафчике из черного дерева. В комнате пахло оружейным маслом.

В гостиную вошла Джекинс Джоунз. Она разлеглась на диване, высоко задрав ноги в чулках, и положила зажженную сигарету в пепельницу на журнальном столике. Луэйну было видно лишь копну черных волос и ноги в красных чулках, которыми кузина лениво покачивала, листая страницы купленного в самолете журнала мод.

Зазвонил телефон. Луэйн потянулся к нему, но Джекинс уже схватила трубку параллельного аппарата, который стоял на столике рядом с ней.

— Салли? Это ты, дорогая? Да, я только что прилетела! Да, чудесно! Разумеется, я буду на Охотничьем балу. Ты что наденешь?

Луэйн корчил страшные гримасы, показывая на телефон.

— Лучше поговорим потом, — сказала Джекинс, — Луэйн ждет звонка. До встречи. — Она положила трубку и спросила: — Теперь доволен?

— Извини, но мне должен позвонить Наводчик.

— На этот раз ты Охотник или Жертва?

— Охотник. Моя жертва — Фред С. Хэррис.

— Что-то же слышала про такого.

— Он не местный. Приехал из Нью-Джерси. Это его третья Охота. Очень ловкий парень с седыми волосами. Насколько мне известно, он какой-то киношник. Мне удалось узнать, что его голыми руками не возьмешь.

— А Наводчик у тебя до сих пор Отто Спренглер? Луэйн покачал головой.

— Нет. Он погиб во время штрафной «Отчаянной езды».

— Мне, наверно, никогда не понять этого обычая.

— Не все обычаи требуют объяснений.

— И кого же ты нанял на сей раз?

— Эда Сузера. Ты его знаешь. Толстяк с головой, похожей на арбуз. Он приехал сюда из Ки-Уэста.

Джекинс покачала головой.

— Похоже, я его не знаю, да он меня совершенно не интересует. А почему не Том Дрэймор? Ты всегда так его расхваливал.

— На этой неделе он очень занят.

— Даже для тебя? Что-то мне не верится, ведь ты столько платишь.

— Он не нуждается в работе. В последнее время ему очень везет. Я попытался его нанять, но его никогда не бывает дома, а на мои звонки он не отвечает. Скорее всего, просто избегает меня.

— Но почему?

— Тебя здесь очень долго не было, Джекинс. Ты не видела моей последней Охоты.

— Ты как раз готовился к ней, когда я вернулась в Беннингтон. Что случилось? Ты же убил его, не так ли?

— Конечно. Иначе бы я сейчас не сидел с тобой, правда?

— Тогда в чем дело?

— Охотничьи судьи называли его незлегантным убийством. Лишь потому, что я пристрелил Жерту.

— Но ведь это не противоречит правилам?

— Конечно, нет. Все абсолютно законно. Они просто разозлились, что я прикончил его как раз перед Зданием гостеприимности прямо под носом у туристов. Несколько иностранных турбюро отказались от контрактов. А я-то тут при чем? Чего они еще

ждали? Если они такие чувствительные, вообще не надо сюда ездить. Господи, разве это тайна, чем мы занимаемся в Охотничьем Море?

— А за незелегантное убийство существует какое-нибудь наказание?

— Нет. В Охотничьем кодексе ясно сказано, что Жертву можно убивать где угодно. Однако существуют требования стиля, а также ежегодная премия за лучшее убийство «Бойцу года» и Великая Расплата. Таких вершин мне никогда не достигнуть.

— Бедный Луэйн, — вздохнула Джекинс.

— Я ведь не шучу. Ты же ничего не знаешь про мои первые Убийства. Люди утверждали, что никогда не видели ничего лучшего. Тогда я использовал только пистолет 22-го калибра и мог стрелять обеими руками. Я укладывал свои Жертвы на месте, прежде чем они соображали, кто в них стреляет. Мне сулили самые высшие награды. Про меня писали в газетах, и телевидение тоже не обходило вниманием. А потом как будто сглазили. На тренировках я был не в худшей, чем обычно, форме. А вот в настоящих стычках меня как будто заклинивало — не мог попасть ни в голову, ни в сердце и, черт побери, чуть сам не стал Жертвой. Вот какие у меня сейчас неприятности, Джекинс. Но дело не во мне, а в семейной чести.

— Может, на сей раз тебе повезет.

— Очень надеюсь. Я уже хотел обратиться к психиатру. Ты первая, кому я об этом рассказываю. Иногда мне кажется, что я просто старею.

— Стареешь? В тридцать четыре года? Не говори глупостей, — фыркнула Джекинс, хотя мысленно отметила, что Луэйн действительно стал понемногу сдавать.

— Я не чувствую себя старым, — продолжал Луэйн, — но...

В этот момент зазвонил телефон. Схватив трубку, Луэйн что-то выслушал, ответил: «Хорошо, Сузер» — и положил ее на рычаг. Потом быстро надел специальный жакет с внутренними карманами для оружия.

— Мне надо бежать, — сказал он Джекинс.

— А мне с тобой можно?

— Нет. Увидимся позже.

— Возьми меня с собой, Луэйн! Я так давно тут не была, и мне будет интересно посмотреть, как ты охотишься. Может, я принесу тебе счастье.

— Наоборот, — возразил Луэйн. — Присутствие женщины на Охоте — плохая примета. Когда вернусь, все тебе подробно расскажу.

И он нетерпеливо отстранил ее от двери. Джекинс никогда не видала его таким нервным. Если и это Убийство окажется таким же плохим, настроение у него совсем испортится. Мужчины все такие.

Глава 21

Луэйн встретился с Сузером в кафе Блэйка в районе городского аквариума. Тот извинился за задержку, объяснив, что Жертва, мистер Фред С. Хэррис из Саммита, штат Нью-Джерси, провозился с обедом гораздо дольше, чем предполагалось, а потом спутал все карты, отправившись в отель поспать после еды. Но потом он снова появился, свежий и выбритый жизнерадостный толстяк с тоненькими усиками, которые уже начинали седеть.

— И где он сейчас? — спросил Луэйн.

— В книжном магазине на противоположной стороне улицы. Он заглядывает туда каждый день. Хотя только один раз купил там книгу.

— Какую?

Вытащив из заднего кармана блокнот, Сузер сказал:

— Библию Охотника, издания 2091 года.

— Символично, правда? Как он вооружен?

Сузер перевернул страничку.

— У него при себе «магнум руджер редхок ДА» 44-го калибра в мексиканской кожаной кобуре под мышкой и «торус» 85-й модели, калибр 38, на бедре. К левой ноге привязан длинный охотничий нож фирмы «Боуи».

— Ничего не скажешь, ты действительно все знаешь. Может, тебе известно, какого цвета у него трусы?

Сузер полистал блокнот.

— Наверно, где-то записано.

— Это мне не нужно, — сказал Луэйн. — Как он стреляет?

— Закрывает глаза и нажимает на спусковой крючок.

— Приятно слышать, — сказал Луэйн и тут же помрачнел. — Однако иногда таким стрелкам везет.

— Только не этому парню, — возразил Сузер. — Он — настоящая ходячая смерть. Только и ждет, чтобы его пристрелили. Предлагаю план А, прямое сближение. Сразу, как он выйдет из книжного магазина, следуй за ним. Пусть он увидит тебя уже возле Ферфакса. Тогда он повернет в переулок между Софрито и Мэйн, куда выходит дверь запасного хода ресторана Шульца. Он будет думать, что там устроит тебе засаду. Но попадет в нее сам.

— Убийство обещает получиться что надо, — сказал Луэйн, обращаясь скорее к себе, чем к Сузеру.

— Все в твою пользу, — продолжал Сузер. — Прекрасный узенький переулок, свет прожектора, который ослепит его, и та маленькая неожиданность, которая будет подстергать его возле дверей. Все рассчитано до мельчайших подробностей. Какое оружие ты собираешься использовать?

— «Уайдли», — сказал Луэйн, вытаскивая автоматический пистолет из-под мышки. — Тяжеловатый, правда. Пятьдесят одна унция, ствол шесть дюймов, и топорщится под спортивной курткой, но стреляет чертовски точно, а в обойме — четырнадцать патронов.

— А какие у тебя патроны?

— Девятимиллиметровые «винчестер магнум», я также возьму «смит энд vesson» 59-го калибра. Так, на всякий случай.

— Правильно, надо всегда иметь что-нибудь про запас, — согласился Сузер. — Смотри, он выходит!

Фред С. Хэррис вышел из книжного магазина и быстро зашагал по Мэйн-стрит. Выхватив из кобуры «уайдли», Луэйн сжал его в руке и выскользнул из кафе. Он почти бежал, пока не оказался в двадцати футах от Хэрриса, и лишь тогда сбавил шаг. Приятно было ощущать в руке «уайдли» — мощное, надежное оружие. Сняв пистолет с предохранителя, он загнал патрон в патронник. Хэррис как раз перед глазами. Луэйну хотелось выстрелить, но было еще рано:

слишком много народу вокруг, а за выстрел в прохожего сурово наказывали.

Хэррис его заметил и тоже вытащил пистолет. Но стрелять не стал, а продолжал идти быстрым шагом, а потом побежал. Его седые волосы развевались на ветру. Он петлял, словно заяц, стараясь затеряться в толпе. Луэйн тоже бежал, чувствуя, как в висках стучит кровь, как усиленно выделяется адреналин и распространяется по всему организму, как это случается в те наиважнейшие моменты жизни, когда весь мир вокруг тебя как бы замирает и ты чувствуешь себя бессмертным.

Хэррис свернул в переулок, как и предполагал Сузер. Сузер разгадал план Хэрриса. Тот хотел заманить Луэйна в переулок, а потом через заднюю дверь заскочить в ресторан Шульца. В двери было сделано отверстие, как раз достаточное, чтобы просунуть дуло. Сама дверь была обшита стальными листами. Хэррис думал, что под прикрытием стальной брони он легко подстрелит незащищенного Луэйна в переулке. Эту идею ему, наверно, продал какой-нибудь придурковатый дисквалифицированный Наводчик. Лучше уж заплатить деньги, но иметь наилучшего.

В тот момент, когда Луэйн свернул в переулок, Хэррис как раз подбежал к двери. Он дернул за ручку, но дверь оказалась запертой. Сузер все продумал. Когда Хэррис нажал кнопку звонка, включился мощный прожектор, также установленный Сузером. Яркий свет ослепил Хэрриса, и тут до него дошло, что он в ловушке. Он вслепую попытался привести оружие в боевую готовность. Луэйн остановился, крепко сжимая пистолет обеими руками, и начал стрелять.

Хэррис выстрелил один раз, не целясь. А потом оступился и упал назад на мусорный бак.

Будучи в состоянии крайнего возбуждения, Луэйн выстрелил еще несколько раз и только потом понял, что берет слишком высоко. Он немного спустил дуло, не прекращая стрельбы, — и внезапно пистолет дал осечку: кончились патроны. Черт побери, он расстрелял всю обойму!

Луэйн стал рыться в кармане, обливаясь холодным потом. Как это его угоразило так быстро расстрелять все патроны! Теперь Хэррис запросто может его убить. Все, что ему нужно сделать, — это выставить дуло из-за мусорного бака и выстрелить.

Однако Хэррис не шевелился. Когда Луэйн нашел обойму и зарядил пистолет, выяснилось, что Хэррис мертв, а Луэйн поразбивал много окон по обе стороны переулка.

Итак, он снова выиграл. Зажмурившись, Охотник стоял совершенно неподвижно, а напряжение и энергия вытекали из его тела. Когда он открыл глаза, в переулке он уже был не один. Луэйн не сразу разглядел шляпу защитного цвета и голубой эмалевый знак Учетчика, который с блокнотом и карандашом склонился над баком, готовясь записать данные о статусе погибшего в Охоте.

— Сколько раз я в него попал? — поинтересовался Луэйн.

— Ни разу. На нем ни царапины.

— Шутите. Он же мертв, не так ли?

— Конечно, мертв. Но не от твоей руки. Посмотри сам.

Луэйн подошел ближе. На лице Фреда С. Хэрриса из Саммита, штат Нью-Джерси, застыло выражение спокойствия, которое часто бывает у покойников.

Учетчик выпрямился.

— Скорее всего, он упал на бак с мусором и сломал себе шею. Люди просто не представляют себе, как легко сломать шею, упав спиной на цилиндрический предмет. Придется написать, что смерть произошла по естественной причине.

— Подождите! — выкрикнул Луэйн. — Вы не можете так написать в рапорте.

— Почему это?

— Потому что я не получу премию за Убийство.

— Я записываю лишь то, что вижу, — возразил Учетчик, держа в зубах огрызок карандаша.

Луэйн сунул пистолет в кобуру. Его рука полезла в карман и вытащила оттуда другое могущественное оружие — деньги. Учетчик жадно посмотрел на них — и покачал головой.

— Я не могу написать, что ты его убил. Крови нет. Меня об этом могут спросить, и тогда неприятностей не оберешься.

— О крови я позабочусь, — сказал Луэйн, вытаскивая «уайдли» и целясь в Хэрриса. — Он все равно ничего не почувствует.

— Слишком поздно, — возразил Учетчик. — Появились свидетели.

Пожилой мужчина и крашеная блондинка, очевидно его жена, в платье какого-то жутко яркого цвета уже стояли в нескольких футах от них и щелкали фотокамерами, снимая сначала труп, потом Луэйна с Учетчиком, а потом друг друга.

— Туристы, — сказал Учетчик. — Так надоели, но что бы мы без них делали?

Луэйн злобно смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом. Тогда он насильно засунул несколько банкнот в руку Учетчика.

— Пишите что угодно, только не позорьте меня.

Учетчик кивнул, положил деньги в карман, на минуту задумался и написал: «Умер от перелома позвоночника, который получил, пытаясь спастись от неминуемой смерти от руки своего Охотника, мистера Луэйна Добрея».

Ничего особенного, но этого было достаточно, чтобы Луэйн получил стандартное подтверждение успешной Охоты. И причитающуюся награду он тоже получит.

Домой Луэйн вернулся полностью разбитый, чувствуя отвращение к самому себе. Джекинс куда-то ушла. Он сидел в полутемной гостиной и предавался мрачным раздумьям. Как же он мог не попасть ни разу из четырнадцати выстрелов?

Он включил телевизор, чтобы посмотреть «Новости Охоты». Гордон Филакис, ведущий «Охотничьего шоу» как раз делал обзор сегодняшних Убийств. Дойдя до Луэйна, он сказал: «Лишь потому, что Жертва поскользнулась, никто не заметил, как поскользнулся Луэйн Добрей. Может, в следующий раз Жертва не будет такой услужливой».

Со стороны Филакиса это была огромная подлость, и Луэйн раздраженно выключил телевизор. Черт

возьми, просто ему не повезло. Луэйн решил, что своей следующей Охотой он докажет, чего стоит. В следующий раз его Убийство будет отличаться изысканным стилем. Он рассчитает все до мелочей и не совершит ни малейшей ошибки. Наймет самого лучшего Наводчика. Проблема лишь в том, чтобы найти подходящую Жертву

Глава 22

Испытания для Охотников проводились ежедневно с девяти до четырех в отделении Охотничьей академии, невысоком бетонном здании. Нора настояла, чтобы проводить Хэрольда до самой двери.

— Слушай, Хэрольд, — сказала она, — ты уверен, что тебе этого действительно хочется? Если ты пройдешь испытания, ты — Охотник и обратного пути нет. Через несколько дней компьютер пришлет тебе имя твоего первого противника. Тебе не разрешат покинуть остров, пока ты его не убьешь, или он... сам знаешь.

— Я все знаю, Нора, — ответил Хэрольд. — Я приехал сюда, чтобы охотиться и зарабатывать деньги, и именно этим собираюсь заняться.

— У меня тут есть несколько друзей. Я уверена, что мне удастся найти тебе место бармена. Здесь дают неплохие чаевые. У тебя получится.

Хэрольд покачал головой.

— Не для того я столько сюда добирался, чтобы работать в баре.

— Я не хочу, чтобы тебя убили!

Она бросилась к нему на шею. В ее голубых глазах блестели слезы. Он обнял девушку, а затем сделал шаг назад.

— Лучше жди меня дома. Когда все закончится, я сразу же вернусь. Сегодня мы идем на прием.

— На какой прием?

— Альбани сказал, Охотничий бал. Якобы очень-очень интересное мероприятие.

— Охотничий бал? Это же самое главное торжество года! О Хэрольда, как здорово! Но ведь мне нечего надесть.

— Что-нибудь найдешь. Увидимся позже.

Нежно поцеловав девушку, Хэрольд зашел в здание.

Чиновник по имени Бакстер помог ему заполнить анкеты. Бакстер, огромный пузатый мужчина, казалось, вот-вот был готов родить арбуз. У него были черные кучерявые волосы, а на носу поблескивали узкие очки. Когда Хэрольд закончил писать, он провел его через двери с надписью «Испытания Охотников» и дальше по коридору до большой комнаты, залитой флюоресцентным светом ламп, висевших на потолке. В дальнем конце комнаты виднелась ярко окрашенная дверь с надписью «Вход в аттракционы».

— Тебе туда, — показал Бакстер. — Проходи через дверь и иди по коридору. Двигаться можно только в одном направлении, ты не заблудишься. Но как только туда зайдешь, возвращаться уже нельзя.

— А что я там должен делать?

— Что угодно, лишь бы защититься. Тебе понадобится вот это. — Он снял с полки кувалду с длинной ручкой и протянул Хэрольду. — Я встречу тебя возле выхода, если с тобой, разумеется, ничего не случится.

Хэрольд кивнул, взвесил в руке кувалду и посмотрел на дверь.

— А что там такое?

— Сам увидишь. Больше мне ничего нельзя тебе говорить.

— И это единственное оружие, которым мне можно пользоваться?

— Да.

— А когда я получу задаток?

— Сразу же после испытаний. Если ты окажешься раненным, но не настолько, чтобы тебя нельзя было поставить на ноги, тебе оплатят лечение. Если ты погибнешь, деньги перейдут лицу, которое ты указал в анкете как наследника.

Своей наследницей Хэрольд назначил Нору.

— Как часто люди погибают во время испытаний? — поинтересовался он.

— По мере необходимости, — ответил мистер Бакстер.

— Простите, не понял?

— Я имею в виду, как это надо статистике. Мы не рассматриваем отдельные испытания.

— Тогда что вы имеете в виду под статистикой?

— Тебе следовало бы прочитать нашу брошюру, — сказал мистер Бакстер. — Совет Охотничьего Мира устанавливает количество Охотников и Жертв, которые могут одновременно противостоять друг другу в нашем городе. Если позволить охотиться в одно и то же время большому количеству людей, начнется хаос. Поэтому, меняя степень сложности испытаний, мы контролируем количество игроков в зависимости от увеличения или уменьшения спроса на Охотников.

— Вроде бы понял, — сказал Хэрольд. — А какая степень сложности сейчас?

— Ноль семьсот двадцать пять тысячных.

— Высокий уровень?

— Не такой, как три года назад.

— Это хорошо.

— Но выше, чем в любом другом году с тех пор. Кстати, тебя будут записывать на видеопленку. Если все пройдет хорошо, увидишь свое представление в сегодняшнем выпуске вечерних новостей. А теперь — вперед.

Хэрольд вошел в комнату аттракционов.

Постоял немного в проходе, чтобы глаза привыкли к темноте. Дверь с лязгом закрылась за ним. Он прислонился к ней спиной. Она запиралась автоматически. Так он и предполагал.

Откуда-то с потолка доносилось жужжание видеокамеры. Стены слабо светились в темноте. Коридор тянулся еще футов на десять, а потом резко поворачивал влево. Послышался чей-то хохот. Это был записанный смех.

Он пошел вперед, крепко сжимая кувалду. Почему ему дали именно ее?

Откуда-то сверху за его спиной послышалось хлопанье крыльев, и Хэрольд развернулся на месте,

инстинктивно втянув голову в плечи. Мимо него пролетело какое-то существо с короткими широкими крыльями и длинным клювом. Оно сделало круг и снова приготовилось к атаке. Он успел заметить, что это какая-то механическая птица с красными мигающими глазами, стальным клювом и когтями. Хищная, но неповоротливая. Он сбил ее кувалдой и растоптал. Было слышно, как хрустят сломанные детали.

Он пошел дальше по коридору. И сразу же услышал какое-то влажное сопение, доносившееся из темноты. Похоже на медведя, но этого не могло быть, так как медведи остались разве что в зоопарке. Еще одна механическая игрушка, подумал Хэрольд.

Повернув за угол, он увидел какую-то тварь с телом козы, головой льва и змеиным хвостом. Только потом он узнал, что это была реконструкция сказочной химеры из древнегреческих мифов.

С химерой справиться было гораздо сложнее, чем с птицей. Ее компьютерный мозг, казалось, был рассчитан на большее количество движений. Уклоняясь от ударов, она бросилась на Хэрольда, изрыгая пламя. Хэрольд отступал, предчувствуя, что следует ожидать новых сюрпризов. Долго ждать не пришлось. С другой стороны появился огромный скорпион, похожий на тех, которых когда-то изображали в японских фантастических фильмах.

Хэрольд подобрался к скорпиону сбоку и ударил по нему кувалдой, но не так сильно, чтобы уничтожить, а чтобы развернуть его в сторону химеры. Две огромные игрушки набросились друг на друга, а Хэрольд, обойдя их, пошел дальше по коридору.

Потом на него напали какие-то крысopodobные твари и летучие мыши. Они были очень неприятные; с ними он справился без труда. Так он пробирался между всякими созданиями, которым иногда все-таки удавалось его укусить, и в конце концов миновал их без потерь для своего здоровья.

Теперь Хэрольд почувствовал себя увереннее. Может, даже слишком уверенно. Потому что чуть не угодил в следующую ловушку. Прямо перед ним с потолка спустился робот, с головы до ног одетый в черное. Хэрольд попятился — и чуть не лишился головы, когда тот принялся размахивать широким

мечом. Тогда он пришел в себя и замахнулся кувалдой. Ему удалось зацепить конец меча и развернуть робота к стене. Не успел тот повернуться обратно, как Хэрольд разбил его на куски.

Повернув в следующий, уже освещенный коридор, он был готов к любым неожиданностям. Но впереди засиял солнечный свет. Все кончилось, и он увидел мистера Бакстера, который что-то записывал в тетрадь.

— Ну как я?

— Не так уж и плохо. Но испытания были легкими. В этом году требования что-то сильно занижены.

— Тогда зачем вы пугали меня с самого начала?

— Чтобы проверить твои нервы. Мы хотели, чтобы у тебя даже в мыслях не было выйти из игры, раз уж ты решил стать Охотником.

— А что, и такое бывает?

— Конечно. Кое-кто считает, что можно быстро пройти испытания, получить деньги и тут же смыться.

— А что же им мешает это сделать?

— Наша полиция, что же еще? Никто, вступив в игру, не покидает Эсмеральду, не выполнив всех обязательств.

Они вернулись в приемную, где Хэрольду выдали пластиковый значок-свидетельство, который следовало носить не снимая и который придавал ему статус полноправного Охотника. Хэрольду объяснили, что ему следует ждать извещения о своей первой Жертве. Он получит его на этой неделе, если компьютер не будет слишком загружен.

Мистер Бакстер предложил ему для начала «люгер П-38», но Хэрольд от пистолета отказался. Ему хватало собственного «смит энд vessона». Он был ему по руке, и Хэрольд к нему привык.

Кроме того, он получил чек на две тысячи долларов. Как только он его подписал, мистер Бакстер сразу же обменял его на двадцать хрустящих стодолларовых банкнот. Выйдя из здания испытаний, Хэрольд направился на почту. Там он телеграфом отослал тысячу долларов Калебу Отту из Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк, и вернулся домой, чтобы вместе с Норой собраться на прием.

Глава 23

Альбани встретился с Охотником Джеффрисом в табачной лавке города, недалеко от здания суда. Джеффрис выглядел более взволнованным, чем обычно. Это означало, что он готов действовать.

— Мои информаторы сообщают, что ваша Жертва проходит тут каждый день, — сказал Альбани. — Он всегда обедает в одном и том же месте. Вон там, на той стороне улицы — «Аламо Чилли Хаус». Он утверждает, что может есть только их блюда.

— А чем там кормят?

— Бобами с острым соусом и непрожаренной говядиной.

— То есть он специально заказывает себе такую гадость?

— Он из Техаса, — сказал Альбани. — А техасцы — народ особый, они не могут долго обходиться без привычной для них кухни.

— И как же мне с ним встретиться?

— Вообще-то он парень не промах, — сказал Альбани. — Пообедав, он выходит из «Аламо» — всегда с зубочисткой во рту, — проходит квартал и заглядывает выпить пива в бар «Лонгборн», что в конце улицы.

— А какой сорт он предпочитает?

— Разве это имеет какое-то значение?

— Возможно, это поможет мне понять его характер.

— Импортное пиво «Судетский Пльзень».

— Ага, тогда он действительно парень сообразительный, а не такой простака, как может показаться с

первого взгляда. Это очень важно. Запомните, Альбани. Ну и какой у вас план?

— Выпив пива, ваша Жертва возвращается в гостиницу. На нем, как всегда, солнцезащитные очки, благодаря которым он видит, что происходит сзади.

— Плохо, — огорчился Джеффрис.

— Нет, хорошо. Он считает, что очки гарантируют ему полную безопасность. Я обнаружил, что, дойдя до перекрестка Нортрап и Молл, именно там, где надо поворачивать на Сэджуик, он оказывается возле участка, который не попадает в поле его зрения. Днем там такая игра света.

— И большой этот участок?

— Достаточный, чтобы вы на нем уместились, мистер Джеффрис. Вы будете у него за спиной и немного слева. Пистолет он носит с правой стороны. Пройдет он в десяти футах от вас. Стрелять будет очень легко.

— Звучит неплохо, — согласился Джеффрис. — А какое у него оружие?

— «Кольт магнум 357» под мышкой и «Х энд Р» пяти с половиной дюймов модели 6Б6 в сапоге.

— Мощная штука.

— У него не будет возможности ее использовать.

— Вы уверены насчет этого участка?

— Конечно! Там на тротуаре я сделал пометку мелом. Становитесь на нее, и, проходя мимо, он вас не заметит.

— Звучит неплохо, — снова сказал Джеффрис. — Действительно неплохо. Думаю, на этот раз все получится как надо. — Он проверил патронник своего пистолета «моссберг абилен магнум» 44-го калибра. — Я готов.

— Подождите, пока он выйдет из «Аламо». Ну, с богом!

Джеффрис пригладил волосы, положил «моссберг» в карман и вышел на улицу. Завернув за угол, он занял боевую позицию на указанном месте. Жертва в ковбойской шляпе и сапогах с высокими каблуками, которые отличали этого человека среди других прохожих, вышла из «Аламо», как и предполагалось, повернула налево и зашагала по улице. Завернула за

угол. Джеффрис пропустил ее вперед и поднял пистолет.

В этот момент тротуар под ним взорвался.

Альбани со всех ног бросился к месту происшествия. Он не мог поверить в случившееся. Что произошло? На тротуаре лежал Джеффрис, вернее то, что от него осталось, размазанное по асфальту. Жертва вытащила из кармана длинную тонкую сигару, откусила кончик и прикурила. Раздался звук сирены. Рядом с ними затормозила машина официальной «Службы учета Убийств», из которой вылез Учетчик.

— Ваше имя? — обратился он к Жертве.

— Текс Драз.

— Тут у вас прямо море крови, — сказал Учетчик. — Что вы использовали?

— Противопехотную мину под асфальтом.

Альбани приблизился.

— Такие вещи не разрешаются. Есть специальный запрет правительства на использование случайных способов Убийства.

— Эта мина никогда бы случайно не взорвалась, — возразил Драз. — Она была запрограммирована на вес именно этого Охотника.

— Никогда про такое не слышал, — признался Учетчик.

— Эту штуку приготовили для меня мои друзья из Вако. Только что она прошла полевые испытания. Мне кажется, она будет пользоваться здесь спросом — как вы считаете?

— Я протестую! — выкрикнул Альбани.

Учетчик покачал головой.

— Мне кажется, что все было законно. Вы были Наводчиком этого парня? — Он указал на мокрое пятно на асфальте.

— Что? Я, так сказать, являлся его советником, — сказал Альбани. — Предупреждал его, что этот план никуда не годится, так нет же — он все-таки сделал так, как ему хотелось. Я не могу нести за него ответственность.

— Разберетесь в Судейской коллегии, — сказал Учетчик. — Мое заключение: это Убийство вполне законно.

Альбани поспешил уйти. Никогда в жизни ему еще не было так горько. Он ненавидел сброд, наводнивший Охотничий Мир всякими нововведениями, от которых менялась сама суть Охоты. Надо что-то с этим делать. Теперь ему придется заплатить еще один штраф. Ну и денек сегодня выпал! Слава богу, сегодня вечером Охотничий бал. Альбани решил напиться и забыть про все несчастья.

Глава 24

Нора слушала рассказ про испытания и радовалась за Хэрольда. Было приятно, что ее земляку так повезло. И деньги тоже не лишние. Хэрольд заставил ее вытащить из пачки двести долларов и взять их себе.

— Положи в банк под проценты, — посоветовал он. — Не волнуйся, это не последние деньги, заработанные таким путем. После первого Убийства я снова получу вознаграждение.

— Зарабатывать деньги таким образом — рискованное дело, — возразила Нора.

— Наоборот, это очень легко. Конечно, все это может разом прекратиться, если не повезет. И все равно это гораздо лучше, чем сидеть дома. Слушай, Нора, я неплохо поработал и хочу это отпраздновать. Ну как, идем на Охотничий бал?

— Минутку, я только переоденусь.

Переодевание, естественно, продлилось гораздо дольше, но, когда Нора вышла из спальни, ее трудно было узнать в белом вечернем платье с синтетическим мехом на плечах и с аккуратной прической.

— Как я выгляжу?

— Просто чудесно, леди, — ответил Хэрольд. — Кстати, что такое Охотничий бал?

— Это одно из самых главных событий года на Эсмеральде. После Охотничьего бала начинаются Сатурналии.

— Что ж, всегда интересно сходить на вечеринку.

— Тем более на такую. Там подаются чудесные блюда, любые напитки, все наркотики, которые только известны человеку.

— Я к ним не очень-то и привык. Иногда, правда, покурываю травку.

— Тебя никто не заставляет это делать. Я просто рассказываю, что там будет.

— Выбор достаточно богатый. Может, мне нужна новая одежда?

Хотя его шерстяной костюм почистили и выгладили, вид у него все равно был жалкий.

— У меня тут остались вещи Джонсона, — вспомнила Нора. — Он был немного ниже тебя, но шире в плечах. Рубашки и пиджаки должны подойти. И, может, мне удастся удлинить брюки.

— Черт возьми, разве я не могу купить себе новый костюм?

— Побереги деньги, Хэрольд Эрдман, — насмешливо сказала Нора. — Тебе еще понадобятся оружие и Наводчик.

— Я тут столько всяких удивительных пистолетов видел, но все равно мой старый «смит энд вессон» для меня лучше всех. А что касается Наводчика, познакомился я тут с одним по имени Альбани. По его словам, очень хороший Наводчик. Кажется, он без работы. Поэтому, может, и возьмет недорого.

Охотничий бал проводился во дворце мэра, который примыкал к Охотничьей академии. Слуги в униформе указывали прибывающим гостям места на автостоянке и открывали дверцы такси. Многочисленные окна дворца были ярко освещены. Хэрольд чувствовал себя немного неловко в белом смокинге Джонсона, но его массивная фигура все равно производила впечатление.

Они вышли из такси и вошли во дворец.

Нора тут многих знала и скоро уже весело болтала с друзьями. Хэрольд слонялся по залу один, проклиная неудобный смокинг, однако его настроение от этого не испортилось. К нему приблизился официант с бокалами на подносе и предложил выпить. Хэрольд взял бокал с жидкостью зеленого цвета. На вкус она отличалась от мятного коктейля. Потом он узнал, что

это был «Зеленый дьявол» — смесь кокосового и ананасового соков с новым испанским амфетамином, который имел вкус корицы. Наркотические вещества сразу стали действовать, и если у Хэрольда сначала было просто хорошее настроение, то теперь он чувствовал себя просто прекрасно.

Повсюду толпились хорошо одетые люди, играли оркестры, работали буфеты, нескончаемым потоком сновали официанты с полными диковинных напитков подносами. Взяв еще один «Зеленый дьявол», Хэрольд заворуженно наблюдал, как отражается от женских плеч свет хрустальных люстр. Он прислушивался к журчанию чужой речи и почти ничего не понимал. Ему казалось, что здесь у людей какая-то странная манера говорить.

Внезапно он обнаружил, что разговаривает с какой-то очень красивой девушкой с копной черных блестящих волос. На ней было красное платье, плотно облегавшее фигуру и оставлявшее открытыми великолепные плечи и большую часть упругих грудей. Ее звали Джекинс.

— Охота — спасательный клапан всего мира, — говорила она. — Нереализованные импульсы все равно выйдут на поверхность, но уже в худшем варианте. Этого психологического закона достаточно, чтобы оправдать существование Охотничьего Мира.

— Именно так я и думал, — кивнул Хэрольд.

— Не прикидывайся дураком, — весело рассмеялась девушка. — Хорошо известно, что та группа эмоций, которые мы обозначаем словами «Охота», «Убийство», «защита» и так далее, требует постоянной стимуляции, необходимой для здоровой личной и общественной жизни. Это известно каждому.

— О да. Конечно, — согласился Хэрольд.

— Очевидно, — продолжала девушка, — что эмоции современного человека атрофировались. На протяжении столетий Охота заменяла людям борьбу друг с другом. И вот население стало возрастать, увеличились размеры урбанистических центров и число их жителей. Всех животных уничтожили. А потом прекратились войны, и человек потерял возможность

всякого насилия. Этот вакуум и заполнил Охотничий Мир.

— Невероятно! — воскликнул Хэрольд. — Где ты всего этого набралась?

— В Беннингтоне.

— Там наверное действительно хорошо учат.

Вечер был в самом разгаре. В воздухе висел голубовато-желтый дым от наркотиков. Из гигантских колонок редела оглушительная музыка, от которой у Хэрольда вибрировали кости. Жители Эсмеральды оценивали приемы по количеству производимого шума и тому, насколько удачно присутствующие корчили из себя идиотов.

Хэрольд никогда не стал бы здесь победителем. Он никогда не напивался, а наркотики ему вообще не нравились. И хоть у него все уже плыло перед глазами, он не терял контроля над собой. Ему пришлось низко склоняться к Джекинс, чтобы слышать ее слова. Его ухо почти касалось ее накрашенных губ. Он чувствовал прикосновение ее упругих грудей, когда ее нечаянно толкали проходившие мимо.

Внезапно кто-то потянул ее за руку, и Хэрольд увидел мужчину лет тридцати. Это был худощавый блондин с серыми глазами и нервным привлекательным лицом.

— Джекинс, — сказал он, — если ты уже закончила облизывать ухо этого человека — или что ты там с ним делала — Том и Мэнди заказали для нас столик на втором этаже.

— Я как раз излагала ему некоторые теории Охоты, — сказала Джекинс. — Хэрольд, это мой друг Луэйн.

— Рад познакомиться, — протянул руку Хэрольд.

Луэйн посмотрел на нее, как на скользкую лягушку, и смерил Хэрольда взглядом с головы до ног.

— Если вы уже закончили тереться о Джекинс, то мы пойдем, позволив вам снова утонуть в своей анонимности, которой вы, несомненно, заслуживаете.

Хэрольд смотрел на него и не мог понять, понравилось ему это или, наоборот, рассердило. И выбрал нечто среднее.

— Слушай ты, ублюдок! По крайней мере, я считал бы тебя таковым, если бы не знал про общеизвестное гостеприимство жителей Эсмеральды. И никогда бы не понял, что ты пошутил. Если бы кто-то сказал мне такое серьезно, мне пришлось бы бить его до тех пор, пока он не сменил бы тон.

Произнеся эту тираду, Хэрольд широко улыбнулся, но испортил все впечатление, потеряв равновесие и упав на официанта, который расплескал все свои напитки. Луэйн схватил Хэрольда за руку и помог подняться.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — сказал он. — Все в шутку, значит? Смотрите больше не падайте. Пойдем, Джекинс.

Послав Хэрольду воздушный поцелуй, девушка пошла за Луэйном. Почесав затылок, Хэрольд отправился искать Нору.

Глава 25

— Похоже, Хэрольд тебе не понравился, — сказала Джекинс.

Они ушли с бала и теперь лакомились устрицами с пивом в одном из баров на набережной.

— С чего ты взяла? Наоборот, он мне очень понравился. Он подходит как нельзя лучше.

— Для чего? — удивилась Джекинс.

— Из него получится великолепная Жертва. Его неповоротливость просто радует меня.

Джекинс задумалась.

— Он мне кажется немного... наивным. Он только что прошел испытания и получил значок Охотника. Ты знал об этом?

— Интересно, — задумчиво произнес Луэйн. — Он действительно может стать чудесной мишенью. Кстати, я опять записался на участие в Охоте.

— Так ты же недавно охотился?

— Но в этот раз у меня не вышло эффективной Охоты. Я должен доказать раз и навсегда, что я еще не растерял былую форму.

— Представляешь, как было бы забавно, если бы компьютер выбрал тебе в соперники именно Хэрольда?

— Да, действительно. Ничего лучшего я бы и не пожелал.

— Хотя, вряд ли такое может случиться.

Луэйн кивнул, и разговор перешел на другие темы. Но он никак не мог отделаться от мысли, что он охотится на Хэрольда. Большая и крупная цель. Это хорошо, ведь Луэйн при стрельбе всегда брал немного вверх.

Глава 26

На следующий день с самого утра Луэйн поехал искать дядю Эзру. Он взял свою городскую машину — «бьюик трицератопс» с бронированным стеклом, специальными непробиваемыми шинами, мягкой эластичной обивкой салона на случай аварии и оборудованием для подачи кислорода на случай газовой атаки. Машины на Эсмеральде делали очень функциональными. К тому же у «бьюика» был V-образный двадцатичетырехцилиндровый двигатель мощностью в две тысячи лошадиных сил. Потому что только сильный мотор мог сдвинуть с места машину с броней толщиной в дюйм.

Конечно, иметь такую машину сплошная морока — одного только бензина сколько расходует, — но в таком месте, как Охотничий Мир, без нее не обойтись. Всегда найдется какой-нибудь идиот, который не удержится и бросит под колеса ручную гранату.

Существовала еще одна причина иметь бронированный автомобиль — в Эсмеральде люди ездили на огромной скорости, не имея навыков вождения и пренебрегая правилами. Отсюда и бесконечные аварии. Страхование же полностью отсутствовало, потому что даже фирма «Ллойд» в Лондоне отказалась страховать Охотничий Мир со всеми его учреждениями.

И наконец, существовала кошмарная вероятность столкновения с водителем, наказанным «отчаянной ездой».

Луэйн оказался в бесконечной пробке, которые всегда возникали возле Министерства Охоты. Его остроносый обтекаемый «бьюик» позволял ему про-

тиснуться между другими, не такими маневренными машинами. Это сопровождалось скрежетом металла, который страшно действовал на нервы, но в звуко-непроницаемой кабине почти ничего не было слышно.

Остановив машину в безопасном месте возле пожарного гидранта, где уже стояли впритык два автомобиля, он бегом поднялся по мраморным ступеням Министерства Охоты, путая голубей, и даже не заметил, как раздавил ногой бутерброд с арахисовым маслом и вареньем, который бросила птицам маленькая девочка.

Какой-то чиновник сообщил, что дяди Эзры на месте нет. Скорее всего, он в Колизее, где наблюдает за подготовкой праздничных боев.

Луэйн снова сел в машину и помчался к Колизею. Дорогой, скорее случайно, чем намеренно, он сбил калеку в инвалидной коляске с газовым моторчиком, когда у того своевременно не сработал тормоз. Это дало Луэйну сто дополнительных очков, чтобы стать лучшим водителем года, и, хотя он страшно спешил к дяде, все же остановился и подождал появления дорожного Учетчика, который засвидетельствовал Убийство.

И только тогда Луэйн поехал дальше. Пустячный случай поднял ему настроение. Может, судьба снова повернется к нему лицом. Удалось бы только уговорить дядю Эзру оказать ему одну маленькую услугу.

Глава 27

Луэйн остановил машину возле восточных ворот Колизея и пошел внутрь. Гигантский амфитеатр напоминал настоящий Колизей в Риме. Он прошел под аркой внешней четырехэтажной стены с коринфскими колоннами и вышел на арену.

Круто вверх поднимались зрительские ряды. Рабочие деловито приделывали над ними навесы, которые защитят присутствующих от жаркого эсмеральдского солнца. На арене творилось нечто невообразимое. Все смешалось — осветители, звуко- и телеоператоры, актеры, агенты, черные электрические кабели и незаконченные декорации. Еще больше суматохи возникало из-за мальчишек-разносчиков, которые крутились под ногами, предлагая бутерброды и напитки.

На арене Луэйн увидел дядю Эзру. Это был лысый мужчина невысокого роста с кустиками седых волос над ушами. Краснощекий, с орлиным носом и косматыми, как у мопса, бровями. Он сидел перед столом, заваленным ксерокопиями и планами, на которые, чтобы не разлетелись, были положены два револьвера.

Дядя Эзра был одним из Старейшин Охотничьего Мира. Своего положения он достиг благодаря куче денег, заработанных в Лондоне и Париже на торговле, которые, отойдя от дел, он полностью вложил в Охотничий Мир. Теперь он был одним из тех, кто определял его политику. В данное время он увлеченно работал над подготовкой Великой Расплаты. Она должна была состояться в конце недели и ознаменовать начало Сатурналий.

Сатурналии были самым главным праздником года на Эсмеральде. Как Марди Гра и карнавалы в других местах, Сатурналии сопровождались песнями и всеобщей пьянкой. По улицам двигались помосты с полуголыми девушками, которые повсюду разбрасывали цветы. В ресторанах подавались удивительнейшие блюда, которые можно отведать лишь во время Сатурналий — в остальное время года они были запрещены, дабы сделать Сатурналии действительно особым праздником.

Одной из обязанностей дяди Эзры как Старейшины была постановка разнообразных шоу на арене — дуэлей, рукопашных схваток, поединков не на жизнь, а на смерть и, разумеется, популярных спектаклей клоунов-самоубийц.

Эсмеральдские игры перещеголяли даже древнеримские бои гладиаторов, которые являлись образцом вульгарного и бессмысленного кровопролития. У древних римлян отсутствовали двигатели внутреннего сгорания, и поэтому они были не в состоянии организовать действительно интересные бои на колесах. И ради такого зрелища, как столкновения боевых колесниц на огромной скорости, можно было бросить все и бежать смотреть.

В отличие от древнеримских гладиаторских боев, в эсмеральдском амфитеатре не использовали зверей. Никому не хотелось видеть, как убивают животных. Их и так было слишком мало даже в зоопарках. А вот кого всем хотелось видеть мертвыми, так это тех двуногих млекопитающих с развитым мозгом, которые довели мир до его теперешнего состояния.

Ежегодное зрелище должно было напоминать предыдущее, однако с некоторыми отличиями, так, чтобы тех, кто их придумывал, нельзя было обвинить в отсутствии фантазии. Эзра тратил много времени на консультации с декораторами смерти, референтами по авариям, продавцами сценариев наипопулярнейших убийств и так далее.

Кульминацией всей этой кропотливой работы должна стать Великая Расплата. Пара Охотников, выбранных среди участников Охот, происходивших в данное время на Эсмеральде, должна завершить свой

поединок в Колизее на глазах многотысячной толпы. Это и есть самое главное событие Игр, и никто не знал, какие условия и оружие выберут на этот раз.

Луэину всегда хотелось выступить в Великой Расплате. Выиграешь или проиграешь — в любом случае это самый короткий путь к бессмертию. Но дядя Эзра не имел ни малейшего отношения к подбору кандидатов. Постановкой Великой Расплаты всегда занималось телевидение Охотничьего Мира, и выбор делал любимец публики конферансье Гордон Филакис.

— Как хорошо, что я тебя встретил, дядя Эзра, — поздоровался Луэин.

— А, Луэин, я тоже рад тебя видеть. Вчера просмотрел запись твоего последнего Убийства в ночных «Охотничьих новостях». Очень смешно, вынужден признаться.

— Я бы не сказал.

— А зря. Ты ведь не можешь не согласиться, что на самом деле смешно, что твоя Жертва грохнулась на мусорный бак, а ты перебил все стекла в округе.

— Слушай, может, мы поговорим на другую тему?

— Конечно, мой мальчик. О чем?

— Я собираюсь начать новую Охоту.

— Прекрасная идея. А ты не считаешь, что для начала тебе следовало бы закончить курсы повышения охотничьей квалификации?

— Я стреляю не хуже, чем всегда, — возразил Луэин. — Просто мне все время не везет.

— Такое с каждым может случиться. Пройдет.

— Я хочу исправиться.

— Прекрасное отношение к делу.

— Мне понадобится твоя помощь.

Эзра внимательно посмотрел на племянника.

— Если дело в том, чтобы организовать чью-то смерть, то я в прошлый раз предупреждал тебя, чтобы ты больше меня об этом не просил.

— Мне надо кое-что другое, — сказал Луэин. — Я и сам могу убить кого угодно, так что в этом смысле мне помогать не надо, спасибо.

— Тогда в чем дело?

— Может, ты согласишься со мной, что для хорошего поединка нужен хороший соперник? Так в давние времена говорили испанские тореадоры.

— Уверен, что в этом есть здравый смысл. Но какое отношение к этому имею я? Если ты думаешь, что я могу устроить тебе поединок с быком...

— Нет, — перебил его Луэйн. — Мне нужна от тебя одна пустяковая услуга. В городе есть парень по имени Хэрольд Эрдман. Вот-вот должна состояться его первая Охота. Я хочу выступить в паре с ним.

— Это противоречит правилам, — произнес дядя Эзра.

— Но не их идее.

— А как ты можешь различить такие тонкости?

— Идея требует хорошего поединка. Если ты мне поможешь, гарантирую — поединок будет отличный.

— А что с тем парнем? Нога у него сломана или что?

— Нет-нет, он абсолютно здоров. Но он новичок. Это будет его первая Охота. Он еще заторможенный и неповоротливый. И, наверное, не очень сообразительный.

— Считай, что мы договорились. И где ты только таких берешь? Из него выйдет прекрасная Жертва.

— В этот раз пускай он охотится на меня. Он же не будет знать, что мне уже все известно.

— Это даст тебе существенное преимущество, — возразил Эзра.

— Верно, но я это делаю не ради себя, а во имя шоу-бизнеса и сохранения чести нашей семьи, чтобы люди не смеялись, глядя на мои Убийства.

— Не люблю нарушать правила, однако действительно, мы не можем позволять над нами смеяться, даже если в твоём последнем Убийстве и было над чем посмеяться.

— Так ты сделаешь это для меня, дядя?

Дядя Эзра подмигнул.

— Посмотрим. А теперь мотай отсюда. Я занят.

Глава 28

Через несколько дней Хэрольд, прогуливаясь по городу, вышел к базару под открытым небом, который раскинулся возле порта у старой ратуши. Это было живописное место; всюду на прилавках лежали горы одежды, разнообразных продуктов питания, под покрашенным в бело-розовые полосы ржавым навесом продавали цветы. Выставленные тут товары привозили со всего света, а некоторые даже импортировали из колонии на Марсе.

У Хэрольда было прекрасное настроение. На деньги, оставшиеся от охотничьего аванса, он купил себе кое-что из одежды, запасные патроны к «смит энд vessону» и снял небольшую меблированную квартиру в Старом квартале, недалеко от дома Норы.

Подойдя к дверям с цветами, он заметил девушку, с которой познакомился на Охотничьем балу. Ее звали Джекинс. Ей очень шло простое белое платье. Хэрольд в жизни не встречал такого экзотического создания с модно подстриженными черными волосами и чересчур яркими губами.

Джекинс поинтересовалась, чувствует ли он себя счастливым в Охотничьем Мире.

— Мне еще никогда не было так хорошо, как здесь, — кивнул Хэрольд.

— Ты, наверно, из тех, у кого нет никакой поддержки, — сказала Джекинс. — Я бы все возненавидела, если бы мне пришлось так жить. Но, слава богу, у меня богатая семья.

Отец Джекинс был владельцем разбросанной по всей стране сети мясных магазинов. Спрос на на-

туральное мясо был огромный, в Соединенных Штатах его всегда не хватало, поэтому бизнес приносил астрономические прибыли. Джекинс никогда не приходилось ломать свою хорошенькую головку над тем, где найти средства, чтобы позволить себе все свободное от учебы время путешествовать первым классом. И она была этому рада, потому что, если бы ей пришлось думать о деньгах, она не смогла бы оставаться такой веселой и красивой.

Хэрольд и Джекинс пообедали в одном из маленьких симпатичных кафе возле базара, а потом он предложил ей посмотреть свою новую квартиру. Это была обыкновенная однокомнатная квартира со всеми удобствами, стальными жалюзи на окнах и вмонтированной в дверь системой сигнализации.

В почтовом ящике они обнаружили письмо. На нем стояла официальная печать Охотничьего Мира — два скрещенных револьвера на фоне мечей.

— Это уведомление об Охоте! — воскликнула Джекинс. — Как интересно!

Итак, первая Охота Хэрольда официально началась. Он разорвал конверт. Его первой Жертвой был человек по имени Луэйн Добрей.

Джекинс прочитала уведомление, и ее без того большие глаза расширились от удивления.

— Луэйн? Ты будешь соревноваться с Луэйном?

— Вот это совпадение! — сказал Хэрольд. — Он один из тех немногих, кого я здесь знаю. А теперь мне придется его убить... Впрочем, не так уж близко мы с ним и знакомы.

Джекинс над чем-то задумалась и вскоре ушла. Ее мучила мысль, как из множества возможных комбинаций Охотников в Охотничьем Мире первой Жертвой Хэрольда компьютер выбрал именно Луэйна. Она слышала, что существует около двадцати пяти тысяч или даже двадцати пяти миллионов возможных комбинаций Охотников и Жертв. В следующем году, когда она начнет изучать арифметику, она подсчитает вероятность такого совпадения.

Глава 29

Раздалась трель дверного звонка. Тереза пошла открывать.

— Кто там? — крикнул из комнаты Альбани.

— Говорит, что его зовут Хэрольд.

Развалившись в шезлонге, Альбани листал страницы «Мировой энциклопедии в комиксах». Он любил сочетать полезное с приятным. Но тут он вскочил, потуже затянул пояс бежевого в разводах халата из шелка, расправил плечи, растянул губы в улыбке и поспешил к двери.

— Хэрольд! Рад тебя видеть. Заходи.

Он кивнул Терезе, что означало: «Принеси вина и пирожных», и провел Хэрольда в комнату.

— Неплохо проводишь время, а?

— Не жалуюсь, — неторопливо ответил Хэрольд своим самым приятным голосом.

— Будем надеяться, что так будет и дальше, — сказал Альбани, суеверно скрестив пальцы. — Садись, где тебе удобнее. Тебе повезло, что ты приехал именно сейчас. Во время Сатурналий тут действительно весело. Можно весь мир обойти, но лучшего места для смерти, чем Эсмеральда во время Сатурналий, не найдешь. Я не имею в виду, что ты умрешь, — просто так у нас обычно говорят. Ты уже получил уведомление об Охоте?

Кивнув, Хэрольд вытащил из кармана карточку. Альбани внимательно прочитал ее, и его лицо сразу же помрачнело.

— Луэйн? Тебе выпало состязаться с Луэйном? Вот это да!

— А что тут такого?

— Просто невероятно, чтобы противником человека, который здесь всего несколько дней, компьютер выбрал для первой Охоты одного из его немногих знакомых.

— Джекинс это тоже удивило, — сказал Хэрольд. — Но, черт возьми, ничего тут не поделаешь. Он так же, как и я, подписал обязательство убить или быть убитым. Нравится мне это или нет, но я вынужден охотиться на него. Честно говоря, мне бы хотелось покончить с этим как можно скорее, поэтому я и пришел к тебе, Майк. Будь моим Наводчиком.

Вошла Тереза, неся вино и пирожные с маком.

— Хэрольд просит, чтобы я помог ему охотиться, — сообщила Альбани.

— Лучшего Наводчика ему все равно не найти, — преданно ответила Тереза.

— Это действительно так, — кивнул Альбани. — Его противником будет Луэйн.

— Слышала про такого. Это тот, кто так неаккуратно работает?

— Очень небрежный Охотник, — согласился с ней Альбани. — В последней Охоте Жертва умерла потому, что случайно сломала себе шею.

— Я в этом пока ничего не понимаю, но в одном уверен совершенно — небрежностей я не допущу, — заявил Хэрольд.

— Главное, что ты счастливый. Впрочем, хотя Луэйн и небрежный Охотник, ему все время везет. Окажется, это не такая уж и плохая комбинация.

Хэрольд пожал плечами.

— Думаю, что я тоже везучий.

— Посмотрим, — сказал Альбани и бросил выразительный взгляд на Терезу. Та тут же вышла из комнаты.

Мужчины неторопливо пили вино и ели пирожные. Наконец Альбани сказал:

— У меня сейчас довольно напряженный график, на носу Сатурналии, полно дел. Однако, думаю, смогу выкроить время и для тебя.

— Рад слышать. Думаю, мы сработаемся.

— Если бы ты только знал, как я на это надеюсь! Ну а теперь перейдем к самому главному. Я имею в виду мой гонорар.

— Тут есть небольшая проблема, — сказал Хэрольд.

— Какая еще проблема? Ты ведь только что получил вознаграждение, не так ли?

— Да, но я уже все истратил, и пока не совершу первое Убийство, денег мне взять абсолютно негде.

— Проклятие! — воскликнул Альбани. — Так деловые люди не поступают, хотя это довольно типичный случай.

— Когда я прикончу Луэйна, я рассчитаюсь с тобой сполна. С процентами.

— Это делает тебе честь, — сказал Альбани. — Только ты хотел сказать «если» вместо «когда».

— Уверен, что с таким Наводчиком, как ты, мне нечего сомневаться.

Альбани сразу понял, что Хэрольд старается ему польстить. Но все равно ему это понравилось. Единственное, что ему не нравилось — перспектива работать задаром. Но ведь работа на дороге не валяется, и, если у Хэрольда действительно получится хорошее Убийство, это поможет решить большую часть проблем.

— Ладно, — сказал он, — раз выбора нет, придется согласиться на твои условия.

— Я так и предполагал.

Альбани пожал ему руку и позвал Терезу.

— Унеси его бокал, — приказал он. — И принеси воды. С сегодняшнего дня у нас начинаются серьезные тренировки. Сначала мы выберем подходящее оружие, а потом как следует поупражняемся в стрельбе.

— А разве я не могу просто найти Луэйна и спокойно прикончить его?

— Не спеши, — остановил его Альбани. — Какая у тебя, однако, горячая кровь.

Глава 30

Альбани привел Хэрольда в государственный тренировочный центр, где все Охотники и Жертвы могли упражняться бесплатно. Там были баскетбольные и волейбольные площадки, плавательный бассейн и, разумеется, множество тренажеров.

Они прошли мимо узких фехтовальных дорожек, где мужчины дрались на рапирах и шпагах. У некоторых в руках были длинные кинжалы. Другие использовали разнообразные дубинки, булавы, топоры и другие орудия убийства. Еще дальше находились души и массажные кабинеты.

— А вот и учебный тир, — сказал Альбани.

— Не хотелось бы выглядеть наивным, — сказал Хэрольд, — но зачем им биться врукопашную? Просто ради спортивного интереса или для поддержания формы? Не представляю, как эти навыки могут помочь спастись от огнестрельного оружия.

— Вот тут ты ошибаешься. Некоторые из наших самых выдающихся Охотников вообще никогда его не используют. Они охотятся с голыми руками или с ножом.

— На вооруженного человека?

— У огнестрельного оружия есть свои недостатки, — объяснил Альбани. — Если ты не уложишь свою жертву на месте с первого выстрела, то можешь оказаться в весьма незавидной ситуации. Раненый противник может представлять большую опасность, если он к тому же принял дозу берсеркиума.

— Чего?

— Берсеркиум относится к наркотикам локального действия. Многие принимают его перед Охотой. Его не чувствуешь, пока тебя не ранят или ты не окажешься в стрессовой ситуации. Наркотик начинает действовать от шока, стимулируя дополнительное выделение адреналина в кровь. Благодаря активизации берсеркиума, человек способен с огромной силой ломать и крушить все на своем пути. Действие наркотика продолжается всего несколько минут, а потом ты словно выжатый лимон.

— А что представляет из себя Луэйн в рукопашном бою?

— У него несколько разрядов по кунг-фу, он умеет драться на ножах, дубинках, мечах и на чем-то еще. Иногда даже выступает в роли тренера.

— Вот это да!

Альбани принес с собой небольшой кожаный чемоданчик с медными уголками.

— Это тебе, — сказал он, открывая его. — Отдашь после Охоты.

Внутри на красном бархате лежал «ССК-45-70» с четырнадцатидюймовым стволом.

— Возьми, — велел Альбани. — Чувствуешь, как приятно держать его?

Тяжелый пистолет легко уместился в ладони Хэрольда. Это было действительно смертоносное оружие с отполированной вороненой поверхностью, украшенной инкрустацией. Хэрольд восторженно покрутил его в руках — и положил на место.

— Хорошая штука, — сказал он. — Но мой «смит энд vesson» все равно лучше.

На лице Альбани отразилось сомнение.

— Мне не хотелось бы плохо отзываться о твоём пистолете, но достаточно лишь раз взглянуть на него, чтобы понять, какой он старый. К тому же, судя по всему, за ним плохо следили. А если осечка или спусковой крючок откажет? Лучше уж взять «ССК».

— Может, я покажусь слишком упрямым, но на крючок нажимать мне, поэтому я имею полное право выбирать, на каком пистолете быть этому крючку.

— Да, с тобой не поспоришь. Что ж, сейчас посмотрим, насколько метко ты стреляешь.

Оказалось, что стреляет он неважно. И Хэрольд тренировался до тех пор, пока Альбани не остался им доволен. Когда они подошли к мишеням, выяснилось, что у Хэрольда на самом деле острый глаз и твердая рука. Первые пули попали далеко от «яблочка», но потом положение улучшилось.

— У тебя прекрасная реакция, — похвалил Альбани. — Совсем неплохо для первого раза.

— А как стреляет Луэйн?

— Когда в форме, очень хорошо. Так, как бы ты стрелял через несколько месяцев, а может, недель.

— Но ведь у меня нет столько времени!

— У тебя его вообще нет. Лучше пойдем поговорим с моим другом и послушаем, что он посоветует.

Он провел Хэрольда через тир в небольшой кабинет, где сидел высокий, очень старый китаец с длинными тонкими усами, в шляпе с поднятыми полями, которая придавала ему сходство с Чарли Ченом из старинных кинофильмов. По маленькому монитору китаец наблюдал за тем, что творилось в зале.

— Мистер Чан, позвольте вам представить моего хорошего друга и клиента Хэрольда Эрдмана.

— Очень рад познакомиться, — ответил Чан с сильным британским акцентом. — Я видел твоего протеже на экране.

— Мистер Чан — самый главный специалист по Убийствам и выживанию. Если тебе кто-то и поможет, так это он.

— Оставь меня с мистером Эрдманом наедине, — попросил Чан.

Поклонившись, Наводчик вышел из кабинета. Когда они остались вдвоем, Чан предложил Хэрольду сесть и налил ему чай в чашку из тонкого фарфора.

— И как ты оцениваешь свои шансы?

— Я могу победить.

— А почему ты так уверен?

— Не знаю, — ответил Хэрольд. — Просто уверен, и все.

— А если я посоветую тебе как можно скорее сматываться отсюда, пока цел?

— Предложу вам посоветовать то же самое моему противнику.

— Тебе нравятся экстренные ситуации? — поинтересовался Чан.

Хэрольд кивнул.

— Да. Я немного нервничаю, но в нужный момент могу собраться.

— Учить тебя каким-нибудь боевым искусствам нет времени. Поэтому остается только одно. Слушай меня внимательно. В минуты опасности только неожиданные действия могут дать тебе преимущество.

— Я и раньше об этом знал.

— Самые глубокие истины всегда лежат на поверхности. Их не только следует знать, но и уметь использовать. Твоя Жертва Луэйн?

Хэрольд кивнул.

— Тогда советую тебе покончить с ним как можно быстрее. — Чан повернулся к двери. — Альбани!

Майк вошел в кабинет.

— Слушаю вас, мистер Чан.

— Парень хоть и неопытный, но у него холодное сердце. Чем быстрее пройдет его первая Охота, тем лучше. Не играй с Жертвой. Иди и убей ее как можно скорее. Больше я ничего не буду говорить. Удачи вам!

Они вышли. Собирая свои принадлежности, Альбани о чем-то напряженно размышлял.

— Что будем делать теперь? — прервал его раздумья Хэрольд.

— Сначала я узнаю, где находится Луэйн. А потом ты его убьешь.

— Так просто?

— Дай бог, чтобы так и случилось.

Глава 31

— Ну, как твой новый клиент? — спросила Тереза, когда Альбани вернулся из тренировочного центра.

Она взяла за правило интересоваться делами мужа, когда тот вечером возвращался домой, чтобы дать ему возможность немного похвастаться и приглушить угрызения совести, что он постоянно ставит под удар их жизни. Этой женской мудрости научила ее мать.

— Очень собранный человек, — ответил Альбани. — И твердо знает, чего хочет добиться.

— А как он стреляет?

Альбани слегка напрягся.

— У него острый глаз и рука не дрожит, когда он нажимает на спусковой крючок. Хотя опыта у него никакого. За полгода он стал бы лучшим стрелком в городе.

— У него быстрая реакция?

— Пока не очень. Но через некоторое время...

— Майк, — с растущей тревогой сказала Тереза, — но ведь у него нет времени. Он должен охотиться сейчас.

Альбани кивнул, подошел к холодильнику, взял банку пива и, сопя, направился в гостиную. Тереза поняла, что он от нее что-то утаивает.

Отложив вязание, она сказала:

— Ты нашел еще одного клиента-неудачника. Да или нет, Микеланджело?

— Совсем нет, Тереза. Парень просто создан для этого.

— Для чего?

— Каждый для чего-то рождается, — сказал Альбани. — Есть прирожденные художники и прирожденные автомеханики. Прирожденные лесорубы и прирожденные пловцы. Прирожденные Наводчики, как я. Вот что я имею в виду, когда говорю, что он для этого создан.

— Рожден быть Охотником?

— Даже больше, Тереза. Я больше чем уверен, что Хэрольд — прирожденный убийца.

— А разве не все Охотники — убийцы? — удивилась Тереза.

— Разумеется, всем им приходится убивать. Однако от этого они не становятся Убийцами. Настоящими убийцами. Большинство из них играют, как дети, даже если у них настоящие пули. Пиф-паф — и ты мертвый. А вот Хэрольд... Нет, он не играет. Он серьезный молодой убийца и далеко пойдет. И это не только мое мнение. Чан наблюдал, как он стреляет. И увидел в нем потенциал, который еще никто кроме нас двоих не заметил.

— Что ж, рада слышать, что у него есть хоть какой-то шанс. Ты его Наводчик, поэтому...

— Все, кроме нас с Чаном, считают его просто идиотом.

— Могу себе представить, — согласилась Тереза.

— Букмекеры ставят на него один против двадцати. Ты когда-нибудь слышала о чем-нибудь подобном?

Тереза встревожилась. Она почувствовала, что сейчас узнает что-то плохое.

— Тут такой шанс! Я поставил на Хэрольда, тем более что Чан со мной согласен.

Тереза встала, вязание упало на пол.

— Поставил? Но, Майк, у нас нет денег. Только не говори, что букмекеры стали давать в кредит.

На лице Альбани промелькнула тревога.

— Конечно, нет. Я заложил наш дом.

— Не может быть! Ведь это все, что у нас осталось!

— Слушай, что я за Наводчик, если не могу поставить на собственного клиента? Я все равно не смог бы выполнить «Обязательств при азартных играх», не нарушив «Акт финансовой безрассудности».

— Майк, тебе не следовало закладывать дом. Если Хэрольд проиграет, это означает рабство для нас обоих. Ты ведь знаешь, правительство не разрешает спать на улицах.

— Но Хэрольд победит. Я уверен. Я никогда еще не был так уверен. Поэтому, как говорится, я и сжег за собой все мосты.

— Майк, было бы лучше, если бы ты сначала посоветовался со мной.

Альбани тяжело вздохнул.

— Дело в том, Тереза, что я еще побился об заклад на десять тысяч долларов с букмекером Толстым Фредди, заложив тебя в качестве движимого имущества. Хотя, разумеется, ты ему никогда не достанешься. Потому что Хэрольд...

— Я не ослышалась? — спросила Тереза, не двигаясь с места. — Ты на самом деле подписал Толстому Фредди на меня закладную, чтобы пойти на спор ради этого идиота — твоего клиента?

— Именно так я и поступил. Если Хэрольд проиграет, меня ждет рабство и, возможно, работа в свинарнике. А ты останешься у Толстого Фредди, что не так уж и плохо, если как следует подумать. Только не говори, что я о тебе не забочусь.

— О Альбани! — простионала Тереза.

— Не волнуйся, он победит.

Тереза взяла себя в руки. И внезапно решила, что сделает. Если Хэрольд проиграет, она убьет своего мужа, освободив его таким образом от рабства и недостойной грязной работы в свинарнике. А Толстый Фредди не такой уж и противный, если не принимать во внимание выражение его лица. Кроме того, говорят, он хорошо обеспечивает своих содержанок.

— Хорошо, — сказала она. — Тебе лучше знать. Надеюсь, все выйдет потвоему.

И пошла на кухню готовить ужин.

— Иначе и быть не может, — сказал Альбани, в который раз поздравляя себя, что выбрал такую умную жену.

Любая другая женщина ругала бы его на чем свет стоит, что он заложил ее ради какого-то неизвестного и неопытного Охотника. Только не Тереза.

На кухне Тереза готовила ужин — бифоиды под острым псевдотоматным соусом, любимое блюдо Альбани. Как странно, думала она, что скоро ей, возможно, придется готовить для Толстого Фредди. По словам одной ее подруги, Толстый Фредди ненавидел бифоиды в любом виде. Ему нравились отбивные из искусственной телятины или свинины. Если Хэрольд не выиграет, ей, может быть, уже никогда не придется готовить бифоиды. Странная штука жизнь.

Глава 32

С ногами усевшись на подоконник, Нора смотрела на улицу. Она выглядела просто великолепно — свет подчеркивал красоту ее правильных черт, волосы блестели.

— Хэрольд, — произнесла она, — а как называлась та коммуна?

— Какая?

— Та, про которую ты мне рассказывал. Туда еще собирался Малыш-кошкодав.

— А-а. По-моему, Ла-Испанидад. Возле озера Окичоби.

— Там хорошо? Что он про нее тебе рассказывал?

— По его словам, неплохо. А почему ты спрашиваешь?

— Как ты думаешь, а мы могли бы жить в таком месте?

Хэрольд рассмеялся.

— Коммуна — это всего лишь название фермы. С меня такой работы достаточно.

— Но ведь там все будет по-другому. Там все работают вместе, всем делятся друг с другом.

— И поют испанские песни? Черт возьми, Нора, как ни посмотри, а это все равно сельскохозяйственная работа.

— А ты с ней покончил навсегда?

— Мне нравится здесь. К городской жизни не так уж трудно привыкнуть. А ты что, Нора, собрались в испанскую коммуну во Флориде?

Она покачала головой и слезла с подоконника.

— Я просто решила немного пофантазировать. Мне на Эсмеральде тоже нравится. Особенно теперь, после твоего приезда.

— Очень приятно слышать от тебя такие слова, — сказал Хэрольд.

Глава 33

Джекинс с дядей Эзрой обедали в отдельном кабинете Охотничьего клуба. Они ели натуральные, а не искусственные продукты, которые во всем мире производились фабриками съедобных концентратов. Нельзя сказать, что Джекинс любила натуральную еду — в университете она жила только на одних зербургерах, лишенных каких-либо калорий и углеводов. Но она знала, что натуральные продукты — дороги, поэтому и решила заставить себя к ним привыкнуть. В университете ее учили, что вкус к дорогим вещам можно выработать, надо лишь как следует постараться.

Они сидели на крыше самого высокого в Эсмеральде двадцатизэтажного здания, откуда открывалась прекрасная панорама всего острова.

На стене перед ними висел огромный экран. Транслировали «Охотничье шоу». В кадре появился залитый кровью перекресток, где толпа зевак рассматривала бесформенное тело. Оно до сих пор лежало в луже крови, которая время от времени становилась ярко-зеленой, потому что на цвета мониторов влияли атмосферные помехи. Зазвучал голос за кадром: «Привет, говорит Гордон Филакис. Я сделаю обзор основных охотничьих событий дня. Сегодня утром Лютеру Фабиусу Кингу из Берлинсбурга, Западная Германия, было засчитано чистое Убийство Биффа Эдмондсона из Калгари, Канада. Если меня слушает кто-нибудь из родственников или знакомых Биффа, сообщаю — он погиб отлично, как того и добивался. Эл Мактэггорт из Бойсе, штат Айдахо, который имеет

на своем счету три Убийства, победил Эрнана Ибаньеса, бывшего пятикратного победителя из Буэнос-Айреса. Кроме того, Эл Смит из Лансинга, штат Мичиган, только что подстрелил Эдварда Грига из Оаху, Гавайи, но был оштрафован на десять очков, потому что его автомат, сломавшись, ранил нескольких прохожих. Эл, если у тебя так и дальше пойдет, никогда тебе на стать Охотником года...

А сейчас менее важные события: Максвелла Сантини, официанта гостиницы «Супероружие», убили на пороге номера мистера В. С. Миклстона из Лондона. Держа в руках поднос с едой, он открыл дверь и получил удар ножом в грудь. Миклстон оправдывается тем, что Сантини не постучал, прежде чем зайти, поэтому и стал мишенью для его старого стилета. Профсоюз, членом которого был Сантини, убежден, что это сделано специально, и передал дело в суд. Решением суда, который состоялся сегодня же, мистер Миклстон оправдан со следующей формулировкой: «Чего стоит жизнь какого-то официанта?»

Протянув руку, Джекинс выключила телевизор — ей уже порядком надоело крикливое «Охотничье шоу».

— Весь этот примитивный юмор действует мне на нервы, — сказала она. — И Луэйн тоже.

— А? — встрепнулся дядя Эзра, используя безличное обращение, свойственное пожилому населению Эсмеральды. — Надеюсь, у него все в порядке?

— Может быть, пока еще ничего не произошло. Странно, что компьютер выбрал такую комбинацию. Ведь это случайность, что им придется соревноваться друг с другом?

Улыбнувшись, Эзра подмигнул девушке.

— Дядя, уж не ты ли приложил руку, чтобы поставить их в одну пару?

— Ничего я не делал, — ответил Эзра. — Я только попросил Охотничий компьютер сделать мне небольшое одолжение. А ведь ему известно, с чьей помощью он получает, так сказать, питание.

— Я считала, что с компьютером договориться невозможно.

— Можно, если ввести в него специальную программу кодовой записи.

— Ты обманул компьютер, чтобы противником Луэйна стал Хэрольд? Старый негодяй!

Эзра засиял. Ему нравилось, когда молоденькие девушки называли его старым негодяем.

— Но ведь я это сделал по просьбе Луэйна. Мальчику нужно легкое Убийство, чтобы он снова поверил в свои силы. Он был очень хорошим Охотником, Джекинс, очень хорошим. Долгое время в городе не было ему равных. Если ему немножко помочь, он снова станет классным Охотником.

— То, что ты сделал, — обман, — сказала Джекинс.

— Разве ради семьи нельзя пойти на маленькую хитрость?

...В квартиру Луэйна Джекинс вернулась в глубоком раздумье. Перед ней стояла дилемма. Девушка не была уверена, что обман, пусть даже ради чести семьи, допустим. Особенно если в результате погибнет Хэрольд, парень, который ей нравился и которому она решила назначить свидание, как только найдет подходящий повод сделать так, чтобы тот сам ее об этом попросил.

Чем больше она раздумывала, тем более скверным ей этот обман казался. Она не знала, что ей делать. Ответ не находился, и это ее ужасно расстраивало. Сначала она решила бросить монетку, но потом решила отложить этот вопрос на завтра и приняла снотворное.

Глава 34

Хэрольд решил немного подремать в своей новой квартире, когда раздался телефонный звонок. Звонил Альбани.

— Хэрольд? Ты мне срочно нужен.

— Что случилось?

— Нечто важное. Быстро приезжай. И не забудь револьвер. — Альбани повесил трубку.

Хэрольд не успел раздеться, поэтому ему понадобилось лишь надеть туфли и проверить обойму в своем «смит энд vessоне».

Альбани все-таки заставил Хэрольда отнести его к оружейнику. Тот заменил ствол и все двигающиеся части. Проверив револьвер в действии, Хэрольд был вынужден признать, что стрелять из него стало лучше. Но самое главное, что чувствовать его в руке было так же приятно, как и до ремонта.

Когда он приехал к Альбани, Тереза провела его в подвал, где размещался кабинет Майка. По стенам были развешаны подробные карты Эсмеральды и всего острова. Здесь же находился мощный радиопередатчик с коммутатором на несколько линий. На рабочем столе Альбани стояла небольшая бронзовая копия роденовского «Мыслителя». Это была почетная награда «Мастер-убийца года», вручавшаяся лучшему Наводчику года. Но ей исполнился уже пятый год: Альбани получил ее, когда был еще жив знаменитый Санчес.

Альбани жевал одну из миниатюрных пицц Терезы и разговаривал по телефону. Он жестом указал Хэ-

рольду на стул. Отодвинув кипу старых журналов «Убийца», тот сел.

— Ага, — сказал Альбани. — Ну... Ага... Ага...

— Вам принести пиццу? — обратилась к Хэрольду Тереза.

— Да, мадам. Спасибо.

— Есть с анчоусами и с паприкой. Вам какую?

— Какую принесете, — ответил Хэрольд таким тоном, что стало ясно — он съел бы обе.

Тереза принесла ему по две каждого вида и стакан пива.

— Никакого пива! — сказал Альбани. — Хэрольду надо тренироваться. — И снова закричал в трубку. — Да! Да!

— Вкусная пицца, — похвалил Хэрольд.

— Мамин рецепт, — ответила Тереза. — С Сицилии.

— Ладно, — сказал Альбани в трубку. — Едем. Следующий сеанс связи по пятому каналу УКВ.

Повесив трубку, он повернулся к Хэрольду.

— Кажется, я его поймал.

— Луэйна?

— А кого еще? Загу Питтс? Именно Луэйна, этого спесивого болвана. Он только что зашел в бар «Ле Пти Моз» в Латинском квартале и заказал двойной клубничный дайкири со льдом. Он там как на ладони, и мы прихлопнем его как комара.

— Как, прямо сейчас?

— А ты думаешь, в следующий четверг? Револьвер с собой? Заряжен? Дай посмотрю.

— Ладно уж, — сказал Хэрольд.

— Я твой Наводчик и должен все проверить.

Осмотрев «смит энд вессон», он вернул его Хэрольду.

— А как получилось, что он спокойно сидит в кафе? — поинтересовался Хэрольд. — Может, не получил уведомления об Охоте?

— Не стоит на это надеяться. Но такое иногда случается.

— А разве честно убивать человека, который не подозревает, что на него охотятся?

— Вполне честно, — ответил Альбани. — Я потом все тебе объясню.

Он снял со стены мощную охотничью винтовку с инфракрасным снайперским прицелом, проверил боеприпасы и сунул ее в специальную сумку.

— А это зачем? — удивился Хэрольд.

— Возможно, господь в своей бесконечной милости позволит нам сделать хороший выстрел на расстоянии, недоступном для пистолета.

— Не богохульствуй, Микеланджело, — нахмурилась Тереза.

— Кто богохульствует? Я молюсь. Пошли, Хэрольд. Не будет же он сидеть там вечно, даже если заказал двойной дайкири.

Огромная стеклянная витрина кафе «Ле Пти Моз» выходила прямо на улицу. Альбани, рядом с которым стоял Хэрольд, внимательно разглядывал ее через мощный бинокль, спрятавшись в тени другого бара на противоположной стороне улицы.

— Это он, — сказал Альбани. — Посмотри сам.

Хэрольд взял бинокль и увидел длинноносый профиль Луэйна, склонившегося над бокалом ярко-красного напитка.

— Хорошо, что ты прихватил винтовку, — сказал Хэрольд. — Я пристрелю его через витрину.

— И не думай. Она пуленепробиваемая. Лучше посмотри налево. Боковая дверь кафе открыта. Обойдешь квартал и зайдешь с другой стороны. И окажешься у него за спиной. Самая лучшая позиция — возле почтового ящика. Тебе надо будет выстрелить ему в спину через открытую дверь. Револьвер вытаскивай в самый последний момент. Нам не нужны зеваки, которые все испортят. Понял?

— Понял, — ответил Хэрольд.

— Тогда иди и прихлопни его.

Некоторое время Хэрольд стоял абсолютно неподвижно, и Альбани подумал было, что на парня напал столбняк. Только этого ему не хватало: новичок,

который боится поединка. Черт, надо было все-таки потребовать деньги вперед.

Но тут Хэрольд быстро кивнул и выскользнул в дверь. Наводчик смотрел ему вслед, и в его душе появилось какое-то непонятное чувство. С этим парнем будет все в порядке.

Луэйн никак не мог понять, какого черта он заказал двойной клубничный дайкири со льдом. Может, потому, что бокал с напитком выглядел таким большим и ярким, что даже такой тупой Наводчик, как Альбани, заметил бы его. Он сделал глоток. Как всегда, слишком сладко. Луэйн моргнул, когда в ухе, где был спрятан миниатюрный приемник, что-то затрещало. Это был Сузер, который занял наблюдательный пост на крыше.

— Я их вижу, — сообщил он. — Альбани и Эрдман. Они стоят в дверях бара напротив. Обсуждают план действий.

— Скорее бы уж, — еле слышно произнес Луэйн в закрепленный на шее ларингофон. — У меня от этого пошла уже разболелась голова.

— Эрдман вышел, — проинформировал Сузер. — Он обходит квартал, как я и предполагал. Ты готов?

Луэйн кивнул, но вспомнил, что Сузер не может видеть его через пять этажей стали и бетона.

— Да, готов.

— Зеркало нормально?

— Все отлично.

Сузер заранее повесил перед Луэйном телескопическое зеркало. Благодаря ему Луэйн мог видеть улицу, по которой пойдет Хэрольд. В руке он держал небольшой передатчик, замаскированный под пачку сигарет, который приведет в действие дробовик, установленный Сузером в прорези почтового ящика. Луэйну оставалось лишь нажать на кнопку, как только Хэрольд появится в зеркале. Выстрел из двух стволов на расстоянии десяти футов довершит дело.

Отличный план. К тому же им просто повезло, что Альбани на него купился. Луэйн очень надеялся, что

возле почтового ящика никого не окажется, когда Хэрольд получит двойной заряд дроби. Дяде Эзре пришлось немало попотеть, чтобы все уладить, когда во время одной из предыдущих Охот, Луэйн бросил в свою жертву ручную гранату в переполненном универмаге, убив при этом несколько покупателей. По иронии судьбы это случилось у отдела, где торговали бронежилетами.

— Он поворачивает за угол, — сообщил Сузер. — Внимание, он в десяти футах от почтового ящика, он...

— Что? — воскликнул Луэйн. — Что случилось?

— Он остановился.

— Что значит «остановился»? Он не мог остановиться. Что там такое происходит?

— Он с кем-то разговаривает. О боже!

— В чем дело? С кем он там разговаривает?

— С этим проклятым Гордоном Филакисом!

Глава 35

В Охотничьем Мире имелось семь телевизионных каналов. По шести из них по спутниковой связи транслировались передачи из Соединенных Штатов. А седьмой, полностью отданный круглосуточному освещению охотничьих событий, назывался «Охотничье шоу», и вел его всем известный Гордон Филакис.

У Филакиса было смуглое квадратное лицо с массивной нижней челюстью и коротко подстриженные волосы. Его речь всегда лилась непрерывным потоком. Он всегда находил, о чем говорить, даже в тех случаях, когда говорить было не о чем, что так часто случалось в прямом эфире.

— Привет, друзья, Гордон Филакис со своей передачей «Охотничье шоу» приветствует вас из самого сердца Столицы Убийств, доброй старой Эсмеральды в солнечном Карибском море. Итак, друзья, вы смотрите прямую трансляцию местного телевидения про убийства, после которой последует выпуск международных новостей. Трансляцию нашей программы некоторые правительства пытались запретить в своих странах, полагая, что вас, друзья, следует оберегать от показа настоящего, реального Убийства в жизни и что вам достаточно фальшивых детективов, которые до сих пор продолжают снимать наши киностудии. Однако вы им этого не позволили, и я снимаю перед вами шляпу. Когда они пытались нас запретить, мы покупали видеокассеты с нашими программами из-под полы, потому что прекрасно знали, что в сценах насилия нет ничего страшного, если их участники — взрослые люди.

Итак, леди и джентльмены, наша съемочная группа сейчас находится на улицах Эсмеральды, чтобы взять для вас несколько интервью у Охотников, которые в настоящий момент принимают участие в Охоте, и донести до вас все страхи и ужасы прекрасного мира насилия.

Простите, сэр, я вижу у вас значок Охотника. В руке у вас «смит энд vesson», не так ли?

— Что? Да. Простите, но я...

— Сколько Охот на вашем счету, мистер...

— Эрдман. Хэрольд Эрдман. Эта первая.

— Охотник-новичок! Как вам это нравится, друзья? Откуда ты, Хэрольд?

— Послушайте, — перебил его Хэрольд, — в другой раз я с удовольствием поговорил бы с вами, но сейчас...

Филакис понимающе улыбнулся.

— Нервничаешь или, как мы тут говорим, охотничья тошнота напала?

— Дело совсем не в этом.

— Ну так расскажи, в чем дело. Мы все простые люди и все поймем. Может, у тебя свидание с какой-нибудь смазливой куколкой?

— Ладно, если уж вам так интересно, я как раз собираюсь кое-кого убить.

— Да ты охотишься! Надо было сразу сказать. Не волнуйся, прихлопнешь свою Жертву как-нибудь в другой раз. Ты ведь не сердись на нас, Хэрольд, не правда ли?

Хэрольд хмуро улыбнулся.

— Может, оно и к лучшему. Знаете, что-то мне сегодняшний план совсем не нравится.

Филакис торжествующе кивнул.

— Охотничий инстинкт. Он всегда присутствует у хороших Охотников. Кто твой Наводчик, Хэрольд?

— Майк Альбани.

— О, мы знаем этого уважаемого представителя старой гвардии. В последнее время ему не особенно везет, но мы надеемся, ты изменишь ситуацию.

— Сделаю все от меня зависящее.

— Слушай, Хэрольд, мне немного обидно, что из-за нас ты, возможно, упустил шанс совершить хорошее.

Убийство. Поэтому я хочу загладить свою вину. Ты уже обедал?

Хэрольд еще не ел.

— Прекрасно! А что если мы попросим тебя на некоторое время стать нашим обозревателем в программе «Ресторан Охотничьего Мира»? Пойдем с нами. Тебя угостят самым лучшим на острове обедом, к тому же мы немного развлечемся.

Взяв Хэрольда под руку, Филакис повел его по улице, следом за ним устремились теле- и звукооператоры, а также зеваки, которые во что бы то ни стало хотели попасть в объектив телекамеры, чтобы потом увидеть себя в вечернем выпуске новостей.

Вскоре они подошли в ресторану «Ле Морганто». Филакис, Хэрольд, операторы, осветители, девушки-статистки, ассистенты режиссера, подсобные рабочие столпились в вестибюле, куда проникали восхитительные запахи. Тут же появился маленький человечек с встревоженными глазами и в белом смокинге.

— Привет, Гордон! — воскликнул он.

— Привет, Том, — ответил Филакис. — Сегодня мы решили провести твой ресторанчик.

— Господи боже мой!

— Я привел с собой гостя. Познакомься, Том, с мистером Хэрольдом Эрдманом, который недавно прибыл на наш солнечный остров и уже стал полноправным Охотником и твоим гостем на сегодняшний вечер. Хэрольд, все, что от тебя потребуется, так это есть и делиться своими впечатлениями о подаваемых блюдах.

Том провел Хэрольда к столу, и осветители принялись устанавливать софиты. Официанты принесли серебряные вилки и ножи, разложили салфетки. Подали бутылку красного вина с французской этикеткой. Разлили по бокалам. Хэрольд поднес бокал к губам и медленно сделал глоток.

— Ну, Хэрольд? — поинтересовался Филакис. — Как тебе? — И заговорщицки подмигнул.

Хэрольд все понял. В жизни каждого человека случаются моменты, когда интуиция помогает ему

забыть про добропорядочность и честность, которые ему привили с детства.

Быстро смекнув, что к чему, Хэрольд ответил:

— Совсем неплохо...

Филакис бросил на него красноречивый взгляд, опасаясь, что Хэрольд все испортит.

— ...для мытья полов.

И тут началось настоящее веселье.

Одно за другим он высмеивал все блюда, поспешно ища подходящие сравнения, чтобы его никто не принял за деревенщину. Некоторые из его грубоватых шуток были не такими уж и плохими, если учесть, что он выдавал их экспромтом. Так, суп из черепашого мяса он назвал «зловонным болотом».

Филакис тоже старался не отставать, высмеивая интерьер, официантов, обслуживание, оркестр, владельца ресторана, его жену и даже хозяйского кокер-спаниеля.

Пока все это шло в эфир, «Амбалы Охотничьего Мира» — четверка накачанных парней в купальных костюмах — крушили все вокруг бейсбольными битами, не трогая лишь столик, где Хэрольд ел стере *suzett*, которое он сравнивал с отбросами, годными лишь для кормежки свиней.

А когда в конце ужина он выплюнул кофе, публика устроила ему настоящую овацию.

Наконец, когда уже не осталось ничего, что можно было бы съесть или испоганить, Филакис нежно обнял Тома за плечи и назвал «классным парнем». Безусловно, студия оплатит все убытки. А в качестве компенсации за все, что хозяину пришлось вытерпеть, Филакис подарил Тому билет в ложу на Охотничьи Игры.

— А тебе, Хэрольд, большое спасибо, — сказал он. — Ты молодец, понимаешь все с полуслова. Надеюсь, мы скоро с тобой снова встретимся, и я услышу про твое удачное Убийство.

Глава 36

Вернувшись домой, Альбани раздраженно кинул на стул куртку из верблюжьей шерсти. Не отрывая взгляда от экрана телевизора, Тереза спросила:

— Ну, как у тебя сегодня дела?

— Кошмар. Мы уже почти приклепнули Жертву, когда внезапно появился этот чертов Гордон Филакис со своим «Охотничьим шоу» и стал брать у Хэрольда интервью. Вся работа насмарку.

— Не расстраивайся, дорогой. Прикончите свою Жертву в следующий раз.

— Только на это я и надеюсь.

— А как держался Хэрольд?

— Отлично. Думаю, по крайней мере на одно хорошее Убийство он вполне способен. Нам позарез нужно именно хорошее Убийство.

— Это улучшит наше положение? — с надеждой спросила Тереза.

— Честно говоря, это мне может здорово помочь. Слишком многие пристально наблюдают за мной. Ходят слухи — и не пытайся убеждать меня в обратном! — что я потерял свою былую хватку.

— Как они осмеливаются так говорить! — возмутилась Тереза.

— Они приводят в пример мои последние неудачные засады и утверждают, что я уже совсем ни на что не способен.

— Знаешь, — сказала Тереза, — может, кое в чем они и правы... Вспомни хотя бы Джеффриса...

Альбани недовольно скривился.

— Или твоего предыдущего клиента — как там его звали?

— Антонелли. О господи, лучше не напоминай мне об этом! — Альбани расслабил узел галстука. — Антонелли. Такой щедрый человек. Я действительно старался организовать для него особое Убийство. Хотел отблагодарить. Его Жертвой была шестнадцатилетняя девушка — можешь себе такое представить? Девственница. Я имею в виду, что это была ее первая Охота.

— Да, теперь от детей можно ожидать чего угодно, — произнесла Тереза.

— Все было проще простого. Антонелли загнал ее в угол. Ему оставалось только нажать на спусковой крючок. Однако этот чертов сибарит решил не спешить. Хотел как следует насладиться своим Убийством. Ведь мысленно он уже видел ее мертвой. На ней не было никакой одежды. Антонелли считал, что он в полной безопасности. Он же видел, что у нее нет никакого оружия. Именно на это она и рассчитывала. Ей хватило одной секунды, чтобы задушить его прочной лентой, которой у нее были подвязаны волосы.

— Не понимаю, как ей могли дать разрешение на использование такого оружия? — заметила Тереза.

— Это не имеет никакого значения. Главное, что я не предусмотрел такую возможность. Еще одно пятно на моей репутации. Ты полагаешь, что я действительно потерял хватку?

— Это не твоя вина, — сказала Тереза. — Лучше подумай о предстоящих делах. У этого Хэрольда есть хоть какой-нибудь шанс?

— Кто знает? Кого это волнует? — картинно взмахнул руками Альбани. — Нет, шансов у него никаких. Но нужно, чтобы он победил. Придется мне что-нибудь придумать. Ведь от этого зависит мое будущее, что гораздо важнее, чем чья-то никудышная жизнь. Не правда ли?

— Полностью с тобой согласна, дорогой. Ты обязательно что-нибудь придумаешь. А теперь пойдем ужинать.

Глава 37

Вернувшись домой, Луэйн погрузился в размышления. Ему было ужасно досадно, что сорвалась такая прекрасная возможность подстрелить Хэрольда. Пришла Джекинс. Увидев, что он сидит задумчивый за письменным столом, переоделась и снова куда-то ушла. Луэйн сам приготовил легкий ужин — вареные хвосты омаров на поджаренных ломтиках хлеба.

Чуть позже пришел Сузер, налил себе выпить, уселся в кожаное кресло с хромовыми подлокотниками и принялся ждать, когда Луэйн обратит на него внимание.

Наконец Луэйн потянулся. Встал, подошел к телефону, взял записную книжку, полистал ее, нашел то, что искал, и, оттопырив губу, кивнул.

— Сузер, — позвал он.

— Слушаю, босс.

— Ты ведь знаком с Хортоном Футом?

— Конечно.

— Ты знаешь, где его найти? Прямо сейчас.

— Скорее всего, он сейчас в баре «Клэнси» на Трокадеро, пытается утопить свою печаль в стакане.

— Я хочу, чтобы ты пошел туда и привел его ко мне. Немедленно.

— Конечно, босс. Но ведь вы прекрасно знаете, что с Футом лучше не связываться. Кроме того, это ваш самый заклятый враг на острове.

— Именно это и делает его самой подходящей кандидатурой.

— Ясно, — сказал Сузер.

На самом деле он ничего не понимал, но задавать вопросы было бесполезно. Босс обожал всяческие тайны.

Он направился к двери, но Луэйн остановил его.

— Да, вот еще что.

— Что, босс?

— Скажи привратнику, пусть заправит мою машину. Не «бьюик», а «мерседес».

Сузер хотел спросить, что затеял его босс, но передумал. Луэйн сам все расскажет в свое время. И Наводчик вышел из комнаты.

В течение следующего часа Луэйн не отходил от телефона, обзванивая всех друзей в городе. Он как раз повесил трубку, когда появился Фут.

Он был невысокого роста, лет под сорок, со смуглым, обветренным лицом. На нем был замызганный белый костюм, на голове — «федора», а на ногах стоптанные сандалии.

— Садись, — предложил ему Луэйн. — Налей себе чего-нибудь. Тебе, наверно, интересно, зачем я тебя позвал?

— Только потому я и пришел, — ответил Фут. И налил себе самого дорогого виски.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь. Думаешь, что я убил твоего брата нечестным образом.

— А разве не так?

— Между нами говоря, — доверительно сказал Луэйн, — именно так.

Фут не сразу нашел, что ответить. Сначала он кивнул, потом произнес:

— Что ж, я так и знал. — Он изо всех сил пытался рассердиться.

— Насколько я припоминаю, ты никогда не пылал любовью к своему брату, — сказал Луэйн.

— Я ненавидел этого сукиного сына и мечтал увидеть его в гробу! — возбужденно воскликнул Фут. — Но это тебя не касается. Я никому не позволю безнаказанно убивать моих родственников. Тебе не кажется это справедливым?

— Ладно, — перебил его Луэйн. — Я пригласил тебя к себе, чтобы помириться.

— И как же ты собираешься это сделать? — презрительно хмыкнул Фут.

— Удовлетворив две твои самые пламенные страсти.

— Какие именно?

— Первая из них — деньги.

— Деньги, — мечтательно повторил Фут, чувствуя, как от этого слова у него замирает сердце. — Ты хочешь предложить мне деньги? — Его лицо немного просветлело.

— Конечно, нет, — ответил Луэйн. — Это было бы для тебя слишком оскорбительно.

— Может быть, — снова нахмурился Фут.

— Я предлагаю тебе их заработать.

— О! — еще больше расстроился Фут.

— Но, работая на меня, ты сможешь удовлетворить свою вторую пламенную страсть.

— Какую?

— Предательство.

Фут откинулся на спинку кресла. В конце концов, жизнь не такая уж и безнадежная штука. Случается, что судьба начинает улыбаться тебе и удача приходит, когда ее совсем не ждешь.

— Да, ты меня хорошо знаешь, — сказал он.

— Тебе ведь действительно необходимо предательство, — продолжал Луэйн. — Без него ты просто жить не можешь.

— Тоже мне, психолог выискался! Мой психоаналитик говорит, что мне обязательно нужно кого-нибудь предавать, чтобы сохранить душевное равновесие. Он утверждает также, что лучше всего мне поможет хладнокровное Убийство, но это не для меня. Так можно и самому концы отдать. Ты уж не обижайся, но каждому свое.

— А я и не обижаюсь, — сказал Луэйн. — Предлагаю тебе пять тысяч долларов за то, что доставит тебе огромное удовольствие.

— Лучше десять, — сказал Фут. — Тогда я испытаю настоящее райское блаженство.

— Остановимся на семи с половиной, — предложил Луэйн. — Ведь несмотря на вражду, мы с тобой старые друзья.

— Согласен, — ответил Фут. — Кого мне надо предать?

— Одного из твоих друзей — Микеланджело Альбани.

— Альбани! — воскликнул Фут. — Но ведь мы с ним большие друзья. Предать его было бы просто ужасно.

— Ну и что из того? В этом-то вся суть предательства.

— Это действительно так, — согласился Фут. — Ты прав, Лузйн.

Тот скромно пожал плечами и рассказал, в чем состоит его план.

Фут кивнул, но в последний момент в его душу закрались сомнения.

— Для Альбани это означает полный крах. Если он сейчас проиграет, от банкротства ему не уйти. Ты знаешь, что это означает?

— А в противном случае Хэрольд — его клиент — убьет меня, а Альбани получит вознаграждение и славу, в которой он так сейчас нуждается. Признайся честно, какое тебе дело, обанкротится Альбани или нет?

Фут задумался.

— Честно говоря, если Альбани станет государственным рабом, я смогу заполучить Терезу. Ты видел ее, Лузйн? Этот ревнивец даже не выпускает ее из дому. Такая куколка...

Лузйн прервал его нетерпеливым взмахом руки с ухоженными ногтями.

— Мы тут не свидания обсуждаем. Речь идет о деньгах и предательстве.

— Я полностью к твоим услугам. Как мне лучше действовать?

Лузйн подошел к стене, на которой в серебряных рамках под стеклом висели свидетельства о его победах. Сняв одну из них, он вытащил прямоугольный листок, протянул его Футу, а рамку повесил на место.

— Ты знаешь, что это такое?

— Карточка Предательства. Никогда не держал ее в руках, но знаю, как она выглядит.

— Слушай внимательно. Вот что тебе надо сделать.

Глава 38

На следующее утро из хорошо осведомленных источников Альбани узнал, что Луэйн вместе с самыми закадычными друзьями сел в свой большой бронированный «мерседес» и укатил на загородную виллу, чтобы устроить там вечеринку в канун Сатурналий. Альбани позвонил в «Информационную службу Наводчиков» и попросил, чтобы ему прислали с нарочным план виллы и карту прилегающей местности. Опасения подтвердились — вилла Луэйна надежно охранялась.

Он как раз размышлял над этим препятствием, когда зазвонил телефон и один из информаторов сообщил интереснейшую новость. По его словам, у одного из друзей Альбани — Хортон Фута — каким-то образом появилась Карточка Предательства, и он собирался ее продать.

Карточка Предательства! То, что нужно!

Альбани пытался дозвониться Футу, но у того был отключен телефон. Тогда он стал звонить его приятелям. Один из них сообщил, что видел, как Фут бродил по зоопарку в длинном черном пальто, которое надевал лишь в период депрессии. Информатор также добавил, что вид у Фута такой, будто он готов в любую минуту отдаться на съедение львам, но боится, что хищники не станут есть его из отвращения. Другой информатор видел Фута в Восточных доках, где тот стоял, прислонившись к тумбе, и наблюдал за плавающим в воде мусором, словно раздумывая, не присоединиться ли к нему.

— Судя по всему, дела у него совсем неважные, — сказал Альбани Хэрольду, когда они вместе обедали. — Похоже, у него появилось желание покончить счеты с жизнью. Нам это кстати. Нужно обязательно купить у него Карточку Предательства.

— Не понимаю, — сказал Хэрольд. — Что еще за Карточка Предательства?

— Государство иногда печатает их и рассылает по наугад выбранным адресам. Имея Карточку Предательства, ты можешь заставить кого угодно действовать против человека, которому тот искренне предан. Это ключ, который поможет тебе пробраться на виллу Луэйна.

— А потом?

— А потом прихлопнуть его. — Альбани посмотрел на часы. — Неужели уже три часа? Нам следует торопиться. Вечеринка состоится сегодня. Согласно моим источникам, завтра утром Луэйн вернется в город, чтобы подготовиться к Сатурналиям. Ты должен пробраться на его виллу сегодня же и застать его врасплох. Нельзя упустить такой подарок судьбы.

— Ладно, — сказал Хэрольд. — Я готов.

— Но сначала надо отыскать Хортон Фута. Разделимся. Я поеду в зоопарк. Может, он все еще там. А ты давай в Восточные доки. Как только заполучим Карточку Предательства, тут же отправляемся на виллу и покончим с Луэйном.

Глава 39

В ужасном расположении духа Альбани сел за руль своего белого «ламборджини» и направился в сторону зоопарка. Его не просто одолевала депрессия. Наводчик подозревал, что ему снова не повезло — он зря поставил на неудачника, на идиота, который не знает, чего ему бояться, и не умеет быстро пользоваться представляющимися возможностями. Хотя, как ни странно, новичкам довольно часто удавалось побеждать умудренных опытом Охотников. Может, потому что атмосфера постоянного риска снижала у тех ощущение опасности. И они действовали небрежно.

Луэйн, несмотря на свой внешний вид, был осторожным и находчивым противником. Одно из его первых Убийств было самым настоящим шедевром. Переодевшись хирургом, он пристрелил свою Жертву — латыша с грустными глазами — в операционной больницы Сестер милосердия прежде чем тот успел открыть огонь из своего двуствольного протеза. Разве Хэрольд когда-нибудь достигнет таких высот? Не стоит ждать изысканного Убийства от деревенского парня. Может, Карточка Предательства даст ему хоть какой-то шанс.

Альбани настолько был поглощен своими проблемами, что почти не обращал внимания на дорожные знаки и вел «ламборджини» автоматически. Он обратил внимание на свою небрежность лишь тогда, когда за его спиной раздался звук сирены. Он остановился у обочины, рядом с ним затормозила патрульная машина. Из нее вылез полицейский в

отглаженной форме цвета хаки, начищенных до блеска башмаках и солнцезащитных очках. На широком кожаном поясе у него висели две кобуры с «магнумами» 44-го калибра.

— Уж не слишком ли медленно ты ехал? — с притворной вежливостью поинтересовался полицейский. — Или знак не заметил?

— Заметил, офицер, — сказал Альбани. — «Опасный поворот — увеличить скорость». Я как раз собирался это сделать, но по ошибке вместо газа нажал на педаль тормоза. С каждым такое может случиться.

— Я давно за тобой наблюдаю, — продолжал полицейский. — Ты через весь город проехал со скоростью, на десять миль меньше положенной. В чем дело? Решил посмеяться над нашими правилами опасного дорожного движения?

— Да вы что? Я один из самых рискованных водителей на всем острове!

Полицейский усмехнулся. Ему не раз приходилось слышать подобные оправдания. Он обошел машину, пытаясь найти вмятины и царапины. Альбани не повезло, потому что за своим «ламборджини» он следил гораздо тщательнее, чем того требовали существующие на острове правила. Полицейский увидел, что фары и поворотные огни в полном порядке, что противоречило закону небезопасного вождения.

— Все понятно, — сказал он. — Придется наложить штраф «отчаянная езда».

Альбани напрасно пытался уговорить полицейского, пока тот укреплял специальное приспособление на контрольной панели компьютера. Наводчик умолял оштрафовать его в следующий раз и даже предложил солидную взятку. Но и здесь ему не повезло — в тот день был «неподкупный вторник».

Закончив возиться с панелью, полицейский заглянул в окошко, убеждаясь, что ремень безопасности не на месте.

— Удачи тебе, приятель, — пожелал он. — Я оштрафовал тебя всего лишь на десять минут, к тому же движение сегодня не такое интенсивное.

Когда устройство в машине Наводчика сработало, полицейский резво отскочил в сторону. Педаль газа

«ламборджини» до конца ушла вниз, и машина со страшным скрежетом рванула вперед. В воздухе запахло паленой резиной.

Слух о том, что кого-то наказали «отчаянной ездой», быстро распространился среди остальных водителей. Легковушки, грузовики и автобусы тут же свернули на тротуары. Пешеходы попрятались по подъездам и специальным противоавтомобильным укрытиям. А Альбани несясь вперед в своем ревущем «ламборджини». Ему чудом удалось свернуть влево на шоссе, ведущее из города. Когда он вырулил из потока машин, ускорение вдавило его в спинку кресла. Тут на устройство поступила команда «вихляние», и машина принялась выписывать зигзаги на шоссе, съехала в поле, а потом на грунтовую дорогу. Альбани, словно человек, борющийся с удавом, пытался крутить руль, давил на тормоза, которые вот-вот могли полностью сгореть.

Но самое главное испытание ожидало его впереди — в сотне ярдов от себя он увидел пробку. Там скопилось столько машин, что объехать их не было ни малейшей возможности. Альбани крепко сжал руль и закрыл глаза.

В этот момент срок действия штрафа закончился, и педаль газа прыгнула вверх. Альбани тут же выпустил парашют — средство безопасности, которым на Эсмеральде снабжались все машины. Ему повезло — он остановился в нескольких футах от забитого машинами перекрестка.

Зато потом он уже ехал к зоопарку с весьма умеренной скоростью. Водителям, которым удавалось уцелеть после «отчаянной езды» полагалась награда — двадцать четыре часа безопасности, когда они могли ездить с любой скоростью. Альбани теперь не превышал двадцати километров в час.

Служитель зоопарка долго чесал в затылке, но, получив хрустящую кушкуру в пять долларов, сразу вспомнил, что похожий на Хортон Фута человек долго стоял возле клетки с бабуинами и ушел из зоопарка полчаса назад.

Глава 40

Альбани тут же помчался обратно в город, нарушив столько правил дорожного движения, что им остался бы доволен даже самый придирчивый полицейский.

А Хэрольд тем временем как раз добрался до порта. Ему сообщили, что Фут имеет обыкновение проводить время в баре Мэллигана «Последний шанс», который одновременно служил ночлежкой для портовых бродяг и располагался в высоком узком здании недалеко от причала.

— Фут? — задумчиво переспросил владелец бара. — Такой невысокий худой парень в длинном черном пальто? Да, иногда заходит. Однако я понятия не имею, где он сейчас.

— Мне нужно его найти, — сказал Хэрольд.

— На вашем месте я бы поискал его возле причала для рыболовных судов на углу Лэйкхерст и Вьянде. Иногда он там нанимается работать весовщиком, когда фабрика искусственной свинины закрыта.

Хэрольд отправился на причал, где стояли огромные корабли, прибывшие с Кубы, Гаити и Багамских островов. Над ними в полуденном небе с криками летали чайки. Маленькие шаланды качались на волнах, их мачты жалобно скрипели от порывов свежего бриза. В преддверии Сатурналий большинство суденышек уже было украшено. Завтра должен состояться большой фестиваль, которым и ознаменуется начало праздника. Ночью в освещенной огнями фейерверков гавани проплывет процессия кораблей, сверкая разноцветными огнями иллюминации.

На причале Хэрольд увидел старого, одетого в лохмотья человека, который сидел на швартовочной тумбе и смотрел на воду.

— Фут? — переспросил он. — Хортон Фут? Если ты знаешь, куда исчезает утренний туман, его ты обнаружишь без труда.

— Что-что? — удивился Хэрольд.

— Это Киплинг, — объяснил человек в лохмотьях. — Тебе очень важно найти этого Фута?

— Да.

— Двадцать баксов не пожалеешь?

Хэрольд заплатил. Оборванец повел его задворками в лабиринт запутанных переполненных улиц и переулков старого города Эсмеральды. От канав несло зловонием, скворцы дрались с бешеными крысами за лакомые куски отбросов. Откуда-то сверху, с балкона, доносился женский голос, поющий старую как мир, жалобную песню про то, как грустно каждый день хлопотать по хозяйству, зная, что твой милый никогда уже не вернется.

Местные жители — одни круглолицые и небритые, другие — узколобые, с похотливыми глазами — подпирали спинами двери домов, держа руки в карманах, а глиняные трубки — в зубах, и как будто ждали, что вот-вот появится Гольбейн и увековечит их на своих картинах. Зажглись газовые фонари, и вокруг каждого из них возник светящийся нимб — архитекторы Эсмеральды скопировали это из старого фильма Лерда Крегера. Завершилась вечерняя молитва, и голубые сумерки наконец сменились наполненной шорохами ночью.

— Вон он там сидит, — буркнул провожатый и исчез в переулке.

Хэрольд посмотрел в указанном направлении. На другой стороне улицы перед ярко освещенной витриной кафе, которое благодаря зеркалам казалось менее убогим, чем на самом деле, сидел за крайним столиком человек в черном пальто и потягивал из бокала напиток, который при более внимательном рассмотрении оказался лаймовым коктейлем. А рядом с ним, попивая «негрони», сидел не кто иной, как Микеланджело Альбани.

— А, привет, Хэрольд, — небрежно бросил Альбани. — Присаживайся к нам. Я сам только что подошел. Хортон, познакомься с моим другом Хэрольдом Эрдманом. Ему тоже абсолютно не нужна Карточка Предательства.

Альбани многозначительно посмотрел на Хэрольда, призывая придерживаться этой линии.

— Именно, — подтвердил Хэрольд, беря стул и садясь за столик. — Ваша карточка мне абсолютно ни к чему. — Он повернулся к Альбани. — Какие новости?

— Представляешь, меня сегодня оштрафовали — назначили «отчаянную езду». К тому же как назло сегодня «неподкупный вторник». Ладно, не везет в одном, повезет в другом. А ты чем сегодня занимался?

— Эй, приятель, хватит лапшу на уши вешать, — вмешался Фут. — У меня есть свои источники информации. И они утверждают, что вам позарез нужно купить у меня Карточку Предательства.

— Да ты меня насквозь видишь, — признался Альбани. — Ты прав, Фут. Я хочу ее купить. Не сейчас, разумеется. Может, через пару недель или, самое большее, через месяц. Тогда, может быть, я смогу заплатить тебе кругленькую сумму.

— Я не могу ждать несколько недель, — заявил Фут.

— Мне уже об этом рассказывали, — вкрадчивым голосом сказал Альбани.

— Я подозреваю, что и вам ждать не с руки.

Хэрольд закашлялся, выдав себя с головой, но ведь у него не было такого опыта, как у Альбани, который умел держать себя в руках при любых обстоятельствах. Фут, невысокий отталкивающий тип с краснокоричневой родинкой в форме летучей рыбы под левой подмышкой, задумчиво потер нос.

— Сколько ты за нее хочешь? — спросил Альбани.

— Двести долларов.

— Согласен, — сказал Хэрольд.

Альбани бросил на него укоризненный взгляд, но тот уже вытащил бумажник.

Когда они отошли от кафе на один квартал, Альбани сказал:

— Я бы смог сбить цену до пятидесяти.

— Да, но уже слишком поздно.

Альбани взглянул на часы, и только теперь заметил, что день закончился и наступила ночь.

— Проклятие! Надо поспешить, если мы хотим добраться до виллы Луэйна сегодня. А мы еще не забрали наши маскировочные костюмы.

Глава 41

Джекинс так резко затормозила возле дома Луэйна, что шины ее красного спортивного автомобиля завизжали. Приятные вечерние сумерки только начали спускаться на Эсмеральду. Но чудесный вечер не отразился на настроении девушки — ее голубые глаза потемнели от гнева.

Хлопнув дверцей, она направилась ко входу быстрой походкой, насколько ей это позволяли обтягивающие мини-юбка и жакет-болеро. Звонить она не стала. Просто вставила в замок ключ, полученный от Луэйна, когда между ними были хорошие отношения, и зашла в квартиру.

— Луэйн? — позвала она.

Но лишь молчание было ей ответом.

Включив свет, она подошла к шкафу с одеждой. Пропали замшевый пиджак Луэйна, твидовая шляпа и охотничья трость. Итак, он действительно уехал на виллу со своими друзьями, не только не пригласив, но даже не предупредив ее об этом. Его охотничьи дела не могли служить оправданием. Она знала по крайней мере десять человек, которых Луэйн пригласил на сегодняшнюю вечеринку. А о ней даже не подумал.

Хотя ее всю трясло от возмущения, Джекинс задумалась, почему Луэйн так внезапно решил устроить вечеринку и почему — даже не учитывая их личных отношений — все же не пригласил ее с собой.

Она села в огромное мягкое кресло и закурила сигарету со слабым наркотиком. Она вспомнила, как Луэйн отзывался о Хэрольде. Называл его превосходной Жертвой.

А затем, как ни странно, Охотничий компьютер из тысяч всевозможных комбинаций, выбрал именно ту, которая необходима Луэину. Что-то здесь не так. И почему он пригласил на виллу целую толпу народа, а про нее даже не вспомнил?

Ладно, надо как следует во всем разобраться. Луэин поехал на виллу с друзьями, чтобы заманить туда Хэрольда. Но ведь Хэрольд и его Наводчик Альбани не такие идиоты, чтобы самим полезть в капкан. Они ни за что не появятся в той части острова, где Луэин благодаря своей щедрости пользовался любовью и уважением крестьян.

Что-то здесь не то. В этой головоломке не хватает какой-то важной детали. Но какой именно? Девушка встала с кресла и принялась мерить шагами комнату. Внезапно ее взгляд остановился на свидетельствах об охотничьих победах Луэйна, которые висели в рамках на стене. Подойдя ближе, она присмотрелась к ним повнимательней. Да, одна из маленьких рам — серебряная с причудливой гравировкой — была пуста. Что же в ней было? Она никак не могла вспомнить. Джекинс уже решила выбросить всю эту историю из головы, как внезапно ей пришла мысль перевернуть рамку. На обороте аккуратным почерком Луэйна было написано: «Эта Карточка Предательства досталась мне в наследство от дяди Освальда, царствие ему небесное».

Луэин забрал Карточку Предательства? Интересно. Но зачем она ему понадобилась на вилле, где все на его стороне? Вся эта таинственная история запуталась до такой степени, что девушка решила выпить. Она подошла к бару. Рядом на телефонном столике лежал листок бумаги. На нем было записано имя и номер телефона. Хортон Фут. Один из заклятых врагов Луэйна.

Опять тупик. С чего бы Луэин стал звонить человеку, который — и это ни для кого не секрет — ненавидит его и презирает.

Джекинс снова затянулась сигаретой и уселась в кресло. И тут ее осенило. Этот пройдоха Луэин мог позвонить своему врагу потому, что никому и в голову не могло прийти, что Фут работает на него.

Скорее всего Луэин договорился с Футом, щедро вознаградив его, чтобы тот продал Карточку Предательства Хэрольду. А неопытный Охотник подумает,

что она даст ему преимущество и поможет незаметно пробраться на виллу, где на самом деле его поджидает хозяин с оружием в руках.

Девушке это не понравилось. От поступка Луэйн дурно пахло. Надо же, выбрал себе легкую Жертву, сделал так, чтобы оказаться с ней в паре, а теперь при помощи Карточки Предательства хочет заманить в ловко устроенную засаду! Хитрость необыкновенная, но такие вещи идут вразрез с этикой Охотничьего Мира!

Вот поэтому Луэйн и не пригласил ее на вечеринку — он опасался, что она раскроет все его подлые планы.

Открыв верхний ящик стола, она вытащила записную книжку Луэйна. Среди других был там и номер телефона Хэрольда, записанный аккуратным почерком Луэйна. Никаким честным путем Луэйн не смог бы так быстро узнать, кто на него охотится!

Сняв трубку, Джекинс набрала номер Хэрольда. Это был телефон квартиры Нора. Она же взяла трубку.

— Послушайте, — сказала Джекинс, — мы с вами почти не знакомы. Меня зовут Джекинс Джоунз, и мы встречались на Охотничьем балу. Вы ведь приятельница Хэрольда, не так ли?

— Да, — ответила Нора. — А в чем дело?

Джекинс вкратце рассказала про то, что ей удалось обнаружить.

— Я давно дружу с Луэйном. Сейчас он ведет нечестную игру. Он решил схитрить, а это мне не по душе. Поэтому я вам и позвонила, чтобы вы предупредили Хэрольда. Ему следует позаботиться о своей безопасности.

— О господи! — воскликнула Нора. — Будем надеяться, что они еще не уехали и у нас еще осталось время. Они сейчас у Альбани. Я немедленно позвоню туда. Спасибо, Джекинс!

Нора, стоя в одной ночной рубашке, с мокрыми после душа волосами, нашла номер телефона Альбани и сняла трубку.

— Квартира Альбани, — ответила на том конце провода Тереза.

— Мне срочно надо поговорить с мистером Альбани или с Хэрольдом.

— Они сейчас в подвале, обговаривают важные дела. Мне приказано ни в коем случае их не беспокоить. А кто это?

— Нора Олбрайт. Хэрольд одно время жил у меня на квартире. Мы с ним из одного городка.

— Да, он рассказывал про вас. Может, передать ему что-нибудь? Он позвонит вам сразу, как только освободится.

— Послушайте, я звоню по чрезвычайно важному делу. Мне только что стало известно, что ему готовят ловушку при помощи Карточки Предательства. Я узнала, что некто Хортон Фут продал ее Альбани. А Фут работает на Луэйна! Все это специально подстроено! Как только Хэрольд окажется на вилле, ловушка захлопнется.

— Господи! — воскликнула Тереза. — Майк не переживет потери еще одного клиента.

— Лучше позовите их из подвала, я поговорю с кем-нибудь из них.

— Простите, — сказала Тереза, — но их там нет. Я сказала неправду.

— Зачем?

— Так приказал мне Майк. Чтобы все думали, что они с Хэрольдом все еще в городе.

— То есть они уже поехали на виллу?

— Час назад. Неужели ничего нельзя сделать? Может, стоит сообщить властям, чтобы те остановили Охоту?

— Нет, — сказала Нора. — Луэйн не нарушил никаких законов. Его поступок противоречит лишь этике и морали. Дайте подумать... Я кладу трубку, у меня возникла одна мысль.

Нора положила трубку на рычаг. Связаться с Хэрольдом или Альбани она не может. Обогнуть их и приехать на виллу Луэйна раньше — тоже. Оставалось только одно. И она надеялась, что ей это поможет. Нора набрала телефон «Охотничьего шоу».

Глава 42

Альбани не любил надолго расставаться со своей машиной. Не так много времени отпущено человеку, чтобы сидеть за рулем «ламборджини», и Майк Альбани желал наслаждаться каждым таким мгновением. Однако профессиональная необходимость переборола личную привязанность. Став обладателем Карточки Предательства, он быстро нашел подходящие маскировочные костюмы для Хэрольда и для себя. Приехав на Центральный вокзал, они как раз успели на поезд в 19.15, отправлявшийся в Санта-Марту, небольшую деревушку, где располагалась вилла Луэйна.

Вагон был битком набит крестьянами в одеждах черного цвета с плетеными корзинами, полными саями и плодов хлебного дерева, которые в изобилии произрастали на острове.

После получения Охотничьим Миром независимости его основатели задумали первыми делом выселить с острова всех коренных жителей и начать все с нуля в демографическом отношении. После долгих споров было решено, что острову необходимы крестьяне. Но не просто какие-нибудь там крестьяне — Эсмеральда нуждалась в крестьянах, которые были бы довольны своей жизнью и не завидовали окружающему их богатству и роскоши. Основатели понимали, что по-настоящему хорошие крестьяне обойдутся недешево, но ничто другое не могло создать на острове обстановку терпимости, которая так ценится в современном мире.

После горячих дебатов было принято решение привезти из Южной Европы крестьян, которые носят береты.

Основатели установили контакты с испанскими и итальянскими агентствами, которые поставляли рабочую силу из Андалузии и Меццоджорно, провели беседы с претендентами, и самые талантливые из них была направлены в пользующуюся заслуженной репутацией Крестьянскую школу в городке Цуг, Швейцария, для окончательной полировки.

Крестьяне на Эсмеральде на самом деле почти не занимались никакой работой, а исполняли декоративные функции. Всю тяжелую и грязную работу выполняли государственные рабы: пахали, сеяли, унавоживали поля и убирали урожай. От крестьян требовалось лишь танцевать перед гостями Эсмеральды по воскресеньям, а в остальные дни недели пить слоут — мешанину из вина и пива, которую тщетно пытались разрекламировать эсмеральдские виноделы.

А еще они хвастались своим богатством и мужскими способностями, пока их жены поджаривали дома фаршированных кукурузой поросят.

Традиционные крестьянские костюмы разработал сам Джинки из Голливуда: длинные юбки, шаровары и плотно зашнурованные корсажи.

Разумеется, возникали проблемы с крестьянскими детьми, как и с любыми другими, но по достижении совершеннолетия их отправляли в торговые школы Кашмира, и все оставались довольны.

Наблюдательный человек наверняка бы заметил две личности в широких плащах, которые сошли на станции Санта-Марта дель Кампо, располагавшейся в пятидесяти милях от города. Они тут же направились в «Голубой Бофор» — самую большую таверну в деревне — и стали вполголоса о чем-то договариваться с владельцем. Один из незнакомцев — молодой парень с пышной фальшивой бородой — показал ему листок бумаги, который крепко сжимал в руке. Хозяин таверны от удивления открыл рот, а затем на его лице появилась хитрая усмешка.

— Не, ну я-то тут при чем, а? — Год учебы в школе для сельских барменов на севере Англии сильно сказался на его речи.

— Мы хотели бы поговорить с Антонио Фериа, — сказал бородатый.

— Он сейчас занят по горло — следит за подготовкой вечеринки на вилле.

— Это нам известно. — В руке бородача появился хрустящий банкнот. — Будь хорошим парнем, отведи меня к нему.

Хозяин взял деньги, изобразил на лице благодарность и пошел к телефону.

Глава 43

Вернувшись вечером из школы, младший Фериа — Джанго — увидел двух незнакомцев, сидевших в гостининой матери. У того, что ростом повыше, была фальшивая борода. Другой — темноволосый, весь в черном, в мягких невысоких кожаных сапогах. Его голубые глаза излучали такую решимость и непоколебимость, что Джанго застыл на месте.

— Кто это? — поинтересовался он.

— Заткнись! — прикрикнул на него отец, Антонио Фериа.

Только тогда Джанго заметил, что на отце белая рубаша с кисточками, которую тот надевал только на похороны и праздники. Наверно, эти незнакомцы очень важные персоны, подумал Джанго, но задавать вопросов больше не стал, потому что хорошо усвоил уроки в Крестьянской школе: не думать о том, о чем тебя не просят.

Тут в комнату вошла его старшая сестра Миранда. Она остановилась, подбоченилась и слегка оттопырила нижнюю губу. Волосы ее были наспех прихвачены лентой. Она была высокой для крестьянки, но ниже, чем настоящие аристократки. Небольшие, но упругие груди распирали грубое полотно крестьянской сорочки. Ноги скрывала длинная юбка, но они тоже наверняка были что надо.

— Папа, что ты натворил? Кто эти люди?

Хотя в ее голосе звучала тревога, по ее лицу было видно, что она с удовольствием оказалась бы в объятиях одного из этих мужчин, а может, и двух, только не одновременно.

Сидевший за грубо сколоченным деревянным столом Антонио Фериа почесал небритый подбородок и налил себе стакан узетта. В его глазах отражалась борьба гнева и усталости.

— Все очень просто, — сказал он. — Этот человек, — он слегка шевельнул покалеченной правой рукой в сторону Хэрольда, — пойдет сегодня на виллу сеньора Луэйна, чтобы прислуживать ему на банкете. Он подаст жареных цыплят вместо Джовио, нового крестьянина, которого сеньор еще не знает в лицо. Ты будешь вместе с ним — понесешь традиционные пироги со шкварками. Понятно?

— Он не местный, — с любопытством разглядывая Хэрольда, заметила Миранда. — Или это новый крестьянин?

— Нет, он Охотник и приехал издалека.

— Охотник? И на кого же он охотится?

Антонио отвел взгляд в сторону. Его лицо исказила гримаса.

— Он охотится на сеньора Луэйна, эль патроне, — наконец выдавил он из себя и снова наполнил свой стакан.

— Отец! Как ты можешь предать сеньора Луэйна, который столько сделал для тебя и для всей деревни?

Антонио Фериа что-то неразборчиво пробормотал и зашаркал по земляному полу. Его деревянные башмаки, несколько пар которых он дешево купил на рынке в Санта-Каталине, уже почти сносились от шарканья по грязному двору.

— Но у меня нет другого выбора! — с жаром воскликнул он. — Дело в том, что у него есть Карточка Предательства. Ты же знаешь, что государство карает тех, кто отказывается предавать по требованию владельца такой карточки.

— Тогда у тебя действительно нет другого выбора, — согласилась Миранда. — Но как ему пройти мимо охраны?

— Мы дадим ему документы Джовио.

— Отец, но Джовио ростом всего лишь пять футов!

— Значит, ему придется сутулиться. А ты пококетничаешь с охранниками. Соседи говорят, у тебя

это неплохо получается. Кроме того, ты должна научить его шаркать ногами.

Миранда повернулась к Хэрольду.

— Пойдем. Посмотрим, что у тебя получится.

— Минутку, — сказал Хэрольд и посмотрел на Альбани. — Ну, я пошел.

— План виллы не забыл? — спросил Наводчик. — В поезде у нас не хватило времени как следует его изучить из-за этой неразберихи с бутербродами и того придурковатого заклинателя змей.

— Я все помню. Думаешь, получится?

— Конечно, получится! До того как тыпустишь ему пулю в лоб, он не будет ни о чем подозревать. Помнишь, как обращаться с костюмом-хамелеоном? Пистолет с тобой? Заряженный?

— Да, да. А ты где будешь?

— Я вернусь в таверну, — ответил Наводчик. — Буду пить черный кофе и грызть ногти, пока ты не придешь и не скажешь, что все в порядке.

— Или пока кто-нибудь другой не скажет, что у меня ничего не вышло.

— Не говори так, ты можешьглазить. Удачи тебе, Хэрольд. Как говорится, ни пуха!

Миранда взяла Хэрольда за руку.

— Пойдем, — сказала она хриловатым, но на редкость женственным голосом.

Глава 44

— Не так, — сказала Миранда, — надо еще больше согнуться, голову втянуть в плечи, а ногами как можно сильнее шаркать по полу.

Они находились в ее спальне — небольшой хижине ярдах в двадцати от отцовского дома, именно на таком расстоянии полагалось строить жилье для не слишком набожных крестьянских девушек брачного возраста. Тут она пыталась научить Хэрольда «крестьянскому шарканью». Естественно, нечего было и надеяться, что он осилит эту науку за одну ночь. Ведь в Цуге — в Крестьянской школе один только курс раболепия и низкопоклонства занимал целый семестр. Слава богу, что Хэрольду не требовалось учить всякие тонкости, благодаря которым сразу можно определить социальный статус крестьянина, потому что, скорее всего, ему не придется ни с кем встречаться. А в сумерках его сгорбленная фигура вряд ли привлечет внимание пьяных охранников в полосатых двубортных костюмах, которые слонялись вокруг виллы, курия сигареты и отпуская сальные шуточки в адрес женщин.

— Так лучше? — спросил Хэрольд, согнувшись и втянув голову в плечи.

— Теперь ты похож на регбиста, который собирается передать пас.

— А сейчас?

— На подстреленного медведя, который готов разорвать в клочья любого, кто попадет в его лапы.

Хэрольд выпрямился.

— От этого сгибания у меня уже спина разламывается.

Миранда кивнула, любуясь его крепким мускулистым телом, хотя перед этим дала себе зарок не воспринимать Хэрольда как мужчину. «Capriesti dil dnu!» — мысленно произнесла она старинное ругательство, которое не следовало знать воспитанным девушкам. Он был такой красивый. Миранда задержала на нем взгляд гораздо дольше, чем следовало, а потом отвернулась. А секундой позже она совсем не удивилась, когда он подошел к ней вплотную. Близость этого огромного, немного неуклюжего парня не просто волновала ее. Миранда чуть не лишилась чувств от запаха его пота, смешанного с ароматами жасмина и бутенвиллеи, которые легкий ветерок разносил по сонному тропическому острову.

— Когда нам нужно быть на банкете? — спросил Хэрольд после непродолжительного молчания, от которого у девушки чуть не остановилось сердце.

Она оценила его откровенность и бросила на него молниеносный взгляд темных глаз, в котором сохранился давний как мир призыв к действиям, понятный без всяких слов.

— Мы можем прийти туда за час до начала, поэтому у нас достаточно времени, — сказала она, четко произнося каждое слово, чувствуя, что сердце готово вырваться из груди.

— Тогда давай устроимся поудобнее, — предложил Хэрольд, ложась на кровать.

Сомнения Миранды длились лишь долю секунды. Может, ее удерживала мысль о том, что сейчас она распрощается со своей девственностью — это всегда имеет важное значение для всякой женщины. «Черт побери его вместе с его неуклюжей соблазнительностью!» — подумала девушка. Она перестала бороться с желанием, которое переполнило ее душу, поднимаясь из каких-то новых, до сих пор неизвестных ей глубин, и бессильно легла рядом с ним на кровать, хотя эта слабость и была ее силой.

— Сладкоголосый негодяй, — прошептала она.

Ее губы скользнули по его длинному прямому носу и жадно впились в его уста.

Глава 45

В мире, где не существует табу на секс, пьянство, наркотики или убийство, трудно найти что-нибудь такое, что не станешь делать каждый день, а позволишь себе лишь на вечеринке. Необычные развлечения — вот что позарез требовалось тем, кто устраивал банкеты на Эсмеральде.

В Древнем Риме типичный состоятельный устроитель вечеринок, которому так же не хватало скромности, как и его современному последователю в Охотничьем Море, угощал своих гостей таким редким и неперевариваемым блюдом, как языки индюков с трюфелями, которые подавались вместе с кусочками охлажденного жира рабов, как об этом беспристрастно сообщает папирус, найденный в Геркулануме.

В те времена гость, который не отставал от моды, должен был с радостью запихать эту еду в глотку, а потом стремглав нестись в vomitorium, выблевать все, вытереть рот, справить малую нужду и вернуться к следующему блюду.

Но, разумеется, вряд ли древнего римлянина можно считать утонченным ценителем. Луэйн всегда старался выдумать для своих вечеринок нечто совершенно новое, чтобы напоял сразить присутствующих и бросить вызов среднему классу, почти уподобляясь дадаистам.

Раз людям на Эсмеральде разрешалось все, что уютно, надо было заставить гостей удивляться обычным вещам, используя для этого законы парадокса и превращая щекотание нервов в интеллектуальное занятие. Именно этим и руководствовался Луэйн, при-

думав стриптиз-наоборот, который стал пользоваться необычайной популярностью.

Это извращенное представление было показано сразу же после кофе со шербетом в большом обеденном зале. Гости Луэйна сидели за столами, расставленными в форме подковы. С внешней стороны столов сновала прислуга, которая разносила блюда, наполняла бокалы, предлагала кокаин (он до сих пор пользовался популярностью, хотя сила его действия — чего не скажешь про цену — таинственным образом уменьшилась после его официального разрешения в Соединенных Штатах).

Слугами были крестьяне из соседней деревни, которые ради такого праздника переоделись в воскресные одежды — широкие юбки и короткие кожаные штаны на подтяжках. Если бы кто-нибудь пригляделся повнимательней, то увидел бы среди толпы прислуги одного человека, выше всех на голову и слишком неуклюжего даже для крестьянина. Тирольский камзол слуги, или кем он там был, сильно оттопыривался с одной стороны. Может, он прятал там украденную бутылку вина, которую решил выпить потом в таверне со своими неотесанными друзьями. А может, это было нечто еще более страшное, например огромная опухоль. Такие вещи демонстрировали приезжим кинооператорам крестьяне, проживавшие в отдаленных уголках острова. Это мог быть даже «смит энд vesson» в наплечной кобуре.

Но в этот момент взоры всех гостей были прикованы к обнаженной девушке, которая только что вошла в обеденный зал и поднялась на небольшую эстраду, которую окружали столбы. За собой она везла блестящий чемодан фирмы «Самсонайт» на колесах. В зале послышались вялые аплодисменты. Но на самом деле ее появление ничуть не заинтересовало гостей. Чемоданы, пусть даже на колесах, все видели не раз.

Но когда она сладострастным жестом открыла замки и перед собравшимися явился настоящий гардероб, в зале послышался возбужденный шепот — гости поняли, что девушка собирается одеваться, а

такого представления почти никто из них никогда не видел.

Медленными дразнящими жестами она достала из открытого чемодана лифчик, трусики и чулки. Напряжение усилилось, когда она нерешительно замерла, выбирая платье, и наконец остановилась на ярко-красной накидке из шелка, через которую просвечивались только что прикрытые изгибы ее тела. Гости перешептывались с растущим возбуждением, хотя трудно было определить, настоящее оно или наигранное.

Теоретически каждый знал, что возрастание сладких эротических чувств можно было повернуть в обратном направлении и получить интеллектуальное наслаждение от волшебства укрывания женских прелестей. Главным здесь, как и во многи другом, было заставить себя почувствовать то, что требовалось чувствовать в подобных случаях.

В конце, когда стриптизерке-наоборот — теперь уже полностью и со вкусом одетой (не обошлось даже без длинных, по плечи, белых перчаток) — настало время набросить на себя натуральную шубу, от аплодисментов не могли удержаться даже самые равнодушные. Гости понимали, что происходит нечто очень эстетическое и интеллектуальное, и решили полностью насладиться этим чувством.

Наконец девушка набросила на плечи боа из голубого русского соболя, поклонилась и покинула эстраду. В зале началась овация. Вечеринка Луэйна, как всегда, удалась на славу.

Скоро веселье подошло к концу. Гости хотели побыстрее вернуться домой, потому что завтра их ждал особый день: бои в Колизее, автомобильные стычки, клоуны-самоубийцы и Великая Расплата, конец которой ознаменует начало Сатурналий.

Гости разъезжались на мощных «лимузинах». Немного погодя виллу покинули и слуги на никудышных «фиатах». Луэйн пошел в спальню, потому что планировал встать рано, чтобы утром уже быть в городе. Автоматически включилась сигнализация, в доме погасли огни, и наступила ночь.

Глава 46

Ночь, таинственная и темная, ласковая и всепроникающая, заполнила виллу Луэйна. В свете, который посылали на землю звезды и узкий серп луны, на сером фоне темнели силуэты деревьев.

В доме было еще темнее. В кладовке рядом с кухней одна из до сих пор неподвижных теней вдруг пошевелилась. Внезапно блеснувшая молния, столь нетипичная для этого времени года, осветила через зарешеченное окошко груды мешков с картошкой. Один из них двигался.

Хэрольд разогнулся и сбросил с себя мешок. Крестьянскую одежду он снял еще раньше и теперь стоял в костюме-хамелеоне, который Альбани в последнюю минуту все-таки успел подобрать по его росту.

Костюм-хамелеон, который еще иногда называли «кимоно-ниндзя» или *traje de invisibilidad**, выгодно отличался от использовавшихся ранее коричнево-зеленых маскхалатов, которые могли помочь остаться незамеченным разве что в сумерках посреди лиственного леса. Костюм-хамелеон делал человека незаметным на любом фоне. Он представлял собой стеклянно-волокнистый телеэкран, которому техники-портные придали форму цельного гидрокостюма с капюшоном и маской.

Фотониметричный материал, из которого он был изготовлен, при помощи особых свойств стекловолокна и лазерного покроя мог принимать любые оттенки и цвета поверхности, на фоне которой находился его владелец.

* Костюм-невидимка (исп.).

Эффективнее всего он действовал, разумеется, ночью, так как подстроиться под черный цвет было гораздо легче. На ярком фоне изображение иногда казалось темнее на пять-десять спектральных линий. Иногда на нем появлялись непонятные голубовато-холодные вспышки, что создавало определенные трудности, особенно на равнинной местности. Разумеется, в костюме имелась система автоматической настройки цветности. На Хэрольде же была новая модель с автоматической подстройкой яркости или — когда необходимо — тусклости.

Хэрольд тихо двигался через темную гостиную, а его костюм повторял рисунки светотеней на стенах, двигавшиеся как кольца на воде. В руке он сжимал свой верный «смит энд vesson».

Внезапно послышалось глухое рычание, и Хэрольд замер. Посмотрев через инфракрасные очки в угол комнаты, он увидел грозный силуэт добермана-пинчера. Заметив хищный изгиб собачьей спины, Хэрольд понял, что перед ним так называемый Бешеный Убийца, которых боялись все, не исключая владельцев.

Про добермана ему никто не сказал. Хэрольду не хотелось убивать еще одну собаку. Кроме того, прицелиться в темноте было трудно даже в инфракрасных очках.

Доберман приблизился и обнюхал Хэрольда. Затем собака издала хриплый звук, как человек, пытающийся собраться с мыслями, и улеглась возле ног Охотника.

Лишь потом Хэрольд узнал, что грозный пес принадлежал не Луэину, а Антонио Фериа, и ему дали команду «сегодня никого не убивать». Однако хозяин не позаботился о том, чтобы предупредить об этом Хэрольда. Этакая крестьянская шуточка.

Фериа приказал собаке не трогать Хэрольда не из-за особого расположения к Охотнику, а лишь потому, что этого требовал закон. Недавно Верховный суд Охотничьего Мира принял постановление, согласно которому животные, принадлежащие человеку, идущему на предательство, и переданные во временное пользование другим людям, тоже не должны сохранять верность.

Обойдя лежащего зверя, Хэрольд продолжил свой путь по гостиной. Благодаря инфракрасным очкам он не налетел ни на один из низких столиков, уставленных антикварными безделушками, иначе натворил бы немало шуму. На цыпочках он обошел роликовые коньки Луэйна, которые валялись посреди комнаты, небрежно брошенные хозяином. Тоненькие голубые лучики света из крохотных лампочек на потолке отражались на поверхности пистолета, который Хэрольд крепко сжимал в руке. В теплом воздухе пахло жареным мясом, йоркширским пудингом и гаванскими сигарами — именно такие ароматы остаются после удавшейся вечеринки. Впереди виднелась дверь, ведущая в спальню Луэйна.

Вытащив специальную магнитную карточку, которую дал ему Альбани, Хэрольд осторожно сунул ее в прорезь замка. Послышался едва слышный звук, как будто что-то хрустнуло или клацнуло. Прошептав старинную охотничью молитву — «Все будет хорошо», — Охотник проскользнул в комнату.

Через инфракрасные очки он различил в углу комнаты кровать, на которой кто-то лежал. Он поднял пистолет и коснулся пальцем спускового крючка. И в этот момент вспыхнул свет.

Глава 47

Хэрольд увидел, что на кровати лежит старый спальный мешок Луэйна, набитый рубашками. А сам Луэйн сидит в удобном кресле в нескольких футах за его спиной.

— Никаких резких движений, приятель! — приказал он. — Я держу тебя на прицеле автоматической винтовки «ремингтон-1100», 20-го калибра, с полным магазином патронов, в каждом из которых пуля номер восемь весом в одну унцию и одиннадцать с половиной граммов пороха «красная точка». И оба ствола заряжены.

— Зачем ты все это мне рассказываешь?

— Хочу, чтобы ты понял: одно неосторожное движение — и я размажу тебя по стенам.

— Это твои стены, — ответил Хэрольд.

— Их потом можно покрасить заново.

Но было заметно, что такая перспектива Луэйну не особенно нравится.

— Наверно, хочешь, чтобы я бросил пистолет на пол?

— Как раз наоборот. Мне лучше убить тебя, когда ты держишь оружие в руках. По правде говоря, если бы ты бросил пистолет, я бы заставил тебя поднять его.

— А что ты сделаешь, если я не выброшу пистолет?

— Я все равно тебя убью, — ответил Луэйн. — Ведь это конечная цель моей операции — не так ли? Но сначала я хочу немного насладиться этим моментом.

Хэрольд по привычке как следует обдумал слова Луэйна.

— Что ж, — наконец сказал он. — Думаю, это твое законное право.

— Но я не смогу получить истинного наслаждения, если не увижу твое лицо. Медленно повернись, пистолет направь вниз.

Хэрольд выполнил приказ. На Луэйн был шелковый халат белого цвета с вышитыми китайскими драконами. Он спокойно развалился в кресле — так может сидеть в своей спальне человек, направивший дуло винтовки в сердце грабителя.

— Я все придумал сам, — гордо сообщил Луэйн. — Сузер помог мне лишь в некоторых мелких деталях. Но сама идея принадлежит исключительно мне: подготовить Фута продать Карточку Предательства этому идиоту Альбани, заманить тебя на виллу, отключить сигнализацию, чтобы ты смог пробраться в спальню. С самого начала ты был обречен. Потому что я умный. Очень умный. Ты вынужден со мной согласиться, правда?

— Ты действительно умен, — кивнул Хэрольд. Он никогда не кривил душой, если кто-то действительно заслуживал похвалу. — Поздравляю тебя, Луэйн.

— Спасибо.

Воцарилась напряженная тишина.

— Это не так уж и просто, — наконец произнес Луэйн.

— Что именно?

— Взять и убить тебя. Когда ты просто стоишь. А ты не мог бы сделать какое-нибудь угрожающее движение?

— Это уж слишком, — ответил Хэрольд.

— Да, тут ты прав. Слушай, может, ты отключишь свой костюм-хамелеон? От этих переливов цветов у меня уже в глазах рябит.

Хэрольд выполнил просьбу и расстегнул молнию. Костюм был цельным, стекловолокно не пропускало воздух, и Хэрольд порядком вспотел.

— Ладно, — сказал Луэйн, — времени и так мало. Очень плохо. Ты мне нравишься, Хэрольд.

Он поднял винтовку. Хэрольд пристально смотрел Луэйну в глаза.

— Не надо так на меня смотреть, — попросил Луэйн.

Хэрольд закрыл глаза.

— Нет, так еще хуже.

Хэрольд снова открыл их.

— Дело в том, что мне еще никогда не приходилось убивать таким образом. Всегда какие-то погони и прочее. Ты меня понимаешь?

— Конечно, — ответил Хэрольд.

— Нет, это совсем не годится, — решил Луэйн. — Слушай, может, ты откроешь окно и попытаешься выпрыгнуть?

— А ты что будешь делать?

— Подожду пару секунд, а потом пристрелю тебя.

— Я так и думал, — сказал Хэрольд.

Ему внезапно пришло в голову, что, возможно, таким образом у него появится шанс выстрелить раньше, чем Луэйн. Если ему улыбнется судьба, они оба погибнут и никто не будет победителем.

Он прошел через всю комнату и сел на кровать Луэйна. Хэрольд рассчитывал, что хозяин не станет убивать его здесь — слуги уже разъехались по домам, так что Луэйну самому придется менять простыни.

— Ладно, — сказал Луэйн, — еще немного поразвлекаюсь, а потом пора с тобой кончать, даже если мне сегодня придется спать в комнате для гостей.

Значит, у него не осталось ни малейшего шанса! Хэрольд напрягся, ожидая, что Луэйн расслабится на какое-то мгновение и тогда ему удастся сделать первый выстрел.

Внезапно в комнате вспыхнул яркий свет и раздался оглушительный грохот. Испугавшись, Хэрольд тут же перекатился через кровать и плюхнулся на пол с другой стороны. Луэйн выстрелил, но у него не было времени как следует прицелиться, и как всегда он взял немного вверх. Пуля попала в люстру. Где-то за стеной истерично залаял доберман. В комнате запахло кордитом.

И тут раздался усиленный громкоговорителем голос:

— Эй, вы! Официальное заявление! Немедленно прекратить стрельбу! Дуэль отменяется!

— Что происходит? — спросил Хэрольд, обращаясь к Луэйн.

— Понятия не имею. Дуэль никогда не отменяется, разве что...

— Что?

Дверь в спальню распахнулась. В сопровождении звукооператоров и осветителей в комнату вошел Гордон Филакис, ведущий «Охотничьего шоу».

— Привет, друзья! — сказал он. — Итак, мы находимся на вилле Луэйна Добрея, изобретателя стриптиза-наоборот, очень решительного, но в последнее время не совсем везучего Охотника. Не так ли, Луэйн? Рядом с ним — Хэрольд Эрдман, молодой Охотник-новичок. Это его первая Охота. Вы, вероятно, помните его из нашей вчерашней передачи. Как дела, Хэрольд?

— После вашего прихода гораздо лучше. Но зачем вы сюда приехали?

— Твоя подружка — Нора Олбрайт — позвонила нам в студию и расхвалила тебя как могла. Когда нам стали известны кое-какие детали... — он многозначительно посмотрел на Луэйна, — мы решили на этот раз отказаться от нашей традиции выбирать кандидатов при помощи компьютера. Джентльмены, поединок откладывается до завтра... когда вы оба появитесь в Колизее для Великой Расплаты!

Через толпу протиснулся Альбани. Обняв Хэрольда за плечи, он гордо произнес:

— Все вышло так, как я предполагал.

— Ты хочешь сказать, что все это ты планировал? — удивился Хэрольд.

— Скорее, предвидел ход событий, как и полагается хорошему Наводчику. Самое главное, ты не проиграл. Великая Расплата! Награда в десять тысяч долларов! И пять тысяч Наводчику!

— И это еще не все, — добавил Луэйн. Подойдя к ним, он взял Хэрольда за руку. От волнения его голос стал хриплым. — Ты новичок, Хэрольд, и не знаешь, что такое Великая Расплата для настоящего Охотника. Это наивысшая честь, о которой он может только мечтать: возможность убить противника на глазах у тысяч зрителей и обрести бессмертие на видеокассетах.

Это настоящая слава, Хэрольд, и я ждал ее всю жизнь. Спасибо тебе, увидимся завтра.

Он дружески похлопал Хэрольда по плечу и направился к Гордону Филакису, который как раз брал интервью у Антонио Фериа. Крестьянин рассказывал, что именно ему принадлежал весь план операции.

— Пойдем отсюда, — сказал Альбани.

— Куда?

— Где-нибудь поужинаем и как следует выспимся. Ты попал в шоу-бизнес, Хэрольд, и завтра состоится твоя премьера.

Глава 48

С утра день выдался солнечный и безветренный, на небе — ни облачка. Идеальный день для Убийства. Толпы людей заранее стали стекаться к Колизею. По арене маршировали колонны с оркестрами, каждая несли флаг своего кантона.

А под ареной располагался целый лабиринт мастерских, автомобильных ям, раздевалок для бойцов и других участников представлений, оружейных комнат. Попасть туда можно было через люки на арене или проходы с внешней стороны амфитеатра. Ремонтные бригады ожидали там как людей, так и машины. Ждали и служители в черном, которые отвозили павших эсмеральдских воинов на кладбище Бут-хилл.

К полудню на трибунах не осталось ни одного свободного места. Они делились на солнечные и теневые сектора, как и на испанской корриде. Секторы, где размещались ложи для почетных гостей, были снабжены специальными козырьками от солнца.

День был чудесный. Солнце стояло в зените. Все женщины были одеты в яркие праздничные платья. В воздухе пахло жареным мясом и чесноком. По проходам сновали разносчики, предлагая зрителям хот-доги, бурритос, сэндвичи, сладости, разнообразные напитки, наркотики, программки и футболки с изображениями участников представлений. Между рядами весело бегали дети. Лаяли собаки. Кругом царил непринужденная атмосфера, которая часто

бывает там, где полностью отсутствует хороший вкус.

С одной стороны арены, где располагалась площадка для Убийств, виднелась застекленная комментаторская кабина. Телекамеры были расположены таким образом, чтобы дать возможность операторам снимать одновременно и события на поле, и выражения лиц зрителей. Возле микрофона в зеленом спортивном пиджаке с гербом Охотничьей академии на лацкане сидел сам мистер «Охотничий Мир» — Гордон Филакис.

— Приветствую вас, друзья! С вами снова Гордон Филакис. Какой прекрасный день для кровавых поединков! Вы согласны со мной, любители спорта? Как всегда, все билеты на этот главный спортивный праздник Эсмеральды раскуплены до единого. Вы увидите все, что происходит на арене, самые захватывающие моменты будут сниматься крупным планом и повторяться в замедленной съемке. Но прежде всего, разрешите представить вам нашего старого друга, полковника Рича Фаррингтона, человека, который как никто иной разбирается в искусстве убивать.

— Спасибо, Гордон. Я очень рад, что ты пригласил меня сюда.

Фаррингтон оказался высоким худощавым мужчиной с ежиком седых волос, орлиным носом и тонкими бескровными губами.

— Ты командовал Международной бригадой наемников, самой пестрой бандой профессиональных убийц за всю мировую историю, не так ли, Рич?

— Да, Гордон, это были незабываемые деньки. Дело в том, что последняя война была не полностью ядерной. Несмотря на скоротечность и безликость, она породила несколько чудесных битв, где принимали участие и люди.

— Ты со своими парнями участвовал в кампании Литтл Чако, правда, Рич?

— Конечно, Гордон, и уверяю тебя, что Южная Америка — хотя там давно уже нет джунглей — до

сих пор остается чудесным местечком. Мы с ребятами также прикрывали отход наших войск возле Лимпопо. Это такая река в Африке. Да, там было на что посмотреть! Чего стояли одни только пулеметы и гранатометы!

— Я не раз видел кинохронику этих событий, полковник, как, впрочем, и наши зрители. Битва при Лимпопо до сих пор считается самой популярной. Кстати, в следующем сезоне наша студия начинает трансляцию военной кинохроники от первого до последнего дня войны. Не пропустите ни одной серии, друзья. Программа будет называться «Чудесный мир кровопролития».

— Да, это была хорошая война, — сказал полковник Фаррингтон. — Однако должен признать, что вы — граждане Охотничьего Мира — по-своему дали мне возможность тихо и спокойно наслаждаться прекрасными и жестокими сценами насилия. Ничего более замечательного я никогда еще не видел. Я не отношу себя к критикам-искусствоведам, но могу с уверенностью сказать, что кое-что из того, чему я стал свидетелем здесь, несет в себе довольно ощутимый элемент сюрреализма. Я, конечно, не интеллектuala — упаси боже! — однако считаю, что здесь, в Охотничьем Мире, люди обладают большим талантом и приносят зрителям гораздо больше наслаждения, чем те так называемые художники Европы и Америки, которые размазывают по полотну блеклые краски и даром марают бумагу своими бессмысленными словами. Прости, Гордон, я, кажется, немного ушел в сторону.

— Не надо извиняться, полковник. Ты наш парень. Нам тоже нравится лишь то, что мы в состоянии понять. Например, Убийство. Так что ничего страшного. Спасибо, что заглянул к нам, Рич.

— Мне очень приятно, что ты меня пригласил, Гордон. Я всегда приезжаю посмотреть на Великую Расплату и начало Сатурналий. Ни за что на свете не пропущу это чудесное зрелище!

— Еще раз спасибо, Рич. Ну, я вижу, все уже готово к представлению. Вот-вот на арене появятся клоуны-самоубийцы, которые имели бешеный успех в

прошлом году. Вы снова станете свидетелями игр пешеходов, автомобильных стычек, соревнований на молниеносных серпоциклах и, наконец, Великой Расплаты. Надеюсь, что вы запаслись достаточным количеством пива, чтобы не пропустить ни одной секунды этого захватывающего зрелища.

Глава 49

В отгороженной занавесями ложе в дорогом темном секторе сидели Микеланджело Альбани, его жена Тереза и Нора Олбрайт. Альбани был одет в куртку из легкого серого шелка, на голове у него красовалась традиционная для Наводчиков соломенная шляпа с черно-белой ленточкой. Нора была в белом платье и красной шляпке с откинутой черной вуалью, которая закроет ее лицо, если Хэрольд проиграет поединок.

Норе даже не верилось, что Хэрольд — парень, которого она знала еще по Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк — будет принимать участие в Великой Расплате. Надо же, ему посчастливилось попасть на самое престижное представление Охотничьего Мира! И все равно он остался тем же старым приятелем, неуклюжим, самонадеянным и ужасно везучим.

— Волнуешься? — спросила Нору Тереза.

Нора кивнула.

— Мне так хочется, чтобы он победил! Но я за него ужасно боюсь. Майк, как ты думаешь, у него есть шансы на победу?

— И довольно неплохие, — ответил Альбани. — Ты просто гениально поступила, позвонив Гордону Филакису и рассказав ему про фокус-покус с Карточкой Предательства. Только благодаря этому мы попали в Великую Расплату — самую главную дуэль года. Хэрольд уже психологически настроился на бой, его уже ничто не остановит. Расслабься и постарайся получить удовольствие от игр.

— Постараюсь. — Нора вытерла глаза крохотным носовым платочком. — Но не знаю, смогу ли.

— На арену выходят клоуны-самоубийцы, — сообщил Альбани. — Они же тебе нравятся, не так ли? Лицо Норы прояснилось.

— Конечно, они всегда такие забавные.

— Тогда расслабься и наслаждайся зрелищем. А я пойду вниз готовить Хэрольда к поединку. Не беспокойся за него, дорогая. Ему ужасно везет, а везение во все времена ценилось куда больше, чем способности.

Глава 50

Появление на арене клоунов-самоубийц было встречено бурными аплодисментами. Желающих оказаться среди них было хоть отбавляй, заявки поступали со всего мира. Некоторые люди считали, что, если их смерть принесет кому-нибудь радость — она не напрасна.

— Сегодня, — объявил Филакис, — нам повезло. С нами — мистер Томми Эдвардс, директор и режиссер Школы клоунов-самоубийц Охотничьего Мира. Мы вдвоем прокомментируем их веселое представление. Привет, Томми!

— Привет, Гордон! Что ж, до спектакля остались считанные минуты.

— Да, Томми. Рабочие возводят посреди арены двухэтажное здание. Это копия старинного банка. Чувствую, номер будет что надо. А как называется спектакль?

— Номер называется «Ограбление банка». Это пародия на старинный телесериал «Кейстонские полицейские».

— Прекрасно, — сказал Филакис. — В банке полно кассиров и клиентов в клоунских костюмах. Якобы это обычный рабочий день в банке небольшого американского городка лет сто назад. А вот появляются и грабители на двух шикарных автомобилях. На них забавные костюмы, лица разрисованы красками. Грабители врываются в банк, размахивая оружием. Один из кассиров пытается оказать сопротивление. Грабитель стреляет в него. Кассир отдает богу душу,

посылая публике воздушные поцелуи. Отличная идея, Томми.

— Спасибо, Гордон. Теперь, прихватив добычу, аккуратно упакованную в небольшие брезентовые мешочки со знаком доллара, бандиты выбегают из банка и прыгают в машины. С другой стороны арены появляется еще один старинный автомобиль с откидным верхом. Это патрульная машина, в которой сидят кейстонские полицейские. Под градом пуль автомобили грабителей срываются с места. Убиты несколько ни в чем не повинных прохожих. Разумеется, их тоже играют клоуны-самоубийцы.

— Машины гоняются одна за другой по всей арене, — подхватил Филакис, — они пытаются избежать препятствий, которые устанавливают на их пути рабочие сцены. Грабители и полиция обмениваются выстрелами, кидают друг в друга ручные гранаты. Наконец грабители снова останавливаются возле банка. Забежав на последний этаж, они устраивают баррикаду на лестнице. Появляются клоуны-самоубийцы в комичных полицейских костюмах. Начинается осада. Полиция устанавливает тяжелые пулеметы и гранатометы. Тела клоунов-самоубийц разрываются в клочья и разлетаются в разные стороны. Зрители в восторге. Мы потом еще посмотрим видеозапись, но могу уже сейчас сказать с полной уверенностью — такой кровавой бойни мне давно уже не приходилось видеть. А ты что скажешь, Томми?

— Полностью согласен с тобой, Гордон. Знаешь, я до сих пор поражаюсь, сколько пуль способно выдержать человеческое тело и все равно двигаться, нажимать на спусковой крючок, посылая пули в другие тела. На душе становится приятно, когда видишь такую мощь человека, не так ли?

— Ты прав, Томми.

— Еще раз хочу напомнить нашим зрителям, что погибнуть в канун Сатурналий перед камерами «Охотничьего шоу» — предел мечтаний для любого самоубийцы.

— Томми, на арене осталось всего восемь клоунов. Тебе не кажется, что их энтузиазм немного порас-

тратился? По правде говоря, они и так уже немало потрудились, учитывая такую сложность трюков.

— О, мои парни никогда не выходят из игры, Гордон. Не для того мы с ними работаем в Школе клоунов-самоубийц.

— Томми, пока клоуны перезаряжают оружие, почему бы тебе не рассказать нам про знаменитую Школу клоунов-самоубийц?

— Ну, как ты знаешь, Гордон, со времени принятия закона о разрешении самоубийств большинством стран, этика претерпела значительные изменения. Почти везде перестали наказывать неудачников, которые не довели дела до конца из-за отсутствия мужества или по каким-нибудь другим причинам. Но мы в Охотничьем Мире твердо уверены: если уж принимается закон, то его требуется неукоснительно выполнять. Если человек становится членом Школы клоунов-самоубийц, он подписывает обязательство уйти в мир иной в то время и при таких обстоятельствах, как решит директор, режиссер или его ассистенты. Ведь несовершенное самоубийство — самое настоящее фиаско.

— Может, ты нам расскажешь, как вам удается заставлять людей выполнять подписанные ими контракты? Я имею в виду, если какой-нибудь клоун-самоубийца откажется покончить с собой или позволить это сделать с ним кому-то иному, как того требует директор? Что вы делаете в этом случае? Казните его?

— Конечно, нет. Ведь ему только того и нужно — чтобы кто-то другой взял на себя ответственность за его смерть. Нет, Гордон, если клоун-самоубийца начинает дрожать, следует очень простое наказание. Ему полагается по закону до конца своих дней красить нос в красный цвет и носить на спине надпись «Трус». И жить как можно дольше. Могу тебя уверить, такое случается крайне редко.

— Я в этом убежден, Томми, — согласился Гордон Филакис. — Я вижу, клоуны-самоубийцы уже перезарядили пистолеты и снова готовы ринуться в бой. Грабители выходят из банка с оружием в руках, но пока не стреляют. Они образуют круг вместе с

полицейскими. На середину выходит главный клоун. У него на голове высокий черный цилиндр из шелка. Он снимает его. Оттуда вылетает голубь. Это условный сигнал.

Все одновременно начинают стрельбу! Прошитые пулями тела падают на землю! Вот это да, настоящее море крови! Ого, веселье почище, чем в аду! Только послушайте, какие овации!

Смотрите, главному клоуну каким-то образом удалось остаться в живых, хоть он стоял в самом центре круга. Истекая кровью, он все же поднимается на ноги. Он приветствует публику и надевает цилиндр...

Внезапно цилиндр взрывается! Там находилась бомба! Сначала голубь, а потом бомба! О Томми, какой замечательный финал! Как тебе удалось придумать такое чудо?

— Совсем не трудно, Гордон. Гораздо сложнее на репетициях.

Глава 51

Внизу, под ареной, в артистической уборной со звездой на дверях Альбани растирал Хэрольду спину и давал последние указания.

— Я не знаю, как именно будет проходить дуэль. Каждый год придумывают что-нибудь новое. Старейшины Охотничьей академии принимают решение в последнюю минуту. Поэтому не забывай слова Чана. Будь готов к самому неожиданному. Чувствуешь себя нормально?

— Знаешь, — сказал Хэрольд, — для меня это настоящее развлечение. Я имею в виду Охоту. Одно только плохо — кто-то обязательно должен погибнуть. Конечно, я знаю, что без этого не обойтись, но все равно это очень плохо.

— Если ты не выкинешь из головы эту мысль, можешь сразу попрощаться с жизнью, — предупредил Альбани.

— Я не позволю ему убить меня, — решительно произнес Хэрольд.

В противоположном конце помещения для актеров, в другой уборной, тоже со звездой на дверях, находился Луэйн со своим Наводчиком Сузером. Рядом с ними сидел Джонс Сэкс — тренер, которого Луэйн нанял специально для этого мероприятия.

Сэкс был толстый, тупой, невоспитанный, и от него разило потом. Но все эти недостатки перевешивало его единственное достоинство. Шурин Сэкса — Хо-

стилиус Вира, служил главным оружейным мастером Охотничьих Игр. Это означало, что Вира первым узнает, какое оружие и какие специальные приспособления будут использоваться для Великой Расплаты. А так как Вира всегда помогал семье и сочувствовал своей сестре Петрилле, Сэкс мог узнать от родственника, каким оружием следует запастись.

— Ну где же твоя информация? — спросил Луэйн, от волнения произнося «н» немного в нос.

— Не знаю, почему он задерживается, — стал оправдываться Сэкс. — Вира никогда меня не подводил. Он обещал позвонить еще полчаса назад.

— Желательно, чтобы он поторопился, — сказал Луэйн. — Иначе все это барахло окажется совершенно бесполезным. — Он кивнул в сторону двух огромных мешков, которые он с Сузером пронесли сюда, подкупив охранника. — Скоро начнется поединок, а я еще не знаю, что меня ожидает.

— Все будет в порядке, босс, — противно зашевелил толстыми губами Сэкс, словно пачкая слова, чтобы ими уже никто не смог воспользоваться.

В этот момент зазвонил телефон.

Глава 52

— А сейчас к нам присоединится, — сказал Гордон Филакис, — Мэл Протт, трехкратный чемпион в соревнованиях на серпоциклах — мотоциклах с объемом двигателя до тысячи кубических сантиметров, оснащенных серпами. Рад, что ты сегодня с нами, Мэл.

— Я с радостью принял твое приглашение, Гордон, — ответил Мэл, мускулистый кучерявый блондин. На нем, как и на Филакисе, был зеленый пиджак с эмблемой Охотничьего Мира на правом лацкане.

— Я вижу, что барьеры для Игры пешеходов уже расставили. Для тех, кто смотрит это представление впервые, хочу объяснить, что сейчас на арене строят так называемый лабиринт. Это довольно несложное сооружение, ширина коридоров как раз достаточна для того, чтобы по ним мог проехать спортивный автомобиль. Повороты тут крутые, но они из мягкого материала, поэтому водители могут преодолевать их на высоких скоростях. Послушай, Мэл, может, ты немного расскажешь нам, что сейчас произойдет?

— Все довольно просто, — ответил Мэл, — в лабиринте одновременно находятся пешеход и водитель. У водителя есть машина, а у пешехода ручные гранаты. Они охотятся друг за другом по лабиринту. Только один из них выйдет или выедет из него.

— У пешехода пять гранат, не так ли, Мэл?

— Да, Гордон. По одной в руке и три на поясе. Встречались пешеходы, у которых была еще шестая граната — в зубах, но большинство экспертов утвер-

ждают, что это мешает двигаться с достаточной скоростью.

— Следует обратить внимание тех, кто смотрит представление впервые, — сказал Гордон Филакис, — что кое-где в стенах есть ниши, в которых может поместиться человек. Это очень кстати, когда прямо на тебя на огромной скорости мчится машина.

— Тебе также следует упомянуть, — добавил Мэл Протт, — что граната разрывается не сразу, а через полторы секунды. В ней установлена специальная линия задержки. Но можно сократить это время до полусекунды, если нажать на чеку большим пальцем.

— И это здорово помогает, не правда ли, Мэл?

— Еще бы, — ответил Мэл. — Пешеход может бросить гранату прямо под колеса машины и тут же нырнуть в нишу, чтобы взрывом его не убило вместе с водителем. Уверяю вас, для этого требуется точный расчет.

— Машина с водителем въезжает в лабиринт, — сказал Филакис. — Серебряная поверхность автомобиля блестит на солнце. Это «порш-1600», одна из тех старых моделей, которыми так удобно давить пешеходов. Теперь в лабиринте находятся и водитель, и пешеход, они обмениваются выстрелами из пистолетов 22-го калибра, от чего публика приходит в еще больший восторг. Водитель выезжает из-за поворота, пешеход тут же прячется в одну из ближайших ниш, потом снова выходит, оказываясь позади автомобиля, который движется довольно медленно. Пешеход замахивается, он хочет кинуть гранату. Но что такое?..

— Водитель ожидал именно этого, — подхватил Протт. — Для таких состязаний нужна долгая и кропотливая подготовка. Надо быть готовым к любым неожиданностям. Водитель включает задний ход и стремительно надвигается на пешехода. Тот бросает гранату, но слишком высоко, и она разрывается в воздухе. Сейчас он лихорадочно пытается выбраться из коридора, находит нишу, прячется в нее, но его, по-моему, ослепил отблеск от переднего бампера.

— Он растерян и ослеплен, — продолжил Филакис. — Из-за угла снова появляется «порш». Пешеход выходит из ниши, нащупывает рукой гранату...

— Слишком поздно, — закончил Протт.

«Порш» снова дал задний ход и скрылся за углом. Пешеход растерянно оглядывается по сторонам, пытаясь определить, куда пропала машина. Внезапно она с ревом выскакивает с другой стороны. Толпа захлебывается в радостном крике.

Пешеходу некуда деваться. Он пытается найти нишу, но все они слишком далеко. Конвульсивным движением он швыряет в машину гранату. Однако он неправильно рассчитал время, и, перекатившись через крышу машины, граната взрывается позади автомобиля, не причинив ему ни малейшего вреда.

В тот момент, когда разорвалась граната, пешеход уже был мертв, как прошлогодняя селедка, превратившись в кровавую массу, размазанную по капоту автомобиля. Появились рабочие, собрали остатки пешехода, смыли из шлангов кровь на месте столкновения, расчистив место для следующего поединка.

Глава 53

— Наконец лабиринт убрали, — сказал Гордон Филакис. — Настало время для автомобильных поединков. Какая блестящая процессия подвижного оружия! Вряд ли у человека есть что-нибудь дороже в жизни, чем его собственная боевая машина. Мэл, почему бы тебе не рассказать поподробнее про эти соревнования?

— В основном все это напоминает традиционные дерби с уничтожением машин, — начал Протт. — Только в отличие от него боевые машины не просто гоняются друг за другом, пытаясь стукнуть соперника как можно сильнее — на них вдобавок ко всему установлены пушки и другое вооружение. Итак, у вас есть возможность понаблюдать за настоящей танковой битвой.

— Думаю, следует добавить, — сказал Филакис, — что все боеприпасы, которые используют участники игры, изготовлены оружейниками Охотничьей академии и разрываются на расстоянии двадцати футов от дула. Поэтому зрители застрахованы от несчастных случаев — никакой шальной снаряд не долетит до трибун.

— Это не ракетная установка там, на крыше «линкольна»? — спросил Протт.

— Именно. Автоматическая и самонаводящаяся, — сказал Филакис. — А у «тойоты», я вижу, пушки установлены по обе стороны.

— А вот и «Паук Мурлан», — продолжал Протт. — У него двигатель в две тысячи лошадиных сил. Его гигантская клешня приводится в действие специ-

альным краном, закрепленным позади машины. Клепней манипулирует компьютер в панели управления автомобиля.

— Вот появился «Баран Эдди», — прокомментировал Филакис. — Его машина напоминает одного из вымерших ящеров. Стегозавра, если не ошибаюсь. Такие формы всегда привлекали конструкторов. Со всех сторон она защищена броней и имеет перископ. Все машины выезжают на стартовую позицию. Звучит сигнал! Битва боевых машин началась!

— «Баран Эдди» не теряет времени, — заметил Протт. — При помощи мощного магнита он схватил «Монстра Максвелла». Сбоку открывается панель, и из «Барана» высовывается циркулярная пила с суперпрочными зубьями. Она как нож сквозь масло проходит через броню «Монстра». А теперь телескопическая рука робота закладывает в образовавшееся отверстие заряд взрывчатки.

— Вот это красота! — восхищенно сказал Мэл.

— А вот приближается «Скорпион Келли». Он чрезвычайно маневрен и может развивать фантастические скорости, как старинные автомобили из Формулы-1. Он низкий, обтекаемой формы, его трудно схватить или ударить.

Битва на желтом песчаном поле продолжалась. Когда машины тормозили и разворачивались, стреляя друг в друга из пушек, в сияющее голубизной небо поднимались облака дыма. Повсюду валялись рваные куски железа; кровь и машинное масло лились рекой. Лопались шины, отрывались дверцы, машины носились по арене, пытаясь прижать соперников к бортам.

Вскоре битву продолжали лишь две оставшиеся на ходу машины — «Скорпион» и «Яйцеклад».

— Это две абсолютно разные машины, — объяснил Филакис. — Может, ты расскажешь нам про их принцип действия, Мэл?

— Своей удивительной подвижностью «Скорпион» напоминает колибри на колесах. Все его четыре колеса способны разворачиваться на триста шестьдесят градусов, и автомобиль может продолжать движение под самым неожиданным углом. Он за-

программирован на спонтанное движение, поэтому компьютерам машин-соперников чрезвычайно трудно предугадать траекторию его движения. Впереди у него тяжелый пулемет, стреляющий длинными очередями. Но его основное оружие — тяжелая пушка, закрепленная над задним бампером.

— В отличие от него «Яйцеклад», — продолжил Филакис, — сконструирован совершенно по другому принципу. Снаружи он напоминает черное матовое яйцо. Двадцатичетырехмиллиметровая броня делает его слишком тяжелым, но зато он абсолютно неуязвим, если стрелять в него в упор. «Яйцеклад» вроде бы не имеет никакого наступательного вооружения — не видно ни амбразур, ни пушечных башен, ни торчащих стволов. У него отсутствует даже антенна. Он защищается тем, что устанавливает мины на пути противника.

«Скорпион», как золотистая молния, проскочил мимо «Яйцеклада». Развернувшись, он выстрелил из тяжелой пушки прямо в бок соперника. В этот момент земля под «Скорпионом» взорвалась. Машина подскочила футов на двадцать в воздух и раскололась на шесть крупных и бесчисленное количество мелких кусков.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Филакис. — Мне кажется, «Скорпион» недооценил способность «Яйцеклада» молниеносно подкладывать мины и был уверен на все сто, что атака с фланга принесет ему победу. Теперь машина делает почетный круг по арене. Да, тут предстоит большая уборка. Но какой блестящий финал!

— Несомненно, — согласился Мэл. — Мне всегда нравилось, как машины уничтожают друг друга. Сегодня механики в гаражах умоются кровавыми слезами при виде своих разбитых детищ.

Глава 54

— Ты уверен? — спросил Луэйн у Сэкса.

— По крайней мере, так мне сказал мой шурин.

— Проклятье! — воскликнул Охотник. — Такого я не ожидал. Кому только в голову могла прийти такая чушь? У нас есть что-нибудь подходящее для такой ситуации?

Сузер улыбнулся.

— Я ждал нечто такое. Поэтому захватил все необходимое.

Он развязал один из полотняных мешков.

— Надо торопиться, босс. Скоро ваш выход.

Глава 55

— А теперь начинаются соревнования на серпоциклах, — сказал Гордон Филакис. — Мэл, может, ты что-нибудь нам расскажешь? Ты ведь трехкратный чемпион в этом виде спорта.

— Конечно, Гордон. Как вы заметили, друзья, у каждого мотоцикла к ступицам крепятся острые, как лезвие бритвы, серпы, как на боевых колесницах древних римлян. Пешие участники вооружены сеткой и трезубцем, наподобие римских гладиаторов. Смысл поединка заключается в том, сможет ли пеший участник победить мотоциклиста раньше, чем тот прикончит его. Разумеется, я все слишком упрощаю, но в этом состоит вся суть соревнований.

— Некоторым может показаться, что у мотоциклистов гораздо меньше шансов на победу, — сказал Гордон Филакис. — Ведь им, кроме всего прочего, нужно еще сохранять равновесие. Когда пеший участник бросает сеть, мотоциклист теряет равновесие, даже если она его и не задела, и у гладиатора достаточно времени, чтобы, не обращая внимания на смертоносные серпы, встать позади противника и пронзить его своим трезубцем.

— Все это правильно, Гордон, — ответил Мэл, — но и у мотоциклистов есть своя стратегия. Их небольшие, легкие и мощные мотоциклы способны останавливаться на любой скорости, делать невероятные повороты и крены. Их можно прижимать к земле и мгновенно выравнивать, поднимаясь на заднем колесе. Можно задом наперед подъехать к пешему гладиатору и подкосить его серпами. Иногда

мотоциклистам удастся ухватиться за сетку, не потеряв при этом равновесия, и протянуть гладиатора за собой по всей арене, пока тот не превратится в кучу лохмотьев, простите меня за это сравнение. Так что преимущества есть не только у пеших гладиаторов.

Соревнования начались. Мотоциклы рычали и визжали, некоторые из них теряли управление и падали. Их водители попадали в сети, где крутились и вертелись, напрасно пытаясь уклониться от смертоносных трезубцев. На песчаной арене лежало и несколько пеших участников; они громко кричали, когда серпы резали их на части.

По всей арене валялись головы и различные части тел.

Зрители уже устали от переживаний, когда в живых остались лишь двое участников — один с сеткой, другой на серпоцикле, — которых и провозгласили победителями соревнований.

Глава 56

Затем объявили короткий перерыв, чтобы зрители смогли перекусить и сходить в туалет. За это время рабочие натянули канат, на котором должна была состояться дуэль канатоходцев.

Дуэлянты ступили на канат, натянутый на высоте ста футов над ареной. Каждый из них был одет в цельный, плотно облегающий тело костюм из блестящего атласа. Их острые рапиры поблескивали на солнце. Они стали сближаться. На шее у каждого из дуэлянтов была веревка, которая другим концом крепилась к большому кольцу. Оно легко перемещалось по канату, не мешая участникам двигаться взад-вперед. Но если бы кто-нибудь из дуэлянтов потерял равновесие, он бы пролетел вниз только на пятьдесят футов — именно такой была длина веревки. Резко дернувшись, он бы сломал себе шею.

Это было необычайное состязание даже для Эсмеральды и требовало от участников специальной подготовки. К счастью, человечество до сих пор не нашло чего-нибудь настолько ужасного, опасного и фривольного, чтобы оно не привлекало массу желающих попробовать свои силы.

Соперники встретились на середине каната, скрестили рапиры — и дуэль началась.

В подобных условиях фехтования движения должны быть минимальными и точными. Делать выпады и защищаться от них тоже надо легко. Лучше иногда позволить себя уколоть, чем, слишком энергично защищаясь, повеситься на веревке.

Слева находился Августин Смайлз, двукратный победитель предыдущих игр из города Слот, штат Северная Дакота. Он легко перемещался по канату, и его рапира двигалась подобно змеиному жалю. Его противник, Жерар Гато из Парижа, Франция, был новичком. Никто не знал, чего от него можно ожидать.

Смайлз сделал резкий выпад. Перед таким натиском фехтовальщика из Северной Дакоты Гато отступил. Француз сначала отразил удар, а потом замахнулся рапирой на Смайлза, словно саблей. Правилами это не воспрещалось, но на практике такого еще не случалось — из-за резкого колебания каната можно было самому свалиться вниз. Вместо того чтобы погасить колебания, Гато бросился вперед, усиливая их еще больше.

Филакис был одним из немногих, кто знал, что Гато является одним из основателей новой теории дуэлей на канате, которая стала столь популярной во Франции. Сидя за столиками парижских кафе на улице Сен-Дени, Гато и ему подобные утверждали, что колебания каната являются не чем иным, как своеобразной формой покоя. Но так как они утверждали это по-французски, в Англии и Америке их никто не понимал.

Теперь Гато прибыл на Охотничьи игры, чтобы подтвердить свои убеждения на практике.

Смайлз, хмурый уроженец Северной Дакоты, пытался изо всех сил удержать равновесие. Напрасно, стабильности, на которую он так рассчитывал, уже не существовало. Взмахнув руками, он упал с каната.

Толпа восторженно охнула. А потом послышались восхищенные возгласы, потому что, как только Смайлз начал падать, Гато пронзил его сердце, чтобы тот погиб более почетно, чем сломав шею.

Но колебания каната поставили в сложное положение и самого победителя. Пришла его очередь размахивать руками, чувствуя, что эти колебания становятся слишком сильными. Какое-то мгновение он удерживал равновесие, пытаясь не упасть, но канат извивался, как скакалка в руках двух школьных дочерей великана.

И Гато упал. Но и в этот момент хладнокровному французу не изменила выдержка. Бросив рапиру, он ухватился обеими руками за веревку, остановив падение, пока это еще можно было сделать. Он повисел несколько секунд, дрыгая ногами в ответ на подбадривания зрителей, а потом не спеша снова залез по веревке на канат.

Подождав, пока стихнут аплодисменты, он указал на дрожащий канат.

— Видите? И все-таки он двигается!

На следующий день в газетах много спорили о том, что же Гато имел в виду.

Затем начались соревнования «смертельные тарелочки». Оба игрока вышли на середину арены, поприветствовали зрителей и судью, с ног до головы закованного в броню. Он взмахнул клетчатым флажком, и поединок начался.

Тарелки для этих соревнований изготавливались из легких стальных пластин, края которых были острыми, как лезвия бритвы. Игроки были одеты лишь в плавки и спортивные туфли. Единственным средством защиты им служили кожаные рукавицы, внутренняя поверхность которых была покрыта тремя слоями стальной сетки. Только такой рукавицей можно было поймать смертоносную тарелочку.

Тарелочки планировали, выписывали дуги, летая по всей арене. Игроки часто кидали их как бумеранг — не попав в цель, тарелка возвращалась в рукавицу своего владельца. Оба соперника отлично умели бросать тарелочки так, чтобы они сначала летели над самой землей, а потом резко взмывали вверх в самый неожиданный момент.

Блестящие стальные тарелочки летали, сверкая на солнце, жужжа, как рой рассерженных шмелей, и разлетались во все стороны, как летучие мыши на фоне заката.

Некоторое время ничего интересного не происходило. Зрители молча и сосредоточенно наблюдали за игроками. Не было слышно ничего, кроме лязга

металла, когда тарелочки попадали в защитную рукавицу. У каждого игрока за спиной висел кожаный мешок с запасными тарелочками.

Фаворитом этого года был Оскар Шабо. Он сражался с Мануэлем Эчеверрия по прозвищу Манос, испанским баском из Бильбао. Эчеверрия тренировался втайне от всех, и никто не знал, на что он способен.

С самого начала стало заметно, что испанец ловит тарелочки не так профессионально, как Оскар. К тому же казалось, что Манос не совсем уверенно держится на ногах, как будто с перепоя, что, впрочем, соответствовало действительности.

Мощный венгр почувствовал свое преимущество и стал наступать, тесня противника серией блестящих бросков — тарелки осатанело летали по арене, как стая взбесившихся скворцов. Манос отступал, подпрыгивая и уклоняясь от смертоносных дисков, которые летели на него со всех сторон, хватал их рукой в защитной перчатке и пытался не потерять равновесия.

Казалось, что пьянице баску приходит конец. Но настоящие любители, которые видели выступления Маноса в Европе, толкали в бок своих менее искушенных приятелей и говорили: «Подождите, всему свое время».

Действительно, когда Маноса, казалось, уже ничто не могло спасти, он внезапно сделал два шага в сторону, вытащил из мешка две тарелочки и одновременно швырнул их в противника. Оказывается, хитрый баск одинаково хорошо владел обеими руками и прекрасно освоил искусство двойной атаки!

Блестящие смертоносные тарелочки с бешеной скоростью налетели на Шабо с разных сторон, почти одновременно достигнув его под разными углами.

Бритоголовый венгр в отчаянии упал на спину, чтобы подкованными туфлями отбить тарелочки, которые жужжали, словно рассерженные мухи в июне.

Даже из этого неудобного положения Шабо умудрился сделать безнадежный бросок, который в прошлом году обеспечил ему победу. Его тарелочка зазвенела в воздухе, долетела до зрительских рядов, развернулась и под косым углом полетела в Маноса.

Баск был готов принять вызов. Брошенная левой рукой тарелка Маноса столкнулась с тарелкой противника на поддороге. Посыпались искры, и обе тарелочки упали на землю.

Затем Манос трижды повернулся вокруг своей оси, как дискбол, и бросил две тарелочки одновременно.

Они высоко взмыли в небо, развернулись и с разных сторон полетели в Шабо, как несущиеся под откос локомотивы. Одну венгру удалось поймать, а другая отрезала ему руку по локоть.

Несмотря на травму, Шабо попробовал сделать последний бросок. Но не успел он этого сделать, как новая пара тарелочек налетела на него с разных сторон.

Одна пролетела мимо. Другая вошла в череп над самыми бровями.

Микрофон поймал его предсмертный хрип и усилил на радость зрителям.

Затем настало время Великой Расплаты.

Глава 57

С арены убрали остатки мусора после соревнований на серпоциклах.

— А теперь, леди и джентльмены, — произнес Гордон Филакис, — состоится то, чего вы так долго ждали и после чего официально начнется праздник Сатурналий. Итак, друзья, настало время Великой Расплаты. Знаю, вы все старались угадать, какой она будет в этом году. Что ж, не будем терять время. Ребята, начинайте.

На арену вышли четверо мужчин в белых трико, которые катили большую платформу на колесах, огороженную канатами на манер боксерского ринга. Увидев его, зрители разочарованно загудели.

— Подождите минутку, — сказал Филакис, — это совсем не то, что вы думаете. Наверно, вы полагаете, что сейчас — как и в прошлом году — вы станете свидетелями обычного поединка гладиаторов? Совсем нет! В этом году мы придумали нечто лучшее и надеемся, что вам понравится. Но сначала позвольте представить вам наших счастливых финалистов. Давайте сюда, парни!

Хэрольд и Луэйн вышли с разных концов на арену под бешеный шквал аплодисментов. Оба были в костюмах-трико черного цвета.

Одновременно с ними вышли четверо ассистентов Великой Расплаты, неся огромный деревянный ящик.

— Вот они стоят перед вами, друзья, — продолжал Филакис, — двое соперников в Великой Расплате. Наш местный парень Луэйн Добрей и его противник Хэрольд Эрдман, прибывший на наш остров издалека.

Только один из них покинет этот ринг живым и станет нашим новым Королем Сатурналий. Как настроение, ребята? Ну каково, Луэйн, чувствовать себя участником Великой Расплаты? Я слышал, ты давно мечтал о такой чести.

— Я могу только сказать, — произнес Луэйн, — что, хотя я этого и не заслуживаю, я прекрасно понимаю, какая мне оказана честь, и обещаю показать вам великолепный поединок.

— Вот это слова настоящего Охотника! — воскликнул Филакис. — А что ты скажешь, Хэрольд?

— Что? То же самое, что и Луэйн. Только я действительно так считаю.

— Ну что ж, желаю вам обоим удачи, а теперь давайте посмотрим на оружие.

Ассистенты открыли ящик и достали оттуда два блестящих кинжала.

— Это для ближнего боя, — объяснил Филакис, — а теперь основное оружие.

Ассистенты вынули из ящика два боевых топора с короткими рукоятками и обоюдоострым лезвием. Они подняли их над головами, чтобы каждый мог как следует рассмотреть. Камеры показывали оружие крупным планом и со всех сторон.

— Просто красота, не правда ли? — говорил Филакис. — Это точные копии древненорвежских топоров. Они изготовлены в оружейных мастерских Охотничьего Мира и наточены так, как их никогда бы не удалось наточить древним норвежцами. В этом у меня нет никаких сомнений. Копии этих боевых топов в нутуральную величину вы сможете приобрести на выходе из Колизея сразу же после окончания соревнований. Но это все потом. А сейчас соперники выйдут на ринг и покажут нам чудесное представление. Как вам это нравится, друзья?

В ответ раздались громкие аплодисменты.

— А теперь, друзья, — продолжал Филакис, — я вижу, что кое-кто из вас с трудом скрывает разочарование. Вы, наверно, думаете: ладно, боевые топоры совсем неплохо, но чем это все отличается от прошлогоднего подводного поединка на мечях? Но Старейшины Охотничьего Мира долго и напряженно

думали, как сделать, чтобы сегодняшний поединок оказался совершенно неожиданным событием. Ладно, ребята, покажите нам остальное снаряжение.

Ассистенты, неподвижно стоявшие возле платформы, стали стягивать с нее брезент. Взорам зрителей открылась блестящая полированная поверхность. От нее ослепительно отражались солнечные лучи. Толпа одобрительно зашумела.

— Так вот, друзья, эта сверкающая штука — то, что мы на Эсмеральде встречаем разве что в наших бокалах с коктейлями. Это, леди и джентльмены, лед. Супертвердый, супергладкий, он находится в таком состоянии благодаря специальным охлаждающим системам, расположенным под платформой. А теперь поаплодируем авиакомпания «ТВА», которая доставила нам это чудо из Ледяного дворца в Майами.

Зрители захлопали в ладоши.

— А теперь самое главное. — Филакис махнул рукой ассистентам, которые стояли с деревянным ящиком позади Хэрольда и Луэйна. Те открыли его и вытащили оттуда два пары коньков на шнуровках.

Сначала кое-где послышался смех, а когда до зрителей дошел замысел соревнований, раздались восторженные аплодисменты.

— Да, друзья мои! — воскликнул Филакис. — Став на коньки, противники начнут сражение на боевых топорах! Как тебе это нравится, Мэл?

— Мне не раз приходилось видеть Великую Расплату, — хриплым от возбуждения голосом ответил тот, — но это действительно нечто особое. Я могу с уверенностью сказать, что в этот раз крови и веселья будет предостаточно!

— Я уверен в этом, Мэл. А теперь почему бы нам не поприветствовать наших дизайнеров, которые изготавили коньки точно по размерам участников!

Аплодисменты усилились.

— Ребята, ваши имена написаны на коньках. Примеряйте их!

Глава 58

День клонился к вечеру. Ринг ярко освещался лучами мощных прожекторов. Судья подал команду соперникам, стоявшим в разных концах ринга.

Хэрольд медленно поехал к центру, думая лишь о том, как сохранить равновесие. Дома он катался на коньках только иногда, но, наверно, гораздо больше, чем Луэйн за всю свою жизнь. Если принять во внимание его рост и вес, такого рода состязание имело для него определенные преимущества.

Однако он подозревал, что Луэйн прячет в рукаве козырную карту. Его противник, судя по всему, ничуть не волновался и даже ухмылялся, глядя Хэрольду в лицо!

И катался он ничуть не хуже Хэрольда.

Рефери напомнил, что никакие раунды и перерывы не предусмотрены и разрешается применять к противнику любые приемы. Поединок будет остановлен лишь в том случае, если оба участника получат смертельные ранения и не смогут продолжать сражаться. В этом случае судья бросит монету, которая решит, кто из них станет победителем, а кто — побежденным. Живым с ринга уйдет лишь один.

Хэрольд откатился в свой угол. Альбани стал массировать ему плечи, как это с давних времен делают все тренеры.

— Не забывай, — давал он последние указания Хэрольду, — что каждое действие вызывает противодействие. Это имеет большое значение, когда ты размахиваешь боевым топором.

— Меня волнует только одно, — сказал Хэрольд, — Такое впечатление, что Луэйн ничуть не сомневается в своих силах. И на коньках держится неплохо.

— Он просто блефует, чтобы напугать тебя.

Но на самом деле Наводчик тоже обратил на это внимание. Слава богу, он все равно получит свою награду независимо от того, победит Хэрольд или нет. Дело не в том, что Альбани совсем не интересовал исход поединка, просто он был практичным человеком.

— Такое впечатление, что Луэйн знает нечто такое, чего мы не знаем.

— Если я заподозрю что-то противоречащее правилам, — уверил Охотника Альбани, — я тут же подам протест. Конечно, это будет слишком поздно, но твоя репутация будет спасена.

Раздался удар гонга.

— Что бы там он от нас ни скрывал, — сказал Альбани, — у тебя гораздо больше шансов на победу. Ты победишь, Хэрольд! Иди и прикончи его, парень!

Хэрольд покати к центру ринга.

Глава 59

Сидя в своем углу ринга, Сузер наблюдал, как соперники осторожно кружат по льду, выдерживая безопасную дистанцию. Луэйн прекрасно стоял на коньках. Не зря он всю зиму провел на катках в Швейцарии. Хэрольд тоже был неплох, но ему не хватало артистизма.

Дуэли на коньках проводились на Эсмеральде и раньше. Поэтому Сузер был готов к такому повороту событий. При помощи приятеля-механика он изготовил для Луэйна специальные коньки.

К закругленной носовой части лезвия были приварены острые как иголки стальные шипы. Становясь на цыпочки, Луэйн получал несравненное преимущество над противником и мог нанести ему смертельный удар, крепко воткнув шипы в лед. Самое главное — сохранить равновесие. Больше ему ничего не требовалось.

К тому же он прекрасно владел искусством боя на топорах и даже представлял свою страну в этом виде спорта на прошлых Олимпийских играх.

В таком небольшом государстве, как Эсмеральда, это необязательно означало, что его можно было считать специалистом экстра-класса. Но это давало ему ощутимое преимущество. Хэрольду же оставалось уповать лишь на собственное везение, которого у него почти уже не оставалось.

Луэйн и Хэрольд стали двигаться быстрее, описывая круги, разворачиваясь и скользя, как будто исполняя настоящее па-де-де смерти на льду под сопровождение оркестра Охотничьего Мира, исполнявшего фрагменты из «Лебединого озера» Чайковского.

Боевые топоры отсвечивали синевой в свете прожекторов. Дуэлянты использовали обманные маневры, съезжались, разъезжались, поднимали над головами топоры, останавливались, чтобы с новыми силами начать все сначала.

Луэину удалось зацепить топором левое плечо Хэрольда, на котором тут же выступила кровь.

Хэрольд, почти не целясь, принялся яростно размахивать топором.

Луэин отскочил в сторону, снова приблизился, занес было боевой топор, но потерял равновесие и упал на канаты, а когда поднялся, увидел кружившегося вокруг него Хэрольда, готового в любое мгновение нанести удар.

Гордон Филакис каким-то образом умудрялся комментировать, пытаясь перекрычать рев толпы. Зрители повскакивали с мест и возбужденно кричали. Даже карманные воры на некоторое время оставили свои дела, наблюдая за кульминацией самого главного спектакля года на Эсмеральде.

Сузер мог точно предугадать, когда Луэин нанесет свой смертельный удар. На лице Охотника появилось особое выражение. Через секунду Луэин снова был готов к бою. Размахивая топором, он загнал Хэрольда в угол. Затем встал на цыпочки. Боевой топор поднялся над его правым плечом. Из всех сил он обрушил грозное оружие на противника — человеку, стоящему на коньках, от такого удара не уйти.

Хэрольд спасся, используя для этого единственную возможность. Плюхнувшись на живот, он проехал по льду.

Рука, в которой Луэин держал топор, снова поднялась. На стальных шипах Охотник побежал к Хэрольду, намереваясь изрубить противника на отбивные.

Расстояние между дуэлянтами сократилось до нескольких футов — Хэрольд все еще лежал, отчаянно барахтаясь на скользкой поверхности. И тогда он сделал единственное, что ему оставалось. Размахнувшись, он бросил топор по льду.

Крутясь, топор полетел к ногам Луэйна. Чтобы увернуться от удара, Луэин отпрыгнул назад и приземлился на коньки. Его ноги разъехались в разные стороны.

Хэрольд наконец перестал барахтаться, поднялся, но снова упал. Он не видел, куда улетел его топор. Парня охватило отчаяние. Закрыв голову руками, он ждал, когда на него обрушится сокрушительный удар.

Но Луэйн тоже неподвижно лежал на льду. Лежал в луже крови, которая медленно увеличивалась...

Толпа заревела. До Хэрольда не сразу дошло, что Луэйн упал на острие топора. Одно лезвие топора застряло во льду, другое впилось Охотнику в спину.

Встав на четвереньки, Хэрольд пополз к сопернику и взял обеими руками голову Луэйна. Он почувствовал, как его охватила жалость.

— Все будет хорошо, — сказал он Луэйну.

Тот надрывно закашлялся.

— Честно говоря, я так не думаю. Рана не такая глубокая, как колодец, и не такая широкая, как церковные ворота, но мне и такой хватит. Я всегда считал Меркуцио самым привлекательным шекспировским героем. Он был не чета этому слюнтяю Ромео.

— О Луэйн, — сказал Хэрольд, — как жаль, что мне пришлось тебя убить. Ты мне уже стал нравиться, черт тебя возьми!

— И ты мне тоже. Но мы никогда не смогли бы стать друзьями, потому что постоянно старались бы убить друг друга. Странно, правда? Прощай, Хэрольд... Да, чуть не забыл...

— Что? — спросил Хэрольд, низко склоняясь над умирающим, чтобы разобрать едва слышные слова.

— Скажи, пусть меня похоронят под моим индейским именем. Ан-Ко-Пи-Кас — «Тот, Кто Смеется Первым» на языке алгонкинов.

— А откуда у тебя индейское имя? — удивился Хэрольд.

Луэйн слабо усмехнулся.

— Жаль, у меня нет времени рассказать тебе...

Его веки дрогнули и застыли, как упавшие мотыльки.

Хэрольд закинул голову назад и завыл от скорби, ярости и триумфа. А потом на ринг ворвалась толпа. Люди подхватили его и понесли на руках, чтобы короновать, как нового победителя Великой Расплаты и Короля Сатурналий.

ОХОТНИК-ЖЕРТВА

Благодарность:

Хочу выразить благодарность
за оказанную мне помощь:

Норману Шварцу из отеля «Норман» Майами,
штат Флорида.

Огастину «Оги» Энрикесу из боевого отряда
в Портланде, штат Орегон.

Сержанту Эду Киршу из Бивертон, штат
Орегон.

Особая благодарность Н. Ли Вуду.

ПРАВИЛА ОХОТЫ

Участвовать в Охоте может любой достигший восемнадцатилетнего возраста независимо от национальности, пола и религиозных убеждений.

Вступивший в Клуб Охотников обязан принять участие в десяти Охотах — пять раз в роли Жертвы и пять раз в роли Охотника.

Охотникам сообщается имя и адрес Жертвы, а также выдается ее фотография.

Жертвам лишь сообщается, что за ними ведется Охота.

Все убийства должны осуществляться только лично, т. е. либо Охотником, либо Жертвой, любая замена запрещена.

Ошибочное убийство строго преследуется по закону.

Победитель всех десяти Охот наделяется практически неограниченными гражданскими, финансовыми, политическими и сексуальными правами.

Часть первая

СТАНОВЛЕНИЕ ОХОТНИКА

Глава 1

Большую часть своего последнего дня в Париже Фрэнк Блэквелл и его жена Клэр провели в гостиничном номере, ругаясь друг с другом. Это была одна из тех нескончаемых ссор, когда супруги не помнят, с чего она началась, но зато точно знают, что противоположная сторона виновата, и стараются изо всех сил доказать это. Ссора дошла до той стадии, когда оба супруга выговорились. Блэквелл молча качал головой, словно жаловался невидимым зрителям на странное и непонятное женское поведение, а Клэр уставилась куда-то в пространство на особый манер женщин всех времен и народов.

За зашторенными окнами Париж варился в собственном соку тумана и выхлопных газов.

— А вчера в метро? — спросила Клэр, внезапно вспомнив, почему рассердилась на Фрэнка.

— В метро? Что в метро? — удивился Блэквелл.

— Ну та девушка, которой ты уступил место. Та шляха в черных чулках, от груди которой ты не мог оторвать взгляд. Ну та самая.

— Ах, та, — сказал Блэквелл. — Что плохого в том, что я уступил ей место?

— Но ведь вагон был полупустой! — воскликнула Клэр. — Она могла бы сесть где угодно в этом проклятом вагоне!

— По-моему, она не могла этого сообразить, — сказал Блэквелл. — И вообще она показалась мне какой-то наивной.

— Наивной? Ах ты ублюдок! — сказала Клэр и с ненавистью посмотрела на мужа.

Он ответил ей взглядом полного непонимания.

Самое смешное, что никто из них не любил ссориться. Каждому из супругов казалось, что все семейные проблемы возникают потому, что другая сторона постоянно ищет повод для ссоры. Как и у всех пар, у них имелся свой собственный набор неприятных тем, каждая из которых влекла за собой другую.

Тем не менее они очень любили друг друга.

Блэквелл был чуть выше среднего роста. Можно сказать, высокий. Стройный, с коротко подстриженными волосами мышиного цвета. За стеклами очков в стальной оправе — близорукие карие умные глаза. Клэр была смазливой блондинкой — тип официантки из Гринвич-Виллидж. Ей нравились акварели Тернера и иностранные фильмы, (конечно, не дублированные). Это была поистине замечательная женщина. В ней чувствовался класс, который она и продемонстрировала, сказав то, что вряд ли можно было ожидать в такой момент:

— О, Фрэнк! Это все так глупо, правда? Почему бы нам не оставить эту ссору и не пойти пообедать?..

Их парижское путешествие трудно было назвать удавшимся.

Три первых дня не переставая лил дождь.

Потом от обильной и непривычной еды у Клэр заболел живот. Таким образом, четвертый и пятый дни тоже пропали.

Затем у Фрэнка вытащили из кармана пиджака их дорожные чеки — очевидно, когда он торговался на уличном базарчике в толпе между Монпарнасом и Сен-Жермен. К счастью, он помнил номера. Но для того чтобы восстановить чеки, им пришлось убить добрую половину дня. Теперь Клэр носила деньги и паспорта в кожаной сумочке и ни на секунду не выпускала ее из рук.

Их гостиница «Лебедь», небольшая и уютная, находилась лишь в нескольких кварталах от Нотр-Дам. Это было чудесное строение в той степени запущенности, которую французы довели до совершенства. Вы входили в небольшой коридор, освещенный пятнадцативаттной лампочкой. Консьержка, полная женщина, постоянно ходившая в черном платье, жила в каморке у входа и дверь в свою комнату все время держала открытой, чтобы знать, кто и когда приходит и уходит, а потом сплетничать с соседями и жандармами. Назвав свое имя, вы получали ключ, прикрепленный к здоровенной резиновой груше, которую вы никак не могли сунуть по забывчивости в карман и уйти. Итак, с ключом в руке вы поворачивали налево и поднимались по спиральной лестнице, скрипевшей так, будто вот-вот провалится под вами. Поднимались, скажем, на пятый этаж. Зайдя в номер и пройдя по кафельному полу, вы могли открыть высокое французское окно, занавешенное белой портьерой, и посмотреть на крыши Парижа. Ради этих чудесных, неповторимых мгновений можно было стерпеть любые неудобства.

Фрэнк и Клэр спустились по скрипучим ступенькам и отдали ключ от номера мадам. Гостиничный счет был оплачен, чемоданы лежали в камере хранения. Оставалось взять их, сесть в такси и отправиться в аэропорт. Времени оставалось достаточно, чтобы в последний раз пообедать и выпить вина в их любимом кафе за углом.

Кафе «Ле Селект» занимало одну сторону маленькой площади, мощенной булыжником и окруженной зданиями с небольшими магазинчиками. Самый настоящий оазис спокойствия, где не слышно шума и гама большого города. В кафе стояло с дюжину столиков, большинство которых было занято: другие туристы тоже прослышали о прелестях этого уютного маленького кафе. Метрдотель в черном фраке и с напояженными усами усадил Блэквеллов за столик. Насладившись белым вином, вкус которого заслуживал самой высокой похвалы, они заказали дежурный обед: салат, отбивные, *pommes frites* и паштет — бессмертное лакомство галльского народа.

Между столиками ходил аккордеонист в полосатой рубашке и наигрывал одну из тех жалобных элегий, которые делают французскую народную музыку столь неповторимой.

Все было чудесно. Фрэнк Блэквелл почувствовал, как на него снисходит умиротворение. Он ощущал какую-то связь с древним удивительным миром.

— Дорогая, — сказал он, взяв Клэр за руку, — прости, я не уверен, что сделал что-то не так, но я сожалею, если обидел тебя.

Клэр ласково улыбнулась.

— Ты меня тоже прости, — сказала она. — Иногда я даже не знаю, что на меня находит.

С другой стороны мощеной площади слышалась музыка. Она звучала все громче и громче. Звуки гитар, мандолин, мелодичные голоса. Затем во дворик кафе зашли музыканты. Их было четверо. Одеты в средневековые костюмы — чулки, пышные штаны и длинные накидки. То, что они пели, Блэквелл принял за старинную балладу. Молодые люди с бледными бородатыми лицами, они пели неважно.

— Что это за ребята? — спросила Клэр.

— Студенты, наверно, — ответил Блэквелл, припомнив предыдущие посещения Столицы мира. — Они поют в кафе, а люди дают им мелочь.

— А на каком языке они поют?

Блэквелл не мог разобрать. И не английский, и не французский, и не немецкий. Он знал, что в Париже полным-полно южноамериканских студентов, но этот язык был и не испанским. Музыканты закончили петь, и Блэквелл стал рыться в карманах. Внезапно один из студентов отбросил полу накидки, и в его руках оказался небольшой автомат. Блэквелл только успел сказать Клэр:

— Смотри-ка, этот парень вооружен.

И тут остальные студенты сбросили накидки, достали автоматы и начали расстреливать посетителей кафе.

Фрэнк схватил Клэр за руку и потянул под стол. Пули градом осыпали дворик кафе, отскакивали от серо-черных булыжников, вливались в темно-желтые стены зданий. Посетители с воплями метались по

кафе, пытаясь спрятаться, и падали, как осенние листья на ветру. Аккордеонист помчался к выходу и едва успел выскочить, как за ним жужжа устремился целый рой стальных шершней. Оставшийся лежать аккордеон издал последний жалобный стон, когда пули впились в его меха.

Блэквелл скрючился за перевернутым столом. Внезапно он почувствовал, как Клэр с силой выдернула у него руку. Дрожа от страха и ярости, он огляделся по сторонам и увидел, что она лежит в пяти футах от столика. Ее разорвало напополам. Часть Клэр в простой юбке лежала отдельно от части, одетой в роскошный жакет из магазина «Блумингдэйл». Блэквелл уставился на жену и через несколько секунд увидел, как в том месте, куда попали пули, появились пять пятнышек крови, которые стали расплзаться и наконец слились в одно большое кровавое пятно.

Воздух во дворике посинел от кордитного дыма. Восемь посетителей лежали мертвыми. Студенты — или кем они там были? — скрылись. То были члены балканской террористической группировки, которая боролась за освобождение Черногории, и этим актом хотели привлечь к себе внимание. В «Ле Селект» они появились потому, что ожидали встретить там югославского посла с женой. Французская полиция схватила террористов двумя днями позже в Кан-сюр-Мер на средиземноморском побережье, когда они пытались бежать на катере в Африку. В перестрелке все четверо балканцев были убиты.

Но об этом Блэквелл узнал позже. А теперь он стоял целый и невредимый посреди этого кровавого кошмара, сжимая в руках кожаную сумочку Клэр.

Приехала полиция — и допросила свидетелей. Затем появились фотографы — и сделали снимки. Репортеры записали для будущего банальные возмущенные высказывания оставшихся в живых. Прибыла машина «скорой помощи» — и санитары убрали мертвых, засунув каждого в черный пластиковый мешок с молнией. Увезли и Клэр.

Представитель американского посольства выразил соболезнования и вручил Фрэнку свою визитную карточку. Он заверил Блэквелла, что займется необ-

ходимыми формальностями по отправке останков Клэр на родину. Блэквелл поблагодарил его.

Наконец все разошлись. За исключением Блэквелла, которому некуда было идти и который не знал, что же теперь ему делать. Официант, оставшийся в живых, спросил у Фрэнка, не хочет ли тот выпить.

Фрэнк хотел, но не знал, что заказать. Официант предложил шампанское, самое лучшее, которое только было в кафе. Не каждый же день у тебя убивают жену, а ты чудом остаешься в живых, и вся твоя жизнь летит вверх тормашками. Официант ушел за шампанским, а Фрэнк попытался открыть сумочку Клэр, в которой лежали его паспорт, дорожные чеки и билеты на самолет. Сумочка не открывалась. Фрэнк увидел, что два пальца Клэр все еще крепко сжимали застёжку. Он огляделся. Никто не смотрел на него.

Он попытался разогнуть пальцы. Сначала осторожно, а потом с силой. Пальцы внезапно разжались и упали на вымощенную булыжником мостовую.

Вернулся официант с шампанским.

Фрэнк нашел носовой платок, завернул в него пальцы и сунул их в карман. Из глаз у него потекли слезы.

Официант положил руку на плечо Блэквеллу.

— Courage, — сказал он.

Блэквелл повернулся к официанту и сдавленно произнес:

— Кто-то заплатит за это.

Так говорят все жертвы.

Глава 2

Фрэнк Блэквелл покинул Париж, увозя небольшую металлическую урну с прахом своей жены. В аэропорту де Голля служба безопасности не хотела пропускать его, но Блэквелл предъявил свидетельство о смерти, выданное префектурой, которое доказывало, что в урне находятся остатки жертвы, а не какое-то приспособление, чтобы сделать жертвами пассажиров самолета.

Блэквелл прилетел в международный аэропорт Нью-арка и через три часа сел на автобус, следующий в Саут-Лейк, штат Нью-Джерси. Поездка на автобусе заняла еще три часа. Все это время Блэквелл смотрел в окно в никуда, то есть на штат Нью-Джерси.

Родители Клэр ждали его возле магазина скобяных товаров, который одновременно служил местной автобусной станцией. Мистер Ниестром, аккуратно одетый мужчина невысокого роста, стоял, опираясь на бамбуковую трость. Он никогда с ней не расставался. Впервые Фрэнк увидел его в костюме. Глаза мистера Ниестрома были красными. Миссис Ниестром, полная женщина с едва заметными усиками на верхней губе, увидев Фрэнка, разрыдалась.

— Кто это сделал, Фрэнк? — спросил мистер Ниестром, когда они уселись в машину.

— Четверо молодых людей. Черногорские террористы.

— Именно так и передали в новостях, — произнес мистер Ниестром. — Но я так, черт возьми, и не понял, что это за Черногория, будь она проклята.

— Это такая страна, — объяснил Блэквелл. — Или когда-то была страной. Сейчас трудно сказать.

— Одна из тех стран, где живут черномазые?

— Нет, на Балканах. Между Албанией и Югославией. Или она раньше была там. Я имею в виду, как независимая страна.

— А я подумал, что с таким названием она должна находиться где-то в Африке.

— Ну, это распространенное заблуждение, — сказал Блэквелл.

Он никак не мог понять, где кончается искренняя скорбь отца Клэр и начинается лицемерие. Когда-то Клэр сказала ему: «Ведь ты выбираешь себе жену, а не тестя».

— Они убили этих ублюдков, — произнес мистер Ниестром. — Не так ли, Фрэнк?

— Да, именно так.

— Честно говоря, мне жалко, что они мертвы. Знаешь почему, Фрэнк?

— Нет, мистер Ниестром. Почему? — спросил Блэквелл, надеясь, что ему в последний раз приходится общаться с этим человеком.

— Потому что я сам с удовольствием убил бы их.

Однажды Клэр рассказала Фрэнку, что отец часто бил ее в детстве. Миссис Ниестром снимала с нее очки, а мистер Ниестром хлестал дочь ремнем. За то, что та плохо себя вела или за что-нибудь еще.

«И откуда только сила бралась у такого тщедушного человечка!» — смеялась Клэр.

— Бедная моя девочка, — всхлинула миссис Ниестром и снова залилась слезами.

Ужин в тот вечер показался Блэквеллу невыносимым.

Фрэнк переночевал в небольшом отеле на краю города, чтобы наутро принять участие в панихиде в лютеранской церкви, которую Клэр давным-давно не посещала. Фрэнк немного жалел, что убили не его, а Клэр, и из-за этого ему приходится хоронить ее, иметь дело с ее родителями, и пытался сообразить, как же ему теперь жить. Он никак не мог избавиться от этого неприятного чувства.

Нет, дело совсем не в том, что он не радовался, оставшись в живых.

Вообще-то.

Глава 3

После панихиды Блэквелл зашел в местное отделение агентства «Развалюхи напрокат» и взял машину, собираясь вернуться в Нью-Йорк. Выехав на 101-е шоссе, он вспомнил про бар Поляка, что между заправочной станцией «Мобайл Флаинг А» и мебельным магазинчиком Этьена Аллена. Они с Клэр частенько бывали там, и теперь он решил заглянуть туда последний раз, чтобы вспомнить былое.

Поляк выглядел по-прежнему — этаким здоровяк с окаймляющими лысину густыми волосами. А поскольку в его жилах текла польская кровь, то он носил закрученные кверху усы и имел брюшко, по конфигурации напоминавшее шар для кегельбана. Пучеглазый, он ходил, выворачивая ступни, как герой мультфильмов — утенок Дональд. Выглядел он очень забавно, и жители Саут-Лейка не принимали его всерьез, даже немного презирали. Но только до случая с Томми Трамбелли, или, как его здесь называли, Томми Забиякой.

Это случилось два года назад. Томми Забияка был заведующим складом компании «Сиерз», что располагался в пяти милях по 123-му шоссе от Нетконга. В тот день Томми стал победителем ежегодного турнира по армреслингу в честь Дня Гарибальди в Сэддл-Ривер. Чертовски довольный собой, он начал смеяться над Поляком, подражая его походке и славянской манере медленно произносить слова. Но Поляк лишь улыбался, продолжая протирать стаканы. Вообще, если живешь в Нью-Джерси, то постепенно начинаешь привыкать к горлопанам из доков.

Потом Томми стал насмехаться над традиционной «келбасой», которую Поляк нарезал на кусочки и, воткнув в них зубочистки в красной целлофановой обертке, бесплатно выставлял посетителям к их вящему удовольствию. На сей раз Поляк слегка покраснел, но промолчал.

Затем Томми спросил Поляка, когда его предки перестали жить на деревьях — до или после второй мировой войны? На что Поляк, глубоко вздохнув и вытерев свои здоровенные красные ручищи о фартук, добродушно ответил:

— Все, Томми, хватит. Заткнись, иначе я набью тебе морду.

Томми имел рост выше среднего, но казался ниже из-за мускулистого тела, делавшего его похожим на медведя. Он увлекался тяжелой атлетикой, обладал черным поясом по каратэ и в колледже считался первоклассным игроком в бейсбол.

— Хорошо, Поляк, если ты меня хорошенько попросишь, может, я и отстану от тебя. Но приказывать мне ты не можешь — понял?

— Я приказываю тебе, — сказал Поляк. — Вали из моего бара и не смей появляться, пока не научишься прилично себя вести.

Томми поставил на стол бокал с пивом «Миллер Хай Лайф», поправил футболку с изображением Брюса Спрингстина и спросил:

— Ты хочешь выпвырнуть меня из своей забегаловки?

— Да, — ответил Поляк, — именно это я и хочу сделать.

Он снял фартук и вышел из-за стойки. Все раступились. Совсем некстати из музыкального автомата зазвучала старая добрая песня Кола Портера «Давай-ка станцуем». Томми принял боксерскую стойку и принялся подпрыгивать на носочках, пытаясь достать противника кулаками. В школе для малолетних правонарушителей он считался хорошим средневесом, и может быть, стал бы профессионалом, если бы не связался с мафией. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Поляк стоял неподвижно, опустив руки. Томми нанес ему мощный удар в лоб, но Поляк устоял,

шагнул вперед и наступил Томми на ноги огромными желтыми башмаками. Томми взвизгнул — то ли от боли, то ли от неожиданности — и согнулся пополам. Поляк ударил его по затылку обеими руками, на этом драка и закончилась.

Еще долго жители Саут-Лейка судачили о том, где Поляк научился таким приемам. Одни утверждали, что он в свое время был профессиональным борцом сумо в японском квартале Варшавы. Но ведь все знали, что при коммунистах в Польше не существовало профессионального спорта. В конце концов Джо Дагган, водитель тяжелого девятиосного грузовика, рассказал, что когда-то видел фотографию Поляка в старом номере журнала «Солдат удачи». Тогда Поляк удостоился почетного титула — «Наемник месяца».

Спрашивается, что он делал в штате Нью-Джерси за стойкой бара в Саут-Лейке? Никто этого не знал. Да никто и не спрашивал.

Повинуясь желанию выпить еще, которое редко посещает равнодушных к алкоголю людей, Блэквелл залпом опрокинул вторую рюмку двойного бурбона, усилием воли подавил подступившую к горлу тошноту и знаком заказал третью. Поляк подошел с бутылкой, но наливать не стал.

— Послушай, Фрэнк, — сказал он с шипящим польским акцентом, — это, конечно, не мое дело. Но, по-моему, тебе станет плохо.

— А я не хочу, чтобы мне было хорошо, — ответил Блэквелл.

— Мне жаль Клэр. Прими мои искренние соболезнования, Фрэнк.

— Спасибо, Поляк.

Они замолчали. Лучи заходящего солнца, висевшего в мареве промышленных испарений заводов Нью-Джерси, пробивались сквозь грязные окна бара, бросали блики на красное дерево отделки. В золотистых полосках света плясали радиоактивные пылинки.

— Это правда, что ты был наемником? — спросил Блэквелл.

— Да, — ответил Поляк, — я был наемником.

— Ну и как?

— Вначале мне это нравилось. Но потом стало все труднее находить хоть какое-нибудь оправдание тому, чем я занимался. Нам приходилось убивать слишком много людей, вся вина которых заключалась в том, что они встречались на нашем пути. Поэтому я и решил открыть бар в Нью-Джерси и выработать у себя польский акцент.

— Послушай, — продолжал Блэквелл, — а как мне стать наемником?

— А зачем тебе это, Фрэнк?

— Иногда события складываются так, что все твои чувства оказываются в полном смятении. Только лишив кого-то жизни, ты можешь вернуться в нормальное состояние. Поляк, мне нужно кого-нибудь убить.

Славянская ладонь Поляка с толстыми короткими пальцами легла на плечо Блэквелла.

— Поверь мне, Фрэнк, существуют другие, более приемлемые способы.

— Какие именно, Поляк?

В тот момент в бар зашли три посетителя — два толстяка и один худой. Поляк подвинул к Блэквеллу записную книжку и огрызок карандаша.

— Черкни свой номер телефона, Фрэнк. С тобой свяжутся.

Глава 4

Охотники связались с Фрэнком Блэквеллом в один из дождливых ноябрьских вечеров, когда под свинцовыми небесами нью-йоркцы тоскливо ждали Дня Благодарения и того праздничного сумасшествия, которое было уже не за горами. Скоро наступит день, когда придется веселиться, и поэтому одинокие люди во всех концах Нью-Йорка уже начинали раздумывать, что лучше выбрать — алкоголь, наркотики или самоубийство, — чтобы забыть, что будущее им ничего не сулит.

Фрэнк сидел в своей квартире на Гринвич-авеню, ел вареную картошку и вспоминал, как Клэр готовила свое фирменное блюдо — буженину с трюфелями. Как ему не хватало подобных мелочей! Смех в ванной, слезы в спальне, какие-то особые дни, как, например, ежегодные походы в китайский квартал, чтобы полакомиться экзотическими блюдами.

Фрэнк как раз предавался воспоминаниям, когда раздался звонок домофона. Он покосился на аппарат с подозрением. В девять вечера никто не звонит тебе в дверь, заранее не предупредив о своем визите. Таким образом у Фрэнка появились основания для беспокойства.

Он нажал на кнопку.

— Кто там?

— Доставка пиццы.

Блэквелл что-то не припоминал, что заказывал пиццу.

— Какая пицца?

— С двойным сыром и сладким перцем.

Блэквелл нахмурился. После телевизионного сериала «Смертельная пицца» название этого популярного когда-то сорта прозвучало немного зловеще.

— Уходите. Я не заказывал никакой пиццы.

— Вы уверены?

— Я почти уверен, и для меня этого достаточно.

— На самом деле я совсем не разносчик пиццы, — признался голос. — Это шутка. У меня для вас очень важное сообщение насчет одного дела, которое дважды мы вам предлагать не собираемся.

— Изложите мне все в письме, — заявил Блэквелл и вернулся к своему ужину.

Полчаса спустя Фрэнк покончил с десертом — растворимые хлопья марки «Борден», политые жидким мармеладом из настоящих химикалий — и бросил пластиковую посуду в мусоропровод, чтобы она смогла проделать свой путь к мусорной горе на Стэп-Айленде. Он уселся перед телевизором и вознамерился посвятить просмотру передач остаток вечера. Но едва Блэквелл устроился в продавленном кресле, как в спальне раздался какой-то странный звук. Трудно сказать, что это было, но именно такой звук издает стальной прут, когда им взламывают замок на железной решетке окна спальни.

Блэквелл вскочил с кресла и стал лихорадочно озираться в поисках какого-либо оружия. Он нашел кухонный нож с пластиковой ручкой. Для обороны сойдет. Блэквелл пожалел, что не купил себе набор самодельных гранат, который недавно видел на распродаже в магазинчике активных средств защиты. Обойдя груды газет на полу, которые Клэр выбрасывала раз в месяц, он бесшумно направился к темной спальне.

Из темноты вышел мужчина.

— Привет, — весело произнес он. — Меня зовут Симмонс. Поляк сказал, что вас интересуют убийства.

Обойдя Блэквелла, он прошел в гостиную и уселся в кресло.

Несколько секунд Блэквелл нерешительно переминался с ноги на ногу, затем положил нож на буфет и последовал за незнакомцем.

— Как вы попали в мою квартиру? — спросил Блэквелл.

Симмонс показал ему пару резиновых присосок в форме колокола с ремешками и застежками. Блэквелл сразу узнал в них «скалолазки» — приспособление, специально созданное для лазания по вертикальным пористым поверхностям старых нью-йоркских зданий.

— Вообще-то глупый трюк, — признался Симмонс, — но очень полезный, чтобы привлечь внимание перспективных клиентов.

Это был мужчина крепкого сложения, лет сорока пяти. Очки без оправы, ежик седоватых волос, небольшой курносый нос и бесцветные брови. Обычный парень с улицы в сером деловом костюме, не слишком новом и не слишком модном. Из тех, для кого анонимность — главная цель. Выглядел Симмонс так безобидно, что Блэквелл сразу понял — этот человек действительно опасен.

— Первым делом, — начал Симмонс, — позвольте мне выразить самые глубокие соболезнования в связи с ужасной гибелью вашей жены.

— Если вы работаете вербовщиком наемников, — сказал Блэквелл, — у вас чертовски сложный подход.

— О, я не имею ничего общего с наемниками, — ответил Симмонс. — Я принадлежу к совершенно другой организации. Мы занимаемся гораздо более опасными делами. И гораздо более приятными. Врубаетесь? Прошу прощения за выражение.

— Расскажите-ка поподробнее, — попросил Блэквелл.

— Люди, на которых я работаю, охотятся на самого большого, самого хитрого и самого мерзкого зверя. На человека. Я представляю организацию Охотников.

Конечно же, Блэквелл слышал про «Охоту». Впрочем, кто про нее не слышал? Секретная организация, имеющая много сторонников, несмотря на характер своей деятельности. Сообщения о ней в последние годы часто появлялись на первых полосах газет. Она устраивала свои Охоты во всех крупных городах страны, нередко под носом у полиции, которая, казалось, не хотела или не могла ничего поделать. А

Охота была довольно популярна среди американцев. Ходили даже слухи, что скоро она станет действовать на законной основе, особенно после того, как Конгресс принял Акт нормализации самоубийства, согласно которому добровольный уход из жизни перестал классифицироваться как уголовное преступление, если совершался в собственном доме и не нарушал гражданских прав других людей.

— Не знаю, — задумчиво произнес Блэквелл. — Мысль о том, что можно выйти на улицу и убить незнакомого тебе человека, довольно привлекательна — но какое отношение это может иметь к Клэр?

— Некоторое, — ответил Симмонс. — Обычно для Охоты мы проводим случайный отбор среди добровольцев. Но в последнее время из-за некоторого дисбаланса в соотношении Охотник/Жертва, а также учитывая ту социальную роль, которую мы играем в обществе, наша организация решила несколько расширить программу за счет уничтожения убийц, террористов и профессиональных наемников, у которых имеются друзья в высших сферах. Именно эти люди ответственны за смерть вашей жены.

— Но убийцы Клэр мертвы, — возразил Блэквелл.

— Да, но только те, кто нажимал на спусковой крючок. А что вы скажете о том классе людей, которые, оставаясь в тени, управляют политическими и экономическими убийствами?

— Вы хотите сказать, что я смогу охотиться на людей, которые устроили бойню в Париже?

— Не на них конкретно, но на тех, кто занят подобной работой. Дело в том, что осуществление личной мести не может быть целью Охоты.

Блэквелл обдумал слова Симмонса и нашел идею довольно привлекательной. Ему действительно хотелось кого-то убить, и особенное удовлетворение ему принесло бы убийство человека, виновного в смерти Клэр. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что его самого могли убить. Но зачем думать о негативных факторах, пока еще ничего не началось?

— Ладно, — сказал Блэквелл. — Меня это привлекает. Я хочу узнать побольше о вашей организации.

— Отлично! — сказал Симмонс. — Почему бы вам не посетить одно из наших секретных собраний, посмотреть, как мы работаем, и принять окончательное решение?

— Хорошо, — согласился Блэквелл. — Куда я должен пойти?

— О, этого я вам сказать не могу, — улыбнулся Симмонс. — Сами понимаете — тайна! Но мы позвоним вам через день или два и все обговорим.

— Идет, — ответил Блэквелл. — Я полагаю, у вас есть мой рабочий телефон?

— Разумеется. — Симмонс пожал руку Блэквеллу. — Рад был познакомиться.

Блэквелл проводил гостя до двери и отпер замки. Симмонс растворился в ночи. Приключение началось.

Глава 5

В ту судьбоносную осень Фрэнк Блэквелл работал внештатным редактором в «Эльсинор Пресс», небольшом издательстве, размещавшемся на 23-й улице недалеко от 7-й авеню. Симмонс позвонил ему туда через два дня и продиктовал адрес на углу 60-й улицы и 9-й авеню. Они договорились встретиться в восемь часов.

До Коламбус-Серкус Блэквелл доехал на метро. Так как время еще позволяло, он зашел в закусочную «Кэжун» на углу 58-й улицы и Бродвея, где съел сандвич с креветками по-гавайски, пакетик жареного картофеля и выпил чашку кофе. Затем отправился по указанному адресу.

Перед новым многоквартирным домом Блэквелл в замешательстве остановился, не зная, что делать дальше. Но тут дверца стоявшего неподалеку автомобиля отворилась, и оттуда вышел темнокожий мужчина с длинными бакенбардами и в шоферской униформе.

— Мистер Блэквелл?

— Да.

— Я шофер. Меня прислал мистер Симмонс. Пожалуйста, садитесь в машину.

— Но Симмонс велел мне прийти сюда, — сказал Блэквелл, указывая на здание.

— О, это только первый этап. Безопасность, сами понимаете. Остаток пути вы проделаете со мной.

— Остаток пути куда?

— Туда, где вас ожидает мистер Симмонс и другие.

Блэквелл почувствовал легкое раздражение.

— К чему такая таинственность? Неужели это необходимо?

Шофер печально улыбнулся:

— Видите ли, сэр, мы ведь секретная организация.

— А.. Ну ладно, — сказал Блэквелл, устраиваясь на заднем сиденье кадиллака. — И куда же мы направляемся?

— В Джерси, — ответил шофер, поправляя пальцем тугой накрахмаленный воротничок-стойку, врезавшийся в шею.

— Господи, — вздохнул Блэквелл.

Шофер нажал на газ, и автомобиль резко тронулся с места в сторону Линкольновского туннеля.

В начале августа 1827 года Джон Фэрли Тодд, племянник недавно скончавшегося Томаса Джефферсона, бродил по Аппалачским горам.

Это было довольно популярное занятие в те далекие дни. Он начал свой поход в Монтеселло, штат Нью-Джерси, откуда направился на юг с рюкзаком и альпенштоком. Тодд пересек горный хребет Кит-татайни, вышел к Делаварскому каньону и продолжил свой путь в сторону беспорядочно разбросанных Фрэнклинских высот.

Через некоторое время он наткнулся на ущелье между двумя скалистыми холмами. Там, где соединились два пласта породы, под буйной растительностью Тодд, геолог-любитель и известный молодой адвокат из Кэмдема, обнаружил узкую расщелину, ведущую в глубь земли. Он сделал запись о находке в своем дневнике, назвав ее довольно романтично «глубокой, зияющей раной на холме, поросшем кедровником», хотя кроме сосен и елей там ничего не росло. До сих пор этот дневник является самым ценным экспонатом в Охотничьих архивах.

Тодд стал спускаться. В косых лучах солнца плясали пылинки. По мере погружения Тодда в «мрачное циклопическое чрево земных глубин» становилось все темнее и темнее. Наконец он очутился в огромной пещере, расположенной глубоко под землей. Стены

пещеры покрывал светящийся лишайник, от которого исходило «светло-голубое мерцание, загадочное и таинственное».

Изумленно озираясь по сторонам, Тодд вспомнил слова своего знаменитого дядюшки, которые тот произнес 4 июля 1826 года, за неделю до своей кончины: «Пока что эта страна, мой мальчик, находится на гребне успеха, и здесь можно жить счастливо и свободно. Но ростки справедливой власти люди часто затаптывают в грязь в погоне за прибылью. Кто знает, может, уже недалек тот день, когда людям доброй воли понадобится прибежище, где они смогут собраться и разработать планы борьбы против интервенции или подлого заговора внутри страны. Если тебе когда-либо удастся найти подобное место, положи все силы, чтобы сохранить его расположение в тайне до тех дней, когда потребность в нем не даст о себе знать».

Смысл слов Джефферсона и даже точность их цитирования неоднократно становились темами жарких споров. Но как бы то ни было, Тодд приобрел участок местности, где обнаружил тайную пещеру. Его потомок, Эдвард Тодд Джексон, состоятельный Охотник с либеральными взглядами, решил передать ее в пользование Охотничьей корпорации.

Но об этом Фрэнк Блэквелл узнал гораздо позже. А пока он ехал в кадиллаке мимо небольших городков Нью-Джерси, через бескрайние поля, а затем трясся несколько миль по разбитой грунтовой дороге. Наконец машина остановилась возле строения, которое показалось Блэквеллу заброшенной шахтой.

Из сторожевой будки вышли мрачные охранники и принялись о чем-то шептаться с шофером. Они долго рассматривали Блэквелла. Затем один из них вручил ему пластиковую карточку с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ — НАДЕЖНОСТЬ НЕИЗВЕСТНА» и велел приколоть ее к лацкану пиджака.

— Вам это понадобится там, внизу, — сказал он.

— Я вижу, охрана у вас на высоте, — сказал Блэквелл, чтобы не молчать.

— Иначе нельзя, — ответил охранник. Он всегда отвечал подобным образом на замечания посетителей о строгой проверке.

Он провел Блэквелла к грузовому лифту, решетки которого были сделаны в стиле «Арт Деко», и жестом велел зайти в кабину.

— Но я не знаю, на какую кнопку нажимать, — забеспокоился Блэквелл.

— Не волнуйтесь, — ответил охранник. — Я сам нажму.

Его слова прозвучали зловеще. Кабина лифта стала спускаться в земные глубины.

Глава 6

Наконец лифт мягко остановился. Двери автоматически открылись. Блэквелл оказался в просторном сводчатом помещении, вырубленном в гранитной скале. Искусственный свет, исходящий от светильников в нишах на каменном потолке, делал это место похожим на таинственное подземелье в фильме «Тарзан в забытом городе Орфир».

Прямо перед ним за стойкой из стекла и стали сидела красивая девушка-администратор, от которой так и веяло холодом. Она оглядела Блэквелла с высокомерием, присущим всем административным работникам подземных секретных объектов. Затем взяла пропуск и посмотрела его на свет. Убедившись в наличии необходимых водяных знаков, она кому-то позвонила и быстро переговорила с невидимым собеседником.

— Вы можете пройти, — сказала она, указав Блэквеллу на дверной проем, в который был виден отделанный деревом коридор с репродукциями Курьера и Ивза на стенах.

В конце коридора стоял вооруженный охранник. Прежде чем направить Блэквелла по другому коридору, он тоже проверил его пропуск. В этом коридоре Блэквелл встретил секретарш, которые порхали из кабинета в кабинет с пачками документов в руках и оживленно судачили друг с другом, начальников, которые пили черный кофе в окружении помощников и разговаривали по радиотелефонам. В конце коридора очередной охранник в зеленой форме

с золотистыми нашивками поставил на пропуск печать и указал на дверь с табличкой «Вход воспрещен».

Едва Блэквелл приблизился к двери, она автоматически открылась и, как только он вошел, сразу закрылась. В глубине комнаты за столом из орехового дерева сидел господин Симмонс в бледно-желтом костюме и пестром жилете.

— А, Блэквелл, хорошо ли доехали? — Он встал и тепло пожал руку Блэквеллу. — Я понимаю, что штаб-квартира нашей компании расположена не очень удобно. Далековато от Нью-Йорка. Мы просто не смогли найти подходящую пещеру под Манхэттеном. Присаживайтесь. Что-нибудь выпьете? Может, коктейль? Не очень крепкий? С лимончиком, без оливок. С джином «Бифитер». Ну что, угадал? — Он лукаво подмигнул. — Манипенни! *

На пороге появилась секретарша.

— Два коктейля, один специально для нашего друга Джеймса Бонда.

— Его фамилия Блэквелл, — ответила секретарша, ясно давая понять, что она не в первый раз слышит эту шутку.

— Боже мой, конечно! — Симмонс шлепнул себя ладонью по лбу. — Временное умопомрачение. Ну конечно, вы — Блэквелл. Все в голове перемешалось.

— Это от постоянного фантазирования, — объяснила секретарша. — Я вам уже говорила.

— Да, Дорис. Вы свободны.

Секретарша изобразила на лице улыбку и быстро вышла из комнаты. Блэквелл и Симмонс какое-то мгновение молча смотрели на закрывшуюся дверь.

— Потрясающая девушка, — заметил Симмонс. — А сзади вообще класс... Наверно, считает меня дураком. Ничего, пусть думает, что я немножко не в себе. Надеюсь, вы никому об этом не расскажете.

— Никогда, — заверил Блэквелл.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Он привел Блэквелла в большую комнату, где в несколько рядов стояли персональные компьютеры. За дисплеями сидели мужчины и женщины.

* Манипенни — фамилия секретарши из фильмов о Джеймсе Бонде.

— Это наш компьютерный зал, так сказать, мозговой центр. Люси, если вы позволите...

Молодая женщина с рыжеватыми выющимися волосами и приятным лицом без тени макияжа беспрекословно уступила свое место. Симмонс сел. Его пухлые пальцы бодро застучали по клавиатуре, время от времени останавливаясь, чтобы воспользоваться «мышью» и активировать то или иное меню программы. Все компьютеры были сделаны фирмой «Макинтош», вот уже несколько лет господствовавшей в компьютерном бизнесе. Наконец на экране появилось несколько таблиц.

— Это программа связи с нашими информаторами. Все больше и больше людей, которые по тем или иным причинам не могут или не хотят участвовать в Охоте, считают своим моральным долгом снабжать нас информацией о возможных кандидатах. Здесь — основная база данных о всех Охотах, прошлых и настоящих. Она обновляется ежечасно. Тут же хранится список лиц, из которых мы выбираем Жертв. Это вам может показаться интересным. Список смертников.

— Да, действительно интересно, — подтвердил Блэквелл.

— Не беспокойтесь: о каждом из них мы знаем абсолютно все. При необходимости мы можем проникнуть в любую компьютерную базу данных. Мы имеем доступ к закрытой информации государственных органов, в том числе полиции. На основании информации, которая стекается сюда со всех концов света и которую обрабатывают наши лучшие психологи и программисты, мы составляем список пятидесяти самых ужасных преступлений. Разумеется, его мы тоже постоянно обновляем.

— Непростая работа, — заметил Блэквелл.

— Да, очень трудная. В будущем мы надеемся существовать на законных основаниях. Мы станем организацией, которую будут знать и уважать во всем мире. Мы — отцы-основатели нового порядка. — В порыве вдохновения он на миг стал похож разом на Маркса, Ленина и Энгельса с картины, где они были изображены выступающими с облака перед апло-

дирующими матросами броненосца «Потемкин». — Но это в будущем. А пока нас интересует, готовы ли вы выследить и убить какого-нибудь профессионального убийцу?

— Да, — ответил Блэквелл, — нет проблем. Но скажите, разве существуют профессиональные убийцы?

— Да, существуют. Наши социологи доказали, что с момента появления цивилизации в каждом поколении рождаются люди, которые любят выполнять приказы и обожают насилие. В жизни такие люди выбирают профессии, которые предоставляют возможность убивать себе подобных. Их ценит начальство, потому что они готовы взяться за любое гнусное дело, стоит лишь их уверить, что в конечном итоге это принесет добро. Интеллектуальные проблемы их не волнуют, и большинство из подобных типов служат в спецвойсках. Было бы лучше, если бы они убивали друг друга. Но так не бывает. Мы, участники Охоты, хоть и исповедуем идеалы совершенно чистой Охоты, тем не менее верны своему общественному долгу. И вы, господин Блэквелл, — если решите присоединиться к нам — будете охотиться на одного из убийц-профессионалов.

— Что нужно сделать, чтобы стать членом вашей организации?

— Выполнить несколько требований. На период Охоты вы должны отказаться от привычного образа жизни. В этом мы можем вам помочь. Но уж если вы начали Охоту, то обязаны довести ее до конца.

— Что случается с Охотниками, которые бросают Охоту, так и не убив Жертву?

— С ними обычно происходят ужасные несчастные случаи, — ответил Симмонс. — Об этом лучше знать с самого начала. Если вы решите присоединиться к нам, то получите у нас лучшую в своем роде специальную подготовку. У вас будет Наводчик, который поможет вам организовать убийство. Короче, мы поможем вам абсолютно во всем, кроме, естественно, самого убийства.

— Интересно, к какому типу людей относится категория Охотников? — спросил Блэквелл.

Симмонс мягко улыбнулся.

— Истинный Охотник — это старомодный человек, который стремится вернуться к мирозданию, в центре которого стоит личность. Это спортсмен, который хочет участвовать в смертельно опасной игре. Это экзистенциалист, который пытается зафиксировать свое бытие в мгновении. Это ребенок, размахивающий мечом. Это верный сторонник идеи, время которой пришло. Вот что такое Охотник, господин Блэквелл.

— А считается ли Охотником тот, кто жаждет справедливого возмездия?

— Да, господин Блэквелл.

— Тогда я хочу стать членом вашей организации.

Глава 7

После того как Блэквелл ушел, чтобы — как он сказал — вернуться в Нью-Йорк и тщательно подготовиться к длительной Охоте на свою Жертву, Симмонс подошел к стене и нажал потайную кнопку. За отошедшей в сторону панелью оказался лифт. Симмонс вошел в кабину и нажал кнопку «вниз».

Пройдя по короткому проходу, вырубленному в скальной породе, он оказался возле двери, над которой висела обыкновенная электрическая лампочка. Симмонс снял туфли и тихонько проскользнул в небольшую, освещенную одной свечой комнату, которая очень походила на келью монаха.

В дальнем углу комнаты лицом к стене на черной прямоугольной подушке в позе дзен-медитации сидел старик в халате из грубой ткани. Хрупкая болезненная фигура с решительно расправленными плечами. Не поворачивая головы, старик сказал:

- Добрый вечер, Симмонс.
- Как вы узнали, что это я?

Для Симмонса этот трюк был не нов, но он любил поиграть на земном честолюбии Мастера Охоты.

Мастер Охоты улыбнулся:

- Ты двигался очень тихо, тише, чем змея, но даже тишину можно услышать, если успокоить разум.
- Ну а если вы все-таки не услышите мою тишину?
- Я узнаю тебя по запаху.
- А если я залезу в плотный мешок, который не пропускает запахи?
- Тогда я узнаю тебя по ауре.
- А если моя аура исчезнет?

— Все, что исчезает, оставляет след.

Симмонс глубоко вздохнул. Мастер Охоты всегда побеждал в словесных баталиях «мондо»*.

— Я пришел доложить, Мастер, что нанял нового Охотника. Того, о котором мы уже говорили.

— Блэквелла? Хорошо.

— Но есть кое-какие затруднения, — замялся Симмонс.

— Seriously?

— Выполняя ваш приказ, я скрыл от него основную цель его участия в Охоте.

— Противоположность истины — тоже истина, — отрезал Мастер Охоты.

Он грациозно поднялся, полы его халата зашуршали. В мерцающем свете четко вырисовывались линии его лица. Иногда он мог быть надоедливым — Симмонс знал это слишком хорошо. Но он был отцом-вдохновителем философии Охоты, Фомой Аквинским убийства, святым Франциском насилия.

— Чай? — предложил Мастер Охоты.

И не дожидаясь ответа, подошел к низкой металлической жаровне в углу комнаты. Помешав тлеющие угли, старик подкинул пару щепок. Когда огонь разгорелся, он повесил на крючок старый медный чайник.

— Не считает ли Мастер возможным объяснить, почему столь важно использовать в Охоте именно этого человека? — спросил Симмонс.

— Его важность — позиционная. Благодаря ему и будет реализован наш план. Я объясню на аналогичном примере. В шахматах все пешки равны, не правда ли?

— Да, — согласился Симмонс.

— Но это не совсем так. Пешка может преградить путь атакующему ферзю, может заставить отступить робкого короля.

— То есть в данной конкретной ситуации Блэквелл имеет больший потенциал, чем любой другой Охотник?

— Именно так, но это всего лишь аналогия. Каждая пешка отрабатывает свою маленькую задачу в

* Мондо — спор-диалог в дзен-буддизме.

общей стратегии. Действия Блэквелла заставят другую сторону предпринять ответные действия, хотя, конечно, нельзя точно предугадать, каким образом они прореагируют на его вступление в игру.

— Не подвергаем ли мы Блэквелла излишней опасности?

— Конечно, подвергаем. Но он тоже должен рисковать, если не по своей воле, то принудительно. Пришло время действовать решительно. Америка быстро меняется. Уже действуют законы, легализующие различные аспекты наркобизнеса. Самоубийства больше не являются противозаконными. Все чаще убийцы официально освобождаются от ответственности за свои преступления. В этом году наши друзья в Конгрессе предложат законопроект о легализации Охоты. Мы весьма близки к тому, чтобы выйти из подполья. Поэтому на данном этапе нам необходимо рискнуть, чтобы потом уже никогда не рисковать.

Симмонс кивнул. Его снова поразило умение старика тонко чувствовать ситуацию. Нет, не зря Мастера Охоты называют кардиналом Мазарини человеческой бойни.

— И все-таки, — возразил Симмонс, — не окажется ли эта задача слишком сложной для Блэквелла?

Взгляд Мастера Охоты смягчился.

— Возможно, ему даже удастся остаться в живых. Мир изменился.

Глава 8

Распрощаться с привычным образом жизни оказалось на удивление легко. Клэр погибла, а всем остальным было все равно, жив Блэквелл или мертв. Последней его работой было редактирование сборника «Самая вредная пища Европы специально для вас». Его работодательница Марция Готтшпалк как обычно поблагодарила его за усердие и велела взглянуть месяца через два: может, появится новая работа. С помощью Тайного Охотничьего фонда Блэквелл заплатил арендную плату за дом на полгода вперед. В соответствии с инструкциями взяв с собой небольшой чемодан, он вылетел в Феникс на самолете компании «Дельтоид».

В аэропорту его встретил молчаливый тип в желто-коричневой широкополой шляпе. Они сели в помятый пикап и направились в тренировочный лагерь Охотников, расположенный в горах Суеверия, штат Аризона. В лагере Блэквеллу выделили комнату, показали место в столовой, выдали одежду и снаряжение. На следующий день началась подготовка.

Первого инструктора звали Мак Нэб. Это был негр, который говорил с явным шотландским акцентом. Он почему-то невзлюбил Блэквелла. Вообще-то довольно трудно составить непредвзятое мнение об этих типах из тренировочного лагеря в горах, которые обучали искусству убивать и всему, что с этим связано.

— Вот что, дружок, — объяснял Мак Нэб, — наше дело состоит не в том, чтобы просто подойти к Жертве и, вставив дуло пистолета в ухо, сделать «пиф-паф». И забудь про снайперскую винтовку. Это просто только в кино, а в реальной жизни таскать всюду с собой такой аппарат — самая настоящая

глупость. Тем более если тебе придется работать за границей. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя задержали на таможне. Так что забудь про винтовки. Для ближней стрельбы тебе придется использовать пистолет или одну из тех штучек, которые производит наш отдел разработок. По мне так лучше тросточка или зонт. — Мак Нэб мастерски владел зонтиком. — Я не имею в виду зонтик со стилетом внутри. Это очень опасная улика. Сразу видно, что оружие. Я говорю о простом зонтике с деревянной или бамбуковой ручкой, хотя у нас есть зонты и с ручкой из хирургической стали. Можно заточить кончик. Можно сделать свинцовый набалдашник на ручку. Раз-два, и смертельное оружие готово.

Огромный — под два метра ростом — черный как смоль негр показал несколько основных движений: когда открываешь зонтик, выпад в сторону Жертвы, комбинацию уколов зонтиком, удар тяжелым набалдашником. Блэквелл исправно тренировался по несколько раз в день и достиг определенных результатов, хотя, конечно, не мог сравниться с Мак Нэбом, который почти всю жизнь провел в странах с дождливым климатом.

Хьюстон Джеймс, лысый громила с рыжей бородой, вел курс стрелкового оружия.

— Нельзя заикливаться на каком-то одном типе оружия, — объяснял он Блэквеллу. — Профессиональный убийца должен уметь использовать любое стрелковое оружие. У нас нет времени детально изучать все существующие типы. Достаточно, чтобы вы умели зарядить любой попавшийся под руку пистолет, снять предохранитель и выстрелить. Убивать из пистолета очень легко, но только если вы знаете, как его заряжать, как взводить курок, как вести автоматический огонь и так далее. После моего курса вы сможете пользоваться любым из пятидесяти двух обычно применяемых типов пистолетов, винтовок и автоматов.

В классе рукопашного боя инструктор, маленький, вечно угрюмый бангладешец, учил курсантов лишь одному приему.

— Поскольку времени мало, чтобы научить вас приемам каратэ, айкидо или тибетского мунг-хо —

самой лучшей системы рукопашного боя, — я вас обучу только одному. Бейте в пах, господа, бейте в пах! — Далее инструктор пояснил, почему пах — идеальная мишень: — Не бейте в челюсть. Вы можете покалечить себе руку. Не надо пытаться бросить противника через плечо. Так можно повредить мышцы спины. Если ты не мастер, ничего у тебя не получится. Поэтому бейте в пах, господа. Если перед вами женщина, все равно делайте то же самое.

В классе подрывного дела Блэквелл получил самые общие знания о взрывных устройствах. Инструктор, низенький лысеющий человек, сказал им с ирландским акцентом:

— У нас нет времени научить вас делать собственные взрывные устройства. Хотя, конечно, жаль — это прекрасное искусство, но не стоит пытаться разобраться в нем самому. Для этого нужны долгие годы учебы у мастера своего дела. В противном случае можно подрваться. Я вам покажу, как нужно обращаться со взрывными устройствами, которые могут вам повстречаться.

Никто из инструкторов не доверял стрелковому оружию. Один из них сказал:

— В бою оно не столь эффективно, как кажется. К тому же все полиции мира имеют специальную аппаратуру для обнаружения огнестрельного оружия, идентификации его типов и видов боеприпасов. Следовательно, если вы пользуетесь стрелковым оружием, то играете на руку полиции. Но как же лучше убить Жертву? — спросите вы. Например, возьмем яды. Они имеют больше недостатков, чем преимуществ. У нас есть быстродействующие препараты. Достаточно, скажем, лишь уколоть Жертву булавкой или бросить порошок ей в лицо, и она уже на том свете. Но может повернуться иначе, и тогда вперед ногами вынесут вас. Такое случается часто. Главное — подойти к Жертве поближе, выбрав удачный момент. Нужно быть решительным, внимательным и, прежде всего, ловким.

Глава 9

Через полтора месяца Симмонс появился в комнате у Блэквелла.

— Ну как? — спросил он.

— Мне нравится, — ответил Блэквелл, — но иногда кажется, что подход к делу тут неправильный. Впрочем, мне это, наверно, только кажется.

— Да нет, подход правильный. Не стыдитесь наслаждаться убийством — и результатом, и процессом. Далекое прошлое человечества — время охотников и убийц. И это прошлое гораздо длиннее, чем история цивилизованного человека. Вы вообще как — настроены сделать то, что собирались?

— Думаю, что да, — ответил Блэквелл. — Хотелось бы с этим справиться. Собственно, я не верю, что буду это делать. Что убью человека. Да, я знаю, что собираюсь сделать это, но полностью не могу поверить.

— Большинство из нас глубоко в душе ненавидит убийство себе подобных, — сказал Симмонс, — однако мы убиваем. Вообще любой Охотник должен преодолеть отвращение.

— И что, всем Охотникам удастся?

— Некоторым удастся, некоторым нет. Даже некоторые с железной волей пасуют, когда приходит решающий момент.

— И что тогда?

— Обычно Жертвы убивают их.

— Я постараюсь справиться, — заверил Блэквелл.

— Постарайтесь. Мы подготовили вашу Жертву. Вот ее досье. Это богатый человек. Его хорошо охраняют. Вот почитайте.

Он подал Блэжвеллу компьютерную распечатку. Альфонсо Альберто Гусман Торрес. Родился в 1933 году в небольшом городке к югу от Манагуа. Его отец, армянский торговец, был весьма богат, но незнатен. Юный Альфонсо учился в лучших школах и в 1949 году, когда ему исполнилось 16 лет, поступил в Никарагуанское военное училище. В 1952 году он его закончил, преисполненный желания сделать карьеру в полиции. Он поехал в Перу и четыре года учился в Национальной академии гражданской гвардии, постигая различные науки, которые не пришлось изучать дома.

После возвращения в Никарагуа Гусман поступил в полицию Манагуа и был назначен в службу национальной безопасности. Вскоре о его способностях, политической благонадежности и холодной безжалостности узнали, и он стал начальником образцово-показательной тюрьмы в Манагуа. Дослужившись до полковника, в 1970 году он женился на донье Катерине Лопес из знаменитой семьи Лопесов, которая владела поместьями в Ля Флор и Эль Кастилье, одного из четырнадцати влиятельнейших семейств в Никарагуа. Когда в апреле 1979 года его превосходительство президент республики Никарагуа Анастасио Сомоса потерял власть, Гусман с доньей Катериной и тремя детьми бежал в Гватемалу на транспортном самолете никарагуанских ВВС. В Гватемале Гусман вступил в «Никарагуанский революционный фронт» (НИКРЕФ), одну из первых организаций контрас, но вскоре перешел в более активные «Никарагуанские демократические силы» (НИДЕС), которые стали главной организацией контрас, поддерживаемой США. После провала наступления контрас Гусмана сначала перевели в «Демократические вооруженные силы», а затем в «Антикоммунистические боевые отряды». Его способность безразлично относиться к чужой боли вместе с мастерством владения стрелковым оружием и ведения тайных операций сделали его идеальным командиром «эскадрона смерти».

Он знал, что занимается грязным делом, но терпел. Посылая в небесный «коммунистический рай» «левых» из индейских деревень в Кордильера-де-Йолайна или с кукурузных плантаций в Бокайе, он понимал, что это не его работа — но кто-то должен ее делать.

Попав в засаду, устроенную бойцами сандинистского фронта национального освобождения, Гусман был ранен. Стараниями его заместителя и друга детства Эмилио Сальвадора Аранды Гусмана доставили через Рио-Коко в Данли в Гондурасе, затем агенты ЦРУ перевезли его в больницу в Майами.

Вместе с ним в США приехал Эмилио — теперь уже благодаря стараниям Гусмана. С ним также приехал Тито, здоровенный мужик, довольно умный для ублюдка-сержанта образцово-показательной тюрьмы Манагуа. Гусман не вернулся в Никарагуа — сандинисты приговорили его к смертной казни, назначили цену за его голову и объявили преступником-садистом, а не солдатом. Он остался в Майами, принял американское гражданство (что оказалось довольно легко, учитывая его прошлые заслуги и связи с ЦРУ) и в начале 1982 года вызвал жену и детей.

В Майами с помощью друзей и денег семьи жены, заранее расчетливо вложенных в коста-риканскую кофейную промышленность, он занялся строительным и кораблестроительным бизнесом.

Одновременно он продолжал заниматься своим старым ремеслом — убивать людей. В Майами живет очень много разговорчивых никарагуанцев, которых необходимо было заставить молчать, желательно с помощью быстрозастывающего цементного раствора. И Гусман со своими людьми занялся этим. Кроме того, он играл важную роль в поставках оружия различным правым группировкам в Центральной Америке.

— И что я должен делать? — спросил Блэквелл, — Съездить в Майами и выяснить, смогу ли я убить его?

Симмонс покачал головой:

— Гусман к этому готов. Мы уже пробовали, но пока безрезультатно. Мы должны пододвинуть вас к нему как можно ближе.

— Может быть, мне просто прийти к нему и предложить купить книгу? Энциклопедию, например?

— Он никогда не открывает двери сам. За него это делают другие. У него большой дом в Южном Майами, оснащенный новейшей системой сигнализации. Там полно телохранителей, собак, забор с сигнализацией. Никто не может подойти к нему незаметно.

— Но из дому-то он выходит?

— Конечно. Иногда он посещает латиноамериканский гандбол «хай-лай», рестораны, наведывается в «Бискэйн Клаб». Но ничего регулярного. Он ничего не планирует заранее, поэтому никто ничего не знает. Он просто вызывает телохранителей и идет куда хочет. Против него ничего нельзя организовать.

— Так как же мы сможем подобраться к Гусману?

— Как раз над этим мы и работаем. Они вообще крепкие орешки — эти старые хрычи из эскадронов смерти. Просто поразительно, сколько у них друзей и сочувствующих, несмотря на все то, что они натворили. Они обычно в хороших отношениях с местным правительством и органами правопорядка. Да и на благотворительность они не скупятся.

— Да, нелегкая задача, — заметил Блэквелл.

— А в округе Дэд, в окрестностях Майами — трудная вдвойне. Там на обширной территории — в огромной тропической трущобе — живет чертовски много людей. Если не считать нескольких больших домов в центре, неподалеку от Западного Флэглера и Бискайского залива, там целыми милями тянутся одно- и двухэтажные домишки. Десятки крошечных земельных участков занимают все пространство от Хомстеда до Норт-Майами-Бич. Почти все они принадлежат темнокожим или испаноговорящим. Появись в тех местах незнакомец, особенно белый, он сразу начнет бросаться всем в глаза. А люди в тех местах чрезвычайно подозрительны. Там высокий уровень безработицы и преступности. Многие промышляют торговлей наркотиками и оружием, немало незаконных иммигрантов. Там часто убивают — каждые несколько дней полиция находит в придорожной ирригационной канаве машину, а когда вытаскивает, внутри труп. Но прежде чем тот попадает в морг, до

него обычно добираются сухопутные крабы, и тогда уже не определишь даже причину смерти, не говоря уже об уликах.

— Жаль, что внешность у меня не испанская, — заметил Блэквелл. — Это облегчило бы мне задачу.

— Вовсе нет, — возразил Симмонс. — Если только вы не родились и не выросли в окрестностях Майами. И даже окажись ваша внешность самой что ни на есть подходящей, в вас сразу признают чужака, едва вы произнесете несколько слов. А тогда вы станете дважды подозрительным.

— Здорово вы меня подбодрили.

— Просто хотел рассказать вам о реальной ситуации. Но мы сталкивались с задачами и потруднее этой. Осталось лишь дожидаться подходящего окна для начала операции.

— А что это значит?

— Этим термином мы обозначаем те несколько часов или дней, когда жертва становится уязвима. Такой момент может настать очень скоро, так что советую быть наготове. А пока продолжайте тренировки. Но находитесь в постоянной готовности — когда потребуется, действовать придется очень быстро. Назначая вам специальный курс «Маскировка и методы убийства в тропиках». Там обучают кое-каким приемам, которые вам пригодятся в районе Майами. А заодно курс обеспечит вас тем, что иметь совершенно необходимо, если не желаешь выглядеть настоящей белой вороной.

— Чем же?

— Отличным загаром.

Часть вторая

НАЧАЛО ОХОТЫ

Глава 10

Пока Блэквелл проходил курс специальной подготовки, за сотни миль оттуда, в Гондурасе, происходили события, которые в конце концов сделали возможной встречу Блэквелла с его Жертвой.

На горной, черной от пыли дороге близ Сан-Франциско де ла Пас сидели два дозорных контрас. Они охраняли лагерь повстанцев «Змеи», которыми командовал Мигелито. Лагерь располагался на лысом холме на берегу мутной Рио-Телика. Цыганский беспорядок в лагере делал его похожим на ночлежку в центре Порт-о-Пренса. Несмотря на отсутствие элементарных удобств, лагерь был нормальным, с точки зрения никарагуанцев, которые жили за рекой и продолжали поддерживать «левый» режим, угрожавший американским интересам. Такая поддержка была ошибкой, за которую никарагуанцы и расплачивались.

Двое контрас сидели, расстегнув рубашки и расшнуровав ботинки, то есть как все партизаны в мире, ведущие боевые действия в тропиках. В голубом небе висели розоватые облака — прищельцы с Мексиканского залива, — которые принесли обильные дожди. Видно, быть хорошему урожаю.

Один из дозорных, низкорослый бородач, подвижный парень по имени Валериано когда-то учился в университете городка Сильвес, что в восьмидесяти

километрах от Манагуа. Там он изучал средневековую английскую литературу до тех пор, пока однажды вербовщики контраст не вломились в общежитие и насильно не записали его в «армию освобождения». Его друг Панфило жил с ним в одной комнате и был помолвлен с Пилар, сестрой Валериано. Его тоже взяли в «армию освобождения», и сейчас он был напарником Валериано в дозоре.

С тех пор прошло двенадцать лет. И вот Панфило в расстегнутой рубашке стоит, привалившись к огромному камню и, покуривая мексиканскую сигарету «Деликадо», лениво глядит на своего друга Валериано, который в мощный цейсовский бинокль рассматривает черную ленту дороги.

Вдруг позади послышались шаркающие шаги, и друзья мгновенно обернулись, держа АК-47 наготове. Но это оказался всего лишь Жан-Клод, повар лагеря, толстый коротышка в белом фартуке.

— Ну что там, в лагере? — спросил Валериано.

— Ужасно, — промямлил Жан-Клод, — мне пришлось убраться из лагеря, чтобы прийти в себя.

Он присел на камень. Его руки дрожали. Затем он встал и стал расхаживать взад-вперед.

— Успокойся дружище, — сказал Панфило, — моему, ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

— Потому что мне нужно все время быть начеку, — ответил Жан-Клод. — Что я могу сделать, если все в лагере одурели от наркотиков? Мигелито смотрит на это сквозь пальцы. Я сам не люблю наркотики. Но больше всего меня волнует эта свинья.

Два бывших университетских товарища посмотрели на повара, как на сумасшедшего.

— Ты имеешь в виду кого-то из наших общих знакомых? — спросил Панфило.

Жан-Клод запнулся и пробормотал:

— Да нет, я имею в виду поросенка для праздника.

Панфило и Валериано разом хлопнули ладонями себя по лбу, точно так, как это делают итальянцы. Ну конечно же, праздник! Их потому и поставили сюда, чтобы не прозевать Рамона де лас Касаса, представителя контраст в Майами. В его честь будет устроен праздник, и Жан-Клод имел в виду жареного

поросенка, которым все говорящие на испанском народы потчуют важных гостей, даже если последние вегетарианцы.

— Ну, и что с поросенком? — поинтересовался Валериано. — Недостаточно хорош?

Жан-Клод сжал губы. И эти туда же. Рубашки расстегнуты до пупа. А еще образованные — не в европейском смысле, конечно, но для латиноамериканцев достаточно.

— Поросенок хорош. Сам выбирал. Проблема в том, что наш гость опаздывает. Я говорил Мигелито, что наш гость опоздает — эти гости всегда опаздывают. Я сказал Мигелито, что нельзя начинать готовить поросенка до тех пор, пока на дороге не увидим машину с гостем из Сан-Франциско де ла Пас. Но я ведь всего лишь повар. Вы когда-нибудь слышали, чтобы команданте по прозвищу Бандера Негра прислушивался к совету повара? Начинай готовить, и все тут. Ведь он — команданте, а я просто повар. Я работал в лучшей гостинице Бордо, «Холидей Инн». Если бы не скандал с той одиннадцатилетней эстонкой, никогда бы не оставил место и не эмигрировал.

— И что ты сделал с поросенком? — спросил Валериано.

Жан-Клод пожал плечами:

— Что я мог сделать? Приказ есть приказ. Я начал готовить.

— Так в чем проблема? Ты забыл рецепт?

Губы Жан-Клода скривились.

— Кто? Я? Забыть рецепт, который я сам придумал и который только что был опубликован в последнем номере журнала «Гурман»? Да никогда! Я сделал все как нужно. Нафаршировал поросенка листьями мексиканской магвы, смоченными соком пьянящей текилы, а также специями, пряностями и хлебцами из кукурузной муки. Потом полил его своим фирменным соусом и свежайшим оливковым маслом из Севильи. Надел поросенка на вертел и заставил помощников поворачивать вертел на огне через определенные — точно по секундомеру — промежутки времени. Они делали так до тех пор, пока шкурка поросенка не

приобрела матовый темно-золотистый цвет, а мясо не стало таять на языке — таким должен быть настоящий жареный поросенок.

— А нам кусочек не перепадет? — спросил Панфило.

— Вы не понимаете, — продолжал Жан-Клод, — поросенок уже готов. Еще десять минут на огне — и шкурка почернеет, а мясо станет жестким.

— Ну так сними его с огня! — не удержался Панфило.

— Тогда он остынет раньше времени, и к столу я подам холодное мясо с застывшим жиром.

— Почему бы тебе не завернуть поросенка в фольгу? — с издевкой спросил Валериано. Он не был приглашен на праздник, и поросенок ему явно не предназначался.

— Ты же знаешь, что ее тут не найти, — ответил повар. — Вот если бы я остался в Тегусигальпе. Какая была гостиница! Если бы не случай с немецкой туристкой и ее ребенком...

Валериано, который пристально смотрел туда, где дорога сливалась с горизонтом, вдруг резко поднял руку.

— Тихо! Они едут!

Вдали на дороге появилось облачко пыли, которое оказалось легковым автомобилем, мчащимся на большой скорости. Это был плимут пепельного цвета — такси из Сан-Франциско де ла Пас.

— Праздник спасен! — закричал Жан-Клод и побежал к лагерю.

— И не только праздник, — сказал Валериано. — Теперь бойцы получают дополнительную порцию перуанского кокаина, которую обещал Мигелито. Я представляю, как у них заблестят глаза, когда они узнают, что приехал де лас Касас.

— Все-таки приехал. А ведь многие сомневались, что он почтит нас своим посещением.

И несостоявшиеся литературоведы улыбнулись друг другу, вытерли носы и пошли докладывать начальству.

Плимут свернул с каменистой дороги, вдоль которой торчали пеньки недавно срубленных деревьев, и въехал в лагерь с протяжным сигналом. Разряженные

контрас, выстроенные для торжественной встречи, радостными криками приветствовали машину, подбрасывая в воздух головные уборы и вытирая обшлагами носы. Латиноамериканский квинтет из Табаско заиграл веселую мелодию. С заднего сиденья машины слез Рамон де лас Касас, представитель СФНО (контрас) в изгнании, организации, которая ставила своей целью освобождение Никарагуа и восстановление режима недавно приконченного Тачо Сомосы и его распушенной «гвардии насиональ», хотя, конечно, на сей раз в более мягких формах.

На де лас Касасе был великолепный белый костюм с черным узким галстуком. Тщательно ухоженное лицо и кучерявые седые волосы делали его похожим не то на Боливара, не то на святого Мартина.

Команданте Мигелито, или команданте Бандера Негра вышел лично встретить знатного гостя. Они крепко обнялись. У Мигелито — огромного верзилы без передних зубов — горел в глазах безумный огонь. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» назвал его: «нечто среднее между наемным убийцей и вождем варваров Аттилой».

Они направились в палатку Мигелито. Касас сел на брезентовый стул. Мигелито налил в небольшие, украшенные орнаментом чашечки сероватую чичу*.

— Надеюсь, поездка была не очень утомительной?

— Совсем нет. А я надеюсь, что к вам благополучно добрались те женщины, которых я прошлым месяцем направил через нашего агента в Гватемала-Сити.

— Да, мои ребята вам чрезвычайно признательны.

— Женщины были что надо?

— Конечно, у вас превосходный вкус, дон Рамон... — Мигелито запнулся.

— Что такое? — встревожился Касас. — Слишком худые? Понятно. Но ты ведь знаешь, как трудно найти не потасканных шлюх, которые согласились бы ехать сюда. Наш агент в Панаме Манчего де Кесадильо просит понять его и простить.

* Слабоалкогольный напиток.

За распахнутым пологом палатки виднелись темно-фиолетовые горы Сьерра де Агальта с золотистыми вершинами. Густую тропическую жару разогнали набежавшие облака. Несколько крупных капель упали на палатку.

— Черт! — воскликнул Мигелито. — Похоже, что сезон дождей в этом году начнется раньше обычного. А мы живем в дырявых палатках на этом Богом забытом холме. Ни тебе фильмов, ни даже толстых шлюх, которые помогли бы одолеть скуку и одиночество центральноамериканской ночи. Слава Богу, хоть свиньи есть.

Снаружи кто-то радостно произнес с французским акцентом:

— Поросенок готов! Прошу к столу!

— И последнее, перед тем как мы сядем за праздничный стол, — остановил гостя Мигелито. — Я просил вас приехать не только затем, чтобы отведать поросенка, хотя этот праздник — в вашу честь. Я хочу вам сказать, что мы наконец готовы.

Касас насупился.

— Ты имеешь в виду, что вы готовы быть готовыми?

Мигелито на мгновение закрыл глаза — незаметный, но весьма красноречивый жест.

— Так сколько у тебя людей в отряде?

— Мне досталось почти четыре тысячи первоклассных бойцов из отряда команданте Гато Азула. Он отошел от дел и занялся акварелями во Флезоле, поэтому все его бойцы пришли ко мне. Мне хорошо платили, но я все равно был вынужден израсходовать всю помощь от ЦРУ плюс все то, что мы добыли на армейских складах Тумбупу прошлой осенью.

— Четыре тысячи — это хорошо, — сказал Касас, — но...

— Подождите, это еще не все. Я договорился с командирами других повстанческих отрядов. Им надоело сидеть без дела, и они согласились наступать вместе со мной. Рамон, на этот раз у нас получится.

— Мигелито, я восхищаюсь тобой — ты поработал на славу.

Мигелито усмехнулся:

— Теперь вы понимаете, почему меня называли Эксихеньте *, прежде чем я взял имя Бандера Негра. Рамон, я думаю, что мы справимся. Мы перейдем реку в Дос Охетес, обойдем Вирден Горда Лайн, разобьем батальон в Долсес де Муэрте и соединимся с Нюрге Энсен Дадорой и его «оранжевыми гусеницами» в Морена де Чурри.

— Превосходно! — воскликнул Касас. — А потом что?

— А потом мы выполним план Хончо Азула, который, как вы помните, мы обсуждали в прошлом году на съезде повстанцев на Ямайке. Как раз именно там я имел удовольствие познакомиться с вашей подружкой и ее полоумным младшим братом. Так вот, объединившись, мы малыми группами проберемся в Тасо Энчилада, откуда выступим на Манагуа.

— Гениально, — заявил Касас. — Нет, правда, Мигелито. Неудивительно, что тебя называют Наполеоном провинции Бокачича.

— Но мне для этого кое-что нужно.

— А, знаю. Толстые шляхи.

— Нет, хотя они тоже нужны. Но я имел в виду оружие.

Касас посерьезнел.

— Это всегда большая проблема. Особенно если учесть количество, которое ты просишь.

— Нам понадобится несколько зенитных пушек. Кстати, несколько танков тоже не помешают.

— Эй, полегче. Сейчас ты начнешь просить спальный мешок и новую пару обуви для каждого из твоих бойцов.

— К этому добавьте еще санитаров и врачей. Они тоже нужны моим людям.

— Мигелито, я бы с радостью исполнил все твои просьбы, но не я решаю. Только Революционный совет национальной свободы в изгнании может принимать подобные решения. Но у него все равно нет столько денег. — Касас быстро посчитал в уме. — Ты просишь около двадцати миллионов долларов. Это

* Требуемый (исп.).

не шутки. Прости, конечно, если мои слова показались тебе обидными.

На лице Мигелито застыло недоуменное выражение.

— Я знал, что этим кончится. Это называется пустая болтовня.

— Мигелито, — сказал Касас, — мы с тобой старые друзья. Ты же говоришь с Рамоном. Ты меня понимаешь, дружище. Скажи, твои ребята будут воевать?

— Будут ли они воевать? — ошетинился Мигелито. Его голос прозвучал как удар хлыста в тишине центральноамериканского заката. — Они у меня все повязаны и потому будут воевать с кем угодно. Наркотики здорово помогают в этом деле. Мы как-то в горах задержали контрабандистов с грузом кокаина. Эти идиоты замаскировались под съемочную группу журнала «Нэшнл Джеографик». Мы конфисковали товар, и с тех пор я даю своим людям кокаин. Так что они готовы. Вы, наверно, заметили пеньки срубленных деревьев вдоль дороги на подъезде к лагерю. Это мои ребята штыками баловались. Мы через джунгли пройдем — деревьев не останется, а вы говорите — в бой. Они будут воевать, Рамон. Их нужно лишь постоянно подпитывать, и тогда они пойдут в бой с радостными криками. Но надо выступать — иначе, когда у меня закончатся наркотики, они начнут убивать друг друга. А потом прикончат меня и девочек.

— Послушай, — начал Рамон, — если бы я тебе дал все, что ты просишь...

— Я стал бы президентом нашей страны! — закончил Мигелито. — Я не политик, я просто хочу стать бессменным главнокомандующим вооруженных сил нашей любимой родины.

— Ну что ж, будем считать этот вопрос решенным.

— Да ну вас, Рамон. Либо наступаем, либо бросаем это дело, берем с собой все, что нужно, и уезжаем в Испанию. Я устал сидеть на этом холме и развлекать тысячи ублюдков солдат, да еще без помощи толстых девочек.

Тут в палатку ворвался возбужденный Жан-Клод с всклокоченными волосами и дико горящими глазами.

— Мой дорогой друг, — обратился Мигелито к шеф-повару, — в чем дело?

— Прошу прощения, что помешал, команданте Бандера Негра, — медленно, чеканя слова, как актер в традиционной японской опере, ответил Жан-Клод, — но если вы и ваш гость сейчас же не сядете за праздничный стол, я уйду в другой отряд, где выше ценят качественную еду.

— Ну зачем же так, — засмеялся Мигелито. — Мы идем есть поросенка и съедим его без остатка. Да, Рамон?

— И не только его, — ответил Касас.

— Точно? — спросил Мигелито.

Их взгляды, взгляды хищников, встретились. Касас кивнул и обнял Мигелито за плечи.

— Все в порядке, мой друг, — сказал он. — Этим мы и займемся.

Глава 11

Рамон де лас Касас покинул лагерь сразу после праздничного ужина с поросенком. Он не забыл поблагодарить Жан-Клода, который позже в предисловии к своей кулинарной книге «Контрас — гурман» упомянул об этой благодарности.

Представитель СФНО(к) приказал водителю ехать в аэропорт Сан-Леандро в Тегусигальпе. В здании аэропорта было мало пассажиров, но очень много вооруженных солдат и несколько женщин-индианок с детьми, завернутыми в пестрые одеяла. Касас до утра просидел в зале VIP*, попивая кофе с коньяком. В семь утра он сел на самолет компании «Пан Америкэн», выполняющий рейс в Гватемала-Сити. Туда он прибыл за несколько минут до начала еженедельного заседания руководящего совета СФНО(к), или на европейский манер — Никарагуанской свободной республиканской либерально-демократической партии.

Делегаты собрались в опаловых апартаментах отеля «Уеспедес», аляповатого здания, построенного в испанском стиле. Большинство делегатов были небольшого роста, в строгих костюмах, белых рубашках и галстуках умеренных тонов. Обувь у всех была тщательно начищена, некоторые держали в руках потертые портфели. Несколько человек носили очки.

Под мерный шум медленно вращающихся вентиляторов Касас в рубашке с закатанными рукавами хриплым от волнения голосом изложил свое предложение: используя кредит, предоставляемый Ника-

* Особо важных гостей.

рагуа, закупить оружие для контрас Мигелито. Он сказал, что игра стоит свеч, так как одним ударом можно будет решить все проблемы.

Разумеется, не обошлось без возражений.

— А что скажут Соединенные Штаты? — спросил Патрисио Сегудия, человек с водянистыми глазами, министр иностранных дел в изгнании, в клубных туфлях, обладавший дурной привычкой постукивать по стакану с водой.

Сегудия заявил, что последние опросы общественного мнения показали, что семьдесят девять процентов американских избирателей против активной поддержки контрас и всяких других «партизанос»; что восемьдесят семь процентов не могут отличить центральноамериканские страны друг от друга, а во семьдесят два процента вообще не желают знать о Центральной Америке.

— Не беспокойтесь об американцах, — сказал Касас. — Они знают, что мы единственная партия, которая, придя к власти, предоставит нашу промышленность в распоряжение их гигантских корпораций. Так что они согласятся.

— Как вы можете говорить с такой уверенностью? — возмутился Сегудия.

Тут встал Гарсиласо Вегас. Это был молодой симпатичный человек, делегат из Чоютепе.

— Думаю, что могу вас успокоить, — сказал он. — Я представляю ЦРУ в вашей организации. И уполномочен заверить вас в нашей полной поддержке, но только если вы поднимете свои задницы и начнете воевать.

После этого прошло голосование. Единогласно решили, что де лас Касас может обратиться в Багамскую корпорацию, международному спонсору незаконной торговли оружием, за кредитом в двадцать пять миллионов долларов (кое-что должно было перепасть и руководящему совету) под залог движимого имущества Никарагуа.

Глава 12

Корпорация «Багамы» была странным порождением того страшного периода, когда цивилизация приближалась к своему очередному тысячелетию. Это была частная фирма, в которой работали первоклассные ученые-идеалисты. Они стремились достичь своих возвышенных целей незаконными путями. Потребность в такой организации стала вполне очевидной, когда сообщество ученых мира стала все больше и больше беспокоить угроза гибели человечества в результате неразумной индустриализации. Эти люди были уверены, что даже если исчезнет угроза ядерной войны, то через пятьдесят-сто лет планета все равно станет пригодной для жизни лишь тараканов и электрических угрей. Фантасты предлагали покинуть планету на борту гигантского звездолета. Но все почему-то были уверены, что конец наступит гораздо раньше, чем такой звездолет создадут.

Население росло, вместе с ним росло и загрязнение окружающей среды — «цивилизованные звери» перешли границы дозволенного. Они разрушили все, что только можно было разрушить, они убили всех крупных животных, израсходовали накапливавшиеся в течение миллионов лет запасы пресной воды, нефти, угля и других минералов. Хрупкое равновесие экологических систем в различных уголках Земли было нарушено, часто непоправимо. Планета безостановочно двигалась к своей гибели. А народы продолжали ссориться и воевать из-за пустяков, отстаивая свои экономические, религиозные и социальные доктрины. Перспективы процветания больших и малых стран

ставились в прямую зависимость от наращивания мощи и оснащенности вооруженных сил. Люди были своего рода муравьями-воинами, которые обеспечивают всем необходимым более сильных насекомых.

Для сохранения глобальной экосистемы, которая поддерживала жизнь на всей Земле, нужно было принять срочные меры. Для этого прежде всего нужно было рассматривать Землю как единое целое. Такой подход давал возможность сохранить жизнь на планете хотя бы еще на сто-двести лет.

Однако человечество XX века завязло в самоубийственной рутине. Нельзя было предпринять какие-либо шаги до тех пор, пока угрозы не становились реальными. Но часто уже было поздно — последствия становились необратимыми. Ведущие ученые признали необходимость следования нетрадиционными путями ради спасения Земли от людского безумия — иными словами, путями незаконными.

Для решения данной проблемы были созданы группы заинтересованных ученых. Ключевой проблемой спасения Земли признали недостаток финансовых ресурсов. Для решения глобальных задач нужны были астрономические денежные суммы. Откуда могли появиться миллионы, миллиарды и даже триллионы долларов? Ни одно государство, а тем более частная корпорация не могли предоставить необходимой суммы.

Для поиска источника финансирования и была создана корпорация «Багамы».

Однако существовала некая структура, которая могла весьма быстро накапливать большие суммы денег. Имя ей — организованная преступность.

Естественно, научное сообщество было против. Многие ученые, будучи честными людьми, не могли себе позволить скрыть хотя бы небольшую часть доходов от налогового инспектора. Единственным «серьезным» нарушением закона, которое они могли себе позволить, было вождение автомобиля в нетрезвом состоянии. Тем не менее, как люди умные, они были вынуждены считаться с неумолимой логикой и реалиями создавшейся ситуации, которая толкала законопослушных граждан на сотрудничество с организованной преступностью. Это было лучше, чем сотру-

ничать с политиками, чьи планы вели планету прямой дорогой к уничтожению.

Таким образом родилась корпорация «Багамы», которая объединила тех ученых всего мира, для которых сохранение Земли как среды обитания человека было важнее различий в религиозных, политических или экономических взглядах. Корпорация занялась раздачей ссуд под огромные проценты клиентам мирового уровня. При этом национальная американская и международная китайская мафии не жалели времени и сил для поддержки ее операций.

Вскоре выяснилось, что корпорации вообще не нужна помощь. Людям, которые с легкостью разбирались в физике элементарных частиц, хроматографии или квантовой теории, оказалось совсем не трудно уяснить, как «проворачиваются» незаконные сделки.

Специальная группа изучила требования потребителей наркотиков к «идеальному» наркотику и вывела гибрид марихуаны, который был в двадцать-сорок раз мощнее, чем обычная «травка». Его называли «суперзелень». Он обладал еле уловимым запахом и внешне походил на бобовые побеги. Большое начинается с малого. Корпорация «Багамы» успешно завладела мировым рынком сбыта марихуаны.

Суперзелень не разрушала слизистую носа. Одной дозы было достаточно для нескольких часов кайфа. Но самое главное — можно было, завернув наркотик в тонкую ткань и пропитав ткань силикагелем, получить густую массу, которая легко закреплялась под крыльями автомобилей. В пункте назначения «товар» в целостности и сохранности легко изымали.

Но это было впереди. А пока корпорация «Багамы» зарабатывала выдачей ссуд. И однажды интересное предложение поступило в адрес ее представительства в западном полушарии в местечке Отер Бей, что в ста шестидесяти милях от города Нассау на Багамских островах.

...Занавески на окнах в зале заседаний были опущены, и лучи закатного солнца, пробиваясь сквозь них, покрывали бронзовыми бликами стены зала. Кондиционеры, потихоньку потрескивая, овеивали про-

хладой членов комитета в темно-синих шерстяных фирменных куртках.

Председательствовал доктор Альвас Дал. Образование он получил в Нидерландах. Через два года после окончания университета в Утрехте он начал работать на линейном ускорителе в Физическом центре Стэнфорда. После четырех лет в Беркли его пригласили в Мичиганский университет преподавать физику. Годом раньше после неожиданной смерти Ганга Касторна Секретный совет ученых в Женеве назначил его директором научно-исследовательского института корпорации. Дал был крупным блондином с красной веснушчатой кожей, которая не поддавалась загару.

— Главный вопрос сегодняшней повестки дня, — объявил председатель Дал, — запрос Рамона де лас Касаса из СФНО(к) на двадцать пять миллионов для закупки вооружения, предназначенного для свержения нынешнего правительства Никарагуа. Я думаю, что вы ознакомились с материалами.

Пятеро из присутствующих кивнули, другие продолжали бездумно чиркать в записных книжках.

— Я хотел бы услышать ваши мнения. — объявил Дал.

Исао Якитори, бывший сотрудник Национального геодезического центра США, специалист в интерферометрии, взял слово.

— Возврат денег не гарантирован. Касас потратит их на оружие. Вспомните, сколько оружия эти люди уже получили, а результата никакого. Их обещание вернуть деньги за счет пятидесятипроцентного повышения налогов в Никарагуа, так называемой «платы за мир», звучит хорошо — но что мы будем делать, если они не придут к власти?

— Я думаю, мой коллега обратил внимание лишь на минусы этой сделки, — заметил Эдуард Макидेलли, профессор химии и биохимии Колорадского университета. — Риск велик, но и доход велик. Двести процентов за пять лет — совсем неплохо.

— Если они придут к власти, — вставил Якитори.

— Вы что, не понимаете, что наши деньги вернутся к нам? — продолжал председатель Дал. — Одно из условий нашего соглашения с СФНО(к) состоит в том,

что их представитель в Майами Альфонсо Гусман будет покупать оружие у нашего дилера в Майами Ицхака Фрамиджяна. Таким образом наши же деньги вернутся к нам. Фактически мы заключаем сделку с самими собой. К нам вернутся наши двадцать пять миллионов плюс проценты. Мы не проиграем даже в том случае, если СФНО(к) не захватит власть в Никарагуа.

— Если нет прибыли, то нечего заниматься бизнесом, — заявил Марк Клэнси, профессор анатомии и зоологии Иллинойского университета. — Кто такой этот их представитель Гусман? Можно ли на него положиться?

— Когда речь о деньгах, то он человек чести, как все эти старые ублюдки из «эскадронов смерти», — ответил Макиделли.

— Опять мы лезем в политику, — заметил Якитори. — Политики — люди ненадежные. Почему бы нам не продолжить финансирование террористических операций? До сих пор это было надежным и выгодным делом.

— Некоторые из вас не понимают главного, — сказал Дал. — Доход от сделки будет выражен не только в деньгах, но и в возросшем влиянии в международных кругах, после того как мы проведем операцию по финансированию переворота. Это веление времени. С точки зрения «расширения производства» террористические операции — не очень-то перспективное дело. Нужно начинать что-нибудь новое. Финансирование революций — будущее частного капитала. Этой теме посвящен доклад нашей аналитической службы.

— Неплохая перспектива, — сказал Якитори. — Надеюсь, последствия вашего решения не станут мучить вас кошмарными снами.

— Я тоже думал об этом, — вставил Макиделли, ослабившись.

Дал улыбнулся, но почувствовал внутри холодок страха. Председатель корпорации «Багамы» не имеет права на ошибку. Даже на одну. Ошибка означает смещение с поста. В корпорации «Багамы» председателя руководящего совета «смещают» в бетонную

усыпальницу на дне океана. А аналитическая служба до сих пор не решила, как незаконная организация может участвовать в законной смене власти в какой-либо стране.

Результаты голосования показали, что все члены Совета высказались за предоставление кредита СФНО(к) на оговоренных условиях. После заседания председатель Дал поехал домой.

Глава 13

Перед Гусманом на столике лежала телеграмма, в которой извещалось, что сумма в двадцать миллионов долларов переведена на его счет в Панаме. Из кедровой коробки на столе он достал сигару «Монте-Кристо». Закурив, он пожалел, что на свете не существует более дорогих сигар. Тогда можно было бы как следует отпраздновать такое событие — двадцать миллионов! Хотя большая часть суммы пойдет на оплату сделки с Фрамиджяном, да еще миллион с небольшим уйдет «друзьям», «официальным лицам», «экспедиторам» и другим посредникам. И все равно доход немалый. Неплохо для сына армянского торговца.

Итак, он сидел в кожаном кресле в белой комнате на втором этаже своего розового дома причудливой архитектуры в Южном Майами, наслаждаясь торжественным моментом. Однако всему свое время — пора заниматься делами. Он снял трубку и набрал номер.

— Господин Блэйк? Буду рад встретиться с вами. Есть вопрос, который необходимо с вами обсудить. Неотложное дело.

— Неотложное для кого, Альфонсо? — ровным металлическим голосом осведомился Блэйк.

— Для нас обоих, мой друг. Речь идет об осуществлении нашей великой мечты. Мечты двух наших великих народов. Которая, кстати, сулит значительные прибыли всем участникам.

— Великолепно, Ал. — В голосе Блэйка прозвучали ироничные нотки. — Но зачем было звонить

мне? Не лучше ли сразу дать объявление в «Майами Геральд»?

— Это надежная телефонная линия, — заверил Гусман своего собеседника.

— Откуда ты знаешь?

— Ну вы же сами сказали, — недоуменно ответил Гусман, чувствуя, что попал впросак.

Блэйк всегда разговаривал с Гусманом, как с идиотом, с удовольствием насмехаясь над жадностью армянина. За это Гусман ненавидел его лютой ненавистью.

— А если я тебе скажу, что в твоём саду зарыта кубышка с золотом, ты тоже мне поверишь?

— Прошу прощения, Блэйк.

— Слушай, ты что там, обкурился травкой? — спросил Блэйк, — Какой-то ты сегодня странный. У тебя серьёзное дело или опять фантазии на тему «отдых в знойном Рио»?

— Нет, это очень важно, — настойчиво сказал Гусман. — Поверьте мне, мистер Блэйк.

— Ну хорошо, — согласился Блэйк. — Я выслушаю тебя. Встретимся в спорткомплексе «Дания». В почтовом ящике ты найдёшь пригласительный билет.

— Пойдите, — забеспокоился Гусман, — а мы не можем встретиться у меня дома? Вы же знаете, что после того прикурка колумбийца с мачете в прошлом месяце я стараюсь как можно реже выходить из дому.

— Не сходи с ума, Ал, — ответил Блэйк. — Если хочешь встретиться, встретимся сегодня вечером в спорткомплексе. Посмотрим матч «хай-лай». Это все, малыш. — Блэйк повесил трубку.

Гусман медленно положил трубку на рычаг. Потом вынул шелковый носовой платок и вытер влажный лоб. Если бы его спросили, что подарить ему на Рождество, он бы ответил, что лучшим подарком была бы голова Блэйка на тарелке с яблоком во рту и подливкой из центральноамериканской юкки. Но его никак нельзя убить, его просто нельзя убить. Может, организовать несчастный случай...

Нет, тоже нельзя.

Может быть...

Он встал. Всего несколько слов с Блэйком — и как ни бывало радости по поводу миллионной прибыли. Он нажал кнопку селектора.

— Тито!

Тито Герера как раз зашел в комнату секретаря. Услышав голос хозяина, он поспешил к нему в кабинет.

Тито, огромный метис, родом из Сан-Хуан дель Норте, служил сержантом у Гусмана, когда тот занимал должность начальника образцовой тюрьмы в Манагуа. У Тито было одутловатое лицо со следами от ножа. У него имелась коллекция высушенных ушей, уникальная как с точки зрения формы и цвета экспонатов, так и в смысле количества. Он очень любил свою старую мать, живущую в Панама-Сити. Последнее позволяло Гусману все-таки воспринимать его как человеческое существо. С другой стороны, Гусман знал, что более надежного телохранителя ему никогда не найти.

— Сегодня вечером мы идем в спорткомплекс «Дания», — объявил Гусман Тито. — Поедем туда на ламборджини.

— Слушаюсь, хозяин. Считайте, что вы уже там, — ответил Тито.

Он хорошо говорил по-английски, потому что большую часть свободного времени проводил, прокручивая по видеку американские гангстерские фильмы. Тито медленно и задумчиво побрел к двери.

— В чем дело?

— Это, конечно, не мое дело, хозяин, но с точки зрения безопасности... Вы понимаете, что я имею в виду.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Будь начеку и смотри в оба.. А теперь давай за машиной...

Однажды вечером, почти месяц назад, Гусман сидел в своей гостиной и смотрел по видеомagni-тофону «Касабланку». Глухо прозвучавший взрыв можно было принять за землетрясение. Это был короткий толчок, по двадцатисемидюймовому экрану телевизора пошли полосы, затем сработала система автоматической подстройки.

Дон Альфонсо выключил видеосистему, подошел к небольшой тумбочке из экзотического твердого дерева, достал из верхнего ящика девятимиллиметровый браунинг и проверил обойму. После чего замер на несколько мгновений в ожидании второго взрыва. Затем спустился вниз.

В прачечной все было перевернуто вверх дном. Прачка, пожилая тетушка Тересита, и накопившееся за неделю грязное белье были размазаны по стенам. Зрелище напоминало сюрреалистическую картину абстракциониста, исполненную с помощью мотка колючей проволоки. Даже бывший начальник образцовой тюрьмы Манагуа не смог смотреть на это без содрогания.

Он прошел в гостиную. Там на мягком кресле билась в истерике жена.

Через мгновение в комнате появился зевающий и потягивающийся Хуанито, двадцатичетырехлетний племянник Гусмана. Когда прозвучал взрыв, он спал на топчане возле бассейна.

— Все нормально, — заявил Гусман, — это всего лишь неприятный инцидент. Не надо паниковать. Хуанито, позвони сначала в погребальную контору «Сиело де Корасон», чтобы они позаботились о Тересите, а потом в «Транскарибское бюро по найму» и попроси прислать новую прачку. А после вызови водопроводчиков. По-моему, не работают разбрызгиватели на газонах.

— Разбрызгиватели? — уточнил Хуанито, меловко улыбаясь.

— Вероятней всего, взрыв повредил трубы для подачи воды. Поэтому не работают разбрызгиватели. Можешь убедиться сам. Декоративная трава, которую в прошлом месяце посадили садоводы из «Гил энд Эдди», может завянуть. А она обошлась мне в десять тысяч долларов. Номер найдешь в телефонной книге.

Хуанито пошел к телефону в соседний с гостиной кабинет. Жена Гусмана, донья Катерина, пришла в себя и поднялась с кресла.

— Нужно заказать панихиду по этой бедной женщине.

Дону Гусману почему-то в голову пришли слова из фильма, который он смотрел до взрыва.

— Накажите настоятелю помолиться за упокой ее души.

— Что?— переспросила донья Катерина.

Это была высокая худощавая женщина с царственной осанкой. Всем своим видом она напоминала испанских королей прошлого века — Изабеллу ла Католику или, скорее всего, Хуану ла Локу.

— Ничего, дорогая, просто шутка, — ответил Гусман.

Он не мог позволить себе не считаться с ней, по крайней мере открыто. Ведь она была официальной владелицей ценных бумаг, на которых основывался весь бизнес Гусмана.

Из этого потрясения он, несомненно, вышел с честью. Но след все-таки остался. Он так и не узнал, кто заложил бомбу и каким образом она оказалась в прачечной. Слишком многим хотелось отправить его в лучший мир. Были предприняты дополнительные меры предосторожности, а Тито «позаботился» о нескольких подозреваемых. Гусман стал реже выходить из дому. А теперь этот чертов Блэйк со своим «хай-лаем». Вот покончу с этим и больше не буду выходить из дому, подумал Гусман. Клянусь. Пускай с воздуха бомбят, если хотят меня убить.

Глава 14

Гусман, задумавшись, сидел на заднем сиденье машины, которую вел Тито. Они свернули на бульвар Дания Бич, в квартал, сиявший люминесцентными огнями, как туристический лайнер. Тито въехал на клубную стоянку спорткомплекса. Оставив машину швейцару, они вошли в здание. Гусман всегда старлся приехать пораньше, чтобы пообедать в клубе — он просто обожал суп с зажаренными в оливковом масле мидиями, базиликом, чесноком, петрушкой и помидорами, который подавали в фигурной супнице. Но сегодня они опоздали, и Гусман сразу пошел в зал для «хай-лая». Он был в превосходном настроении. Неожиданно служитель у входа в зал попросил предъявить пригласительный билет, который Гусман забыл вынуть из почтового ящика. Узнав, что у посетителя нет билета, служитель предложил Гусману покинуть здание.

Этому парню, даже если он новичок, следовало бы знать Альфонсо Гусмана в лицо, а не устраивать скандал. Неужели он сразу не мог сообразить, кто стоит перед ним? Ну хотя бы по виду Тито, который словно тень следовал в двух шагах от хозяина. Однако служитель допустил еще один промах. Не обращая на него внимания, Гусман прошел в зал и занял место для почетных гостей. Вспомнив эпизод с туповатым парнем, он улыбнулся. И тут служитель спросил его, что, черт возьми, тут смешного. Гусман пообещал объяснить. И прежде чем бедолага служитель сообразил, в чем дело, над ним нависла двухметровая безобразная туша Тито.

— Он вас беспокоит, хозяин? — тихим голосом спросил Тито.

И тут до служителя дошло, кто перед ним. Грузный Гусман в темном дорогом плаще, Тито в белой ветровке, с эмблемой команды «Майамские дельфины», ладно сидевшей на огромном теле. Служитель решил, что над ним нависла смертельная опасность, но он был слишком мелкой сошкой, чтобы с ним возиться. Гусману нравилось внушать людям страх. Это тешило его самолюбие.

— Пошел отсюда, — сказал он и отвернулся.

Некоторое время он наблюдал за тем, что происходило на площадке длиной сто семьдесят восемь футов, с трех сторон обнесенной стенками из прозрачного пластика. «Баски» в красных шлемах, белых штанах, теннисных туфлях и цветных майках с номерами на спинах отсалютовали, и матч начался.

На соседнем ряду для избранных сидели четверо кубинцев. Они ставили на игроков один к пяти, и один из них, пузатый, с черными выющимися волосами бил свернутой газетой по голове своего соседа всякий раз, когда его команда вырывалась вперед. Для межсезонья зрителей собралось довольно много, большинство из них — белые. Они криками поддерживали игроков, на которых поставили. «Давай, второй!» Имена игроков были указаны в программке — но кто сможет выговорить такие баскские имена, как Горричо, Уррета, Ларрууска, Ассис Третий, Чаз? Гораздо легче выкрикивать номера.

Чтобы хоть как-то проявить интерес к игре, Гусман решил сделать ставку один к трем в следующем раунде. И тут к нему подсел Блэйк. Это был невысокий мужчина с резкими чертами лица и коротко подстриженными волосами песочного цвета, которых у него оставалось не так уж и много. Он был одет в светло-серые брюки тропического образца с тонким ремнем из кожи аллигатора, дакроновый пиджак в коричневую и голубую полосу и белые штиблеты «Сэкс» с кисточками.

В такую жару даже легкий пиджак казался излишеством, но Блэйк надел его, чтобы скрыть пистолет — плоский, короткоствольный 32-го калибра, не очень

мощный, но незаменимый в схватках лицом к лицу. Пистолет лежал в специальной кобуре из тонкой замши.

Партнер Блэйка, Козли, был высок, почти сто девяносто сантиметров, и весил слишком много даже для своего роста. Над белой гуайберой виднелось круглое скорбное лицо. Никаких пиджаков — он спрятал свой пистолет за голенище высокого сапога.

— Ну, приятель, как дела? — спросил Блэйк.

Козли сел сзади, рядом с Тито, который неодобрительно хмыкнул.

— Рад видеть вас, мой друг, — сказал Гусман.

— Не сомневаюсь, — ответил Блэйк.

Он взглянул на табло — пятый раунд подходил к концу.

— Кто, по-твоему, станет фаворитом в шестом раунде?

Гусман относился к «хай-лаю» с глубоким безразличием. Ему больше нравился баскетбол, и он болел за «Майамских дельфинов». Но он сделал вид, что внимательно изучает программку.

— Номер второй и номер пятый, — наконец сказал он. — Гутьеррес силен в этом сезоне, а лучше Браса защитника не сыскать.

— Думаешь, стоит на них поставить?

— Да. Один к пяти.

Блэйк обернулся:

— Анжело, поставь за меня пару долларов. И захвати с собой Тито. Можешь угостить его пивом.

Тито покачал головой:

— Я останусь здесь.

Козли посмотрел на Блэйка. Тот пожал плечами. Тогда Козли тяжело встал и пошел делать ставку.

— Итак, приятель, — сказал Блэйк. — Как идут дела? Как поживает сеньора?

— Спасибо, хорошо, — ответил Гусман.

Он не стал спрашивать про семью Блэйка. Он даже не знал, есть ли у того семья. Зачем вообще таким людям семьи?

— Чему обязан честью встретиться с тобой в этом дворце спорта?

— Один наш проект наконец-то стал раскручиваться, — ответил Гусман.

— А теперь повтори это на английском, ладно?

— Мигелито готов действовать.

— О каком Мигелито идет речь? — поинтересовался Блэйк. — О том, что в Ель-Юнке, или о том, что в Сан-Франциско де ла Пас?

— О том, что в Сан-Франциско, в Гондурасе. Его еще называют Бандера Негра.

— Как же, помню, — сказал Блэйк. — Он присутствовал на прошлогодней конференции контраст на Ямайке. Правильно? Коротышка с большими амбициями.

— Мигелито собрал под свое крыло повстанцев из трех различных групп. Теперь под его командованием состоит пять тысяч хорошо обученных бойцов. Другие отряды пообещали оказать ему помощь. СФНО тоже поддерживает его. В течение этого месяца он готов предпринять наступление на Санта-Клару. Это необходимо сделать до начала сезона дождей.

На площадку вышли игроки, начался шестой раунд «хай-лая». Козлли вернулся и вручил Блэйку два пятидолларовых билета.

— Какова вероятность выигрыша? — спросил Блэйк.

— Три к одному.

— Слабовато. Надеюсь, Ал все же окажется прав. Итак, Мигелито готов действовать? Прекрасно. Надеюсь, он сообщил об этом нашему резиденту.

— Разумеется. Но у него есть одна проблема.

— Проблемы существуют всегда, — философски заметил Блэйк.

— Ему необходимо оружие и боеприпасы.

— Всегда одни и те же проблемы.

— Прошу прощения, однако на сей раз все обстоит иначе. Сейчас он действительно готов сражаться и несомненно одержит победу. На этот раз, Блэйк, мы уверены в успехе, тем более что нас должны поддерживать войска Анхеля де Гойо, сконцентрированные возле гватемальской границы.

— Тебе и об этом известно? — удивился Блэйк.

— У меня тоже есть свои источники.

— Так в чем же нуждается Мигелито?

— Ему необходимо вооружить пять тысяч бойцов. Блэйк присвистнул.

— Речь идет о больших деньгах, амиго.

В этот момент зрители зашумели. На площадке осталась только одна пара. Именно та, на которую поставил Блэйк. Агент принялся с интересом наблюдать за финальной игрой. Один из игроков с силой послал мяч к стене.

— Отличный удар, — прокомментировал Блэйк.

Соперник слабо отбил отскочивший мяч, и первый игрок поставил точку классическим ударом. Игра закончилась.

— Замечательно! — воскликнул Блэйк. И передал билеты Козли. — Анжело, получи, пожалуйста, выигрыш в кассе. — Затем он повернулся к Гусману. — Ты действительно разбираешься в игроках.

— Я разбираюсь в военных делах тоже. Мигелито одержит победу.

— И он хочет получить оружие через меня?

Гусман кивнул.

— Им это обойдется недешево.

— С деньгами у них все в порядке. Можете на этот счет не волноваться. Но мне хочется знать ваше мнение.

— Что ж, — ответил Блэйк, — действуй по плану. Свяжись с Фрамиджяном. Он как всегда устроит все наилучшим образом. И, надеюсь, ты не забудешь как обычно внести благотворительный взнос в фонд помощи ЦРУ до того, как поставят оружие?

— Разумеется! Спасибо, мистер Блэйк.

— Пожалуйста. Чего не сделаешь ради праведного дела.

Глава 15

Ицхаку Фрамиджяну, невысокому, крепкого сложения мужчине со смуглым цветом кожи недавно исполнилось сорок семь лет. Он был израильтянином, выросшим в кибуце возле города Эйлат. Торговлей оружием он занялся еще в юности. Его отец поставлял вооружение противоборствующим сторонам в конфликте между иргунами и хагганами во время освободительной войны. Когда старший Фрамиджян погиб во время террористической акции в секторе Газа, Ицхак взял семейный бизнес в свои руки.

В течение долгого времени молодая нация остро нуждалась в оружии, что обеспечивало Фрамиджяну солидный доход. Но после Шестидневной войны необходимость в экспорте вооружения из-за рубежа отпала. Израиль стал строить свои оружейные заводы и скоро сам превратился в крупнейшего мирового поставщика смертоносного товара.

Когда в пригороде Тель-Авива и Хайфы эти фабрики стали расти как грибы, а доходы Фрамиджяна резко пошли на убыль, он эмигрировал в Соединенные Штаты.

Там он пришел к выводу, что человек со связями в Африке, Европе и на Ближнем Востоке может неплохо устроиться в Америке. Он поселился в Майами, возобновил старые контакты и стал заниматься прежней деятельностью, если не совсем легально, то, по крайней мере, с молчаливого согласия такой организации, как ЦРУ, которой как раз был нужен человек, имеющий возможность поставлять оружие тем клиентам, которые по закону не имели права

получать его от американского правительства. Успешная деятельность Фрамиджяна не ускользнула от внимания Багамской корпорации. Фрамиджян предпочитал работать в одиночку, но ему сделали такое выгодное предложение, от которого он просто не мог отказаться, подкрепленное угрозой, которую он не мог проигнорировать. С помощью Багамской корпорации он стал зарабатывать гораздо больше, причем особенно не рискуя. Но Фрамиджян твердо знал, что наступит день, когда он снова сможет работать самостоятельно.

Продаваемое Фрамиджяном оружие использовалось для умирения гаитян, доминиканцев, чилийцев, аргентинцев и многих других. Оно применялось в закончившейся провалом высадке антикубинского десанта в бухте Кочинос. Поставляемые им автоматы, возможно, попадали даже в руки бойцов Организации освобождения Палестины, которые убивали из них израильтян. Трудно догадаться, куда именно попадет то или другое вооружение. Оружие в этом плане похоже на деньги, уследить за которыми просто невозможно. Фрамиджян знал, что не несет абсолютно никакой ответственности за то, каким образом используется поставляемое им оружие. Разве можно винить в чем-то продавца обувного магазина в Мюнхене в тридцатые годы, продавшего пару сапог покупателю, который потом избил ими до смерти старого еврея в темной аллее?

Гусман позвонил Фрамиджяну в пятницу. Фрамиджян никогда особо не придерживался религиозных ограничений и как раз наслаждался салатом чоу-мейн из луизианских крабов, который ему доставили по заказу из только что открывшегося китайского ресторана «Кэйджан». Одновременно он смотрел по телевизору «Кинозал по пятницам».

Они давно уже занимались совместным бизнесом. После обычного обмена любезностями Гусман сказал, что через пару недель собирается давать банкет и хочет, чтобы Фрамиджян занялся поставкой фруктов. Фрамиджян был владельцем компании по импорту и экспорту фруктов, что обеспечивало ему надежную

крышу и давало возможность говорить об оружии, используя названия фруктов.

— Сколько гостей?

— Около пяти тысяч.

Фрамиджян присвистнул от удивления. Он никогда еще не совершал таких крупных сделок.

— Так много? — удивился он. — Это обойдется недешево.

— Знаю. Но я всего лишь организую банкет. Мой клиент желает иметь самые лучшие продукты.

Это означало, что речь идет о новых образцах оружия, а не о тех запасах, которые хранились на складах со времен вьетнамской войны.

— Я полагаю, — сказал Фрамиджян, — что каждый гость должен получить по яблоку? — Под яблоком подразумевалась автоматическая винтовка М-16 или автомат аналогичного класса.

— Да, но на случай если кто-нибудь окажется голодным, надо приготовить побольше яблок. Скажем, тысяч шесть.

— Ясно, — ответил Фрамиджян. — Думаю, виноград тоже окажется не лишним? — Это означало боеприпасы. Одна гроздь — двести патронов.

— По пять гроздей на каждое яблоко. (Тысяча патронов.) И по два граната на каждого гостя. (Двадцать ручных гранат.)

— Хорошо, мистер Гусман. Заказ довольно большой, но с доставкой проблем не будет. Вам это обойдется... — Он быстро посчитал в уме. — Около двадцати долларов на каждого гостя.

Обсуждая финансовую сторону вопроса, они обычно опускали по два нуля. Фрамиджян имел в виду, что на каждого солдата придется по две тысячи долларов, а в целом сумма составит двенадцать миллионов долларов.

— Довольно приемлемая цена, — сказал Гусман. — Когда вы можете организовать доставку?

— Через пару дней, мистер Гусман. Позвоните мне послезавтра. Вечерком.

Глава 16

Пока Гусман разговаривал по телефону с Фрамиджаном, его кучерявый племянник Хуанито сидел в своей комнате в конце правого крыла Розового дворца и подслушивал разговор дяди при помощи телефонного «жучка». Подслушивающее устройство было подключено к магнитофону «Сони», которым Хуанито пользовался исключительно в подобных целях. Он прослушивал разговоры Гусмана уже в течение нескольких месяцев, но пока ничего интересного не узнал. Дядя Альфонсо был чрезвычайно осторожным человеком. Но в этот раз речь несомненно шла о сделке, и эта информация могла оказаться кое для кого крайне интересной.

У Хуанито были причины поступать таким образом.

Несмотря на привлекательную внешность, у Хуанито существовали проблемы. Он занимал важное положение в обществе, но не имел никаких источников дохода.

Думаете легко быть племянником самого богатого никарагуанца в Южном Майами? Если так, то вы ничего об этом не знаете. Вы, наверно, считаете, что неплохо, когда твоя девушка — Талия Суарес, мисс «Латинский квартал», королева Южного Майами, с упругими грудями и умопомрачительной задницей? Она однажды снималась в сериале «Майами Вайс», в эпизоде с перевоплощением инкского принца во время операции «Могамбо».

Конечно, быть племянником крупного воротилы — здорово, но за это никто не платит тебе зарплату. А Хуанито очень нуждался в деньгах, чтобы утвердить свой статус в Маленькой Гаване.

И дело совсем не в том, что Хуанито не работал. Работал, да еще как, выполняя задания своего дяди. В доме Гусмана постоянно гостили его старинные приятели из Южной и Центральной Америки. Два-три раза в неделю он приглашал выпить своих соратников по Национальной гвардии, которые неизменно оставались на ужин. В такие дни стол ломился от угощений. Но не по волшебству все это получалось. Кто-то должен был дать распоряжение поварам, кто-то — проинструктировать служанок насчет гостевых комнат, кто-то должен был припарковать автомобили на стоянке, кто-то должен был заниматься всеми мелочами. Кто-то должен был за всем следить, и этим «кем-то» никак не мог быть Эмилио. Эмилио был советником, а советникам профсоюз не разрешает делать ничего, кроме как ходить в плащах с поднятым воротником и иметь угрожающее выражение лица. А жена Гусмана, донья Катерина совсем не хотела брать на себя обязанности хозяйки. Она давно отошла от мирских дел, проводя все время в душевспасительных беседах со священниками и монахинями. Разумеется, о Тито вообще речь не шла. Тито был телохранителем и известным убийцей — и разве можно ожидать, что человек, у которого самая большая в Майами — может, даже во всей Флориде — коллекция сушеных ушей, станет звонить в компанию «Бендер и сыновья», чтобы сделать заказ на поставку продуктов к ужину. Оставался Хуанито, и он занимался всеми этими делами. Что и делало его незаменимым.

Но о своей незаменимости знал только Хуанито. Дядя Ал считал его просто полезным. Давал ему сотню в неделю и полагал, что вознаграждение весьма щедрое. Что он оказывает племяннику большую услугу.

Так что Хуанито приходилось довольствоваться этой мелочевкой и выписывать счета слугам, механикам в гараже, садовникам, поставщикам продуктов. Ему исполнилось двадцать пять лет, и у него не было иного будущего, кроме того, чтобы продолжать шестерить для дяди Ала.

Найти выход из такого сложного положения помог ему Бендер. Тот самый лысый как бильярдный шар Бендер из компании «Бендер и сыновья», которому

перевалило за семьдесят пять и который ходил, опираясь на две палки, разговаривал на ломаном английском и заправлял всеми делами компании. Его сыновья лишь выполняли приказы старика.

Бендер встретился с Хуанито, когда тот выбирал в винном магазине «От А до Я», что на Алтон-роуд, новые сорта вин для дяди Ала. Старик пригласил Хуанито выпить и поговорить кое о каком деле. Итак, они зашли в бар «Руджейро» возле Линкольн-Молл, и Бендер не стал терять времени на лишние разговоры.

— Раньше мы всегда были вашими единственными поставщиками, — сказал Бендер, — а теперь вы все время обращаетесь к Вашенскому. Нет, я не жалею, у нас свободная страна, и каждый имеет право пользоваться услугами той компании, которая ему больше нравится. Просто я хотел узнать, в чем мы провинились.

У старого Бендера имелись достаточные основания, чтобы интересоваться такими вещами, потому что Гусман питал слабость к еврейской кухне. Такой человек — просто мечта для любого поставщика кошерной еды. Представьте себе заказчика, который тратит по две сотни долларов в неделю на римскую пастрами, цыплят в горшочках, фрикасе, маринады. Это так, на каждый день, а прибавьте еще сюда вечеринки, которые случаются не реже двух-трех раз в месяц.

— Не думаю, что вы в чем-то провинились, мистер Бендер, — ответил Хуанито. — Просто вы находитесь в Саут-Бич, а братья Вашенские — в Майами. Поэтому они быстрее доставляют нам заказы.

— Вы хотите, чтобы ваши заказы выполнялись еще быстрее? Я вам это обеспечу, — сказал Бендер. — Недавно я приобрел несколько новых фургонов и нанял водителей, которые ездят с сумасшедшей скоростью. А наши продукты вот уже двадцать семь лет отличаются превосходным качеством, и хотя мне не хочется говорить ничего плохого про моих конкурентов по бизнесу, братьев Вашенских, но всем известно, что их мацу даже нельзя назвать кошерной, потому что раввин, которого они держат в штате, реформист, а не ортодокс. Может, ты, Хуанито, и не

разбираешься в таких тонкостях, но твой дядя — настоящий знаток еврейской кухни.

— Ну, если будет время, я скажу ему о ваших словах, — произнес Хуанито.

— А что, ему все равно, кто поставляет продукты?

— Да, он поручает мне заниматься такими вещами.

— Послушай, — сказал Бендер, — раз вы наши особые клиенты и учитывая то, что мы стараемся расширить свою деятельность по продаже еврейских продуктов в латинских общинах, я готов предложить тебе скидку. Десять процентов от общей стоимости. Что скажешь?

— Отлично, — равнодушно ответил Хуанито.

— Эту скидку мы не будем указывать в чеках, — продолжал Бендер. — Там будет фигурировать вся сумма. А ты сможешь раз в неделю — или как тебе удобнее — приходить в нашу центральную контору на Артур Годфрей-роуд и получать разницу в цене наличными.

— Довольно удобно, — сказал Хуанито. — А расписку я буду отдавать дяде потом.

Бендер пожал плечами:

— Зачем усложнять жизнь такими мелочами? Я делаю эту скидку исключительно для тебя. Лично. Это будет наш маленький секрет. Я не стану распространяться. Ты же знаешь евреев — как только они узнают, что кто-то получает скидку, сразу потребуют того же. И дяде твоему об этом знать совсем не обязательно. Зачем ему это надо? Ведь ты занимаешься всеми закупками и платишь по счетам. Я просто буду отдавать деньги тебе. Десять процентов, нет, даже пятнадцать. Ты никому не скажешь, я никому не скажу, и все останутся довольны.

— Все, кроме братьев Вашенских, — сказал Хуанито.

— Вашенские заслуживают этого, потому что продают всякую дрянь под видом кошерной еды гоям, которые в этом абсолютно не разбираются. Кстати, чтобы у тебя не оставалось никаких сомнений по поводу моих добрых намерений, прошу принять небольшой аванс.

Бендер вытащил из бумажника два хрустящих стодолларовых банкнота, сунул их в руку Хуанито и прикрыл сверху своей рукой. Так все и началось.

Бендер открыл Хуанито глаза. Тот узнал, что вокруг полным-полно людей, которые хотели бы оказывать дяде Алу различные услуги. Ради этого они буквально из кожи вон лезли. Хуанито даже не требовалось ничего им говорить. В крайнем случае он небрежно ронял: «Я подумываю о том, чтобы передать заказ кому-нибудь другому» — и мгновенно получал солидную прибавку к своей зарплате. Но этого оказалось недостаточно. Чтобы поддерживать свой новый статус, ему приходилось тратить все больше и больше. И он стал искать пути, как еще заработать на дяде Але.

Поэтому Хуанито заинтересовался, когда один коротышка с севера, угостив его выпивкой в «Кафе дез Арт» на Саут-Бич, сказал, что готов платить большие деньги за любую информацию о дяде Але. От Хуанито требовалось только установить подслушивающее устройство, к которому прилагалась инструкция на английском и испанском языках, и подсоединить его к великолепному магнитофону «Сони», который дал ему коротышка.

Хуанито согласился. Это произошло два месяца назад. Он уже несколько раз звонил коротышке и сообщал о всяких незначительных изменениях в хозяйстве дяди Ала. Тот расплачивался наличными — стодолларовыми купюрами, — которые высылал до востребования на почтовый ящик Хуанито в Коконат Гров. И еще коротышка сказал, что за действительно интересную информацию он заплатит Хуанито гораздо больше.

Телефонный разговор с Фрамиджяном как раз и был такой интересной информацией.

В тот же вечер Хуанито направился в свое любимое кафе «Сорс» в Коконат Гров. Он подошел к телефону-автомату, набрал нью-джерсийский номер. Разговор — за счет абонента — длился лишь несколько минут.

Глава 17

Человек с пистолетом был одет в черную форму коммандос. Черного цвета вязаная шапочка оставляла открытыми только глаза. В руках он держал небольшой автоматический пистолет «Шкода» 22-го калибра — смертельное оружие в ближнем бою, — дуло которого смотрело в грудь Блэквелла. Он стоял в трех футах от Блэквелла и пружинисто подпрыгивал. На ногах у него были черного цвета кроссовки.

— Ну, сопляк, давай!

— Что-то я не в настроении, — ответил Блэквелл и отвернулся.

— Нет, ты смотри на меня, ублюдок! — завопил человек в черном, делая шаг вперед.

Как только он перенес вес на левую ногу, Блэквелл стремительно развернулся и, резко взмахнув рукой, ударил нападающего по запястью. Тот рванулся, пытаясь ускользнуть от Блэквелла, но не тут-то было. Блэквелл произвел захват и заломил ему руку за спину.

— Ну ладно, — сказал человек с пистолетом. — Нормально получилось. — Блэквелл отпустил его. — У тебя довольно неплохо получается прием с фронтальным разоружением. Играл когда-нибудь в бейсбол?

— Крайним слева, — ответил Блэквелл. — Но не очень хорошо.

— Лучше всего этот прием получается у баскетболистов. Они действительно умеют поворачиваться на месте. Но у тебя тоже неплохо вышло.

— А что, если бы пистолет оказался заряжен? Если бы ты действительно хотел меня застрелить?

— Разумеется, я бы тебя пристрелил, — ответил инструктор. — Но не забывай, я знал, какой прием ты станешь применять, потому что сам тебя ему научил. А другого человека ты точно застанешь врасплох. Так сказать, сработает элемент неожиданности. По крайней мере я на это надеюсь. Ладно, теперь иди к Скелли, он научит тебя некоторым приемам с ломом.

Они находились на покрытой матами платформе, расположенной посреди широкого поля. Неподалеку виднелись низкие здания ранчо, а на горизонте маячили снежные вершины гор. В голубом небе одиноко кружил ястреб. Каким только приемам тут не научился Блэквелл, прежде чем сдал зачет! А вон на том искусственном озере его обучали ездить на водных лыжах и управлять скоростным катером. На берегу озера размещался зал для тренировок с холодным оружием.

Оставляя за собой шлейф пыли, к Блэквеллу подъехал джип. За рулем сидел Фриц, один из младших инструкторов по использованию зонтиков в качестве оружия.

— Садись. Симмонс хочет видеть тебя.

Симмонс сидел в своем кабинете, который находился в главном административном здании. Одетый как всегда безукоризненно. Блестящий с отливом пиджак, узкий шелковый галстук черного цвета. Он расположился в кресле эпохи королевы Анны, а напротив сидел крупный мужчина с уродливым, но добродушным лицом.

— Поляк!

— Как дела, Фрэнк?

— Что ты здесь делаешь?

Поляк ухмыльнулся:

— Я когда-то тут работал.

— Но ты же сказал мне, что никогда не имел ничего общего с Охотниками!

— Я соврал.

— Так что же ты сейчас здесь делаешь?

— После того как мы с тобой расстались, я крепко задумался. И мне пришло в голову, что тебе может понадобиться надежный помощник. И, честно говоря,

мне уже порядком наскучило стоять за стойкой бара. Поэтому я вызвался быть твоим Наводчиком. Если ты, конечно, не против.

— Лучше него Наводчиков нет, — сказал Симмонс.

— Я и сам знаю, — сказал Блэквелл. — Разумеется, Поляк, я хочу, чтобы ты стал моим Наводчиком.

— Отлично, считаем, что этот вопрос решен, — сказал Симмонс. — Поздравите друг друга потом. А сейчас я расскажу, в чем заключается наш план. Времени осталось в обрез. Фрэнк, ты вылетаешь завтра в Ньюарк в одиннадцать утра.

— К чему такая спешка? — удивился Блэквелл. — Я тут уже шесть недель занимаюсь физкультурой, и вдруг мне куда-то надо срочно лететь.

— Помнишь, я говорил тебе, что должно открыться «окно» и нам нельзя упустить такую возможность? Так вот, оно открылось, но долго открытым оставаться не будет.

— Значит, пора за дело? — спросил Блэквелл.

Симмонс кивнул:

— Не раздумал еще?

— Есть небольшая неуверенность, — признался Блэквелл, — но я готов действовать, если вы приведете меня к тому парню и обеспечите шанс уйти живым после того, как я его убью.

— Пойдемте в соседнюю комнату. Я покажу вам карту и объясню все детали плана.

Часть третья

МАЙАМИ

Глава 18

Фрэнк Блэквелл прилетел в международный аэропорт Майами рейсом «Истерн Эйрлайнс» из Ньюарка. В своем наряде — темные очки на пол-лица, легкие брюки, кроссовки «Найк» и полосатая футболка — он мог сойти за туриста, частного детектива, террориста и даже за торговца рубашками. Зайдя в зал ожидания, он попал в мир искусственного освещения, кондиционированного воздуха и синтетической музыки. Спустившись по эскалатору, он направился в багажное отделение, где и получил свои вещи. Затем он подошел к стойке проката автомобилей «Херц», и там ему вручили ключи от машины, которую он заказал из Ньюарка — белого шевроле-кавалер с откидывающимся верхом и автоматической коробкой передач. Закинув вещи в багажник, Блэквелл выехал из сумрачного аэропорта на солнечные улицы Майами.

В городе было жарко и влажно, на голубой эмали неба висели облака, как приклеенные над горизонтом кусочки ваты. Блэквелл свернул на боковую дорогу, ведущую в Бискейн, а потом повернул на юг. На 37-й улице он въехал на стоянку «Терфрайдера» — нового пятиэтажного отеля из алюминия и стекла, построенного в виде пирамиды.

Вдоль подъездной аллеи отеля выстроились коридорные — все как на подбор в блестящих куртках

а-ля Майкл Джексон — демонстрирующие раболепие в наивысшей его форме. Они встречали подъезжающие машины, с поклоном открывали дверцы и, приветливо улыбаясь, приветствовали дорогих гостей, когда те проходили через двери из дымчатого стекла в куполоподобный холл «Терфрайдера». Внутреннее убранство отеля было выполнено в стиле мексиканского модерна. Посреди холла на бронзовом пьедестале возвышалась каменная копия ацтекского календаря в натуральную величину. Одну из стен занимали фрески Давалоса, изображающие крестьянский танец со шляпами. Гости в дорогой одежде курили сигары и белозубо улыбались. Все вокруг двигалось медленно и даже изысканно, как актеры в бродвейском мюзикле «Деньги под соусом тако».

В номере Блэквелла были высокие французские окна и балкон с видом на Бискайский залив. Он аккуратно распаковал багаж, принял душ и переоделся. Теперь на нем были светло-кремовые брюки, спортивного покроя рубашка и белый пиджак. Блэквелл позвонил портье и поинтересовался, нет ли для него каких-либо сообщений. Никаких сообщений не оказалось. Никто ему не звонил. Очевидно, рейс Поляка задерживался. Они взяли билеты на разные рейсы, руководствуясь соображениями безопасности.

У Блэквелла давно урчало в животе, к тому же ему хотелось немного размяться. Выйдя из отеля, он краем глаза заметил слева от себя подозрительное движение. Блэквелл не был абсолютно уверен, но ему показалось, что, как только он ступил на тротуар, кто-то вышел из-за толстой пальмы в кадке, стоявшей возле здания отеля.

Он повернул направо и двинулся в сторону 8-й улицы. Вечернее небо радовало глаз бархатной синевой. В небе желтела огромных размеров луна, заслоняемая черными силуэтами пальм. В Майами даже небо используется в качестве рекламы. Блэквелл повернул на 8-ю улицу, главную улицу Латинского квартала Майами. Трудно было определить, следил кто-нибудь за ним или нет. У Блэквелла имелись на этот счет подозрения, но точно сказать он не мог. Он знал, что ему пора привыкнуть к тому, что в даль-

нейшем частенько придется сомневаться по разным поводам. Неуверенность можно смело отнести к издержкам профессии. Уж слишком много народу толпилось вокруг, слишком много шума и жары.

За Блэквеллом увязался какой-то мужчина. Шуплый, темноволосый, невысокого роста, он зашагал рядом. В левой ноздре у него красовалось серебряное колечко, а одет он был в цветастую ковбойскую рубашку, перепоясанную кожаным ремнем с серебряными конchos — или как их там называют? Высокие, сшитые на заказ сапоги с острыми как иглы носками, дополняли наряд незнакомца. Красный шейный платок был перехвачен серебряным кольцом, инкрустированным бирюзой. Заметить его в толпе не составляло никакого труда.

Подмигнув Блэквеллу, он спросил:

— Эй, приятель, поразвлечься не желаешь?

— Вали отсюда, — ответил Блэквелл.

— Да ладно тебе, приятель. Меня зовут Эдди Лопес. Или просто Быстрый Эдди, как в кино.

Блэквелл подошел к ресторану с неоновой вывеской «Флоридита». С одной стороны тянулась стойка, с другой — располагались кабинки. В подобных заведениях обычно подавали тамали с черными бобами и сэндвичи с ветчиной и сыром, которыми вечером так любили полакомиться кубинцы. Блэквелл сел за столик в одной из кабинок. Лопес уселся напротив.

— Эй, друг, тебе нравится кубинский кофе?

— Лучший в мире.

Он заказал два кофе.

— Как тебе Майами? Если чего надо, спрашивай у меня, ладно? Не хочу показаться назойливым, но если тебе понадобится женщина или мальчик...

— Да ты что! — возмутился Блэквелл.

Лопес ничуть не смутился.

— Многим бизнесменам это нравится. Даже если они и не пользуются такими услугами, им нравится, когда у них об этом спрашивают.

— Полагаю, что и наркотики у тебя водятся.

— Конечно, приятель. самого лучшего в мире качества.

— Отлично. Что еще можешь предложить?

— Может, хочешь вложить на выгодных условиях деньги в строительство жилого небоскреба на Маратон Шорс? Через три года будешь владельцем шикарной квартиры.

— Быстрый Эдди, ты надоел мне своей болтовней.

— Ну что ж, как хочешь, — сказал Лопес. — Мы еще увидимся. — Он быстро встал и вышел из ресторана.

Лопес повернул направо, прошел квартал и остановился возле понтиака последней модели с работающим двигателем, припаркованного в неположенном месте. Лопес сел на заднее сиденье, и понтиак рванул с места. От сидевшего возле окна Блэквелла не ускользнула ни одна деталь. Это могло означать что-то важное, а могло вообще ничего не означать. Когда ты в чем-то не уверен, то трудно сделать какой-то вывод. Вернувшись в отель, Блэквелл обнаружил записку. Никаких имен. Только адрес.

Глава 19

Отель «Немо» находился в южной части Майами-Бич. Это было приземистое лимонного цвета здание с длинной деревянной верандой, на которой в креслах-качалках сидели пожилые люди. Пара куриц вяло копалась в куче мусора, впрочем, они, скорее всего, пришли сюда из «Нуэва Буэнависта» — отеля, что располагался по соседству. А в лазурном небе висело раскаленное солнце.

Управляющего на месте не оказалось. Но одна из пожилых женщин, сидевших на веранде в широкополой соломенной шляпе с надписью «Бермудский сувенир», подняла голову и спросила у Блэквелла, чем она может помочь.

— Мистер Поляк? Вчера вселился. — Ей больше ничего не оставалось делать, как следить за новыми гостями и запоминать, как они выглядят на случай, если к ней обратятся из полиции. — Такой здоровый мужчина с лысой головой и большим носом, да? Лицо у него в веснушках, так что вряд ли ему следует подставлять его солнцу. На нем гавайская рубашка красного цвета с черными силуэтами трех пальм на фоне желтой луны. У него комната на втором этаже. Номер двадцать три. Такой спокойный, вежливый. Это ваш брат?

— Просто приятель, — ответил Блэквелл.

— Я так сразу и поняла, — сказала старуха. — Он совершенно на вас не похож.

Блэквелл поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и прошел по узкому коридору, освещаемому

пятнадцативаттной лампочкой. Стены с облупленной штукатуркой напоминали кожу человека после сильного солнечного ожога. Вокруг царила атмосфера отчаяния, и пахло консервированным грибным супом «Кэмпбелл Голден Машрумз».

Блэквелл постучал в двадцать третий номер — дверь ему открыл Поляк. Крохотная комнатка едва вмещала кровать и два комода, на одном из которых стояла электрическая плитка. В углу приютился мини-аппаратный холодильник, годный разве что для охлаждения вина в достаточном количестве, чтобы напиться до полного забвения. В комнате стоял устойчивый запах кофе, виски и морских водорослей.

— Рад тебя видеть, — сказал Поляк.

— Что ты делаешь в такой дыре? — поинтересовался Блэквелл.

— Дело в том, что этот отель принадлежит моему дяде. Поэтому я останавливаюсь тут бесплатно.

— Даже бесплатно — слишком много за такие удобства.

— Может, ты и прав, — ответил Поляк. — Пойдем, я отведу тебя в кафе «Гелиогабалус», где нас накормят специальным завтраком.

— Но уже вторая половина дня, Поляк.

— Не беспокойся, они кормят специальным завтраком весь день.

Оранжевое освещение бросало тусклые блики на посетителей, средний возраст которых составлял примерно сто десять лет. Официантки, родившиеся в начале века, разносили сандвичи, устало шаркая ногами. Хозяин заведения по имени то ли Макс, то ли Гарри сидел в огромном потертом кресле возле кассового аппарата, радостно улыбаясь при звоне монет и недовольно морщась, когда Марезлитос роняла на кухне посуду. Вдоль длинной раздаточной стойки стояли металлические контейнеры, где под неплотно прикрытыми крышками прели листья тушеной капусты, куски говядины, ножки индейки и утиные потроха. Тут же стояло множество судков с подливой,

потому что нет ничего лучше подливки, чтобы хоть как-то протолкнуть в глотку зажаренное до смерти мясо.

Блэквелл заказал сэндвич с плавленым сыром, а Поляк попросил принести черный хлеб, несколько ломтей ветчины, тосты и кофе.

— Слушай, Поляк, что мы зря время теряем? Пора приниматься за работу. Где ты, черт возьми, пропадал все это время?

— К чему такая спешка, приятель? Не так уж часто приходится бывать в Майами. Да и куда нам торопиться?

— Я полагал, что у нас времени в обрез. Помнишь, ты говорил, что должно открыться «окно» и нам нельзя упускать такую возможность?

— Но мы всегда можем выкроить время, чтобы позавтракать и провести пару часов на пляже.

— А как насчет экипировки? — спросил Блэквелл.

— У меня в отеле.

— Может, нам сначала стоит ее проверить?

— Нет времени. Мы двинемся сегодня вечером. Это для тебя достаточно скоро?

— Да, вполне, — ответил Блэквелл. И почувствовал, как внутри у него все сжалось.

Глава 20

Вскоре после полуночи они взяли такси у перекрестка 67-й улицы и Индиан Крик-роуд. Там находилась одна из достопримечательностей Майами-Бич — таверна Нормана, уютный полуосвещенный салун с шахматными столиками в задней комнате. Над стойкой бара из темного полированного дерева висели литографии Домиера. Но главным образом заведение отличалось своей музыкой. Владельцы большинства ресторанов и кафе просто подключали к радиоточке динамик и потчевали посетителей не рассчитанной на изысканный вкус музыкой — завываниями типа «Я люблю тебя, бэби, йе, йе, йе!» или тому подобными произведениями, хотя и популярными, но начисто лишенными какого-либо интеллектуального содержания. Некоторые заведения, как, например, рестораны в Коконат Гров, пытались привлечь избранную публику при помощи старого испытанного джаза и диксиленда. Молодежные бары глушили подростков «тяжелым металлом». Только у Нормана можно было послушать игру на ситаре и турецкий прогрессивный джаз в исполнении «Стамбульской пятерки».

Завсегдатаями таверны Нормана были люди самые разные — от портовых грузчиков из Ки Ларго до «белых воротничков» из компании «Бэйкерс Холовер», промышлявших время от времени контрабандой. Короче, у Нормана можно было встретить кого угодно. И никого не интересовало, кто ты такой и чем занимаешься. Главное, чтобы ты выполнял основную заповедь — не поступать непорядочно по отношению

к Норману. А если кто и пытался это сделать, то бармен по кличке «Здоровяк Кэйт» обычно улаживал проблему в два счета. Сам же Норман, человек богемы, сидел в углу таверны, одетый в неизменные черную водолазку и узкие «Ливайс», и наблюдал за посетителями.

Норман вежливо поздоровался с Поляком, кивнул Блэквеллу, провел их к свободному столику и приказал принести два пива за счет заведения.

— Этот парень нас запомнит, — сказал Блэквелл.

— Норман знает обо всем, что происходит в этом городе, — ответил Поляк. — Но никому ни о чем не рассказывает. Где твоя сумка?

Они вошли в бар с огромными сумками из черного нейлона.

— Под столом.

— Хорошо. Теперь слушай меня внимательно...

Блэквелл полностью доверял Поляку. Но когда они окунулись в темные, маслянистые воды канала «Интеркостал Уотервей» в трех кварталах от таверны Нормана, надели маски и респираторы и отправились в полуторамильный подводный поход к сточной трубе, выходящей из дома Фрамиджяна с другой стороны Индиан Крик, Блэквелла впервые посетили сомнения.

Глава 21

Блэквелл плыл, стараясь не тратить зря силы. За собой он тащил водонепроницаемую сумку, в которой находилось его оружие, одежда, сигареты, мелочь и перочинный нож. Солоноватая вода противно пахла кофейной гущей. Жужжа, как гигантские насекомые, проезжали машины по проходившей неподалеку 79-й улице.

Блэквелл плавал довольно хорошо. Он держался позади Поляка, который, подняв голову над водой, мерными гребками двигался вперед. Мимо Блэквелла проплыла апельсиновая кожура и дохлая чайка. Затхлый запах водорослей, смешанный с вонью выхлопных газов, был таким привычным, что, казалось, его придумала сама природа-мать.

В одном месте ширина канала достигала почти полмили. Блэквелл пытался найти знакомые ориентиры, но это оказалось чрезвычайно сложно. Вдоль берега тянулась цепочка огней. В двадцати ярдах от них проплыла рыбацкая шхуна, откуда гремела рок-музыка. Блэквелл нырнул и оставался под водой до тех пор, пока шхуна не скрылась вдали.

Вода была теплой, а температура воздуха превышала двадцать пять градусов. Блэквелл ощутил то пьянящее чувство, которое возникает всегда, когда бездумно пускаешься в какую-нибудь опасную авантюру.

Мимо них проплыл катер, битком набитый пьяными подростками. Они снова нырнули, а потом продолжили свой путь. Вскоре они оказались около другого берега канала возле искусственных островков

Майами. Двигаясь в хитросплетении Нормандских островов, Блэквелл поражался способности Поляка ориентироваться в этом лабиринте. Все ответвления каналов казались Блэквеллу одинаковыми, как и дома на берегу за высокими живыми изгородями.

Внезапно Поляк остановился и жестом подозвал к себе Блэквелла.

— Что случилось? — спросил тот.

— Тут все такое одинаковое.

— Ты что, заблудился?

— Нет, я не заблудился. Просто немного потерял ориентировку. Тут следовало бы расставить дорожные знаки, которые можно разглядеть из воды.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, где мы находимся?

— Что ты, я знаю, но не совсем точно.

— И что же нам теперь делать?

— Думаю, лучше всего нам выйти на берег и спросить, какой это район.

На Нормандских островах, соединенных друг с другом дорогами и мостами, было тихо и безлюдно. Лишь кое-где за деревьями светились окна домов. Луна скрылась за облаками, и в сумерках было невозможно определить, что это за район. Поляк обнаружил пологий участок между двумя жилыми участками, и пловцы вылезли на берег.

Улица, на которой они оказались, заканчивалась тупиком. По обе ее стороны стояли автомобили. В окнах домов голубели блики телеэкранов. Приятели сняли ласты, маски, трубки, уложили их в водонепроницаемые сумки и зашагали вдоль улицы в поисках дорожных знаков или указателей. Улица петляла и извивалась под немыслимыми углами. Здесь было полно фонарей, но ни одного дорожного указателя.

Внезапно они заметили человека, шедшего им навстречу. Невысокого роста, в белых шортах и футболке, он вел на поводке собаку неопределенной породы. Увидев Поляка и Блэквелла, мужчина замер на месте. В черных прорезиненных костюмах, с огромными черными сумками за плечами, они были похожи на разведчиков людей-рыб, вступивших на

путь войны с человечеством. Мужчине невыносимо захотелось оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте, скажем, в каком-нибудь баре в Нагочосе, штат Техас. Он понял, что его часы сочтены, когда один из людей-рыб в мокром резиновом костюме подошел к нему и спросил:

— Простите, сэр, вы не скажете, как называется эта улица?

Услышав подобный вопрос, мужчина понял, что, как только он ответит этим двум психам в мокрых резиновых костюмах, они его тут же прикончат. И правильно сделают, потому что он сам в этом виноват. Какой же он идиот, что вышел из дому без своего кольта 45-го калибра!

— Это Си Грэйп-лайн, — выдавил он, ожидая самого худшего.

Почувствовав опасность, собака прижалась к его ногам и жалобно заскулила.

— Ага, — удовлетворенно сказал посланник людей-рыб. — Конечно же, Си Грэйп! А Фламинго-драйв, должно быть, слева, в двух кварталах отсюда.

— Правильно, — ответил владелец собаки. — Сразу же за Долфин Шорс.

— Так я и думал. Спасибо, мистер.

Двое психов в резиновых костюмах развернулись и зашагали туда, откуда пришли, — в сторону канала. А незадачливый владелец собаки помчался туда, откуда пришел он, то есть домой. Причем собака бежала впереди и тащила его за собой. Господи, когда двое сумасшедших в черных резиновых костюмах расхаживают по улицам и задают идиотские вопросы, следует поскорее вернуться домой, запереть все двери и зарядить кольт. А если собаке надо сделать свои дела, пускай делает их на ковре.

...На этот раз Поляк уверенно поплыл налево, затем повернул в правое ответвление канала.

— Все, приплыли, — сказал он Блэквеллу.

Тот высунул голову из воды и увидел на берегу дом за железным забором высотой не менее десяти футов. На заборе висела табличка: «Частная собственность. Охраняется компанией «Мидас Танเดอร์болт». Внимание! Забор под высоким напряжением». В зловещем

свете луны огромный дом на холме казался гигантским зверем, щиплющим траву на поле сражения.

— Ладно, — сказал Поляк. — Давай искать сточную трубу. — Натянув маску, он скрылся под водой. Через минуту вынырнул. — Мне нужна твоя помощь, Фрэнк. Посвети мне фонариком.

Они нырнули. При ярком свете водонепроницаемого фонаря Блэквелл увидел широкую трубу, отверстие которой было закрыто железной решеткой. Поляк вытащил из кармана отвертку и, поковырявшись несколько секунд, жестом велел Блэквеллу вынырнуть на поверхность.

— Что случилось? — спросил Блэквелл.

— Мне нужна крестовая отвертка.

— Я полагал, что ты захватил все необходимые инструменты.

— Откуда я мог знать, что эта штука прикручена крестовыми винтами?

— В моем перочинном ноже есть крестовая отвертка, — сказал Блэквелл. — Но нож в сумке.

— Ну и что? Доставай его скорее.

С помощью Поляка Блэквелл расстегнул молнию на нейлоновой сумке. Тухлая вода сразу же хлынула внутрь. Блэквелл отыскал перочинный нож и протянул его Поляку. Через несколько минут Поляк снял решетку со сточной трубы. После чего злоумышленники быстро проползли по довольно широкой трубе и оказались в открытом бетонном резервуаре на территории собственности Фрамиджана. Они вылезли наружу, проверили оружие и направились к дому, который возвышался перед ними, как молчаливый сфинкс.

Глава 22

С тех пор как Розалия, его жена-американка, ушла от него с двухлетней дочерью Ханной, Фрамиджян жил один в своем доме на Венецианском острове. Участок занимал площадь почти в целый акр и включал в себя пляж, тянувшийся на сто футов вдоль канала. Он был окружен забором из колючей проволоки, на котором крепились наисовременнейшие датчики. Густые заросли живой изгороди прятали забор от посторонних глаз. Возле дома располагался пятидесятиметровый плавательный бассейн. В саду между деревьями стояли мраморные скульптуры.

Хотя Фрамиджян слыл осторожным человеком, он не придавал большого значения вопросам безопасности. У него никогда не возникали трения с клиентами. Кому охота портить отношения с торговцем оружием, у которого полно влиятельных и могущественных друзей? Стены гостиной дома Фрамиджяна украшали абстрактные картины в стиле кубизма. На полках стояли книги в дорогих переплетах — «Классика Гарварда» и «Сто лучших книг». Лучи утреннего солнца преломлялись в графинах с редкими и дорогими сортами виски. В специальном помещении рядом с кухней хранились вина многолетней выдержки, которые сделали бы честь любому ресторану.

Фрамиджян, худощавый мужчина невысокого роста с круглой головой, покрытой коротко стриженными выющимися волосами с легкой сединой, зашел в гостиную. Он что-то весело напевал себе под нос. Часы показывали десять тридцать утра, время, когда

он обычно просыпался. На нем были шелковый халат голубого цвета и шлепанцы из мягкой кожи. На груди блестела старинная римская золотая монета на изящной цепочке венецианского плетения. Все торговцы наркотиками носили такие монеты в этом сезоне, и Фрамиджян не хотел отставать от моды.

Внезапно Фрамиджяну показалось, что в комнате что-то не так. Но он никак не мог понять, что именно. Все выглядело как обычно, и все же что-то было не так. Он мысленно принялся сравнивать, соответствует ли расположение вещей сегодня тому, как они располагались вчера относительно друг друга, стен, потолка, пола. Так ли они освещались лучами солнца, проникающими через висящие на окнах жалюзи.

Вот в чем, оказывается, дело! Что-то не так с освещением.

И тут Фрамиджян заметил, что венецианские жалюзи были слегка подняты. Совсем чуть-чуть, на дюйм или полтора, но достаточно для того, чтобы солнце могло проникнуть в ту часть комнаты, куда оно обычно не проникало. Мозг Фрамиджяна лихорадочно работал. Несомненно, в комнате находился кто-то чужой. И этот чужак наверняка явился сюда с нехорошими намерениями.

Переход от умиротворенного блаженства к панике произошел с молниеносной быстротой. На лбу Фрамиджяна выступили капли пота. Не больше секунды прошло с тех пор, как он заметил приподнятые жалюзи. Он понял, что необходимо что-то предпринять, причем таким образом, чтобы не выдать своих намерений пробравшемуся в дом чужаку. Фрамиджян заставил себя сделать еще один шаг вперед в комнату, которая внезапно превратилась в смертельную ловушку. В этот момент у него в голове созрел план. Он обернулся и хлопнул себя по лбу, как человек, который что-то забыл и собирается вернуться. Фрамиджян направился к выходу в коридор, где в ящике стола из темного ореха лежал магнум-357.

Вдруг он обнаружил у себя на пути человека в черном резиновом костюме для подводного плавания. В руке человек держал пистолет. Как, черт побери, он здесь оказался? Откуда-то появился еще один человек

в резиновом костюме. Чужаки бесшумно ступали по толстому ворсистому ковру. Фрамиджян испуганно заморгал, когда один из них, тот, что покрупнее, направил дуло пистолета прямо ему в лоб.

Фрамиджян открыл рот, но не смог произнести ни звука. Он упал на колени. Чужак уперся дулом пистолета в переносицу Фрамиджяну. Фрамиджян видел, как напрягся палец на спусковом крючке, как стал подниматься курок. Глаза Фрамиджяна наполнились слезами. Он не мог отвести их от пистолета. Его била крупная дрожь.

— Ради Бога, — с трудом произнес он, — дайте хоть прочитайте молитву.

Палец нажал на спусковой крючок.

Курок щелкнул по пустому затвору.

У Фрамиджяна подкосились колени, и он рухнул на ковер.

Кто-то потряс его за плечо.

— Не вздумай упасть в обморок, — сказал здоровяк. — Держи себя в руках, если хочешь остаться в живых.

— Хорошо, — поспешно согласился Фрамиджян, пытаясь бороться с желанием погрузиться в бессознательное состояние.

— Это была репетиция, — с серьезным выражением лица сказал здоровяк. Он вогнал обойму в рукоятку пистолета. — В следующий раз все будет по-настоящему. Понял?

— Да, — прошептал Фрамиджян, чувствуя, что его сердце готово выскочить из груди.

— Возможно, тебе удастся остаться в живых, Фрамиджян, — сказал здоровяк. — Но для этого тебе придется делать все так, как прикажут. Одно неверное движение, и ты — труп. Понял?

Фрамиджян кивнул, вытер слезы и попытался взять себя в руки. Его все еще била крупная дрожь, но здравый смысл подсказывал, что можно уже не опасаться за свою жизнь. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы голос не дрожал.

— Дайте мне подняться, — сказал он. Потом встал с пола и плюхнулся в мягкое кресло. — У кого-нибудь

найдется закурить? По-моему, у меня на столе лежат сигареты.

Здоровяк протянул ему пачку сигарет и зажигалку. Фрамиджян закурил. В голове у него звучали слова молитвы, но она уже вряд ли понадобится.

— Видите ли, — сказал Фрамиджян, — я реалист. И понимаю, что полностью в вашей власти. Скажите, что вам надо, и я с радостью это выполню. Ладно? — Никто ему не ответил. Фрамиджян продолжал: — Если бы вы захотели меня убить, то пристрелили бы еще раньше. Значит, вам требуется нечто другое. Что бы это ни было, я вам его отдам. Думаю, что если вам это понравится, у меня есть шансы остаться в живых. Зачем вам убивать меня, если я стану выполнять все, что вы захотите. Понятно, что я чертовски рискую, но другого выхода у меня нет. Что скажете?

— Неплохо, — пробормотал здоровяк.

— Вы ведь не грабите меня пришли?

— Правильно, — ответил тот, что помоложе.

— Но вам от меня что-то надо?

— Снова угадал.

— Так чем я могу вам помочь? — спросил Фрамиджян. — Что мне надо сделать?

— Моему другу необходимо встретиться с Альфонсо Гусманом, — ответил здоровяк.

Фрамиджяну понадобилась пара секунд, чтобы усвоить информацию. Затем он понял, что этим парням известно о намечающейся сделке. И существовала только одна причина, по которой им мог понадобиться Гусман.

— Это можно организовать, — сказал Фрамиджян. Он почувствовал себя гораздо лучше. Слава Богу, всегда находится какой-нибудь выход. — Пойдемте на кухню. Я сварю кофе, и мы обо все потолкуем.

Через полчаса, держа в руках чашку с дымящимся «эспрессо», Фрамиджян сказал:

— Итак, вы хотите прикончить Гусмана. Вот что нам надо сделать. Вы пойдете к нему как мой представитель. И договоритесь о времени и месте, где

он получит оружие и передаст деньги. Как вам это нравится?

— Неплохо, — сказал здоровяк. — Совсем неплохо.

— Тогда давайте как следует обдумаем все детали. Может, поставить еще кофе? Нам придется как следует пошевелить мозгами.

Фрамиджян мог приспособиться к любой ситуации.

Глава 23

Гусман позвонил ровно в девять вечера.

— Как дела? — спросил он.

— Все отлично, — ответил Фрамиджян. — Лучше и быть не может.

Дуло пистолета, который держал в руке здоровяк, упиралось Фрамиджяну в левый глаз. В свете настольной лампы Фрамиджян мог заглянуть в маслянистый черно-синий канал ствола, казавшийся ему туннелем в преисподнюю. Парень помоложе сидел в кресле с томиком Аристотеля в руках.

— Нам надо встретиться, — сказал Гусман, — и окончательно обговорить детали.

— Да, — ответил Фрамиджян. — Именно об этом я и думал. Я пришлю к тебе своего человека.

— Человека? — сразу же насторожился Гусман. — А почему сам не придешь?

Фрамиджяну пришлось быстро придумывать подходящий повод. Это нечестно, что ему не дали достаточно времени, чтобы сочинить правдоподобную историю. Надо было как-то выкручиваться.

— Мне придется полежать в постели несколько дней, — сказал Фрамиджян. — Слышал когда-нибудь про подагру?

— Что это такое? — спросил Гусман.

— Болезнь большого пальца ноги.

Будь у него побольше времени, Фрамиджян посмотрел бы в словаре, как подагра называется по-испански. Хотя и маловероятно, чтобы бывший начальник образцово-показательной тюрьмы в Манагуа знал название подагры на испанском языке. Вряд ли

ему приходилось с ней встречаться в период исполнения своих обязанностей.

— А.. Знаю, знаю. — Гусман иногда просто поражал своей осведомленностью.

— Это наследственная болезнь. У меня иногда случаются приступы. Вот и сейчас прихватило. Сижу в постели, держу ногу на подушках и пью лекарства. Придется проваляться дня три, а то и целую неделю.

— Жаль, конечно, — сказал Гусман.

— Но по телефону мы можем разговаривать в любое время. А к тебе я пришлю Фрэнка. Это муж моей сестры. Я доверяю ему, как самому себе. Вот увидишь, он тебе понравится.

— Откуда взялся этот Фрэнк? — спросил Гусман. — Ты никогда о нем не рассказывал.

— Действительно, не рассказывал. Он американец, но все время жил с моей сестрой в Хайфе. Блюл наши семейные интересы в порту.

— А по-английски он говорит?

— Разумеется, — сказал Фрамиджян. — Я же тебе сказал, что он — американец.

— Ты уверен, что на него можно положиться?

— На все сто, — ответил Фрамиджян. — Поэтому я и приказал ему вернуться в Америку и стать моим помощником.

— Ладно, — сказал Гусман. — Пришли его ко мне завтра к обеду.

Гусман повесил трубку. Фрамиджян тоже опустил трубку на рычаг, стараясь не звенеть наручниками, которыми он был прикован к трубе радиатора. Потом поднял глаза на Поляка.

Поляк слушал весь разговор по параллельному телефону.

— Молодец, — похвалил его Поляк. — Продолжай в том же духе, если хочешь остаться в живых.

— Я же пообещал, что выполню все ваши приказания, — сказал Фрамиджян. — Может, снимете с меня наручники?

— Я не хочу вводить тебя в соблазн.

— А как насчет ужина? — спросил Фрамиджян. — Ведь пленников полагается кормить? И потом, как мне ходить в туалет?

— Обсудим эти вопросы через пару минут, — ответил Поляк. — А пока мне следует кое о чем потолковать со своим напарником. Ты не против, если мы воспользуемся твоей столовой?

— Чувствуйте себя как дома, — сказал Фрамиджан, взмахнув скованными руками.

— Все в порядке, — сказал Поляк Блэквеллу. — Завтра ты обедаешь со своей Жертвой. Знаешь, как к нему добраться?

— Я взял напрокат машину, — ответил Блэквелл.

— Отлично. Теперь слушай меня внимательно. Мне кажется, будет совсем неплохо, если ты уже завтра сумеешь прикончить Гусмана. Скажем, после кофе. И после того, как получишь у него чек. А потом положишь чек в этот конверт и отошлешь его по почте.

На конверте был указан номер почтового ящика в Моррисоне, штат Нью-Джерси. Блэквелл сунул конверт в карман.

— Я как раз хотел у тебя спросить, — сказал Блэквелл, — каким образом мне его убить? Я ведь буду находиться на его собственной территории. Поэтому если я начну стрелять в него из пистолета, людям мое поведение покажется весьма подозрительным.

Поляк обиделся.

— Не забывай, кто у тебя Наводчик! Неужели ты думаешь, что я разрешу тебе пользоваться пистолетом в такой сложной ситуации? Ты пойдешь туда безоружным. А Гусмана убережешь при помощи одного нового способа. Тебе показывали трюк с дорожной картой?

— Мне так и не удалось пройти курс новых способов убийства, — ответил Блэквелл.

— Не имеет значения, все очень просто. Хорошо, что у меня есть с собой такая карта.

Порывшись в водонепроницаемой сумке, Поляк вытащил конверт, завернутый в промасленную бу-

магу. Надев перчатки, он открыл конверт и достал оттуда карту.

— Пока ничего не трогай. Вроде бы обычная дорожная карта графства Дэйд, правильно? А вот и нет. Один из краев карты острый как бритва. Весь трюк заключается в том, чтобы протянуть карту ничего не подозревающей Жертве и попросить показать то или иное место. Скажем, где находится Морской аквариум. Когда Гусман возьмет карту в руки, ты слегка дернешь за нее. Будто случайно. Край карты порежет ему палец. Такое случается каждый день, ничего особенного.

— Но в этом-то все и дело?

— Именно. Край карты пропитан веществом «Казак-3», новым советским ядом, который получают из блошиных экскрементов. Действие яда напоминает клиническую картину гриппа в сочетании с ипохондрией. Симптомы начинают проявляться только через несколько часов — так что ты сможешь спокойно уйти. В чем дело?

— Да я вот думаю, — признался Блэквелл, — что, наверное, невежливо убивать человека в первый день знакомства. Тем более после того, как он угостит меня обедом.

— Не беспокойся о манерах, — нахмурился Поляк. — Ведь ты — Охотник.

— Я знаю. Просто мне это ни с того ни с сего пришло в голову, — сказал Блэквелл.

— Сейчас выйдешь из дома и окажешься на 79-й улице. Там темно, и никто из соседей тебя не увидит. Возьмешь такси и вернешься в отель. Как следует выпишь: тебе предстоит трудный день. Запомни, убьешь Гусмана только после того, как он передаст тебе чек. Наша организация находится на самофинансировании. После убийства позвонишь мне сюда. Тогда мы придумаем, как действовать дальше.

Пока они обсуждали детали предстоящей операции, Фрамиджян нашел в ящике стола завалявшийся шоколадный батончик и принялся его жевать,

улыбаясь своим мыслям. Его похитители считали себя умными, но кое-чего не знали наверняка. Они понятия не имели, что в его спальне за специальной панелью находится мощный радиопередатчик. Они не знали, что каждую ночь ровно в двенадцать часов Фрамиджян должен посылать условный сигнал.

А раз они этого не знали, то откуда им было знать, что если Фрамиджян такой сигнал не пошлет, то кое-кому в Отер Бей это сильно не понравится.

И вот тогда начнется самое интересное.

Глава 24

Радиомачта была самым высоким строением в Отер Бей. Вращающиеся при помощи электрических моторов тарелки спутниковых антенн могли принимать сигналы со всего мира. Основной задачей станции являлся прием ежедневных сигналов из западного полушария от оперативников Багамской корпорации. Сигналы обычно посылались в виде концентрированных двухсекундных импульсов, которые нельзя было расшифровать без специального дешифровального оборудования. Эти ежедневные сигналы означали, что у оперативников все в порядке и дела идут по-прежнему. Отсутствие сигнала считалось чрезвычайным происшествием. Если кто-то не мог послать сигнал в установленное время, то он обязан был послать его ровно через два часа. Потом, на ежегодном региональном собрании, такому оперативнику приходилось подробно докладывать о причинах, которые помешали ему вовремя выйти на связь.

Когда в двенадцать ноль пять по местному времени от Фрамиджяна не поступило никаких сообщений, начальник радиоцентра проинформировал об этом самого директора Дала. Дал выждал положенное по инструкции время, а затем, как того требовали правила, позвонил в компанию, которая как раз занималась подобными случаями.

Провести расследование поручили оперативному агенту Мерседес Бранниган. Она как раз «закрывала» дело в Виктории, столице независимого государства Саламбак.

Глава 25

Представьте себя в огромном обеденном зале тропического ресторана, где все сделано из бамбука и ратанга. Лопasti вентиляторов под потолком медленно вращаются, разгоняя горячий, влажный воздух. Повсюду в кадках из застывшей вулканической лавы стоят экзотические растения тропиков — банановые и фиговые деревья. Между столиками бесшумно снуют официанты. По красным в черную полоску тюрбанам опытный путешественник сразу определит, что они — бажу, представители одной из народностей, населяющей эту часть Борнео.

Не так много лет назад они считались людоедами и охотниками за головами. Ходили слухи, что они промышляют этим и поныне. Хотя вряд ли правительство Саламбака, крошечного независимого государства, могло поощрять подобные наклонности. Зал почти пуст. Посетители — в основном люди пожилые. Это один из самых старых и дорогих ресторанов на восточном побережье. Не многие могут позволить себе обедать в таком заведении. Все сегодняшние посетители — оставшиеся в живых представители старой аристократии, которую уничтожили во время беспорядков, последовавших за свержением правительства два месяца тому назад и установлением нового режима во главе с Хитером Дьялом, свежеспеченным Вечным Президентом Североборнеоской Республики Саламбака.

А вот входит и сам Вечный Президент. На его пальцах — массивные золотые королевские кольца с огромными рубинами из Альтенбакских копей, что в

джунглях Саламбака. Кроме рубинов в Саламбаке немало других богатств. Например, редкие деревья, растущие во влажных предгорных долинах.

Бывшее правительство было довольно консервативным. Когда Дьял со своей разношерстной армией захватил королевскую казну, там еще оставалось немало золота. Революция началась так внезапно, что бывший премьер-министр не успел перевести все деньги на свой счет в швейцарском банке. Изрешеченный пулями, он остался лежать среди чековых книжек, когда его вертолет уже стоял с включенным двигателем на аккуратно подстриженной лужайке президентского дворца. Судя по тому, какими богатствами располагала страна, можно было предположить, что правительство выплатит все свои внешние долги, по крайней мере, срочные. Однако ничего подобного не произошло. Страна лежала в развалинах — так, по крайней мере, говорил новый президент всем кредиторам. Один из кредиторов — Багамская корпорация — потребовала объяснений, а потом послала на остров своего представителя, мисс Мерседес Бранниган, чтобы она разобралась что к чему.

А вот, кстати, и она. Потрясающей красоты женщина с иссиня-черными волосами, которые иногда встречаются у кельтов, и с оливкового цвета кожей, которая досталась ей в наследство от бабушки-испанки. Мерседес вошла в зал ресторана в безукоризненном льняном костюме белого цвета.

Хитер Дьял поднялся и поприветствовал ее. Президента вряд ли можно было назвать чистокровным даяком, так как некоторые его предки жили на Андаманских островах, другие обитали на Патане. В его жилах текла и британская кровь. Это объяснялось тем, что его прапрабабушка — отчаянная женщина, обожавшая приключения, — была маркитанткой у англичан во время второй афганской войны. Именно от нее Хитер Дьял унаследовал утонченные манеры.

— Моя дорогая мисс Бранниган! Или я могу называть вас Мерседес? Как я рад, что имею честь лично приветствовать вас от имени правительства и от своего имени. Мы пришли в такой восторг, когда

в нашем министерстве иностранных дел получили телеграмму, извещающую о вашем прибытии. Надеюсь, у вас не было никаких проблем с таможей?

— Абсолютно никаких, — ответила Мерседес. — Ваши люди даже не взглянули на мои чемоданы.

— Разумеется! Так и должно быть! Я же сказал людям из вашей корпорации, что на нашем черном рынке чудесно идут поддельные «ролексы». Можете рассказать об этом всем своим друзьям. Друг Багамской корпорации — мой друг.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответила Мерседес, искусно скрыв удивление. Надо же, президент думает, что может купить ее так дешево.

— Вы также можете привозить сюда любое количество валюты. Наркотики: как для своих нужд, так и на продажу. Наши подростки их охотно раскупают. К тому же их развелось столько, что если от ваших наркотиков кое-кто умрет, мы будем только рады. Надеюсь, что мои слова вас не шокируют.

— Ваше величество, — с легким отчаянием сказала Мерседес, — я приехала сюда не для того, чтобы торговать поддельными «ролексами» или наркотиками. Багамская корпорация подобными вещами не занимается.

— А я этого и не утверждаю, — ответил Дьял. — Я прекрасно знаю, что вы оказываете финансовую поддержку революциям. Надо признать, что я пришел к власти лишь благодаря вашей помощи. За что я, кстати, бесконечно вам благодарен. Просто если кто-то из ваших людей захочет подзаработать на стороне...

— Нам надо только одно, ваше величество, — твердо сказала Мерседес, — чтобы нам вернули ссуду, которую мы дали вам на приобретение оружия для ваших людей, установку подслушивающих устройств в президентском дворце и подкуп высших военных чинов.

— Разумеется, мы вернем вам деньги, — сказал Дьял. — Пришлите нам чек, и мы мгновенно его оплатим.

— Мы уже посылали вам чек, ваше величество.

— Разве?

— Не один раз, к тому же заказными письмами, в получении которых вы собственноручно расписывались. У меня в сумочке лежат копии расписок.

— Тут, наверно, какая-то ошибка, — с улыбкой заметил Дьял. — Вам же прекрасно известно, что я всегда держу слово.

— В этом нет никаких сомнений, — ответила Мерседес, — но Багамская корпорация всегда твердо придерживается своих правил. После того как третий чек возвращается неоплаченным, они посылают меня.

— И что же вы делаете, моя дорогая?

— Я закрываю счет.

Дьял криво ухмыльнулся, что придавало его плоскому лицу с узкими глазами весьма злое выражение. Он оглянулся и увидел на галерее второго этажа своих телохранителей и снайперов, державших Мерседес на мушке.

— Надеюсь, вы не собираетесь прибегать к насилию над моей персоной в моей собственной стране? — спросил Дьял. — Мои телохранители пристрелят вас, едва я шевельну пальцем. Вам не уйти отсюда живой, если вы попытаетесь меня убить.

— Не говорите глупостей, — возмутилась Мерседес. — Вы ведь заплатите по счету наконец?

— О, разумеется, как только мы закончим подсчеты. Самое позднее в конце недели вы получите свои деньги.

— Прекрасно, будем считать, что вопрос исчерпан. А теперь, может, закажем что-нибудь из тех блюд, которые готовит ваш шеф-повар? Честно говоря, это одна из причин, по которой я сюда приехала.

— Вы слышали о нашем шеф-поваре? — засиял от удовольствия Дьял.

— Конечно. Я читала о нем в журнале «Великие кулинары Азии». И мне всегда хотелось попробовать его коронное блюдо — диббелбиккер.

— Так вы и об этом знаете? — обрадовался Дьял. — Да, это самое лучшее блюдо нашей старой доброй каннибальской кухни. Сейчас мы, конечно, не употребляем в пищу человеческое мясо, однако существует множество замечательных блюд, которые можно приготовить с добавлением особых специй, чтобы

по вкусу они напоминали то, что мы ели раньше. Сургийный порошок, например, почти неотличим от мелконаструганных ногтей, а чтобы приготовить настоящее жаркое из метатарсов... Впрочем, как вы знаете, настоящие метатарсы давно уже вымерли. Это были такие зверюшки, похожие на небольших кабанчиков. Но мы и им нашли замену. Сравнительная филогения — такая замечательная штука, не правда ли?

— Очень интересно, — сказала Мерседес. — Ваш повар, должно быть, настоящий гений. По крайней мере, так утверждают все кулинарные журналы.

— Разумеется, он первоклассный специалист. Это единственный повар, который владеет секретом приготовления настоящего диббелбиккера. Многие мои соотечественники так никогда и не пробовали этого блюда.

— Почему?

— Потому что каннибализм под запретом, а продукты, заменяющие человеческое мясо, очень дороги. А вот и наш шеф-повар!

Пухленький человечек в белом халате и таком же белом колпаке подошел к их столику.

— Ваше величество, я счастлив приветствовать вас в нашем ресторане.

Мужчины обменялись серией сложных жестов, а затем приветливо кивнули друг другу.

— Ну как, угощение готово? — спросил Дьял.

— Возникли кое-какие трудности, — признался шеф-повар.

— Что за трудности?

— Сэр, я должен показать вам это лично.

И он повел заинтригованного президента на кухню. Мерседес осталась за столом одна. Он сидела, выпрямив спину. Так ее научили сидеть в детстве. Она посмотрела на галерею и увидела телохранителей, целившихся в нее из винтовок. Мерседес обратилась к одному из них на правильном даякском языке, правда, с небольшим замбонганским акцентом.

— Пожалуйста, направьте свои винтовки куда-нибудь в другую сторону.

На узкой галерее плечом к плечу стояли шестеро телохранителей. Все они были одеты в камуфляжную

форму и вооружены старыми «спрингфилдами» с ручным затвором. Самый высокий, с ремнем из акульей кожи, выдававшим в нем начальника, подозрительно посмотрел на Мерседес.

— Где босс? — спросил он тихим, бесстрастным голосом, и его пальцы сжались на прикладе «спрингфилда».

Это не укрылось от пронизательных глаз черноволосой женщины, сидевшей в двадцати футах от него во внезапно опустевшем зале ресторана.

— Босс сейчас вернется, — ответила Мерседес. — Он пошел в туалет.

На лице телохранителя отразилась напряженная работа мозга, ослабленного постоянным употреблением марихуаны и бетеля. Он пытался сообразить, как же ему следует вести себя в сложившейся ситуации. Возможно, в отсутствии босса нет ничего подозрительного. Он действительно мог захотеть в туалет. Но с другой стороны, когда босс шел в туалет, он всегда давал об этом знать, поднимая указательный палец. Что же делать?

В этот момент из кухни вышел шеф-повар, держа огромную супницу, из-под крышки которой распространялись ароматы какого-то необычного мясного блюда, приготовленного с лимонным соусом и корицей.

— Друзья мои, — обратился он к шестерым телохранителям, — благодаря чудодейственным современным микроволновым печам и скороваркам, я имею честь предложить вам стать первыми даяками вашего поколения, которым посчастливится отведать легендарное блюдо наших предков — самый настоящий диббелбиккер. — Он кивнул в сторону стола, накрытого на шесть персон. — Спускайтесь с галереи и наслаждайтесь угощением. А затем вы можете обменяться рукопожатиями с моим братом Эрноном, нашим новым президентом.

Из кухни вышел Эрнон, невысокий, лысоватый человек с радостной улыбкой на лице. Он приветственно помахал всем рукой. Телохранители смекнули, что произошла смена власти. Они, конечно, могли отомстить за президента Дьяла и перестрелять

всех присутствующих — такая мысль действительно пришла им в голову, — но они достаточно быстро пришли к выводу, что лучше продемонстрировать свою лояльность новому режиму. К тому же они всегда мечтали попробовать блюда настоящей канни-бальской кухни. Они со сдержанной радостью выкрикнули заздравную в адрес нового президента Саламбака и спустились в обеденный зал.

Эрнон, брат шеф-повара, с благодарностью пожал руку Мерседес.

— Мы вам чрезвычайно признательны, мисс Бранниган. Вы помогли нам избавиться от этого тирана Дьяла.

— Я обязана была поступить подобным образом, — ответила Мерседес. — У нашей компании чрезвычайно строгие правила. Ссуды должны выплачиваться в установленные сроки. Нам все равно, откуда должник берет деньги, — главное, чтобы он заплатил. Только так можно заниматься нелегальным бизнесом, но Дьял забыл об этом правиле.

— Он полагал, что в его собственном ресторане ему ничто не может угрожать, — улыбнувшись, заметил Эрнон.

— Пусть это станет предупреждением для всех, — сказала Мерседес. — Не думайте, что я имею в виду вас, но никому не позволено шутить с Багамской корпорацией.

— Но ведь я вам уже заплатил, — поспешно сказал Эрнон. — Помните, я выписал вам чек в офисе?

— Конечно, — ответила Мерседес. — Вам не о чем беспокоиться.

— Может, вам надо доплатить? — спросил Эрнон, доставая чековую книжку. — Так сказать, за хлопоты.

— Не стоит, — ответила Мерседес. — Я не могу принимать деньги для себя лично. Я — представитель Багамской корпорации, и мы берем лишь то, что нам причитается.

— Да благословит вас Аллах, — сказал Эрнон. — Вы присоединитесь к нам?

Мерседес отрицательно покачала головой:

— Нет, спасибо, Дьял и так уже надоел мне по горло.

Эрнон вежливо поклонился. В этот момент в зал вбежал рассыльный.

— Мисс Бранниган! Для вас телеграмма!

Мерседес разорвала конверт и прочитала: «Прибыть в сектор "танго чарли два" срочно».

На сборы Мерседес понадобилось лишь несколько минут. Дело было закончено. В роли оперативного агента Багамской корпорации за последние два года ей пришлось побывать в самых невероятных уголках земного шара. Сейчас ей приказали прибыть на Багамы. Она не почувствовала никакого возбуждения. Когда твоя работа заключается в том, чтобы убивать людей, постепенно это занятие приедается, и теряешь к этому всякий интерес.

Глава 26

В огромном лазурном небе Багам появился небольшой гидросамолет, жужжащий, как гигантский комар.

— Отер Бей прямо под нами, — сказал пилот, поворачиваясь к Мерседес.

Его звали Джеффри Блэр, и он работал летчиком в «Соуки Филд», одном из частных аэропортов Нассау. Мерседес наняла его для перелета на остров.

Она посмотрела в потрескавшийся пластиковый иллюминатор. Внизу, на морщинистой голубизне океана виднелся островок, залитый ярким карибским солнцем. По форме он напоминал креветку.

— Длина семь с половиной миль, ширина две мили, — сообщил Блэр. — Искусственная гавань глубиной десять футов.

Самолет описал круг над поросшей мангровыми зарослями южной оконечностью острова, и Мерседес увидела длинное приземистое здание, окруженное высокими кокосовыми пальмами. Рядом виднелось несколько бунгало и хозяйственные постройки.

— Надеюсь, у вас есть приглашение, — сказал Блэр. — Тут не особо жалуют чужаков. Это частное владение.

— Знаю, — ответила Мерседес.

— Странное место, — продолжал пилот. — Тут, вроде, собрались ученые со всего света. Наверно, здесь какой-то мозговой центр?

— Вроде того, — сказала Мерседес.

— И вы тоже такой работой занимаетесь?

— Иногда.

— Ничего себе занятие — сидишь себе целый день и думаешь, — сказал пилот. Чувствовалось, что сам

он этим занимается крайне редко. — Везет же людям. Никаких тебе забот, да?

— Как в башне из слоновой кости, — подтвердила Мерседес.

Блэр приземлился на небольшую посадочную полосу возле бухты. Чардар, непальский микропалеолог из гималайского отделения компании, встречал Мерседес возле трапа. Он взял у нее багаж и отвел в главное здание. Стоя на веранде, они наблюдали, как самолет поднялся в небо и скрылся в его безграничных просторах.

— Давайте я покажу вам свое удостоверение, — сказала Мерседес.

— Мне это ни к чему, мисс Бранниган, — ответил Чардар. — Мы вас ждали. Возможно, доктор Дал захочет взглянуть на него.

— А где доктор Дал?

— Он проводит заседание проектного комитета. Проводить вас к нему?

— Нет, я не хочу ему мешать. Может, я смогу подождать доктора Дала в его апартаментах?

— Разумеется. Сюда, пожалуйста, — сказал Чардар.

Главное здание Багамской корпорации представляло собой длинное строение, одну часть которого занимали рабочие кабинеты, а вторую — жилые комнаты с террасами и видом на океан. На берегу стояло несколько пляжных домиков. Доктор Дал проживал в пятикомнатных апартаментах. Мерседес сняла строгий деловой костюм и надела купальник, который выгодно подчеркивал ее фигуру. Плавательный бассейн, расположенный прямо возле веранды, притягивал ее как магнит. Она раздвинула стеклянные двери и направилась к бассейну. Она никогда не упускала возможности поплавать между убийствами.

Полевой агент, сотрудник поддержки — называйте его как хотите — всегда играет исключительно важную роль в любой нелегальной организации. Сна-

чала Багамская корпорация нанимала для грязной работы людей, так или иначе связанных с преступными кругами. Но результаты не оправдывали ожиданий. Преступники не имели никаких идеологических принципов, а для такой идеалистической организации, как Багамская корпорация, это имело большое значение.

Тем более что не только они могли выполнять такую работу. Секретное исследование, проведенное Багамской корпорацией, показало, что некоторые весьма уважаемые члены научного сообщества вполне были способны на любое преступление, если оно совершалось ради благой цели. Как Мерседес.

Англичанка по происхождению, она получила образование сначала в Кембриджском, а затем в Оксфордском университете. Затем Мерседес продолжила учебу в США и Канаде. Это была активная молодая женщина со спортивной фигурой, любившая быструю езду на спортивных машинах и стрельбу из автоматического оружия. В секретном научном центре Багамской корпорации досконально изучили ее досье. Было принято решение установить с ней контакт при первом же удобном случае.

И такой случай представился летом. Мерседес отправилась на один семестр в Италию, для изучения изящных наук в Римском университете. Именно там она познакомилась с Артуром Селкиром, лауреатом Нобелевской премии в области астрофизики и одним из руководителей секретного научного центра. Встреча, казалось, произошла случайно, однако Селкирк организовал ее самым тщательным образом. Во время разговора с Мерседес Селкирк отметил в ней такие положительные качества, как бесстрашие и отвага, честность и воспитанность, честолюбие и самообладание.

Во время следующей встречи Селкирк обрисовал ей цели Багамской корпорации, объяснил, в чем будет заключаться ее работа и предложил шестьдесят две тысячи в год.

— Разумеется, это только начало, — сказал он. — Мне весьма неудобно, что приходится называть такую смехотворную цифру, но устав нашей компании пре-

дусматривает испытательный срок в течение года для всех новых сотрудников. А потом мы платим им столько, сколько они действительно заслуживают.

— И сколько же они могут заслуживать? — поинтересовалась Мерседес.

— Как говорится, пределов не существует. Не так уж и легко найти исполнительного работника, который может убивать людей, когда ему прикажут, и к тому же хорошо воспитан и умеет разговаривать на безукоризненном английском.

— Я хочу внести свой вклад в спасение Земли, — сказала Мерседес. — Где мне расписаться?

С тех пор прошло почти три года. Она прошла курс обучения сначала в Женеве, потом стажировалась в лондонском отделении компании в Кингсбридже. Ее первые два задания заключались в том, чтобы оказывать поддержку Кристал Картер, самой беспощадной убийце восьмидесятых годов. Они жили вместе в небольшой квартирке на улице Алле в Париже. Мерседес тогда не пришлось никого убивать: Кристал сама любила нажимать на спусковой крючок.

А потом Кристал погибла в случайном дорожно-транспортном происшествии, когда возвращалась домой после бойни в Малаге. И основным полевым оперативником стала Мерседес. Успешное завершение дела на Борнео упрочило ее авторитет в Багамской корпорации. А теперь Мерседес предстояло убить кого-то в Майами. Довольно большая ответственность лежала на плечах этой двадцатичетырехлетней женщины.

Дал встретился с ней возле бассейна и объяснил ситуацию. Багамской корпорации необходимо было узнать, что случилось с их торговцем оружием Ицхаком Фрамиджяном, почему это случилось, и сделать так, чтобы подобного больше никогда не повторялось.

Мерседес познакомилась с досье Альфонсо Гусмана. Ее также снабдили списком людей в Майами, которые могли оказать помощь в случае необходимости. Дал посоветовал ей отправиться в Нассау на

почтовом самолете завтра утром, а оттуда вылететь в Майами рейсовым самолетом одной из коммерческих авиакомпаний. Но у Мерседес оказались другие планы.

— Я воспользуюсь моторной лодкой, которая стоит возле причала.

— Вряд ли это разумно. Гольфстрим в это время года непредсказуем.

— Не беспокойтесь. Я справлюсь с любыми неожиданностями.

Через два часа, когда уже сгущались сумерки, Дал помахал рукой Мерседес, отплывавшей из бухты на моторной лодке. Мерседес рассчитала, что если ей не будет мешать встречный ветер, то часам к десяти утра она доберется до Майами.

Глава 27

Быстрая и легкая моторная лодка легко рассекала океанские волны. В ночном небе зажегся Орион, с темных гребней волн слетала пена и приятный запах соленой воды. Сквозь облака проглядывала желтая луна.

Войдя в Гольфстрим, Мерседес взяла курс на север. Как приятно находиться одной в безбрежных просторах океана! Перед рассветом она увидела огни Флориды. Скоро Мерседес поняла, что находится на уровне Бэйкер Хэлувер, то есть чуть выше Майами. Она ошиблась в расчетах миль на десять и пропустила Майамский пролив. Развернувшись, она направила моторку на юг и к полудню приблизилась к проливу. Но там постоянно сновали взад-вперед грузовые суда. Она продолжила путь на юг и вошла в Бискайскую бухту через Медвежий пролив. Затем обогнула южную оконечность Вирджиния Ки, пересекла бухту и причалила к пирсу яхт-клуба Форбса в Силвер Блафф, чуть севернее Диннер Ки Марина.

Мерседес прошла в кабинет управляющего и заплатила за место у причала. Потом взяла напрокат машину в агентстве «Авис» и направилась в Коконат Гров, где у Багамской корпорации имелся собственный дом.

Первым делом Мерседес включила кондиционер, затем приняла душ и переоделась в элегантное платье с открытой спиной. После чего позвонила Фрамиджану.

— Фрамиджан слушает, — ответил ей голос в телефонной трубке. — Кто это?

Мерседес молча положила трубку на рычаг и нахмурилась. Потом подошла к бару и приготовила джинс с тоником.

Фрамиджян не вышел на связь в положенное время. Он также не предпринял никаких попыток установить контакт с Багамской корпорацией в следующие двадцать четыре часа. Однако он дома и отвечает на телефонные звонки. Вывод: если это действительно был Фрамиджян, значит, кто-то держал пистолет возле его виска. Человек, который ничего не знал о радиосигналах.

Именно для этого и служили радиосигналы. Теперь ей предстояло выяснить, что происходит и кто это все устроил. А потом принять необходимые меры.

Мерседес достала список адресов в Майами, пробежала его глазами, а затем позвонила Антонио Альваресу. Представившись, она вкратце объяснила, что ей необходимо.

Глава 28

Антонио Альварес жил в шикарной квартире на крыше небоскреба в Брикле возле Элис Вэйнрайт-парк, а бизнесом занимался в ночном клубе «Тропикабана», что на 17-й улице.

Он подъехал к клубу на своем порше-912, приказал швейцару припарковать машину, швырнул кашемировое пальто гардеробщице и на лифте поднялся в личный кабинет.

Антонио Альварес не был похож на утрюмых усатых гангстеров, орудовавших в этих местах два десятка лет тому назад. Альварес родился в Майами и считался стопроцентным американцем, хотя его родители были родом из Гондураса. Он вырос в бедном районе Хайлах, где компании подростков проводят время не под фонарями на углах, а под пальмами. В шестнадцать лет он примкнул к банде Пепито Браги «Лос компанерос де ла муэрте»*, состоящей в основном из молодых кубинцев, которые ради утверждения своего авторитета прибегали к жестоким формам насилия. Когда Брага погиб во время пьяной разборки с каким-то залетным machetero из Гватемалы, Альварес стал правой рукой Педро Гутьереса-Флореса, толстого и жизнерадостного убийцы из Мексики, работавшего на Анхеля Паса и терроризировавшего в течение нескольких лет центральноамериканскую общину в Южной Флориде.

Некоторое время дела у Альвареса шли гладко, но затем началась война между враждующими груп-

* Друзья смерти (исп.).

пировками в Майами. Гутьереса обнаружили мертвым в перевернувшейся машине, лежавшей в канаве возле 144-й авеню. Полиция сразу же отмела версию о самоубийстве — напичканное свинцом тело Гутьереса лежало в багажнике автомобиля.

А затем и Анхель Пас закончил свою недолгую карьеру. Его нашли повешенным на железных воротах Малекона, после того как он неудачно съездил в Гавану. Видя, как стремительно развиваются события, Альварес решил больше не испытывать судьбу. Внезапно ему захотелось изменить образ жизни и заняться не такими опасными делами. И когда Багамская корпорация предложила ему бросить свои гангстерские игры и заняться более солидными и, что самое главное, безопасными делами, Альварес с радостью согласился.

Альварес был худощавым мужчиной невысокого роста со смуглой кожей. Длинные бакенбарды и аккуратно подстриженные усы придавали его лицу приятное выражение.

Он отодвинул стенную панель, чтобы следить за тем, что происходит на сцене «Тропикабаны». Молодые девушки исполняли номер «Я улетаю в Рио», и Альварес некоторое время наблюдал за ними, напевая себе под нос. Затем достал из кармана платиновую коробочку с кокаином и через полую страусиную косточку вдохнул приличную дозу. Потом нажал на кнопку звонка.

Манитас да Кордоба, щуплый человечек со скорбным выражением лица, вошел в кабинет в своей неизменной белой гуайабере — украшенной вышивкой рубашке навыпуск. Он работал в «Тропикабане» вышибалой и время от времени выполнял поручения Альвареса. Альварес объяснил ему, какую задачу им предстоит выполнить. Кордоба сказал, что можно приступить к делу немедленно, только сначала надо переодеться в рабочие комбинезоны.

Глава 29

Около часу дня возле дома Фрамиджяна остановился старенький пикап с надписью «Ремонт телефонных линий». Из него вышли двое мужчин в синих комбинезонах и с кожаными сумками на ремнях, из которых торчали плоскогубцы и отвертки. Один из них надел «кошки» и взобрался на телеграфный столб. Пока его напарник следил за дорогой, первый мужчина достал небольшой, но мощный бинокль и навел его на дом Фрамиджяна. Со столба он мог рассмотреть гостиную Фрамиджяна, окна которой выходили на канал.

Детально рассмотреть комнату ему мешали полуопущенные жалюзи. Минут пять он наблюдал, но, услышав предупреждающий свист напарника, спрятал бинокль и принялся орудовать инструментами. Когда почтовый фургон скрылся за поворотом, он снова достал бинокль и в течение пятнадцати минут наблюдал за домом Фрамиджяна. После чего спустился вниз.

— Что ты там увидел? — спросил Альварес.

— Не очень много, — ответил Кордоба, — но самое главное, я видел Фрамиджяна.

— Ты уверен?

— На все сто.

— А кого еще видел?

— Больше никого.

— Отлично, — сказал Альварес. — Ты отлично поработал.

— Но я видел, — продолжал Кордоба, — что Фрамиджан с кем-то разговаривал.

— Ты видел, с кем именно?

— Нет.

— А ты уверен, что там был кто-то еще?

— Да, — если, конечно, Фрамиджян не репетировал речь перед зеркалом.

Подумав, Альварес покачал головой:

— Нет, Фрамиджян никогда не произносит речи. Молодец, Манитас. Теперь нам надо позвонить.

Часть четвертая

ПОДГОТОВКА УБИЙСТВА

Глава 30

Мужчина, спустившийся на лифте в подземную штаб-квартиру Охотничьей организации в Нью-Джерси, выглядел весьма представительно. Темно-синий костюм с красной искрой сидел на нем безукоризненно. Его отличительными чертами были седые волосы и длинная — почти четыре дюйма — окладистая борода. Но на бороду не стоило обращать внимания, потому что, оказавшись внизу, мужчина тут же отцепил ее и спрятал в кейс.

Симмонс вышел к лифту как раз в тот момент, когда посетитель закрывал медные застежки кожаного кейса.

— Сенатор Баренжер! — воскликнул Симмонс. — Как я рад вас видеть! Пойдемте в мой кабинет.

Он провел Баренжера по коридору в свой кабинет, где дорогая мебель гармонировала с обоями мягких зеленых тонов.

— Чем обязан такой чести? — спросил Симмонс.

Баренжер потер ладонью лицо, чесавшееся от клея, на котором держалась фальшивая борода.

— Я жду не дождусь, когда уже можно будет обходиться без этого маскарада, — заметил он.

— К сожалению, сейчас это необходимо, — сказал Симмонс. — Что подумают избиратели, если увидят сенатора от штата Иллинойс здесь, в самом сердце

нелегальной организации? Что-нибудь выпьете, сенатор?

— Немного ирландского виски, — ответил Баренжер. — Говорите, нелегальной организации? Да, Охотничья организация до сих пор вынуждена действовать нелегально, и все это благодаря чертовым либералам из Вашингтона. Но скоро все изменится, Симмонс. Помяните мое слово. Последние опросы населения свидетельствуют о том, что люди по всей стране сыты по горло ситуацией, когда всякие там террористы убивают ни в чем не повинных людей. Граждане этой страны хотят радикально изменить такое положение — они хотят убивать сами. Законное убийство — вот что требуется нашим соотечественникам. Наше время не за горами.

— Мы стараемся, чтобы это время наступило как можно быстрее, — сказал Симмонс. — Хотя и нелегально, но Охота идет полным ходом.

— Я как раз и пришел сюда, чтобы посмотреть, какого прогресса вы достигли за последнее время, — сказал Баренжер. — Мои коллеги и друзья из коалиции «Конгрессмены за свободное убийство» хотят убедиться, что Охотничья организация действует согласно утвержденным планам.

— Могу вас заверить, что мы руководствуемся исключительно вашими планами. Давайте пройдем в ситуационную комнату, и вы увидите это своими глазами.

Они вышли из кабинета, и Симмонс провел сенатора по коридору в просторный зал, уставленный рядами компьютеров. Экраны на стенах выдавали различную информацию. На огромной карте мира мигали разноцветные огоньки.

— Это Охотничья карта мира, — пояснил Симмонс. — Первоначально мы отмечали лампочками каждую Охоту. Но потом, когда число Охот возросло с двух десятков до пяти сотен, мы решили кое-что изменить. Теперь мы используем лампочки с разной степенью освещенности для обозначения интенсивности. Вот здесь вы можете увидеть соотношение индексов убийств среди Охотников и Жертв. Информация обновляется каждый час. А вот это спе-

циальный список необъявленных Охот против террористов и главарей отрядов смерти. Так сказать, наша гражданская обязанность.

Сенатор Баренжер принялся рассматривать табло с особым вниманием. Его взгляд остановился на Майяма, где горела одна-единственная зеленая лампочка.

— А это что за Охота? — поинтересовался он.

— Один из наших людей охотится на известного убийцу — мистера Альфонсо Гусмана.

— Рад, что вы решили покончить с этим негодяем. А что означает желтый огонек, который только что появился рядом с зеленой лампочкой?

Симмонс с удивлением уставился на желтую лампочку.

— Желтый цвет, — медленно произнес он, — означает, что Жертве послали уведомление об Охоте.

— А мне казалось, что вы не уведомляете убийц о том, что на них объявлена Охота.

— Это действительно так. — Симмонс поджал губы. — Произошла ошибка. Простите, сенатор, мне надо выяснить, что случилось. — Быстрым шагом Симмонс направился к узлу связи. Подняв трубку, он приказал: — Соедините меня со Стивенсоном. Быстро!

В трубке щелкнуло, и через пару секунд Симмонсу ответили.

— Стивенс слушает.

— Стивенс, проверьте ваш файл на Охоту номер 32224А.

— Минутку, сэр. Так... вроде все в порядке. Хотя, подождите...

— Жертве послали уведомление.

— Да, сэр. Это действительно так.

— Как вы это можете объяснить? Я ведь приказал действовать строго по инструкции. Вы же знаете, что эти профессиональные убийцы действуют безжалостно. Если им становится известно, что на них охотятся, наши Охотники лишаются последнего шанса на победу.

— Я знаю, сэр. Это либо саботаж, либо чья-то ошибка.

— Кто программировал эту Охоту?

— Бвитинс, сэр. Вызвать его?

— Я разберусь с ним потом. А вы проверьте все остальные Охоты самым тщательным образом. Может, у нас еще есть возможность каким-то образом перехватить уведомление. — Он положил трубку на рычаг, а затем снова вызвал оператора. — Соедините меня с Бвитинсом из почтовой службы Охоты.

Через несколько секунд ему ответили.

— Уведомление 32241В уже ушло? — спросил Симмонс.

— Думаю, что да, сэр.

— Его уже вручили получателю?

— Думаю, что еще нет, сэр.

— Слушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы это уведомление немедленно отменили.

— Отменили? Но письмо уже в пути.

— Речь идет о жизни одного из наших Охотников, — спокойно произнес Симмонс. — Вы должны перехватить письмо до того, как его доставят по адресу.

— Понял, сэр, — сказал Бвитинс. — Сделаю все, что в моих силах. Какую степень насилия я могу применить при исполнении вашего приказа?

— Вплоть до третьей, — ответил Симмонс. — Не выясненные обстоятельства.

— Понял, сэр, — хмуро отозвался Бвитинс. — Приступаю к действиям.

Симмонс обернулся к Баренжеру.

— Сенатор, я рад, что вы заметили ошибку. Надеюсь, у нас достаточно времени, чтобы ее исправить.

— Мне пора возвращаться в Сенат, — сказал Баренжер. — К великому сожалению, мое время истекло. Но я хочу сказать, что здесь, в этой истинной цитадели свободы, работают поистине замечательные люди.

— Мы делаем все от нас зависящее. — скромно ответил Симмонс.

Как только сенатор ушел, Симмонс поспешил к Мастеру Охоты. Он ворвался к нему, даже не постучав.

— Зачем? — спросил он.

Мастер Охоты сидел с непроницаемым лицом.

— Чашку чая? — предложил он Симмонсу.

— Перестаньте, — нетерпеливо сказал Симмонс. — Я же знаю, что это ваших рук дело. Вы приказали Бвитинсу отправить Гусману письмо. Почему?

— Так надо, — ответил Мастер Охоты. — Чтобы поторопить события.

— Надо для кого? Уж не для Блэквелла ли?

Мастер Охоты прищелкнул языком.

— Несомненно, это доставит Блэквеллу немало неприятных минут. Но Поляк присмотрит за ним.

— А с какой целью понадобилось торопить события?

— Скоро ты сам это увидишь. Наш самолет готов к вылету?

— Конечно. А куда мы летим?

— Не надо задавать сразу так много вопросов, — сказал Мастер Охоты. — Просто будь все время начеку. Мы можем отправиться в путь в любую секунду. Так как насчет чая?

Глава 31

В пять часов вечера какой-то пьяница или псих умудрился пробраться в раздевалку 512-го отделения связи в Ньюарке. Двум бригадам добровольной пожарной службы Ньюарка пришлось сражаться с огнем, потому что в раздевалке вспыхнул пожар. После того как пожар удалось погасить, обнаружили, что кто-то украл мешок с почтой, пришедшей из северной части Нью-Джерси.

...Бвитинс быстро пропустил мешок с почтой сквозь инфракрасный сканнер. Сортировочная машина надрывно гудела, пропуская письма через кожух сканнера. Когда процесс закончился, Бвитинс выругался. Нужного документа, помеченного невидимым магнитным кодом, в мешке не оказалось. Он снял трубку телефона и позвонил своему агенту в Майами.

Альберт Гирс почти три года работал почтальоном в Южном Майами. Гирсу нравилось разъезжать на голубом джипе с надписью «Почтовая служба США». Каждый день он развозил по адресам почту второго класса и всегда имел при себе баллончик с газом, чтобы отпугивать собак — заклятых врагов каждого почтальона. Ничем особенным он не выделялся. И это придавало еще больше таинственности факту его исчезновения в Западном Майами. А вместе с ним пропал и мешок с почтой. Каких только теорий не существовало на этот счет! Но почему-то никто не обратил внимания на самую существенную деталь — Гирс пропал сразу же после того, как доставил почту в резиденцию Гусмана.

А если кто и задумался над таким обстоятельством, то вряд ли смог сделать рациональный вывод, не имея остальных ключей к разгадке таинственного исчезновения Гирса. А именно: кто-то хотел помешать доставке почты в резиденцию Гусмана, но опоздал всего на пять минут.

Глава 32

— Всего хорошего, сэр!

Блэквелл сунул портье чаевые и сел в машину, которую подогнали прямо к подъезду отеля. Руль так накалился от солнца, что к нему невозможно было притронуться, но портье догадался включить кондиционер, и прохладный воздух уже начал циркулировать в салоне. Пристегнувшись ремнем, Блэквелл тронулся с места и выехал на Брикел-авеню. По обе стороны улицы возвышались высокие здания из стекла и алюминия, перемежающиеся с королевскими пальмами. Следуя дорожным указателям, Блэквелл без труда нашел нужный поворот и выехал на 6-е шоссе. Вскоре позади остались Коконат Гров и Корал Гэйблз. За 72-й улицей начался район Южного Майами. Выехав на 55-ю авеню, Блэквелл свернул на Твин Лэйкс-драйв. В конце тупиковой улицы за высоким забором из металлической сетки виднелось огромное приземистое здание.

Блэквелл подъехал к воротам, назвал охраннику свое имя и сказал, что у него имеется приглашение. Охранник куда-то позвонил, получил разрешение и открыл тяжелые ворота из кованого чугуна. К главному зданию вела длинная подъездная аллея, по обе стороны которой росли высокие пальмы. Здоровяк с непроницаемым лицом молча кивнул Блэквеллу и жестом указал, где припарковать машину.

Дом Гусмана, уродливое сооружение кораллово-розового цвета, стоял на пятиакровом участке, обнесенном высоким забором с самыми современными датчиками охраны. Вдоль забора бегали черные до-

берманы. В испаноговорящей общине этот дом называли Розовым дворцом дона Альфонсо. В нем сочетались черты архитектур всех времен и народов, начиная от древнегреческой и кончая современным европейским стилем. С разных сторон Розовый дворец напоминал французское шато, английскую усадьбу, испанский колониальный особняк и итальянский средневековый замок. Без преувеличения его можно было назвать музеем исторической архитектуры.

Тито открыл входную дверь, быстро обыскал Блэквелла и пропустил в дом. В просторном холле уже ждала одетая в черно-белую форму горничная, которая повела Блэквелла дальше. Он пошел за ней по длинному сводчатому коридору, явно позаимствованному у Борджиев, и оказался возле огромного плавательного бассейна.

В цветастом шезлонге полулежал мужчина. Его смуглая кожа блестела от лосьона и пота. Узкое прямоугольное лицо наполовину закрывали зеркальные очки в дорогой оправе «Гуччи». Издали он напоминал фигурку индейца, вырезанную из железного дерева.

Альфонсо Гусман был невысоким, мускулистым мужчиной с широкой грудью, заросшей седыми волосами. На темно-коричневой коже блестели капельки пота. Рядом с ним сидели трое мужчин. Один, высокий и стройный, в легких белых брюках и расстегнутой до пояса белой рубашке. Другой, средних лет толстяк с усталым морщинистым лицом с черными бандитскими усами, был одет в шелковый халат с вышитыми на спине драконами. Третий, юноша с курчавой головой, неуверенно улыбался. И, конечно же, здесь была Мерседес, невообразимо красивая в своем бледно-желтом купальном костюме.

— Рад вас видеть, мистер Блэквелл. Это мои друзья — Диего Гарсия и Чако. А это Мерседес Бранниган, друг семьи.

Мерседес мило улыбнулась.

— Хотите чего-нибудь выпить? — спросил Гусман.

— Минеральной воды и побольше льда, — ответил Блэквелл.

Гусман щелкнул пальцами.

— Хуанито, сбегай.

Юноша вскочил, кивнул Блэквеллу и направился к бару под тентом.

— Пойдемте, я покажу вам свои владения, — пригласил Гусман.

Дон Гусман обожал свой дом, потому что ему нравилась экстравагантность. К тому же ему льстило, когда гости восхищались его поместьем. Он всегда начинал экскурсию с гостиной, где показывал друзьям обширную коллекцию стрелкового оружия. Рядом с гостиной располагался тир, где Гусман мог продемонстрировать свои незаурядные способности в стрельбе из любого вида оружия. Но больше всего он любил свой плавательный бассейн с удобными шезлонгами, где он мог отдохнуть с друзьями, попивая прохладные коктейли, куря кубинские сигары («Табак вне политики», — часто говаривал Гусман) и вспоминая о старых добрых временах.

Когда они вернулись к бассейну, Гусман сказал:

— Обед подадут через пару минут. Может, хотите чего-нибудь нюхнуть? Эй, Хуанито, живо принеси сюда перуанского кокаина «Император Инка» и заверенный чек на миллион долларов, из которого мы сделаем трубочку. Видите, амиго, у нас тут все на высшем уровне.

— Я пас, — сказал Блэквелл. — Никогда не употребляю наркотики перед обедом.

— Мы пообедаем внутри, — сказал Гусман, — в так называемом лане (ланай — крытая гавайская веранда). Мне хочется узнать ваше мнение о моем шеф-поваре. А вот и моя жена. Сейчас я вас познакомлю.

Катерина Гусман была высокой, стройной женщиной с бледным не улыбчивым лицом, одетой в длинное серое платье. На груди у нее висело распятие из слоновой кости. Ее матовая кожа свидетельствовала о том, что она, мягко говоря, недолюбливала яркое солнце и компанию тех, кто любил позагорать. Ее строгая осанка резко контрастировала с вальяжными позами собравшихся здесь любителей вина, табака и острой латиноамериканской пищи и словно напоминала о грядущем дне Страшного суда. Она на

мгновение коснулась руки Блэквелла холодными пальцами, взглянула в его глаза фанатичным взглядом, прошептала «*Timor mortis conturbat me*»^{*} — и, развернувшись, пошла прочь.

— Она очень набожна, — пояснил Гусман. — Ну ладно, пойдемте есть.

— А разве сеньора к нам не присоединится? — спросил Блэквелл.

Гусман отрицательно покачал головой:

— У нее свои дела.

Гусман повел всех в ланай. Своей походкой он напоминал Блэквеллу игуану. Гусман был похож на карикатурного генерала из какой-нибудь центрально-американской страны, но Блэквелл внезапно вспомнил, что этот кофейного цвета коротышка со смешными усами и тщательно зачесанными волнистыми волосами когда-то командовал бригадой-432, которую после бойни у Тунбунку называли Бригадой негодяев. Потом Гусман возглавил «Грингитос де Соледадес», отряд смерти в Тегусигальпе, а затем три года был начальником образцово-показательной тюрьмы в Манагуа, о которой ходили такие страшные слухи, что даже Комиссия ООН по правам человека не верила в их правдоподобность.

Хоть Гусман казался со стороны забавным, следовало помнить, что ему не раз приходилось смотреть смерти в глаза, и справиться с ним будет не так-то и просто. Блэквелл потрогал свернутую дорожную карту, лежащую во внутреннем кармане пиджака.

Ланай оказался просторной комнатой с затененными жалюзи окнами и бамбуковой занавеской у входа. Гусман уселся в кресло, стоявшее во главе стола, посадив Блэквелла по правую руку. Мерседес села слева. Потом расселись Эмилио, Хуанито и остальные гости: профессор экономики из Парагвая — невысокий бородатый мужчина в очках, — и его жена, щуплая смуглая женщина с растрепанными волосами. Диего Гарсия и Чако уселись на противоположном конце стола.

^{*} Страх смерти тревожит меня (лат.).

Сначала подали салат из крабов с майонезом и зеленью, потом раков по-креольски с чесноком, красным перцем, соусом пири-пири и ломтиками манго. Затем настала очередь джамбалайи с пюре из ново-орлеанского картофеля и миниатюрными початками отваренной кукурузы. После принесли салат из креветок с горчичным соусом. Лимонный пирог оказался таким вкусным, что Блэквелл не удержался и положил себе второй кусок. Затем, как обычно, последовали кофе, бренди и сигары.

После кофе парагвайский профессор с женой отправились отдохнуть, сразу же после них поднялись из-за стола Эмилио и Хуанито, а через пару минут их примеру последовали Гарсия и Чако. За столом остались только Блэквелл, Гусман и Мерседес. Хотя Блэквелл чувствовал тяжесть в желудке, он знал, что это не мешает ему совершить убийство. Разумеется, после того, как он получит чек.

Поднявшись, Гусман обратился к Блэквеллу:

— Может, прогуляемся немного по саду? Ты уж извини нас, дорогая.

...Блэквелл и Гусман шли по тропинке ухоженного сада. Белое солнце висело на джинсово-голубом небе. Они подошли к искусственному пруду, постояли немного на мостике, выполненном в японском стиле, и полюбовались плавающими внизу золотыми рыбками.

— Теперь можно и поговорить, — сказал Гусман. — Когда я получу оружие?

— Завтра вечером, — ответил Блэквелл.

— Где?

— Надеюсь, у вас есть грузовое судно?

— Да. «Эспириту де Гуанохуато» в порту Эверглейдс.

— Завтра вечером на него погрузят оружие.

— Откуда оно?

— Это уже мое дело, мистер Гусман.

— Но мы раньше не имели общих дел, мистер Блэквелл, — заметил Гусман. — Хочу вам напомнить, что этот груз имеет для меня особую ценность. О цене мы договорились. Я хочу получить хороший товар.

— Само собой разумеется.

— Не совсем. В этом городе полным-полно нечестных людей. Они могут пообещать вам что угодно.

Но смогут ли они прожить достаточно долго, чтобы потратить полученные деньги, — в этом я глубоко сомневаюсь.

— Это угроза, мистер Гусман?

— Ни в коем случае. Я просто хочу предупредить, что на вашем пути могут встретиться нечестные люди. А теперь, я полагаю, вы хотели бы получить деньги?

— Мистер Фрамиджан сказал, что это обычная процедура.

Гусман сунул руку в карман и достал конверт. Открыв его, он вытащил чек. Блэквелл заметил, что чек на сумму девять миллионов долларов был выписан на получателя.

— Я полагал, что речь шла о двадцати миллионах, — сказал он.

— Здесь только половина. Остальное вы получите завтра.

— Но девять миллионов — это не половина от двадцати, — заметил Блэквелл.

— Я ведь должен получить свои комиссионные, — ответил Гусман. — Разве я этого не заслуживаю?

Блэквелл ничего не знал о комиссионных и о том, что ему выплатят лишь половину суммы. Когда же ему убивать Гусмана — сейчас или потом? Наверное, сейчас. Пора приступать к трюку с картой. Сложив чек, он засунул его во внутренний карман пиджака.

— Что ж, мне пора идти, — сказал Блэквелл. — Извините, что так быстро, но у меня куча дел.

— Конечно. Я прекрасно вас понимаю. Приходите завтра вечером. Я устраиваю большую вечеринку. Будет полно еды, выпивки, женщин, наркотиков, музыки и веселья. Тогда и получите вторую часть суммы.

— Идет, — ответил Блэквелл. — Может, вы покажете мне дорогу? — Он вытащил из кармана отравленную карту.

— Разумеется. Куда вы собираетесь поехать? — спросил Гусман, протягивая руку к карте.

— К Морскому аквариуму, — ответил Блэквелл. — Я слышал, там потрясающие дельфины. Я от них просто балдею.

Прежде чем Гусман успел дотронуться до карты, другая рука взяла ее у Блэквелла. Рука в длинной белой перчатке. Рука Мерседес.

— Морской аквариум? Вы должны были проезжать мимо, когда направлялись сюда из Майами. Это вот здесь. Вы действительно интересуетесь рыбами, мистер Блэквелл?

— О да, — поспешно ответил Блэквелл. — Но больше всего мне нравятся дельфины.

— Я как раз туда еду, — сообщила Мерседес. — Можете следовать за моей машиной.

— Прекрасно, — сказал Блэквелл.

И с облегчением вздохнул при мысли, что ему не придется убивать Гусмана прямо сейчас. Вдруг действительно завтра надо будет забрать оставшиеся девять миллионов.

Блэквелл осторожно взял карту из рук Мерседес. И они вместе направились к машинам.

Глава 33

Служанка убрала со стола остатки обеда. Проследив за этой процедурой, Эмилио пошел за почтой. Она всегда лежала на изящном небольшом столике из красного дерева в центральном холле возле полой слоновьей ноги, в которой стояли зонтики. Эмилио бегом просмотрел конверты. Как всегда, пачка счетов. Это для Хуанито. Предвыборные листовки от различных политических кандидатов и проспекты новых ресторанов. В мусор. На столике лежало еще одно письмо в твердом ворсистом конверте кремового цвета. Оно выглядело официальным, и каким-то европейским. Без обратного адреса.

Эмилио, служивший адъютантом Гусмана в карательном отряде смерти в старые добрые времена, а теперь исполняющий обязанности телохранителя, взял письмо мозолистыми пальцами. Должно быть, каким-то шестым чувством старый ветеран учуял опасность, потому что встряхнулся, как мокрый пес, прикусил нижнюю губу и только после этого понес письмо хозяину.

Дон Альфонсо сидел в старинном деревянном кресле в своей любимой оружейной комнате с тяжелой от похмелья головой и распухшим от постоянного нюхания кокаина носом. Он взял кремового цвета конверт и нахмурился. Затем при помощи штык-ножа вскрыл конверт и достал сложенный листок бумаги. Письмо оказалось коротким:

«Сим официально извещается о присвоении вам статуса Жертвы в Охоте № 23441А.

Желаем удачи.

Охотничий комитет».

— Эмилио! — заорал Гусман.

Эмилио прибежал из соседней комнате, где терпеливо ждал, когда Гусман позовет его.

— Прочитай, — сказал Гусман, — и скажи, что все это значит?

Глава 34

Сидевший в машине Альварес поднял телефонную трубку.

— Откуда вы мне звоните?

— Из Морского аквариума, — ответила Мерседес. — До этого у меня не было никакой возможности добраться до телефона. Что там происходит?

— Пока все тихо. Фрамиджян в доме. Я видел его пару раз и уверен, что там есть кто-то еще. Только я пока не знаю, кто именно. Манитас сидит на телеграфном столбе и пытается рассмотреть, что делается внутри. Мы лазим туда по очереди. Слушайте, я без сигарет, а тут поблизости нет ни одного киоска. Долго нам еще тут торчать?

— Пока не узнаете, что происходит в доме.

— У меня вечером свидание. Я могу на него опоздать!

— Забудь о свидании. Багамская корпорация платит тебе достаточно за то мизерное время, в течение которого мы тебя используем. Будете наблюдать за домом до тех пор, пока не выясните, что там происходит.

Альварес повесил трубку и мысленно выругался. И как это он забыл бросить в бардачок пару пачек сигарет? А как быть с Лолой Мартинес, которой он сегодня назначил свидание?

Вдруг краем глаза он заметил какое-то движение. Повернувшись, Альварес увидел женщину, направляющуюся в сторону дома Фрамиджяна. Альварес был уверен, что она пройдет мимо, но женщина подошла к двери.

«Кто она такая и что тут забыла?» — подумал Альварес.

Глава 35

— Бью восьмеркой, — сказал Фрамиджян.

Он со звоном положил карты на стол. Это звенела цепь, которая была пропущена через наручники и крепилась к ножке стола.

— Сукин сын! — воскликнул Поляк. — Как тебе удается все время меня обыгрывать?

— Я, приятель, родом из Майами, — сказал Фрамиджян. — А у нас в Майами самые лучшие игроки в джин-рамми. Но у вас тоже неплохо получается.

— Спасибо большое, — ответил Поляк. — Итак, я тебе уже должен четыре сотни.

— Шесть сотен, — уточнил Фрамиджян. — В последней сдаче мы удвоили ставки.

— Просто я засыпаю, — сказал Поляк. — Сколько я уже не сплю? Двадцать часов.

— А ваш молодой напарник надежный парень?

— Конечно. Просто он новичок. Не такой крутой профессионал, как я.

— Что ж, надеюсь, так оно и есть на самом деле. Только почему он не звонит? В этой игре, как я понимаю, наши интересы совпадают. Неужели вы думаете, что я целую вечность смогу водить за нос своих друзей, рассказывая неправдоподобную историю о мнимой болезни, которая приковала меня к постели?

— Именно таким неправдоподобным историям люди верят чаще всего. Поверь моему опыту, мне не раз приходилось брать заложников.

— Ну если вы так в этом уверены. — Фрамиджян пожал плечами. — Слушайте, а может, я дам вам

взятку, и мы прекратим весь этот балаган? Миллион и сто тысяч. И вечная дружба Ицхака Фрамиджяна. Ну как?

— Заманчивое предложение, — ответил Поляк, — и я бы принял его с благодарностью. Но, увы, не могу.

— Почему?

— Потому что я никогда не изменяю своим принципам, — с гордостью заявил Поляк.

— Ну почему же мне всегда так не везет, — вздохнул Фрамиджян. — Еще партию сыграем?

— Конечно. Сдавай.

— Мне трудно сдавать в наручниках.

— Ничего, у тебя неплохо получается, — ответил Поляк.

Фрамиджян потянулся за картами и вдруг замер. Поляк тоже весь напрягся. Они услышали, как в замке поворачивается ключ.

— У кого есть ключи от твоего дома? — требовательно спросил Поляк.

— Ни у кого. Разве что...

Дверь распахнулась. В комнату вошла невысокая грудастая женщина в ярко-зеленом костюме и с рыжими волосами.

— Розалия! — воскликнул Фрамиджян.

— Я не могла больше выносить одиночества, — сказала Розалия. — Ты ведь знаешь, я до сих пор люблю тебя. Что это за тип?

— Так, приятель, — ответил Фрамиджян.

— Если это твой приятель, то почему ты сидишь в наручниках?

— Это у нас такая игра.

— Понятно, — ответила Розалия. — Ты что, не рад меня видеть?

— Розалия, крошка, я вне себя от радости. Ты ведь знаешь, что я все время просил тебя вернуться. Но, видишь ли, сейчас не очень подходящий момент. Тебе бы следовало сначала позвонить. Я тут — как бы тебе объяснить? — улаживаю одно дельце.

— В наручниках?

— Забудь ты про эти наручники. Мы просто играем в такую игру. А где Ханна?

— С моими родителями.

— Передай ей, что я ее очень люблю. Я закончу с этим делом, и тогда мы снова соберемся все вместе.

— Ты сказал, что, если я вернусь, мы начнем новую жизнь!

— Так оно и будет. Дай мне только закончить с этим делом.

— Но именно так все и было в прежней жизни!

— Розалия, почему бы тебе не прийти ко мне как-нибудь в другой раз?

Розалия не могла понять, что происходит с Фрамиджяном. Он вел себя как-то странно. Раньше он всегда говорил при ней о всех своих делах. Она посмотрела на сидящего напротив Фрамиджяна мужчину. Высокий, широкоплечий, с неприветливым лицом. Что-то в нем было необычное. Да, он выглядел слишком угрожающе. Потом перевела свой взгляд на наручники. Что это за игра у них такая?

Что-то здесь не так, решила Розалия и внезапно поняла, что эта мысль должна была прийти ей в голову еще пять минут назад.

Но лучше поздно, чем никогда.

— Ну ладно, было очень приятно познакомиться, мистер как-вас-там, — сказала Розалия. — Простите, что пришла так некстати. Вернусь попозже.

— Нет, вы никуда не пойдете, Розалия, — наконец принял решение Поляк. — Присоединяйтесь к нашей компании. В карты сыграем. Как насчет подкидного? Мы можем играть втроем.

— О чем это вы? — удивилась Розалия.

И тут увидела в его руке пистолет.

С минуту все помолчали, выражая свое уважение оружию.

— Давайте сделаем так, — сказала наконец Розалия. — Я забуду обо всем, что тут видела. Я не сделаю ничего такого, что могло бы принести вред Фрамиджяну.

— Садись, Розалия, — приказал Поляк.

Розалия посмотрела на Фрамиджяна. Тот пожал плечами и слабо улыбнулся. Она перевела взгляд на Поляка. Он был похож на одного из тех негодяев, которые запросто могут пристрелить даже ребенка. Розалия подошла к креслу и села.

— Зря я не послушала свою мамочку, — пожаловалась она Поляку. — Она всегда советовала мне держаться подальше от Фрамиджяна. Говорила, что он умрет рано и не своей смертью. А я, такая дура, не послушала ее.

— Розалия, все будет хорошо, — сказал Фрамиджян.

— Ты играешь в подкидного? — спросил у нее Поляк.

— Нет, — ответила она. И вздохнула. А затем улыбнулась вымученной улыбкой. — Но я могу научиться.

Розалия была нервной женщиной, но отходчивой.

Глава 36

Зазвонил телефон. Фрамиджян снял трубку.

— Фрамиджян слушает, — произнес он согласно полученным инструкциям.

— Я хочу поговорить с другим парнем, — сказал Блэквелл.

— С каким еще другим парнем?

— С тем, который рядом с тобой.

— А кто вы?

— Я был с ним вчера вечером.

— Ах, с тем парнем! Видите ли, ваш друг ушел за пиццей, но сказал, что скоро вернется.

Блэквелл удивился. Неужели Поляк сошел с ума? Но тут он услышал глухой звук, как будто кого-то стукнули по голове, и тут же раздался голос Поляка:

— Как дела, малыш? Не пришел его?

— Не смог. Но завтра мне представится такая возможность на вечеринке, которую устраивает Гусман.

— Где ты сейчас?

— В Коконат Гров с одной дамочкой по имени Мерседес. Думаю, она тоже в этом деле замешана, так что мне надо ее проверить.

— Давай, — сказал Поляк. — Тебе все равно нечего делать до завтрашнего вечера. А я буду играть в подкидного с Фрамиджяном и Розалией.

— Кто такая Розалия?

— Жена Фрамиджяна. Нашла время мириться.

— Какой у нас план?

— Встречаемся в восемь у меня в «Немо». Там и обговорим все детали.

Глава 37

Блэйк и Коэлли подъехали к федеральному зданию пятого округа, расположенному на Флэгер-стрит, 346.

Сидевшая за секретарским столом мисс Эусташио нажала кнопку интеркома.

— Они здесь, сэр.

— Пускай зайдут, — приказал Дикерсон, пытаясь скрыть нетерпение.

Он положил свежий номер журнала «Коллекционер-антиквар» в ящик стола из железного дерева.

Предстояло серьезное дело.

Дикерсон был новым окружным директором оперативного отдела ЦРУ в Южной Флориде, и его владения простирались от Форта Лорендаль до Ки-Вест. Плотный сложенный, он всегда носил белые костюмы и панаму с загнутыми полями. Его агенты постоянно бились об заклад, роль какого героя пытается играть их шеф. Блэйк полагал, что он старается изобразить Уолтера Хьюстона из фильма «Сокровища Сьерра-Мадре», где Хэмфри Богарт чистит туфли Хьюстону и выпрашивает у того мелочь, а Хьюстон кидает ему серебряный доллар и велит больше никогда у него ничего не кланчить. А потом Богарт на этот доллар покупает лотерейный билет и на следующий день выигрывает деньги, которых хватает, чтобы отправиться в горы на поиски золота вместе с Тимом Холтом и Уолтером Хьюстоном, где его в конце фильма убивают индейцы, когда богатство было уже почти рядом.

Дикерсон действительно носил с собой серебряный доллар и иногда глубокомысленно подкидывал его на

ладони, когда надо было принять важное решение, например, куда отправиться ужинать.

Никто не знал, пытается он подражать Уолтеру Хьюстону или нет, потому что никто не состоял с директором в достаточно дружественных отношениях, чтобы спрашивать его об этом.

Дикерсон не относился к тем людям, которые поощряют фамильярность.

— Что вам известно об Альфонсо Гусмане? — спросил он.

Дикерсон был новичком в этом оперативном районе. Его недавно перевели из Феникса, где он долго мучился, прежде чем запомнил длинный список испанских имен. А теперь здесь, в Майами ему опять надо зубрить новые испанские имена, не говоря уже о гаитянских.

— Гусман — один из наших людей. Он служил в Национальной гвардии при Сомосе. У него до сих пор хорошие контакты с антисандинистскими отрядами в Центральной Америке. Он покупает для них оружие.

— С нашей помощью?

— Разумеется, сэр. Такова была политика вашего предшественника, сэр, мистера Брайфорта, а он получал приказы от кого-то из Белого дома. А что, сэр, у Гусмана какие-то неприятности?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить, — сказал Дикерсон. — Только что мне позвонили из дома Гусмана.

— Сам Гусман, сэр?

— Нет, один парнишка. Он сказал, что звонит из телефонной будки. Разумеется, мы прослушиваем тот телефон. По крайней мере, мой предшественник установил там подслушивающее устройство, а у меня все никак руки не доходят, чтобы убрать его оттуда.

— И что сказал этот парнишка? — спросил Блэйк.

— Он хотел поговорить с тобой. Очевидно, один из твоих информаторов. Я сказал, что тебя нет на месте и что он может оставить свое сообщение мне.

— Мне не хотелось бы выглядеть невежливым, сэр, но никому не разрешается разговаривать с информаторами кроме самих агентов.

— Если этот агент находится на месте. Почему ты не носишь с собой бипер?

— Я ношу, сэр, — сказал Блэйк. — Но я как раз покупал себе новый бипер. Дело в том, что «Фонсвифт» не записывал оставленные мне сообщения, и я решил перейти на «Фонотел». Наверно, Хуанито как раз и позвонил в тот момент, когда я на короткое время остался без бипера.

— Он не назвал своего имени, — сказал Блэйк.

— Наверняка это Хуанито, племянник Гусмана. Это мой единственный источник в доме. Не могли бы вы сказать, сэр, что он вам сообщил?

— Он сказал, что его дядя только что получил очень странное письмо. От какой-то группы, которая называет себя Охотничьим комитетом. Они сообщили Гусману, что тот избран Жертвой в какой-то там Охоте. Блэйк, ты что-нибудь об этом знаешь?

— Я слышал про Охотничью корпорацию, сэр.

— Какая-то воинствующая организация?

— Не совсем так, сэр. Они считают себя либералами, выступающими за легализацию убийства. Представители так называемого крайне левого анархистско-либерального движения в поддержку законного убийства. По крайней мере у меня такие сведения. Если они, конечно, вообще существуют.

— Так существуют они или нет?

— Может быть, и нет. Сама мысль, что существуют какие-то Охотники, многим кажется просто бредовой. Но когда-то и существование мафии тоже ставили под сомнение. Кто мог представить себе кучку каких-то сицилийцев-деревенщин, контролирующих все крупнейшие профсоюзы в Соединенных Штатах, порты, грузовые перевозки, не говоря уже об игорном бизнесе и проституции? Кто мог поверить, что они заключали сделки с правительством США во время высадки союзников в Сицилии во время второй мировой войны?

— Значит, ты думаешь, к Охотникам стоит относиться серьезно?

— Я уверен в этом, сэр. Те представители правоохранительных органов, которые утверждали, что мафии не существует, давно уже уволены на пенсию.

Они показали себя неспособными к перестройке мышления.

— Как додо, — сказал Козлли.

— Что? — переспросил Дикерсон.

— Вымершая птица, — смущенно ответил Козлли, как ученик, которого застали за неподобающим занятием. — Я думаю, тут уместна подобная параллель.

Дикерсон посмотрел на Блэйка — тот пожал плечами.

— Козлли не силен в аналогии, но он у нас самый лучший оперативник.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь, — сказал Дикерсон. — Итак, представим себе, что Охота действительно существует, хотя и нелегально, и что эти Охотники, кем бы они там ни были, действительно послали наемного убийцу, чтобы покончить с Гусманом. Но мы же не хотим, чтобы Гусмана убили, не правда ли, Блэйк?

— Абсолютно правильно, сэр. Нам необходимо продолжать снабжение контраст оружием. Они, конечно, ублюдки, но это наши ублюдки. И лучше всего снабжать их через Гусмана. Таким образом нам не надо создавать собственные группы контакта с партизанами и самим сбрасывать грузы в сельве. Мы покончили с такой практикой после фиаско в 1986 году, если вы помните, сэр.

— Конечно, помню, — ответил Дикерсон. — Я с самого начала был против такой практики.

— Я тоже, сэр, — сказал Блэйк. — Все это произошло из-за ошибок вашего предшественника, который неправильно понял чьи-то указания из Белого дома. Но такого больше не повторится. Самое главное для нас в настоящее время — не упустить Никарагуа и вообще не отступить в Центральной Америке. Мы будем выглядеть очень глупо, если в день победы в столице Никарагуа окажется не наш кандидат.

— Мне об этом никто не говорил, — сказал Дикерсон. — Почему мне никто не прояснил обстановку заранее?

— Не было необходимости прояснять вам обстановку заранее, — сказал Блэйк.

— Но ведь я окружной директор!

— А вы знаете, сколько окружных директоров за последние десять лет оказались двойными агентами?

— Блэйк, если ты хочешь сказать...

— Ни в коем случае, сэр! Я просто хотел указать на то, что в последнее время отмечены случаи утечки важной информации, и теперь все данные сообщаются только тем, кому об этом полагается знать.

— Ладно. Ситуация постепенно проясняется. Наше оружие уходит партизанам через Гусмана.

Блэйк сделал движение головой, которое можно было принять за кивок.

— И в этот раз ожидается отправка довольно большой партии.

Теперь Блэйк два раза моргнул, что можно было посчитать за знак согласия.

— Но теперь в деле оказался замешан какой-то Охотник, — заметил Блэйк.

— Все указывает именно на это, — согласился Дикерсон.

— Раз вы прибыли сюда из Вашингтона, — сказал Блэйк, — то, может быть, в курсе нашей новой политики по отношению к Охоте?

— Может быть, — сказал Дикерсон.

Ему не хотелось признаваться, что он ни разу не видел своего нового шефа и даже не знал, как того зовут. Он лишь несколько раз получал от него инструкции по телефону, и то лишь после обмена сложными кодами, меняющимися каждый день. Дикерсон несколько секунд не мигая смотрел на Блэйка, и агенту стало не по себе. Наконец он сказал:

— Блэйк, ты ведь причисляешь себя к старой гвардии, воспитанной на идеологии, правда?

— Думаю, вы можете считать меня идеологическим агентом, — ответил Блэйк. — Да, у меня есть свои принципы, но я действую очень гибко. Действовать согласно обстановке — вот мой девиз!

— Очень хорошо. Именно поэтому ты до сих пор на службе. Все вокруг постоянно меняется.

— Да, сэр.

— Меня сюда направили из Вашингтона. Я могу кого угодно набирать в свой отдел и могу кого угодно уволить.

— Да, сэр.

— Запомни, Блэйк, никакая идеология нам тут не нужна. По крайней мере при этой администрации. Думаю, что раньше ты хорошо работал, хотя меня это абсолютно не интересует. Все было связано с идеологией, в которой мы больше абсолютно не заинтересованы. Так что больше никакой идеологии, понятно? У нас теперь другие принципы.

— Да, сэр. А какие это другие принципы?

— Новая администрация заинтересована в прагматизме и финансовой самоокупаемости.

— Простите, сэр?

— Чем бы мы ни занимались — я имею в виду все федеральные учреждения — нужно приносить прибыль.

— Это понятно.

— И чем больше мы будем стараться, тем больше у нас будет прибыли.

— Конечно, сэр. Я полностью согласен с нашими новыми принципами. Я всегда верил в то, что финансовая ответственность — единственная дорога к счастью.

— Наше агентство тоже должно приносить прибыль.

— Разумеется. Это секретная директива, не так ли? Я просто хочу быть уверен, что понял вас абсолютно правильно. Я вполне готов работать в таких условиях. К тому же, честно говоря, у нас уже случались подобные прецеденты. Я работал на прибыль и при старой администрации, по крайней мере некоторое время.

— Может, ты и работал, — заметил Дикерсон, — но не в таком масштабе, в каком мы собираемся работать теперь. Теперь целесообразность любой операции будет определяться лишь объемом вероятного дохода.

— Что вы хотите, чтобы я сделал с Охотником?

— Узнай, кто он такой, держи его под наблюдением, но не трогай. По крайней мере до тех пор, пока не получишь инструкции на этот счет.

Глава 38

Мерседес поселилась в маленьком домике, принадлежавшем Багамской корпорации, посреди миниатюрных джунглей. Вокруг росли банановые пальмы, эвкалипты и другие экзотические деревья. На веранде стояли кресла-качалки. Защищенный от шума тропической растительностью, домик утонул в тиши, которую лишь изредка нарушало жужжание огромных насекомых.

— Присаживайся в кресло-качалку, — сказала Мерседес. — Я приготовлю что-нибудь выпить. Как насчет легкого коктейля из рома?

Блэквелл уселся в кресло, и оно приятно затрещало. Он забросил ноги на перила — судя по истертой поверхности, ему не первому пришла в голову подобная идея. Сложив руки за головой, он вздохнул. Стояла невыносимая жара, и он чувствовал себя усталым. Однако он с удивлением обнаружил, что это была приятная усталость. В воздухе пахло влажными гниющими листьями. Казалось, Флорида принадлежала к другой эпохе и вот-вот могла вернуться обратно в палеозойскую эру. Золотистые лучи солнца пробивались через сплетения ветвей и лиан. Мерседес вернулась через пару минут, держа в руках два запотевших бокала с янтарной жидкостью. Блэквелл отпил из бокала и почувствовал, как на него снизошла благодать. Золотистый день постепенно уступал место бархатному вечеру.

Через несколько часов Мерседес спросила у Блэквелла:

— А чем ты занимаешься кроме продажи оружия?

Блэквелл погладил Мерседес по голове, покоившейся на его плече. Они лежали в огромной двуспальной постели Мерседес. В спальне было темно, и лишь в гостиной горела неяркая настольная лампа. Часы показывали половину первого ночи. В окне темнели силуэты пальм.

— А ты умеешь хранить секреты?

— Конечно.

— У меня в Нью-Йорке школа каратэ.

Глава 39

— Еще раз рыпнешься, и я тебя урою, — сказал с телеэкрана Клинт Иствуд*.

— Классная фраза, — сказал Фрамиджян. — Она мне всегда нравилась. «Я тебя урою». Круто сказано. Правда, крошка?

Сидевшая в кресле Розалия устало приоткрыла глаза.

— Отличная фраза, дорогой, но ты уже третий раз мне об этом говоришь.

— Ну и что? — удивился Фрамиджян. — А тебе, парень, нравится эта фраза?

Поляк сидел в кресле напротив, уронив голову на грудь. Стрелки часов показывали половину четвертого утра, и он уже забыл, когда спал в последний раз. Он медленно поднялся, зевнул и с хрустом потянулся.

— Да, неплохо сказано. Но с меня хватит фильмов.

— Может, поиграем еще в джин-рамми?

Поляк отрицательно покачал головой:

— Я думаю, пора наконец поспать.

— Вот это замечательная мысль, — воскликнул Фрамиджян. — Если хочешь, можешь занять комнату для гостей. Там стоит кровать с японским водяным матрасом. Будешь спать как младенец. А мы с Розалией ляжем в своей спальне. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что ты считаешь меня круглым идиотом, — ответил Поляк.

Фрамиджян протестующе поднял руки, насколько позволяла цепь.

— Эй, ты совсем не так меня понял. Я никогда не считаю идиотом человека, у которого в руках писто-

* Популярный американский киноактер, исполняющий роли «крутых» полицейских.

лет. Я отношусь к оружию с уважением. Я сам занимаюсь этим бизнесом.

— Он не хотел сказать ничего плохого, — добавила Розалия.

Ей ужасно хотелось спать, и она надеялась, что Фрамиджян не собирается сделать какую-нибудь глупость. Этот здоровяк, похоже, продумывал все на несколько ходов вперед. Розалии казалось, что он не станет их убивать, если они будут выполнять все, что он им прикажет. Хотя особой уверенности у нее на этот счет не было. Но все же это лучше, чем пытаться его обмануть. Интересно, что на уме у Фрамиджяна?

— Так что ты предлагаешь? — спросил Фрамиджян и зевнул во весь рот. Денек выдался довольно трудный.

— Вы будете спать здесь, на диване, чтобы я все время мог вас видеть, — сказал Поляк. Он вытащил из кармана ключ от наручников. — А теперь замри. Мне придется сделать это одной рукой, потому что в другой у меня пистолет. Не дай Бог, мне покажется, что ты захочешь забрать его у меня.

Орудя левой рукой, он открыл замок на наручниках. В правой руке он держал свой MAG-50. Указательный палец все время лежал на спусковом крючке. Фрамиджян сидел абсолютно неподвижно, пока Поляк приковывал его к Розалии.

— Удобно? — спросил он.

— Довольно уютно, — ответил Фрамиджян. — Правда, крошка?

— Мне бы хотелось поскорее лечь, — сказала Розалия.

— Прошу прощения, — сказал Поляк. — Это вряд ли получится. Осталась последняя деталь.

Он порылся в своей сумке и вытащил какое-то устройство, напоминающее будильник. Нажав несколько кнопок, он установил стрелки и положил устройство на диван рядом с Фрамиджяном.

— Что это? — поинтересовался тот.

— Небольшая противопехотная мина. Карманная модель. Отключается автоматически через двенадцать часов.

— А зачем она нужна тут на диване?

— Внутри у нее находится балансирующий механизм, — объяснил Поляк. — Поэтому если ее задеть, она тут же взорвется. Это на тот случай, если ты решишь встать с дивана и пойти за пистолетом, который у тебя спрятан где-то в комнате.

— Нет у меня никакого пистолета! — возмутился Фрамиджян.

— Может, нет, а может, и есть. У меня нет времени проводить тут обыск. А эта штука заставит тебя сидеть спокойно.

Фрамиджян пытался протестовать, но Поляк уже принял решение и молча ушел в другой конец комнаты, где улегся на ковер. Заведя будильник на наручных часах, он положил пистолет под голову, закрыл глаза и мгновенно уснул.

— Ты думаешь, он блефует? — через некоторое время спросил Фрамиджян.

— Ты о чем?

— Ну о том, что это мина. Я никогда не видел мин такой странной формы. А уж я-то знаю в них толк.

— Ты думаешь, стоит рисковать жизнью, чтобы узнать, настоящая мина или нет?

— Я почти в этом уверен. Много бы я отдал за возможность опрокинуть на этого ублюдка пару столов.

— Не забывай, что я сижу рядом с тобой, — испуганно произнесла Розалия.

— Не беспокойся, я не стану подвергать тебя опасности.

Из противоположного угла донесся мерный храп Поляка.

— Этот сукин сын еще и храпит! — возмущенно сказал Фрамиджян. — В таких условиях мне ни за что не удастся заснуть. Ты слышишь меня, Розалия?

Но в ответ он услышал лишь мерное посапывание. Розалия заснула.

— Черт! — в сердцах выругался Фрамиджян и осторожно переменил позу.

Он все еще продолжал думать о том, что никогда не заснет, когда его глаза закрылись и он крепко заснул.

Часть пятая

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Глава 40

Эмилио не знал, что думать об этом письме от представителей «Охоты», но он знал, что нужно делать. Он позвонил в юридическую фирму «Барнз Ассошиейтс», которая располагалась в федеральном здании на аллее Линкольна в Майами-Бич. Эта контора оказывала юридические услуги Гусману. Для них он был весьма ценным клиентом. На этот раз ему ответили, что они такими делами обычно не занимаются, но посмотрят, что можно сделать, и ответят утром.

Звонок прозвучал ровно в девять. Эмилио поговорил по телефону, после чего прошел к Гусману в кабинет.

— Ну, что ты узнал? — спросил Гусман.

— Юристы говорят, что есть такая игра — «Убийца», в которую играют в студенческих городках. Она описана в рассказе Роберта Шекли «Седьмая жертва». Есть еще фильм, снятый по мотивам этого рассказа, — называется «Десятая жертва».

— Я видел этот фильм, — сказал Гусман. — В программе для полуночников. Это idiotская история про то, как одна баба охотится за мужиком в Риме и в конце они влюбляются друг в друга. По-моему, так. Но ведь все это выдумка, Эмилио.

— Нет, — ответил Эмилио. — Это правда. Я имею в виду игру. По всей Америке студенты играют в нее. С водяными пистолетами и мешочками с мукой. Уже двадцать лет играют.

— Ну и что?

— Целое поколение выросло на игре «Убийца». Наверное, кто-то из них решил играть в нее по-настоящему.

— Но ведь это безумие!

— С вашего разрешения, — сказал Эмилио, — я хотел бы отметить, что безумием было то, что мы делали в Энкантадо, не говоря уже о Санта-Инэс и 61-м номере.

— Не надо об этом, — попросил дон Альфонсо. — То были дикие времена.

— А что сейчас? Почти то же самое. Посмотрите, дон Альфонсо, что мы делаем сейчас. Думали ли вы когда-нибудь, что станете заниматься вдали от родины убийствами политических диссидентов?

— Я не выбирал, — ответил Гусман. — Мужчина делает то, что от него требуют обстоятельства. Всю эту работу я выполнял чисто.

— В бытность свою начальником образцовой тюрьмы вы пытали людей.

— Конечно. Это делает любой начальник тюрьмы в Центральной Америке. И делает чисто, то есть со знанием дела.

— Тем не менее некоторые считают это безумием, — возразил Эмилио.

— Потому что они там никогда не были, — твердо сказал Гусман.

— Дон Альфонсо, я просто хотел сказать, что с точки зрения нашей работы и нашего опыта то, что корпорация «Охота» занимается убийствами, не выглядит странным. То есть многие организации убивают людей по тем или иным причинам — почему же корпорация «Охота» не может иметь достаточных причин, чтобы делать то же самое? Они не безумнее других. Все станет ясно, если учесть интенсивную радикализацию всех слоев населения на планете.

Гусман поднял руки вверх.

— Эмилио, избавь меня от своего умничания. Тебя не зря выптали из партии за пораженчество и негативизм.

— Да, это так. Но, ми команданте, пожалуйста, отнеситесь серьезно к этому предупреждению. Даже если эти ребята — психопаты. С момента изобретения пороха психопаты стали весьма опасными.

Гусман и без Эмилио это знал. И это волновало его до вечера, когда позвонил врач Мачадо-Ропас. Гусман совершенно забыл, что пришло время медицинского обследования, которое проводилось каждые полгода.

Мачадо-Ропас, маленький толстячок с козлиной бородкой и в очках с затемненными стеклами, приступил в медицинскому обследованию пациента.

После осмотра Мачадо-Ропас собрал саквояж и обратился к Гусману:

— Что вас беспокоит, дон Альфонсо?

— Ничего не беспокоит, — ответил тот. — Как мои анализы?

— Судя по результатам лабораторных исследований, вы в полном порядке. Вот только давление повышено. Для вас это опасно. Неужели вы мне не скажете, что с вами? Я ваш семейный врач. И хочу помочь.

— Вы ничем не можете помочь. У меня есть проблема. Но на свете нет ничего такого, с чем бы я не справился.

— Происходили ли в вашей жизни какие-нибудь серьезные изменения? Я имею в виду, за последнее время.

— Да нет. Хотя появился тут один...

— Новый человек? Он надежен?

— Не знаю. Проблема в другом.

— И это вас беспокоит?

— Пожалуй, да.

— Тогда, дорогой Альфонсо, убейте его и избавьтесь от головной боли.

— Вы думаете, так просто убить того, кто вам действует на нервы? — спросил Гусман.

— Я не сказал, что легко. Для меня не важно, легко это или тяжело. Как ваш врач я лишь советую вам избавиться от источника расстройства.

— Я думаю, что не моему доктору советовать мне, как избавляться от опасных людей. Это все равно, что спрашивать у юриста, как мне подстричься.

— Не вижу связи, — заметил Мачадо-Ропас.

— Вы буквалист, доктор, — сказал Гусман. — Мне это нравится в вас. Для вас мое здоровье должно иметь первостепенное значение, а не быть условием чего-то другого. Простите, старина, если я вас обидел. А о том человечке я позабочусь, когда представится удобный случай.

— То же самое вы постоянно говорите о курении, — возразил врач, снисходительно улыбаясь.

Они знали друг друга с детства. Всех друзей и врагов мы приобретаем в детстве. Пациентов тоже. Альфонсо Гусман долго выбирал в коробке сигару «Монте-Кристо № 1». Затянувшись, он погрузился в размышления.

«Я выбирал то, к чему меня подталкивали обстоятельства. Мне нечего стыдиться. Мой разум протестует, я не верю самому себе. Я знаю, к чему это может привести. Я знаю, что мое сознание переполнено чувством вины. Это появляется в тот момент, когда боль уже невозможно терпеть. Но настоящий мужчина должен смотреть трудностям в лицо, преодолевать их и идти дальше. Так поступают мужчины. Заметь, так поступают настоящие мужчины. Я делал то, что должен был делать. Потом пришло время остановиться. И я мог, как говорится, спрятать пистолет в ящик письменного стола. Но ведь я ничего больше не умел делать. Прекрати я убивать своих врагов и признай то, что мы делали, ошибкой, все друзья отвернулись бы от меня. Тем более я не считаю это ошибкой. Не все так просто. Я не могу это объяснить. Ты рождаешься, и у тебя появляются друзья и враги. Так что ж, признать себя моральным трупом и сесть под домашний арест где-нибудь на Северном полюсе?»

Гусман объяснил Эмилио ситуацию.

— Хозяин, что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Эмилио. — Хотите, я найду этого Блэквелла и перекрою ему кислород?

— Не так быстро, — ответил Гусман. — Ты знаешь древнюю китайскую пословицу: «Ловец обезьян крадется тихо и мягко»?

Эмилио задумался.

— Вы хотите, чтобы я использовал глушитель? — неуверенно спросил он.

— Нет, — ответил Гусман.

— А при чем тут обезьяны? — полюбопытствовал Эмилио.

— Да забудь ты эту старую китайскую пословицу. Будем действовать по плану.

— Хозяин, но ведь этот парень, возможно, планирует ваше убийство! Я не понимаю, зачем вам-то рисковать.

— Я тебе объясню, — ответил Гусман. — Победа Мигелито, успех всего нашего дела и наши барыши от сделки с оружием — вот ради чего я рискую.

— Вы считаете, что он сдержит обещание?

— Конечно.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это делает сам Фрамиджян. Фрамиджян всегда идет до конца.

— Может, они уже добрались и до Фрамиджяна.

— Это неважно. Меня это не волнует. Фрамиджяна поддерживает корпорация «Багамы». Их представитель, госпожа Бранниган, работает здесь. Корпорация гарантирует проведение этой операции. Я был бы дураком, если бы сейчас отступил только потому, что какой-то маньяк прислал мне письмо с угрозами. Люди скажут, что Гусман стал похож на старуху, что с ним лучше не иметь никаких дел. Нравится тебе это?

— Нет, — ответил Эмилио, подумав. — Но я не хочу, чтобы нас убили.

— Кто предупрежден — вооружен.

— Еще одна старая китайская поговорка, хозяин?

— Я просто хочу сказать тебе, Эмилио, что мы будем делать все, как запланировали. С небольшим дополнением. Перед тем, как Блэквелл сделает свой ход, — если, конечно, он его вообще сделает — мы его придавим.

— А, — воскликнул Эмилио, — это я понимаю. Как в старые добрые времена.

Глаза Гусмана заблестели.

— Старые добрые времена в Центральной Америке! Когда меня называли Белым Кошмаром, а тебя — сержант Мучительная Смерть!

— Да, хозяин, были времена, — согласился Эмилио.

— Такое не повторяется, дружище. Но сегодня вечером у нас есть шанс поразвлечься.

Глава 41

Выйдя из федерального здания округа, Блэйк поспешил к ближайшей телефонной будке и позвонил Джонни Ромеро. Это был его агент, который работал под прикрытием в латиноамериканской общине Майами. Блэйк кратко описал внешность Блэквелла и приказал Ромеро немедленно выяснить его местонахождение. Он добавил, что ответ должен быть дан из телефонной будки, которая находится возле фирменного магазина «Рексал» на пересечении 8-й и 17-й улиц Юго-Запада.

Джонни Ромеро по «телеграфу» передал приказ в латиноамериканские кварталы, которые разбросаны по всему Большому Майами, как язвы по телу заболевшего «центральноамериканистом», болезнью, при которой креолы превращались в мулатов, коричневый кофе — в черный, картофель уступал место фасоли, а свинина заменяла говядину. Приказ был адресован жителям пестрых местечек и поселков болотистой Южной Флориды. Колумбийцы, завсегдатаи кофейни на 21-й улице Юго-Запада, узнав о приказе, передали его гватемальцам, которые под звуки гитары попивали пульте* в игорном клубе на пересечении проспекта Южный Дикси с Берд-авеню. Один из последних имел друга-никарагуанца из местечка Изабелла ла Вьеха по имени Данилио Томасильо, ночного сторожа в казино «Ипподром». Они, кстати, состояли в дальнем родстве по линии матери. Данилио, проведя свои поиски, зашел в подпольный притон, замаскированный под бакалейный магазинчик, и позвонил оттуда Джонни

* Мексиканский алкогольный напиток из сока агавы.

Ромеро. Ромеро связался с Блэйком и сообщил, что сейчас подъедет.

— Ты знаешь что-нибудь об этих Охотниках? — спросил Козлли у Блэйка, когда тот вышел из телефонной будки.

Они стояли на углу 8-й улицы Юго-Запада и 17-й авеню перед «Рексалом», который демонстрировал латиноамериканскую душу, танцующую, гарцующую, жеманную, прихрамывающую в ритме зажигательных мелодий сальсы, усиленных динамиками в отделе радиоаппаратуры. Это напоминало кадры из фильма «Ошеломленный», в котором одна ирреальность отступает на задний план, давая дорогу другой, еще более запутанной ирреальности, а может, и реальности. Короче говоря, реальность 8-й улицы вплотную подобралась к той границе, за которой лежала самая настоящая ирреальность.

— Конечно, знаю, — ответил Блэйк. — Я ничего не сказал об этом Дикерсону, хотя в прошлом месяце был в Таллахассе на инструктаже, как раз перед твоим прибытием. — Он замолчал. — У тебя допуск к работе с секретной информацией с грифом АА?

Козлли кивнул.

— Это положено знать только тем, у кого есть допуск ААА. Если тебе дадут такой допуск, то я смогу информировать тебя в большем объеме.

— Боже мой! — воскликнул Козлли. — Я ведь твой партнер. Я должен владеть всей информацией, чтобы в случае чего заменить тебя.

— Хорошо, — согласился Блэйк. — Думаю, что мне действительно придется довериться тебе. Заметь, в этом деле не все так просто. «Охота» — это тебе не игрушки. Мы уверены, что будет еще очень много Охот — так они называют политические убийства.

...Козлли доедал желто-зеленые хрустящие палочки, когда к нему подъехал Джонни Ромеро на желтом форде с красной полосой по бокам.

— Ну, что?

— Вечеринка, — ответил Ромеро. — Сегодня на ней будет Блэквелл.

— Едем туда.

Глава 42

Блэквелл окинул взглядом незнакомую спальню. По полу была раскидана одежда. В основном, женская. Он узнал и свою одежду. Выходило, что он лежит голый в чьей-то постели. По длинным теням от окон он понял, что уже часа три пополудни.

Из другой комнаты послышался голос Мерседес:

— О, ты уже проснулся? Хочешь кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил Блэквелл.

Мерседес принесла к кровати дымящуюся чашечку. На ней было вязаное трико зеленоватого цвета. Как будто она собралась провести пару недель где-нибудь в пустыне, или высоко в горах, или за штурвалом яхты в бушующем океане.

Пока Блэквелл одевался, Мерседес убирала на кухне. Этой ночью она тщательно обследовала одежду и тело Блэквелла. Яркий ярлык фирмы «Бамбергерз» из Ньюарка вообще-то подтвердил слова Блэквелла, что он из Нью-Джерси. При нем было очень хорошее оружие — пистолет в форме часов «ролекс». Мерседес решила, что стоит попросить корпорацию «Багамы» снабдить ее таким же. Но на кого же работает этот парень?

Блэквелл посмотрел на часы.

— О, мне пора возвращаться в гостиницу. До вечеринки мне надо закончить кое-какие дела.

— У меня тоже полно дел. Увидимся вечером.

Он оказался гораздо интереснее, чем показался ей поначалу. От него исходили какие-то флюиды. Так называемые «невидимые признаки», про которые она читала в любовных романах, но с которыми никогда

не сталкивалась в жизни. Даже не надеялась. Слава Богу, что она не рассказала ему все про себя в те сладкие мгновения их любви, особенно после необычных манипуляций с осьминогом и с суши*, одно воспоминание о которых заставляло ее краснеть. Но она все еще не знала, на кого он работает. Ты же не можешь в моменты наивысшего наслаждения вдруг взять и спросить: «Дорогой, черт побери, кто ты на самом деле такой?»

Мерседес подождала, пока Блэквелл уедет, выпила еще кофе и позвонила Альваресу.

* Бакудо японской кухни, представляющее собой небольшие кусочки свежей рыбы.

Глава 43

День близился к вечеру. Золотистые лучи пробивались в гостиную Фрамиджяна через неплотно закрытые жалюзи на окнах. Поляк переоделся в светлые брюки из тонкой ткани и гавайскую рубашку спортивного покроя. Костюм для подводного плавания он запихнул в большой пластиковый пакет. Скованные наручниками Фрамиджян и Розалия сидели на диване и молча наблюдали за действиями Поляка. Они понимали, что настал самый опасный момент. Что он сделает перед тем как уйти?

— Наверно, вы думаете: а что он сделает перед тем, как уйти? — сказал Поляк.

— Ничего подобного, — с напускным равнодушием ответил Фрамиджян. — Мы же все время безропотно выполняли ваши приказы. И как я уже пообещал, мы не предпримем никаких действий в течение двадцати четырех часов. Мы скованы одной парой наручников. Мы не можем двигаться и вообще ничего не можем. Значит, все в порядке, правда?

Поляк вытащил из сумки длинный кинжал с узким обоюдоострым лезвием.

— О нет! Пожалуйста, не надо! — воскликнула Розалия.

— Простите, мэм, но мне все же придется это сделать.

Поляк направился в другой конец комнаты и перерезал телефонный провод. Затем он задумчиво посмотрел на Фрамиджяна и Розалию.

— В чем дело? — спросил Фрамиджян.

— Я вот думаю, а нет ли тут у вас каких-нибудь припрятанных инструментов. Я уйду, а вы через пять минут освободитесь от наручников.

Фрамиджян искренне возмутился.

— Я же дал вам слово, что не сдвинусь с места в течение двадцати четырех часов!

— Конечно, — подтвердил Поляк, — что еще вы можете сделать при таких обстоятельствах? И все же мне придется прибегнуть к дополнительным мерам предосторожности. Так, на всякий случай.

Порывшись в сумке, Поляк вытащил небольшой пакет и извлек из него прямоугольный предмет размером с пачку сигарет. На сделанном из черного металла корпусе были два циферблата и два переключателя. Поляк щелкнул одним переключателем, установил стрелки на циферблатах в нужное положение, подошел к Фрамиджану и Розалии, осторожно положил предмет на диванную подушку и щелкнул вторым переключателем.

Розалия тихонько заскулила, а Фрамиджан принялся ей подвывать.

— Не волнуйтесь, ничего плохого не произойдет, — сказал Поляк. — Это просто страховка. Все будет в порядке, если вы не будете двигаться.

— А что это такое? — спросил Фрамиджан.

— Небольшая бомба. Совсем не похожа на ту, что я использовал вчера. Тут начинка другая — С-27. Она сама отключится через двадцать четыре часа, — если, конечно, вы не активизируете ее раньше.

— А что нам делать, чтобы не активировать ее? — спросил Фрамиджан.

— В бомбе установлен конус, в котором расположен сверхчувствительный маятник. Пока вы будете сидеть смирно, ничего с вами не произойдет. Но если вы начнете шевелиться, подушка сдвинется, и бомба взорвется. Эту штуку еще называют «неподвижница».

— Эй, минутку! — завопил Фрамиджан. — А если кто-нибудь из нас чихнет?

— Чихайте себе на здоровье, только не сильно. Надеюсь, что ничего не случится, — ответил Поляк.

— Вы не можете оставить нас здесь с этой бомбой! — прохрипел Фрамиджан.

— Это гораздо лучше, чем быть мертвым, — ответил Поляк. — А ты бы им давно уже стал, если бы я не придерживался этических принципов.

И он ушел, осторожно закрыв за собой дверь.

Глава 44

Дверной звонок снова заиграл. При нажатии кнопки он исполнял различные мелодии. Фрамиджян давно хотел его заменить, да все как-то руки не доходили. Он посмотрел на Розалию, причем постарался сделать это одними глазами, не поворачивая головы. Бомба по-прежнему лежала между ними на диванной подушке.

— Как ты думаешь, мы сумеем встать одновременно? — спросила Розалия.

— И думать забудь, — ответил Фрамиджян. Он откашлялся и закричал: — Помогите!

В дверь снова позвонили. На этот раз более настойчиво.

— Кто бы там ни был, спасите нас скорее! — завопила Розалия.

— Они нас не слышат, — сказал Фрамиджян, — так что можешь не стараться.

— Когда я кричу, мне становится легче, — ответила Розалия.

Они услышали за дверью какой-то шорох.

— Что это такое? — спросила Розалия.

— Они пытаются взломать замок. Но у них ничего не получится.

Через некоторое время они услышали глухие удары, как будто в дверь били чем-то тяжелым. Послышалось натужное завывание мотора. Фрамиджян и Розалия вжались в спинку дивана, причем сделали это с максимальной осторожностью. Внезапно дверь слетела с петель и упала на ковер в гостиной. На ее месте возник прямоугольник солнечного света, час-

тично заполненный бьюиком последней модели «Буш-мастер» с погнутым бампером. Именно им и выбили дверь.

— Кажется, я сейчас потеряю сознание, — прошептала Розалия.

— Сейчас не время, — предупредил ее Фрамиджан. — Не забывай, что у нас тут бомба.

— Именно поэтому я его и потеряю!

— Постарайся хоть немного продержаться.

Машина отъехала назад. В комнату ворвались двое мужчин. На одном из них была белая рубаша гуайабера, а на другом — фиолетовая футболка с золотыми полосами. В руках они сжимали пистолеты.

— Стойте! — закричал Фрамиджан. — Тут бомба!

Оба мужчины вбежали с такой скоростью, что, казалось, вот-вот врежутся в диван. Но в последнее мгновение им все-таки удалось затормозить.

— Где бомба? — спросил Альварес.

— Здесь, на диване, — ответил Фрамиджан.

— И что мне надо с ней сделать?

— Ничего не делай! Пусть твой напарник придерживает ее, чтобы не шевелилась, а ты поможешь мне и Розалии встать с дивана.

Пока Манитас держал бомбу, Альварес помог Фрамиджану и Розалии подняться. Он вывел их из дому на безопасное расстояние, а потом позвал Гуччарди.

— Что мне делать с этой штукой? — раздался из дома голос Гуччарди.

— Просто положи ее на пол, dolce — понятно? — и поскорее выходи.

— Сейчас, босс. Эта штука совсем не похожа на бомбу. Я таких еще никогда не видел. Сейчас я положу ее на пол и... Ой!

От мощного взрыва обвалился фасад дома.

Несколько секунд все ошарашенно смотрели на дымящиеся обломки.

— Ну что ж, — наконец заговорил Фрамиджан. — Вот вам и ответ на вопрос — была ли это настоящая бомба. Пошли, Альварес, нам нельзя терять время.

Альварес все еще не мог прийти в себя после взрыва. Его очень огорчила смерть Гуччарди, из

которого получился бы первоклассный преступник, если бы не его фатальная неуклюжесть.

— Сейчас я сниму с вас наручники, — сказал он Фрамиджану.

— Этим можно заняться и попозже, — ответил тот. — У тебя есть машина? Тогда поехали.

— Куда?

— Я хочу разыскать этих ублюдков, — сказал Фрамиджан. — Они еще меня узнают с плохой стороны. Я их с землей сравню!

— Ицхак! — воскликнула Розалия. — Если ты сейчас меня бросишь, между нами все кончено.

— Отвези нас в «Фонтенбло», — сказал Фрамиджан. — Надо же нам где-то жить, пока не отремонтируют дом.

Глава 45

Блэквелл встретился с Поляком в номере отеля «Немо». Поляк выглядел деловым и невозмутимым. Блэквелл же был на взводе и жутко нервничал.

— Так, «ролекс» с тобой? Отлично. А зажигалка «зипшо» со шрапнелью? Хорошо. Вот возьми еще и это.

Он открыл изящный кейс из тонкой флорентийской кожи, который приготовили на тот случай, если Гусман заплатит остаток наличными. Поляк показал Блэквеллу потайную кнопку на ручке. Блэквелл нажал на нее, и верхняя часть кейса сдвинулась в сторону. Под ней в пластиковой форме лежал небольшой плоский автоматический пистолет «Спектр SMG», со скорострельностью девятьсот выстрелов в минуту, только что с итальянской фабрики «Сайтс С.П.А». В четырех обоймах вмещалось пятьдесят патронов.

— Точность стрельбы невелика, — заметил Поляк, — но в толпе эта штука просто незаменима. Ее нельзя обнаружить даже при помощи рентгеновских лучей. Кроме ствола, весь пистолет выполнен из пластмассы. Использует 9-миллиметровые патроны от парабеллума. Синусоидальные нарезки предохраняют внутреннюю поверхность ствола от изнашивания. Впрочем, нам сейчас не об этом надо беспокоиться. Берешь его в руку вот так. Первый патрон уже в патроннике, боек взведен. Нажимаешь на эту защелку и можешь стрелять. Никакой перезарядки не требуется. Просто нажимаешь на спусковой крючок, вот и все. Эту штуку даже не надо смазывать. Все детали изготовлены из самосмазывающихся материалов.

Блэквелл взвесил пистолет в руке. Приятно держать такое совершенное оружие. Он положил пистолет обратно в футляр и задвинул верхнюю часть кейса.

— Ладно, — сказал он совершенно спокойным голосом.

Поляк удивился. Только что Блэквелл нервничал, а теперь казался совершенно апатичным.

— Что-нибудь не так? — спросил Поляк.

— Все нормально. Просто... Ну, довольно трудно выхватить пистолет и убить человека, даже если он этого заслуживает.

— Знаю, — ответил Поляк. — Так называемая ковбойская этика. Пусть у противника будет шанс. Пусть он первым выхватит оружие. А уж тогда можно его и убить. Все это чепуха. Забудь об этом как можно скорее.

— Постараюсь, — ответил Блэквелл.

— Вспомни, ты же готовился стать наемником. А наемники никому не дают шанса на победу. Наемник подписывает контракт, по которому обязуется убивать, и убивает людей без всяких сомнений. То же самое и в Охоте.

— Я не подведу, — пообещал Блэквелл. — Ты тоже там будешь?

— Я все время буду поблизости. Если у тебя начнутся неприятности, я тебя прикрою. Чуть что, и я уже рядом. Стоит тебе попасть в беду, и я тебя оттуда вытащу. Поэтому не беспокойся.

— Поляк, меня, кажется, сейчас стошнит.

— Тогда иди проблужайся, и все пройдет.

Блэквелл поспешил в ванную. Через несколько минут он вышел.

— Ну, как теперь себя чувствуешь? — спросил Поляк.

— Теперь все в порядке. Но мне кажется, что моя первая Охота окажется для меня и последней.

— Первая Охота всегда самая трудная, — сказал Поляк. — Время. Нам пора.

— Будь осторожен, — ни с того ни с сего сказал Блэквелл, вышел из гостиницы, сел в машину и уехал.

Поляк наблюдал за ним в окно. У классных Охотников всегда такой темперамент. Но актеры из них никудышные. Главное, чтобы Блэквелл выполнил свою работу. Тогда все пойдет как по маслу. Поляку нравился Блэквелл. Жаль только, что ему нельзя рассказать все. Эта Багамская корпорация затеяла чертовски хитроумную игру.

Глава 46

— Если этот педик еще раз ко мне прикоснется, — сказал Козлли, — я ему рожу разобью.

— Он не педик, — сказал Блэйк. — Многие латины носят такие рубахи с кружевами.

— И за задницу щипают?

— Он просто хотел, чтобы ты чувствовал себя как дома. Не бери в голову.

Блэйк и Козлли прибыли на вечеринку на тойоте модели прошлого года. Она казалась развалюхой рядом с мазератти и феррари, не говоря уже о кадиллаках и бьюиках. Двое парней в униформах занимались только тем, что парковали машины. Гости прибывали непрерывно. Многие мужчины были в кружевных рубашках, а женщины казались орхидеями на каблуках.

Тито проверял гостей по списку, когда увидел Блэйка.

— Ваших фамилий тут нет, но, думаю, против вашего присутствия никто возражать не станет.

— Пусть только попробуют, — сказал Козлли, обращаясь к Тито.

Они посмотрели друг на друга тяжелым взглядом. Им обоим было важно сохранить репутацию «крутых» парней. Блэйк жестом отказался от услуг парковщика и сам поставил машину на стоянку.

— А у них здесь совсем неплохо, — заметил Козлли.

Агенты вошли в комнату и принялись с интересом глазеть по сторонам. В дальнем конце зала играл бразильский ансамбль — гитара, саксофон и три вида барабанов разных размеров. Разряженные музыканты

напоминали бабочек-махаонов в брачный период, а солистка — черноволосая красавица с умопомрачительными грудями — пела таким томным и хрипловатым голосом, что у Козлли кое-что зашевелилось в штанах. Стиснув зубы, он отвернулся.

— Ага, — произнес Блэйк, — а вот и хозяин вечеринки.

Гусман приблизился к агентам и пожал им руки.

— Рад видеть вас у себя, мистер Блэйк.

— Мне здесь нравится, — сказал Блэйк. — Все нормально?

— О да. Разумеется. Вы тут всех знаете?

— Кто вон та смазливая дамочка в черном бархатном платье?

— Мерседес Бранниган. Она работает на Багамскую корпорацию.

— И сейчас тоже? — полюбопытствовал Блэйк.

— А тот ссутулившийся парень с озабоченным лицом, — продолжал Гусман, — это Блэквелл, партнер одного нашего общего знакомого, мистера Фрамиджана.

Блэйк кивнул с глубокомысленным видом.

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине. Ты не против, Ал? — И, повернувшись к Козлли, приказал: — Жди меня здесь.

Проводив глазами Блэйка и Гусмана, Козлли взял у проходившего мимо официанта запотевший бокал с ромом. Через пару минут к нему подошел Хуанито.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

Козлли кивнул в ответ.

— Кто тут Блэквелл? — спросил он.

— Вон тот тип у противоположной стены.

Козлли окинул Блэквелла изучающим взглядом. Ничего особенного. Справиться с таким — раз плюнуть.

Блэквелл был вынужден признать, что вечеринка удалась на славу. Едва он переступил порог, как ему тут же сунули в руку две сигареты с марихуаной. Потом откуда ни возьмись перед ним появилась

девушка. Симпатичная, улыбающаяся, с упругими грудями, которые едва не выскакивали из глубокого выреза красного бархатного платья.

— Ты как раз вовремя, — сообщила она.

— Вовремя для чего? — удивился Блэквелл.

— Для этого, — ответила она и сунула ему в рот оранжевую капсулу.

Блэквелл попытался вытащить ее из-за щеки пальцем, но капсула лопнула. Он почувствовал на языке горьковатый привкус.

— Что это такое? — спросил он, но девушка уже ушла запикивать капсулы в рот другим гостям.

Не один Коэлли оказался облапанным. Хотя Мерседес в дни своей юности не пропускала ни одной вечеринки, такого веселья она еще никогда не видела. Она переходила из комнаты в комнату, постоянно держа Блэквелла в поле зрения. Потные руки шарили по ее телу, когда она проходила мимо бесчисленных гостей. Мерседес чувствовала, как в ней постепенно закипает злость. В самом начале она приняла немного кокаина и не обращала на приставания никакого внимания, но потом действие наркотика прошло, что, разумеется, сказалось на ее настроении.

Пузатый мужчина с черными кучерявыми волосами крепко схватил ее за левую грудь и что-то пробормотал на каком-то непонятном языке, очевидно, гуарани, судя по фрикативному «т». Повернувшись к мужчине, Мерседес схватила его за яйца. Тот расплылся в улыбке, но, когда чувство боли все-таки пробилось в мозг, затуманенный дикой смесью кокаина, амфетаминов и ЛСД, у него закатились глаза, и он рухнул на пол.

Наркотиков на вечеринке было видимо-невидимо. Что за радость считаться богачом и преступником, если ты не можешь как следует угостить своих гостей отборными наркотиками? Взять, к примеру, марихуану. Каких сортов тут только не было, включая два вида «орегонских бутончиков», один из которых для лучшего эффекта добавок пропитали химикатами.

Вдоль стены стояли пластиковые мешки для мусора, доверху набитые самыми популярными сортами травы: красная панамская, золотая акапульская, зеленая мичоасканская, рыжая ньюджерсийская. ЛСД был представлен в двух видах — в порошке и разведенный в алкоголе. К некоторым вещам Гусман относился очень консервативно, даже с некоторой долей тоски по прошлому.

От капсулы, которую девушка в красном бархатном платье сунула Блэквеллу в рот, ему внезапно сделалось очень хорошо. Он вдруг поймал себя на том, что может одновременно следить за ходом доносящихся со всех сторон разговоров, которые показались ему преисполненными глубочайшего смысла.

— ...Сказал Маноло, что бык зайдет слева, но нет, он даже слушать не стал. Смотри, говорит он, и все на Пласа Мехико повскакивали с мест, крича во всю глотку, и тут...

— ...Разогнался до ста пяти миль в час, и катер просто заскользил над волнами, как летающая тарелка, а легавые на своих лодках остались далеко позади. У них-то скорость не больше сорока пяти миль, и я уже стал приближаться к Уотервею, когда вдруг вижу, что впереди они заблокировали путь бочками. Тогда я...

— ...И тогда он мне говорит: «Что, крошка, попробуем сделать это по-кубински?» — а я говорю: «Что значит по-кубински?» — а он говорит: «Пойдем со мной, крошка» — и тащит меня в комнату, где стоит чан с бобами и один парень с мачете лузит стручки. Ты понимаешь, что мне вдруг все это понравилось, но он...

— ...Вылетает бык, этакая тонна мяса, копыта, как штамповочные машины, рога — как кинжалы, а Маноло лежит себе на спине и улыбается, а мулету держит пальцами ног, а толпа просто беснуется, потому что бык...

— ...Резко бросаю катер в сторону, окатив их водой с ног до головы, лечу к мосту, а наперерез мне мчатся еще несколько полицейских. Мало того — они еще и с берега открыли стрельбу, а движок у меня уже раскалился докрасна...

— ...Слава Богу, бобы оказались едва теплыми, и он залез со мной в этот чан. Там бобов было ему по волосатую задницу, а дружки его стали растирать нас маслом. Я себе говорю, на что только не пойдешь ради пяти сотен...

— ...Мчится, как локомотив по смазанным жиром рельсам, крик стоит, как в судный день, люди падают от сердечных приступов, а Маноло стоит на голове, зажав мулету в зубах...

— ...Ладно, говорю я себе, хотите по-плохому — будет вам по-плохому. И направил катер прямо на корабль береговой охраны, а сам прыгнул в воду. К счастью, на мне был противоперегрузочный летный костюм, потому что удар о воду на скорости больше ста миль в час — удовольствие не из приятных...

— ...Тут одним махом он вскакивает, подпрыгивает в воздух, бык пронесется под ним, и в этот момент Маноло, черт побери этого сукиного сына, вонзает быку шпалу прямо в то место на затылке размером с четвертак. Лезвие прошло как раскаленный нож сквозь масло, на трибунах творится нечто невообразимое, и в этот самый момент генерал Обрегон решил начать революцию...

— ...Приходи еще, говорит он и засовывает в вырез блузки еще пару сотен, мы попробуем это по-монгольски в котле с горячей водой...

— Ну как, мистер Блэквелл, вам нравится здесь?

— Все отлично, — ответил Блэквелл, пытаясь перекричать пуэрториканский оркестр, который сменил бразильцев.

— Развлекайтесь, — сказал Гусман, похлопал Блэквелла по плечу и скрылся в толпе.

Тут Блэквелл внезапно осознал, что вряд ли ему представится лучший случай прикончить свою Жертву. Он пошел за Гусманом через кухню, где сутились слуги, разнося подносы с жареной на вертеле свиной, дымящейся юшкой, выставляя бутылки с качосой, которую доставил Гусману его собственный бутлегер из Баии, размещивая в здоровенных котлах

рис и фасоль, поджаривая маис, одним словом, делая все то, что положено делать слугам.

Блэквелл чувствовал себя не очень уверенно. Он никак не мог сообразить, зачем ему понадобилось принимать столько наркотиков. Во время тренировок в лагере «Охоты», ему постоянно вдалбливали, что в ответственный момент он должен полностью контролировать свои чувства. Но человеческим существам всегда хочется чего-то большего, хочется ощутить себя такими полубогами — а что лучше вселяющего уверенность кокаина, расширяющего границы сознания ЛСД и умиротворяющего эффекта марихуаны?

Но Блэквелл должен был отказаться от всего этого. По крайней мере сделать такую попытку. Насколько Блэквелл сейчас мог припомнить, он нюхал кокаин всего лишь раза три-четыре, чтобы не выглядеть белой вороной. Так, еще капсула, а потом он выкурил косячок марихуаны размером с сигару «Монте-Кристо Император», затем проглотил пригоршню амфетаминов. Ага, еще он пробовал гашиш, черный из Афганистана и золотистый из Кашмира. Порядочно загрузился, но ничего страшного. Все будет в порядке.

Блэквелл шел по залу, вернее, летел, потому что у него появилось ощущение, что он парит над толпой, двигаясь лишь усилием мысли. В голове у него звучали два разных оркестра — тот, который играл на сцене, и тот, что орал из стереосистемы.

Лучше места для убийства и не придумаешь. Большая толпа, телохранители не успевают за всем углядеть, все либо пьяные, либо накурившиеся, грохочущая музыка заглушит выстрелы из его двухзарядного «ролекса», который был не только смертельным оружием, но мог еще показывать время даже под водой на глубине в двести футов.

Итак, Блэквелл передвигался из комнаты в комнату, а вернее, плыл по воздуху за Гусманом. Внезапно он почувствовал, что у него удлиняется шея и он стал видеть далеко вперед. Затем шея снова приняла нормальный размер, и тут Блэквелл обнаружил, что потерял Гусмана из виду. Наверное, тот

ушел вперед. Перед Блэквеллом тянулась нескончаемая анфилада комнат, как в книге «Последний год в Мариенбаде». Он прошел мимо расположенного прямо в доме плавательного бассейна и оказался перед двойной дверью, из-за которой доносился мужской голос. Блэквелл снял «ролекс» с предохранителя и вошел в комнату.

Глава 47

— Мистер Блэквелл, что вы здесь делаете? — спросила сеньора Гусман.

Застигнутый врасплох Блэквелл с удивлением услышал свой голос:

— Я пришел, чтобы еще раз взглянуть на вас.

Сначала сеньора Гусман уставилась на него, а потом рассмеялась.

— Вам следовало бы родиться латиноамериканцем. Вы прекрасно выходите из трудных ситуаций: допустив оплошность, тут же придумываете романтическое оправдание. Познакомьтесь, это отец Филус. Он как раз читал мне вслух отрывки из книги «Души и цветы» о жизни отца Педро Мурьеты Чихуахуа. Прошу прощения, отец. Я хотела бы немного поговорить с моим гостем.

Отец Филус, высокий бородатый мужчина, неодобрительно нахмурился.

— Но мы ведь как раз дошли до места, где отец Мурьета, дабы спасти жизни двадцати пяти монашек, вызывает на поединок Вахуа, вождя племени апачей, известного под именем «Не-Моргун».

— Я знаю, но мы можем почитать об этом позже.

Отец Филус ушел, что-то бормоча себе под нос.

— Расскажите, что вы собираетесь сделать с Альфонсо, — попросила Катерина.

По выражению ее лица Блэквелл понял, что эта женщина прекрасно осведомлена о его планах убить Гусмана. В голове у него роилось много вариантов ответов, но Блэквелл понимал, что никакая ложь ему

не поможет. Обмануть эту женщину с ястребиным взглядом просто невозможно.

Блэквелл медлил с ответом, пытаясь выиграть время, а потом вдруг брякнул:

— По правде говоря, мэм, я собираюсь прикончить его сегодня вечером.

— О, как прекрасно! — воскликнула донья Катерина.

— Простите?

— По закону я не могу с ним развестись, а убийство поможет мне решить эту проблему. К тому же я все равно никак не могу вам помешать. Вы приняли решение, и если я стану на вашем пути, вам придется убить меня, чтобы реализовать свои планы. Ведь так действуют все наемные убийцы?

— Вообще-то я пошутил, — сказал Блэквелл.

— Мне известно о вас абсолютно все, — заявила Катерина.

— Ну и как же вы собираетесь поступить в этой ситуации, сеньора Гусман?

— Как я собираюсь поступить? Я просто ничего не стану делать. Я вне себя от радости. Дело в том, что вышла я замуж за Гусмана только из-за Гектора.

— Гектора?

— Гектор — это сын моего отца от первого брака с неизвестной Имельдой. Мы с Гектором выросли вместе. Он всегда был немного чокнутым. Интеллектуал, одним словом, но все мы его очень любили. А потом отец послал его в Парижский университет.

— Прямо в Париж?

— Да, и Гектор вернулся оттуда с полной головой всяких бредовых идей о том, что все люди равны, даже индейцы мискито. Отец устроил его инспектором грузов в порт Ла Уньон, но Гектор бросил эту работу и отправился в Васпам, жуткую дыру на Рио-Коко, где стал активистом МИСУРАСА.

— Активистом чего? — переспросил Блэквелл.

Он вдруг почувствовал себя неважно. Блэквелл знал, как убить Гусмана, но не знал, как избавиться от сеньоры Катерины, не убивая ее и не оскорбляя ее чувств.

— Это начальные буквы от мискитос, сумус, рамас* и сандинистас. В то время левацкая организация, хотя потом ее возглавили контрас. Как бы то ни было, Гектор пару раз выступил с речами в их пользу, за что был арестован Национальной гвардией и посажен в образцовую тюрьму в Манагуа. А это, мистер Блэквелл, совсем не подходящее место для утонченных интеллектуалов. Даже привыкшие к тяжелым условиям крестьяне редко протягивали до шести месяцев.

Мой отец знал, что начальник тюрьмы — полковник Гусман, а уж про страсть Альфонсо ко мне было известно всем. Он влюбился в меня, еще когда мы вместе ходили в школу Святых мучеников на 42-й улице в предместье Сантьяго де Очоабамба. Я вообще не обращала на него никакого внимания, потому что происходила из знатной семьи, а он был всего лишь сыном армянского торговца. Но ради Гектора мне пришлось выйти замуж за Альфонсо.

— Видите ли, — сказал Блэквелл, — все это, конечно, очень интересно, но мне нужно...

— Сначала все складывалось довольно неплохо, — продолжала донья Катерина. — При помощи одного из своих дружков из ЦРУ Альфонсо отправил Гектора в Майами и купил для него небольшой домик, с одной стороны которого находилось поле для гольфа, а с другой — тренировочный лагерь контрас. Но Гектор сбежал оттуда, и через шесть месяцев мы получили известие, что его арестовали при попытке ограбить банк в Ки Ларго и внести украденные деньги в фонд «Гринписа». Сейчас его держат в тюрьме Тальяхассе, и во всем этом виноват Альфонсо. Ведь это он отправил Гектора во Флориду. Так что если вы действительно собираетесь убить его — я имею в виду Альфонсо, — я вам мешать не собираюсь. Если вы это сможете сделать.

— Что значит, если смогу?

— Убить Гусмана не так уж и легко. В отличие от вас, мистер Блэквелл, ему ничего не стоит убить

* Индейские племена в Никарагуа.

человека. Вы полагаете, что охотитесь на него, но не питайте на сей счет излишних иллюзий. Альфонсо играет в эту игру уже давно.

Блэквелл вышел из комнаты сеньоры Катерины и отправился на поиски Гусмана. Лица людей плясали перед ним как в калейдоскопе. Уже третий оркестр, на этот раз с Гаити — сплошные барабаны, флейты, и черные мускулистые тела в шелковых рубашках — наполнял дом бешеными ритмами. Эта музыка родилась еще тогда, когда Панамский канал был всего лишь болотом, Суэцкий — существовал только в проектах, а миллионы бородатых заключенных еще не начали рыть Волго-Донской.

Внезапно Блэквелл обнаружил, что находится в спальне. В голове у него все еще шумело. На застеленных медвежьими шкурами постелях несколько гостей, весело смеясь, пытались раздеть друг друга. Перед глазами Блэквелла мелькали ноги в шелковых чулках и обнаженные груди. Блэквелл проплыл мимо них, движимый лишь силой мысли.

Паря в коридоре, Блэквелл вдруг заметил приоткрытую дверь, а за ней — лежащего на кровати Гусмана.

Мерседес никак не могла найти Блэквелла. Казалось, он просто испарился. Она прикинула, куда он мог пойти, и решительно отправилась на поиски. Она шла по коридору, из стен которого торчали руки с факелами. У декоратора этого дома был своеобразный вкус.

Наконец она увидела Блэквелла. Он стоял, нагнувшись над кроватью, и разглядывал что-то лежащее на медвежьей шкуре. Мерседес вытащила из сумочки миниатюрное духовое ружье. Оно выглядело точь-в-точь как серебряный мундштук, только находящаяся в нем сигарета предназначалась отнюдь не для курения. Тонкий слой табака скрывал от по-

стороннего взгляда металлическую стрелу. Стоило лишь взять мундштук в рот, направить сигарету в сторону противника, пользуясь носом, как прицелом, резко дунуть — и смертоносная стрела летела в цель. Это было оружие ближнего действия, как раз для вечеринок. Затылок Блэквелла, поросший черным пухом, представлял собою идеальную мишень. Мерседес глубоко вздохнула и сунула мундштук в рот.

Лежавший ничком на постели человек не шевелился. Его ноги в лакированных штиблетах свисали с кровати. Без всякого сомнения, это был Гусман, но Блэквелл хотел убедиться наверняка. Ему ужасно не хотелось убить по ошибке кого-либо другого. Ведь он прекрасно знал, что в пылу охотничьей страсти любой затылок кажется затылком Жертвы. Тем не менее он приготовил оружие. Не «ролекс», а двухзарядный «Смит энд Вессон», спрятанный в пряжке ремня. Один заряд представлял собой капсулу с нервно-паралитическим газом, а второй — патрон 22-го калибра с пулей из мягкого свинца, которая при попадании производила такой же эффект, как и пуля 45-го калибра, выпущенная с расстояния двадцати футов. Блэквелл переключил пистолет на газ — лучше не оставлять никаких следов.

Но прежде всего он решил перевернуть человека, чтобы убедиться в том, что перед ним именно Жертва, а не кто-нибудь другой.

— Простите, мистер Гусман, я хотел у вас спросить...

Он перевернул лежащего на кровати человека. Только это оказался не человек, а искусно выполненный манекен, как две капли воды похожий на Гусмана.

Блэквелл ошарашенно попятился и вдруг увидел Мерседес, стоящую в дверях с каким-то идиотским мундштуком во рту.

— Я только хотел поблагодарить хозяина за чудесную вечеринку, — пробормотал Блэквелл и почувствовал, как у него подгибаются колени.

В глазах у него потемнело, и он полетел в зияющую пасть водоворота. Обычный эффект от ЛСД, особенно в сочетании с другими наркотиками.

Глава 48

— Пошли отсюда, — сказал Блэйк. — Нам надо торопиться.

— К чему такая спешка? — спросил Коэлли с набитым ртом. — Эта кубинская — или какая там? — еда довольно вкусная.

— Заверни с собой в салфетку.

Они вышли из дома Гусмана и сели в машину. Устроившись на заднем сиденье, Коэлли закурил сигарету.

— Я думал, что мы должны были заниматься этим типом — Блэквеллом.

— Мы им и занимаемся, — ответил Блэйк.

— Тогда какого же черта мы тут сидим?

— Главное правило нашего агентства — смыться, как только начинается какая-нибудь заваруха.

— Тогда почему же мы никуда не уезжаем?

— Мне хочется посмотреть, чем это закончится.

Глава 49

Блэквеллу снился прекрасный сон. В голубоватой дымке маячила какая-то собака, а потом появилась девушка. Очень похожая на Мерседес, но не Мерседес. Сон был очень приятным, и Блэквеллу хотелось, чтобы он никогда не кончался. Бывают такие прекрасные сны, когда не хочется просыпаться и возвращаться к реальной жизни. Сны, которые заставляют сомневаться в реальности так называемой настоящей жизни. Помните, как Чунг-Цзе приснилось, будто он превратился в мотылька, и когда проснулся, то долго не мог понять, кто он на самом деле — Чунг-Цзе или мотылек. Вот и Блэквелл, проснувшись, некоторое время лежал с закрытыми глазами, раздумывая, а стоит ли их вообще открывать. Потому что у него возникло ощущение, или предчувствие, что едва он их откроет, как начнутся страшные неприятности.

Блэквелл сел и обнаружил, что укрыт пестрым мексиканским одеялом. Он находился в небольшой комнатке, которую видел впервые в жизни. На стене висел календарь двухгодичной давности, который раньше, наверное, украшал какую-нибудь мясную лавку. Верхняя часть календаря изображала панораму Пласа Майор в Мадриде. Единственное окошко в комнате было наглухо закрыто ставнями, запертыми на огромный висячий замок. Возле стены стоял туалетный столик, на котором валялся иллюстрированный журнал на испанском языке. «Новедадес». Блэквелл встал, подошел к двери и подергал за ручку. Закрыто. Он огляделся по сторонам и заметил стенной шкаф.

Блэквелл открыл его и обнаружил ворох женского барахла.

Он уселся за туалетный столик и посмотрел на себя в зеркало. Лицо выглядело довольно помятым. Болела правая коленка. Очевидно, он ударился, когда потерял сознание.

Следующий вопрос: где он находится? Ответ знал кто-то другой, так как Блэквелл на этот счет не имел никаких соображений. Правда, судя по тому, что он обнаружил в комнате, напрашивался вывод, что он пленник молодой девушки, любительницы хлопчатобумажных блузок. Других ключей к разгадке у него не имелось.

Походив некоторое время по комнате, Блэквелл уселся на кровать. Следующий ход должен сделать кто-то другой.

Глава 50

Гусман, сидя за столом, наблюдал за действиями Блэквелла по небольшому монитору. Он установил потайную телекамеру, когда в этой комнате жила Кончита, самая красивая из всех служанок, которые когда-либо на него работали. Гусман установил камеру под тем предлогом, что Кончита, якобы, ворует столовое серебро. Но все прекрасно знали, что Гусману просто нравилось наблюдать, как она раздевается. Теперь, когда Кончита уволилась, а Франческа — новая служанка — поселилась в спальне возле гаража, комната оказалась как нельзя кстати, чтобы держать там пленников. Гусман был доволен, что может использовать ее не только для того, чтобы рассматривать упругие груди Кончиты с большими коричневыми сосками. Теперь он мог следить за Блэквеллом.

Гусман свернул огромную самокрутку, набил ее марихуаной, посыпал сверху кокаином и скрепил листки папиросной бумаги гашишным маслом. Гусман не увлекался наркотиками, но уж если хотел побалдеть, то любил делать это по высшему классу.

— Он уже проснулся?

Тито отвернулся от телевизора.

— Шляется по комнате.

— Так, слушай внимательно. Ни слова про Охотников. Ясное дело, Блэквеллу и в голову прийти не может, что я знаю о его связи с ними. Будем вести себя так, будто думаем, что он просто торговец оружием. Вроде мы полагаем, что Фрамиджян хотел нас нагреть. Кстати, возможно, так оно и есть на самом деле. Мы проверили наши источники. Часть

оружия отгрузили с правительственных складов в Опа-Лака. Возникает вопрос: где оно теперь? Второй вопрос: где мои девять миллионов аванса? Одним словом, пусть Блэквелл думает, что все о'кей. Пусть надеется, что сможет уйти отсюда живым. Мы не выпустим его из поля зрения до тех пор, пока не получим обратно деньги или оружие. Лучше и то, и другое. Потом пустим его в расход.

— А если он не расколется?

— Думаю, мы заставим его говорить. Мерседес, что ты об этом думаешь?

Мерседес, сидевшая возле противоположной стены с бокалом содовой в руке, нахмурила брови.

— С точки зрения Багамской корпорации, — сказала она, — самое главное — узнать, кто его хозяин и кто все это задумал. Также необходимо узнать, против кого направлена эта операция — против тебя или против нас.

— Какие тут могут быть сомнения? — воскликнул Гусман. — Это же очевидно. Блэквелл охотится на меня.

— Ничего очевидного тут нет, — заметила Мерседес. — У него не раз появлялась возможность убить тебя. Если бы он охотился только на тебя — зачем ему было подвергать себя ненужной опасности?

— Так кто же тогда Охотник? — удивился Гусман.

— А с чего ты взял, что должен появиться какой-то Охотник? Получил письмо от какого-то психа, а ведешь себя так, будто к тебе в дверь ломятся казаки.

— Казаки? Какие казаки? — всполошилась донья Катерина.

— Пожалуйста, не надо использовать сравнения в присутствии моей жены, — попросил Гусман. — Она их не понимает. Послушай, мне совсем не хочется, чтобы Багамская корпорация подумала, будто я отказываюсь от сотрудничества. Вот что мы сделаем — мы пригласим мистера на дружеский ужин и по-хорошему зададим ему пару вопросов.

— А если он на них не пожелает отвечать?

— Тогда мы зададим их по-плохому.

Глава 51

Итак, все семейство собралось поужинать. Даже не поужинать, а так, просто перекусить. Собрались на кухне, потому что дворецкий и его дети отправились на пару дней в Диснейленд. Только свои люди: Альфонсо, Катерина, Хуанито, Тито, Эмилио, Чако и, конечно же, уважаемые гости — Мерседес и Фрэнк.

Прислуживал за столом Хуанито. Он принес оставшиеся от обеда китайские блюда, предварительно разогрев их в микроволновой печи. «Жратвы у нас хоть завались», — сообщил он. Поджаренные ребрышки по-китайски с какой-то подливкой, похожей на смесь мармелада с соевым соусом. Картонные корбочки с нарезанным по диагонали сельдереем в собственном соку. И на десерт — лимонное печенье.

Кухня была суперсовременной — датская фарфоровая духовка, микроволновая печь, комбайн, посудомоечная машина, всякие электрические приспособления и кафельный пол.

Мерседес задумчиво жевала с непроницаемым лицом.

Блэквелл почти ничего не ел, так как у него возникло предчувствие, что собравшиеся здесь люди скоро начнут плясать у него на животе. Такая перспектива показалась ему не очень привлекательной.

— Нам не нужны никакие сложности, — сказал Гусман, всем своим видом показывая, что обеспокоен судьбой Блэквелла и по-дружески хочет ему помочь. — Не знаю, что ты там обо мне слышал, но все это гнусная ложь. Я делал только то, что был вынужден делать. Ни больше, ни меньше. А теперь я бы хотел

поговорить с тобой честно и откровенно. Зачем нам становиться врагами? Тебе лишь надо сказать, где находится оружие. И у кого теперь мой чек на девять миллионов долларов. А все остальное мы уладим сами. Мы же с тобой можем делать бизнес вместе. Я с удовольствием возьму такого ловкого парня, как ты, в свою организацию. Деньги будешь грести лопатой. Что скажешь, Фрэнк?

Это был приятный момент. Как будто Блэквелл действительно сидел на семейном ужине с Гусманом и Катериной. И с Мерседес напротив. Блэквелл подумал, что он действительно может работать в организации Гусмана. Он может забыть Клэр, забыть Охотников, забыть Поляка. Он сможет спасти свою жизнь и заниматься тем, что уготовит ему судьба. Трудно избавиться от подобного соблазна. К тому же Блэквелл знал, что последует за его нежеланием отвечать. Сначала ему сделают очень больно. А потом убьют.

Все ждали его ответа. Он посмотрел на лица присутствующих. Такие милые люди. Это тот самый охотничий кризис, о котором предупреждал его Симмонс. Настает время, когда после долгого общения с Жертвой начинаешь смотреть на мир его глазами. Отождествлять себя с ней. Сочувствовать ей.

Ведь Гусман дело говорит. Что плохого в его предложении?

Охваченный подобными чувствами, Блэквелл удивился, услышав свой голос:

— Чтоб ты подавился собственным дерьмом, Гусман!

Тито саданул его по затылку рукояткой автоматического пистолета, и Блэквелл снова провалился в темноту.

Глава 52

Мужчины понесли бесчувственное тело Блэквелла в подвальную комнату. Сидевшие напротив Мерседес и Катерина взглянули друг другу в глаза.

— И что ты собираешься делать? — спросила донья Катерина. — Что тебя связывает с этим человеком?

Иногда, поздно вечером, в моменты стресса, находясь далеко от дома, две женщины могут говорить с такой откровенностью, какая при других обстоятельствах казалась бы просто невыносимой.

— Мне надо узнать, на кого он работает.

— А потом?

Мерседес вздохнула и пожала плечами.

— Finita.

— Я так и думала.

— Проблема в том, что этот парень мне немного нравится.

— В таком случае, как же ты сможешь его убить?

— Ну, такая уж у меня работа. Я хочу сказать, в этом нет ничего личного.

— А любовь?

— Что любовь?

— Разве любовь для тебя ничего не значит?

— О чем ты?

— О том чувстве, которое ты испытываешь к этому человеку. Оно называется любовью, дитя мое.

— Это же просто смешно, — ответила Мерседес. — Подумаешь, провели с ним одну ночь, вот и все.

— Когда Тито свалил Блэквелла на пол, в твоих глазах было больше эмоций, чем ты хочешь признать.

Мерседес поджала губы.

— Он действительно привлекательный парень. Будь моя воля, я бы оставила его в живых. Но тогда мне самой не сдобровать. Я не могу рисковать своим будущим. И настоящим. Если ты когда-нибудь слышала про Багамскую корпорацию, ты меня поймешь.

Катерина пожала плечами. Затем встала и направилась к двери, но на полпути остановилась.

— Знаешь, а ведь он любит тебя.

— Откуда ты знаешь?

— В бреду он постоянно твердил твое имя.

— Да? Правда?

— Да. Все время.

— И что же он говорил?

— Он говорил: «Клэр, Клэр...»

— О Господи, — пробормотала Мерседес.

— А может: «Эклер, эклер». Иногда я совсем не понимаю ваш английский язык.

— Какая в принципе разница, — сказала Мерседес, надеясь, что верит этому сама.

Глава 53

В штаб-квартире «Охоты», находящейся в северной части Нью-Джерси, раздался телефонный звонок. Дежурный поднял трубку. Узнав имя звонившего, он поджал губы и тут же переключил линию на личные апартаменты Мастера Охоты.

Через несколько минут в роскошно обставленной спальне Симмонса зазвонил телефон.

— Да, Мастер... Да, я понимаю...

Дисциплинированный Симмонс не стал задавать никаких вопросов. Он спрыгнул с постели и быстро оделся. Затем позвонил на аэродром «Охоты».

— Григорий? Готовь самолет. Мы с Мастером Охоты вылетаем через полчаса.

Затем он набрал еще один номер и связался с секретной европейской штаб-квартирой, расположенной в старом складском помещении в швейцарском городе Базель. Он назвал себя и произнес судьбоносную фразу:

— В семь ноль-ноль утра по вашему времени начинайте план «Диоскуры».

Он подождал, пока дежурный на другом конце провода повторит инструкции, и лишь после этого повесил трубку.

На его лице не отражалось никаких эмоций, но Симмонс чувствовал, как неистово бьется в груди сердце. Пробыл час. Сам Мастер Охоты выходит на тропу войны.

Глава 54

— Ты знаешь, что уже четыре утра? — спросил Козли.

Блэйк зажег очередную тонкую сигару.

— И что из этого?

— А то, что мы сидим возле дома Гусмана вот уже три часа.

— Ну и что?

— А то, что мне надо отлить.

— Иди и сделай свои дела за машиной.

— Меня могут засечь, когда я буду выходить.

Блэйк покачал головой:

— Не бойся. Я разбил лампу уличного фонаря. Просто не поднимай голову, вот и все.

— Не знаю, какого черта мы тут сидим, — сказал Козли. — Мне показалось, ты сказал, что Гусман сам справится со своей проблемой.

— А может, Гусман не знает, в чем заключается эта проблема, — ответил Блэйк.

Козли такая мысль показалась интересной, но Блэйк не стал развивать ее дальше.

Стоя с расстегнутой ширинкой возле бампера тойоты, Козли увидел падающую звезду и загадал желание — чтобы все стало как прежде, и он поехал в Балтимор играть в высшей бейсбольной лиге, отказавшись от предложения ЦРУ. Но теперь было уже слишком поздно.

Глава 55

— Эй, босс! Взгляни-ка вот на это, — воскликнул Тито, протягивая Гусману красочный журнал комиксов.

Тито с Гусманом сидели в гостиной и обсуждали варианты пыток. Пытки — мужская работа, поэтому женщины остались в кухне поболтать о том, о чем всегда болтают женщины, когда их мужчины придумывают различные пытки.

Даже Хуанито отправили прогуляться. Он был еще слишком молод.

— Что там? — спросил Гусман.

— Классная пытка в этом номере «Пытки в комиксах». Правда, требуется специальное оборудование. Яма. Маятник.

— Забудь об этом. У нас нет времени для таких сложных постановок.

— Может, тогда попробуем «Железную гусеницу на зеленом листе», как мы это делали в Манагуа?

Гусман отрицательно покачал головой:

— Пытка чудесная, но для нее нужны длинные бамбуковые щепки. Где нам их взять сейчас?

— А как насчет «Крысы и тонущего корабля»?

— То же самое. Нужны специальные приспособления. Где мы найдем герметичный резервуар?

Тито нахмурил лоб и погрузился в глубокие раздумья. Внезапно его лицо просветлело.

— Знаю! Сейчас я принесу свою дрель, и мы поиграем в «Вырви зуб через нос»!

— Я не переношу звука, когда сверло проходит через перегородку носа, — поморщился Гусман. — Нет, я никогда не забуду слова того старого мафиози. Он сказал, что паяльная лампа и пара плоскогубцев развяжут язык кому угодно.

— Это все есть у нас в мастерской! — воскликнул Тито. — Сейчас принесу!

Гусман выпустил к потолку облачко дыма. Он только что закурил сигару и теперь наслаждался ее ароматом.

— Дадим ему еще пару минут, — сказал он. — Заодно проверим на деле новую систему психологической пытки, которую разработал доктор Маchado-Ропас.

Развернувшись в кресле, Гусман взял с полки кассету с надписью «Спецэффекты», вставил ее в высококачественный стереомагнитофон и нажал кнопку «Воспроизведение».

Блэквелл пришел в сознание и обнаружил, что находится в комнате размером десять на пятнадцать футов. Стены и потолок покрывали металлические листы. Цементный пол шел под уклоном к центру, где зияло сточное отверстие. Металлические шкафчики, болтами прикрученные к стенам. Единственная лампочка, закрытая плексигласовым плафоном, ярко освещала помещение. Аккуратно свернутый красный пластиковый шланг, одним концом надетый на водопроводный кран.

На одной из стен висел динамик, а под ним — красная кнопка. Из динамика раздался голос с едва уловимым испанским акцентом.

— Внимание, вы находитесь в камере пыток. Здесь вам предстоит вынести невыносимые страдания и жуткую боль. Министерство здравоохранения предупреждает, что пытки отрицательно сказываются на вашем здоровье и могут повлечь за собой хронические заболевания и даже смерть. Вы вели себя довольно глупо, раз попали в такое положение. Почему бы вам не прислушаться к голосу разума и не облегчить свою участь? Людям, которые заперли вас в этой комнате, необходима кое-какая информация. Поэтому не обрекайте себя на ужасные страдания и правдиво ответьте на все заданные вам вопросы. Если вы согласны, нажмите на кнопку под динамиком, и к вам придут, чтобы записать пока-

зания. Если вы не нажмете кнопку, то примерно через пятнадцать минут начнется первая попытка.

Блэквелл огляделся по сторонам. Ничего такого, что можно использовать в качестве оружия. Кроме, конечно, красного шланга. Но его не обучали, как превратить пластиковый шланг в смертельное оружие, если такое вообще возможно. Негде даже спрятаться, чтобы внезапно накинуться на того, кто зайдет в камеру. Оставалось только одно — когда дверь откроется, броситься к ней изо всех сил в надежде, что тебя тут же пристрелят. Не особенно приятная мысль, но по крайней мере так можно избавиться себя от пыток. Может, позже в голову ему придет мысль лучше.

Гусман в последний раз с наслаждением затянулся, погасил сигару в пепельнице и поднялся с кресла.

— Пора приниматься за дело, — сказал он Тито.

— Я готов, босс. — Тито вскочил и его лицо расплылось в улыбке. — Не беспокойся, я такое ему устрою.

— Не сомневаюсь. Только без крови.

— Как же без этого? — изумился Тито.

— Постарайся работать почище. Иначе служанки отказываются убирать камеру. Так что пускай кровь только в том случае, когда по-другому получить информацию не удастся.

Пытки без крови. Эта мысль показалась Тито довольно интересной. Настоящий вызов. Что ж, он принимает его. И Тито зашагал к выходу.

Внезапно Блэквелл услышал скрежет ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Он вжался в стену, готовый к броску. Дверь открылась. Зажмурился, Блэквелл ринулся вперед и налетел... на сеньору Гусман.

Даже лежа на спине с задранными юбками, из-под которых виднелись бледные ноги и черное белье в белых крестиках, донья Катерина не потеряла при-

сущего ей самообладания. Она с достоинством поднялась с пола и привела одежду в порядок.

— Что вы здесь делаете? — спросил ее Блэквелл.

— Я пришла спасти вас.

— Спасти меня? Почему?

— Так мне велел Господь.

— А, тогда понятно. А что мне делать дальше?

— Идите за мной и старайтесь не шуметь.

Блэквелл последовал за ней по длинному коридору.

Они шли на цыпочках по истертому линолеуму под ярким светом ламп. Хуанито ждал их возле двери черного хода. Он был в свитере из белой ангоры. Закатанные рукава обнажали мускулистые, гладкие, без единого волоска руки.

Внезапно на лестнице, ведущей в камеру пыток, послышались чьи-то тяжелые шаги. А потом яростный крик. И недовольные возгласы.

— Вперед, — сказал Хуанито и побежал к машине.

Блэквелл ринулся за ним. Задняя дверца открылась, и Блэквелл нырнул на сиденье автомобиля, придавив сидевшего там человека. Хуанито захлопнул дверцу и побежал обратно к дому. Водитель вдавил педаль газа, и машина рванула вперед к воротам. Откуда ни возьмись появились двое охранников с автоматами. Но водитель и не думал останавливаться. Автомобиль зацепил крылом одного из автоматчиков, и Блэквелл услышал истошный вопль.

Затем они свернули на темную дорогу, идущую вдоль канала.

— Парни, вы вовремя появились, — сказал Блэквелл. — Поляк, это ты за рулем?

Водитель обернулся с кривой ухмылкой. Панама, небрежно сдвинутая на затылок, придавала его лицу злое выражение.

— Нет, — ответил Альварес, — это я и еще один твой приятель.

Машина как раз проезжала мимо уличного фонаря, и Блэквелл успел разглядеть сидящего рядом с ним человека. Фрамиджан. Тот ткнул Блэквелла в ребра чем-то тупым и металлическим, очевидно, дулом дробовика.

Глава 56

Занималась заря, и ее кровавые пальцы заалели над горизонтом. Альварес вел машину по пустынному шоссе на огромной скорости, направляясь на юг. Фрамиджян не пел себе под нос мелодию «Хатиквы». В салоне автомобиля пахло контрабандными кубинскими сигарами.

— Откуда вы взялись, ребята? — поинтересовался Блэквелл.

— Отдавая должное дону Альфонсо, тем не менее надо признать, что он частенько убивает человека, так и не получив от него никакой информации. У нас есть свои жизненные интересы. Мы решили дать тебе шанс помочь нам.

— Помочь вам? Как это понимать?

— Твой приятель, который разбил лагерь в моем доме, похитил у меня товар на сумму примерно в десять миллионов долларов, — сказал Фрамиджян. — А я не получил ни цента, потому что Альфонсо отдал чек тебе.

— Честно говоря, нам такие шутки не нравятся, — не поворачивая головы, заметил Альварес, — и уж тем более тем, на кого мы работаем.

— Мы хотим, чтобы ты помог нам вернуть все на свои места, — сказал Фрамиджян. — И побыстрее. Можешь начать с того, кто ты такой и на кой черт тебе понадобился Гусман?

— Я простой гражданин, которого на этот путь толкнули отчаяние и безысходность, — сказал Блэквелл. — Вы должны меня понять.

— Ты ведь Охотник?

— Охотник? О чем вы?

— Гусман навел кое-какие справки, когда люди из «Охоты» прислали ему письмо. Нам все известно. И то, что ты Охотник, — тоже. Тебя, приятель, подставили твои же люди. Так что выкладывай нам все.

В салоне воцарилась тишина. Только приглушенно урчал кондиционер, выкачивая из салона невыносимую флоридскую духоту и заменяя ее приятной прохладой. Машина въехала в район Хоумстед. По обе стороны дороги тянулся плоский и невыразительный пейзаж Эверглейдс. Изредка мелькали щиты, рекламирующие «Делл Форд», «Холлидей Инн», «Пэррот Джангл», «Запчасти Дэйд», «Макдональдс», «Компьютер Экспресс». Небо стало джинсово голубым, на горизонте появились облака. Машина пролетала мимо «Самурая», призывающего отведать свиную отбивную и жареного цыпленка всего за семь долларов семьдесят пять центов, «Оружейного магазина Тамайами», «Уэнди» с самыми лучшими в мире обоями, «Видео Сити» и «Дикси Рибс» — мясо на жаровне и бесплатная стоянка. Затем они свернули на асфальтовую дорогу с двусторонним движением, по обе стороны которой росли пальмы и лишь изредка встречались отдельные постройки. Небо постепенно темнело. Порывы ветра раскачивали пальмы.

Впереди маячило низкое строение, одиноко стоящее на фоне пустынного горизонта. Красным неонов светилось название кафе — «Кебабургеры Шалила».

— Приехали, — сказал Фрамиджян.

Альварес въехал на бетонную площадку и выключил двигатель. Кроме них на стоянке никого не было.

— Зайдем и поговорим, — сказал Фрамиджян. — Владелец кафе — наш друг. Ему все равно, что мы с тобой сделаем.

— Если поведешь себя благоразумно, — сказал Альварес, — мы даже угостим тебя гамбургером.

— А если нет, — добавил Фрамиджян, — то мы из тебя сделаем гамбургер.

Под почерневшим от грозových туч небом они повели Блэквелла к дверям кафе.

Глава 57

Блэйк и Козлли следовали за Альваресом и Фрамиджяном на безопасном расстоянии.

— Здесь остановись, — приказал Блэйк.

Машина остановилась напротив «Кебабургеров Шалила». Через несколько минут к забегаловке подъехал голубой БМВ и остановился рядом с белым линковым Альвареса.

— Это становится интересным, — заметил Блэйк. — Позвони в справочный отдел и узнай, кому принадлежит этот номер.

— Мира? Как твои дела? Послушай, золотце, не подскажешь, на кого зарегистрирована машина со следующим номером? — Он приставил к глазам цейсовский бинокль с тридцатикратным увеличением и продиктовал номер. — Если можно, побыстрее. Мы тут сидим в засаде и не знаем, в кого стрелять в первую очередь.

— Они выходят из машины, — сказал Блэйк. — Двое парней.

Он открыл потайное отделение под приборной доской и вытащил оттуда длинноствольный парабеллум L-25, который использовал для стрельбы по целям на среднем удалении. Для серьезной стрельбы на дальнюю дистанцию у него над головой был закреплен винчестер-400 с прицелом ночного видения «Баум и Ломб».

Козлли уже вытащил свой автоматический пистолет новой модели M1911A2, который разработали в строжайшей тайне после того, как старый добрый кольт 1911A1 45-го калибра заменили надежной, но не

очень интересной 9-миллиметровой моделью 9ZSB-F. Друзья Козэли из Форта Орд подарили ему новый кольт, пообещав достать один и для Блэйка.

— Ага, — сказал в трубку Козэли, — давай, Мира. О'кей, спасибо. — Он положил трубку. — Хорошая девчонка эта Мира.

— Только зря она все время ходит в этих черных кроссовках.

— De gustibus *, — рассеянно заметил Блэйк, изучая фасад ресторана через прицел ночного видения «Баум и Ломб».

— Если хочешь, я могу сходить и посмотреть, в чем там дело, — предложил Козэли.

Блэйк отрицательно покачал головой.

— Там сейчас такое начнется. Сиди и смотри.

— Я не против, — пожал плечами Козэли. — Знаю я это местечко. Никудышные тут гамбургеры.

* Первая часть латинского выражения «De gustibus non (est) disputandum» (О вкусах не спорят).

Глава 58

Шалилу Бею, тучному ливанцу средних лет, мечтавшему еще в детстве открыть собственное дело в каком-нибудь экзотическом западном городе, и в голову не могло прийти, что он станет владельцем дешевой придорожной забегаловки где-то между Хоумстедом и Эвергледс.

Он хотел совсем не этого, когда приехал в Америку из разрушенного бомбежкой городка Соук эль-Фара неподалеку от Тира, чтобы войти в пай со своим двоюродным братом Имми, крутым парнем из Триполи, и качать деньги в Майами, который арабы называли американским Ливаном. А теперь он оказался в этом вонючем кафе на площадке из потрескавшегося бетона. Мало того, что он застрял в забытой Богом глухомани, ему еще приходилось присматривать за Джамшидом — идиотом племянником, о котором он обещал заботиться в обмен на бесплатный авиабилет до Штатов. Еще у него имелась жена Лейла. Толстая, послушная, круглолицая Лейла с черными усиками на верхней губе не шла ни в какое сравнение с длинноногими красавицами на пляжах, чьи упругие груди и крутые бедра напоминали ему о мире, из которого он когда-то бежал, но куда — в глубине души — всегда хотел вернуться. Плюс ко всему он завел роман с девушкой из трейлерного городка возле Ки Ларго и содержал ее на деньги, которые получал от типов вроде Альвареса и Фрамиджяна, предоставляя им надежное место, где те могли пускать людей в расход. Но Беттина Сью с каждым днем становилась все нетерпеливее, уго-

варивая Шалила переехать жить к ней и вложить все сбережения в операцию по сбыту наркотиков в доле с одним из ее дружков. Как же ему поступить? Надо бы посоветоваться с Имраком, гуру из местного отделения церкви Мудрости Хаджи и главой «Группы действия».

Трое мужчин сидели в одной из обшитых красным дерматином кабинок и о чем-то ожесточенно спорили. Они так увлеклись, что не услышали, как на стоянку въехал БМВ. Шалил сначала хотел им об этом сказать, но потом передумал. Ведь ему не платили за то, чтобы он сообщал о подъезжающих БМВ или других машинах, следующих за БМВ.

Дверь распахнулась, и человек из БМВ зашел в кафе. Он держал в руках предмет, знакомый Шалилу еще с детских лет, — АК-47. Шалил едва успел нырнуть за спасительную стойку бара, как автоматная очередь разбила у него над головой полку с бутылками.

Альварес среагировал мгновенно и убрал Чако, стоявшего в дверях и поливавшего зал очередями из своего Калашникова. Пули из «MAG-50», который появился в руках Альвареса, заплесали по пластиковым столикам, разнесли вдребезги музыкальный автомат, игравший песенку Синди Лопер «Девчонкам лишь бы развлекаться», прошили грудь Чако и заставили его немного подергаться, прежде чем изуродованный труп свалился на кафельный пол.

Тито с автоматическим дробовиком перепрыгнул через бездыханное тело Чако. Его смуглое лицо расплылось в такой широкой ухмылке, что стали видны даже серебряные пломбы на коренных зубах. Он двумя выстрелами уложил Альвареса и сам упал замертво, перерезанный очередью «Узи» Фрамиджяна.

Блэквелл выскочил наружу через боковую дверь. За ним кто-то бежал, кричали «стой!». Он запрыгнул в линкольн и увидел ключ в замке зажигания. Пули свистели со всех сторон, когда он завел машину и рванул ее с места.

Глава 59

Линкольн шел на приличной скорости, но вороненого цвета ламборджини быстро сокращал расстояние между ними. Блэквелл порывлся в бардачке и обнаружил там «Смит энд Вессон» 38-го калибра с двухдюймовым дулом. Он сунул пистолет в карман. Дождь хлестал по ветровому стеклу, вокруг не было ничего, кроме, конечно, ландшафта. Впереди асфальтовая дорога расширялась, и ламборджини пошел слева на обгон. Когда его бампер оказался почти вровень с выхлопной трубой линкольна, Блэквелл повернул руль влево. Ламборджини резко затормозил и остановился. Блэквелл развернулся на двух колесах и съехал на грунтовую дорогу.

Но ламборджини продолжал висеть у него на хвосте, и, как только он снова поравнялся с Блэквеллом, тот резко бросил линкольн влево, совершая маневр, который удался ему в первый раз. Линкольн встал на два передних колеса. Его задняя часть поднялась вверх, а потом со стоном опустилась на асфальт. Ламборджини закрутился на месте, но остался на шоссе.

Не успел Блэквелл поздравить себя с удачным маневром, как одно из колес линкольна отвалилось, и машина сползла с дороги в болота Эверглейдс.

Часть шестая

БОЛЬШОЕ УБИЙСТВО

Глава 60

Дикерсон сидел в своем кабинете и изучал секретные донесения. Он посвящал уйму времени этому занятию, потому что ему полагалось знать массу секретов с различными грифами секретности: «секретно», «совершенно секретно», «для ограниченного пользования» и тому подобное. Ему также полагалось знать, какие секреты уже рассекречены и о них можно говорить с друзьями и соседями. Очень часто Дикерсон забывал, с каких дел снят гриф секретности, а какие дела все еще продолжали оставаться секретными. Упомнить все было очень трудно, поскольку часть памяти приходилось уделять таким вещам, как свое имя, номер карточки социального страхования, домашний адрес, список продуктов, которые необходимо купить в супермаркете, имена друзей, жен, детей, программу телепередач на вечер, государственные и религиозные праздники и тому подобное. Дикерсон постоянно боялся, что его перегруженная секретами и несекретами память когда-нибудь даст сбой и он забудет что-нибудь такое, чего ни в коем случае нельзя забывать. Например, скажет своему парикмахеру: «А вы знаете, что один из наших резидентов стал недавно министром финансов Сомали? Не так уж и плохо для местного парня, правда?».

Разумеется, ничего подобного с Дикерсоном просто не могло случиться, потому что он никогда не говорил

о своих делах, избегал праздных разговоров, никогда не напивался и не обкуривался наркотиками. А благодаря специальной тренировке подсознания он научился избегать в речи любых обмолвок. Но вероятность катастрофической ошибки все равно продолжала угнетать Дикерсона. Чем больше он узнавал секретов, о которых никому нельзя говорить, тем чаще им овладевало извращенное желание выдать эти секреты, рассказать о них случайному собутыльнику в баре или — просто кошмарный сон, *faux pas* * — встретиться с один из знакомых агентов КГБ, пригласить его на ужин и сказать: «Я покажу тебе свое, если ты мне покажешь свое». Разумеется, такого просто не могло случиться, потому что он такого никогда не допустит. Но почему же тогда его одолевают нездоровые фантазии? Его психоаналитик, доктор Менш, назвал это чувство «стремлением к извращенности». Просто расслабьтесь, посоветовал доктор Менш. Чем больше вы боретесь с этим чувством, тем сильнее оно проявляется.

Просто расслабьтесь. Доктору Меншу легко говорить, ведь ему приходится иметь дело не с настоящими секретами, а со всякими отклонениями человеческой психики. А когда речь идет о вопросах национальной безопасности...

Дикерсон говорил с доктором Меншем о своих проблемах с секретами, но не о самих секретах, хотя доктор Менш считался лояльным и благонадежным гражданином, как показала проверка, которую Дикерсон приказал провести перед тем, как записаться к нему на прием. Да, безусловно, доктор Менш был лояльным гражданином, но у него не имелось допуска к секретной информации. Ему даже не полагалось знать, что Дикерсону известны какие-то секреты.

У Дикерсона стало еще больше проблем с тех пор, как у него появился новый начальник отдела, все сведения о котором содержались в строжайшей тайне. Дикерсон никогда не встречался с ним, а лишь разговаривал по телефону после сложного обмена

* Опрометчивый шаг (фр.).

кодowymi фразами, которые обновлялись каждый день.

Дикерсон нервничал еще и потому, что вчера ему позвонил шеф и хриплым голосом с чикагским акцентом — скорее всего поддельным — приказал, чтобы Дикерсон приготовился к немедленным действиям. Приближается большое-большое дело, сказал он.

Дикерсон смотрел на телефон, как на спящую кобру. Ему казалось, что аппарат может проснуться в любой момент, впиться в него зубами, заразить его интеллектуальным эквивалентом яда, заставить свернуть с проторенной дороги спокойных будней на опасную тропу, ведущую в неизвестность.

Дикерсону наконец удалось убедить себя, что ничего не произойдет, что телефон не зазвонит, что шеф просто решил проверить его бдительность. Помнится, кто-то утверждал, что если смотреть на телефон, то тот никогда не зазвонит.

В этот момент красный телефон зазвонил.

Сердце Дикерсона чуть не выскочило из груди. Он закрыл глаза и постарался взять себя в руки, повторяя мантру, которой научил его доктор Менш: «Ом мане падма хамн, я ненавижу англичан».

Удивительно, как такое простое предложение может принести облегчение, впрочем, довольно кратковременное.

Дикерсон снял трубку.

— Слушаю. — Он внимательно выслушал кодовую фразу, произнесенную хриплым голосом. Затем произнес ответную фразу, и лишь после этого начался разговор: — Да, сэр. Конечно, сэр. Извините, сэр, повторите еще раз, пожалуйста. Да, сэр. Теперь я понял.

Трясущейся рукой Дикерсон положил трубку на рычаг. Он еще раз повторил мантру, чтобы успокоиться, затем подошел к желтому телефону и позвонил Блэйку в машину.

— Блэйк? Козлли с тобой? Немедленно отправляйтесь в аэропорт. Знаете какой. Бросайте все к черту и быстро туда. Встречаемся через полчаса.

Дикерсон повесил трубку и тяжело вздохнул. Скоро свершится то, чего он так всегда боялся. Он увидит

своего шефа. Ему придется узнать гораздо больше, чем хотелось бы.

Дикерсон ткнул клавишу селектора.

— Мисс Манипенни, пусть Фридрих подгонит машину к боковому выходу. Если мне кто-нибудь позвонит, скажите, что я вернусь не скоро.

Если вообще вернусь, мрачно подумал Дикерсон.

Глава 61

За время работы на «Охоту» Зейлу не раз приходилось совершать посадки в довольно необычных местах, но сейчас он с тревогой смотрел на лежащий внизу аэродром. Он с трудом посадил самолет на узкую полосу битого ракушечника. Они находились на южной оконечности острова Отер Бей.

Дикерсон, Блэйк и Козэлли расстегнули ремни безопасности.

— Ты, Зейл, оставайся в самолете, — приказал пилоту Дикерсон. — И будь готов немедленно подняться в воздух. Возможно, наша встреча окажется не совсем дружеской.

Зейл кивнул, хотя не совсем понял, как Дикерсон сможет вернуться к самолету, если те, с кем он собирается встречаться, не пожелают его отпускать. А чтобы помешать самолету взлететь, достаточно посадить в засаде человека с базукой где-нибудь в джунглях, зеленеющих по обе стороны взлетной полосы, и тот с легкостью выполнит это задание. Однако, будучи дисциплинированным пилотом, Зейл оставил все эти мысли при себе, чтобы в будущем использовать их в своих мемуарах.

Блэйк и Козэлли проверили обоймы в своих автоматических «Спектрах».

— Надеюсь, он отдает себе отчет, что делает, — вполголоса сказал Козэлли Блэйку.

— О чем это вы там шепчетесь? — спросил Дикерсон, обладавший сверхчувствительным слухом.

— Я сказал, что собачку надо подкрутить, — брякнул Козэлли.

— Какую еще собачку? — удивился Дикерсон.

Козэлли вытаращил глаза, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение. На выручку ему пришел Блэйк.

— Он говорит о пулемете, сэр. Собачкой называется скоба муфты безоткатного затвора новой модели МСХ.

— Сейчас не время для праздных разговоров, — оборвал его Дикерсон. — Будете меня прикрывать, понятно? Смотрите в оба и действуйте только при необходимости. Но уж если начнете стрелять, не останавливайтесь до тех пор, пока мы не окажемся в самолете.

Агенты кивнули и спрятали миниатюрные «Спектры» под пиджаки.

— Открывай дверь, Зейл, — приказал Дикерсон.

Зейл открыл дверцу и спустил трап.

На посадочной полосе возле трапа стоял доктор Дал. Представитель местного отделения Багамской корпорации был в легкой рубашке навыпуск, под которой не было никакого оружия, зато виднелся загорелый волосатый живот.

— Добро пожаловать на Отер Бей, — сказал Дал. — Позвольте провести вас в дом для гостей, где вас ждут прохладительные напитки.

— Ага, а что еще? — прошептал Блэйк Козэлли.

Глава 62

Машина Блэквелла сползла с дороги и перевернулась. Теперь она лежала в десяти футах ниже асфальтового полотна, частично погрузившись в воду. Слегка ошарашенный Блэквелл вылез из линкольна, сжимая в руке «Смит энд Вессон», который обнаружил в бардачке. Его «ролекс» с потайным пистолетом все еще находился у него на запястье, хотя Блэквелла совершенно не интересовало, который сейчас час, да и стрелять было не в кого.

Он стал выбираться на пологий берег, но замер, услышав рокот мотора и скрежет тормозов. Прямо над ним остановилась машина.

Блэквелл огляделся по сторонам, ища куда бы спрятаться. Здесь Флоридская бухта соединялась с Эверглейдс. Неподалеку виднелись несколько островков, возвышавшихся всего на несколько дюймов над поверхностью воды и покрытых зарослями мангровых кустарников, тамаринда и диким виноградом. Дно было илистым, но достаточно твердым. Блэквелл побрел к ближайшему мангровому островку и едва успел спрятаться за него, как дверцы машины открылись.

— Эй, Блэквелл, ты там? — послышался голос над водой.

Блэквелла так и подмывало ответить: «Меня тут нет!», но он подавил в себе это желание. Он замер и стал ждать.

Мерседес резко остановила свой порш рядом с автомобилем Гусмана. Прежде чем выйти из машины, она открыла сумочку и проверила обойму длинно-

ствольного магнума-357. И лишь после этого присоединилась к Гусману.

Альфонсо Гусман стоял у кромки воды и всматривался в темные воды Флоридской бухты. Он был одет в оливкового цвета брюки с широким армейским ремнем и выцветшую охотничью куртку. В руках он сжимал манлихер-302 с оптическим прицелом. Под мышкой в кобуре висел «Узи» с двумя запасными обоймами. На его смуглом лице сияла довольная улыбка: он радовался, как школьник, которого пораньше отпустили с уроков. Он погладил отполированный приклад винтовки, словно это были одновременно собака, лучший друг и любовница.

— Эй, Блэквелл! — позвал он. — Я знаю, что ты там, *hombre*. Ты ведь Охотник, не так ли?

Он подождал несколько секунд. Ветер трепал его коротко подстриженные волосы и хлопал лапами куртки.

— Отвечай, Блэквелл! Если ты скажешь, что ты не Охотник, то я уйду. Но если ты все же Охотник, настало время признаться в этом. Как ты считаешь?

— Да! — крикнул Блэквелл, и его голос зазвенел над водой. — Я Охотник, а ты — Жертва!

Гусман повернулся к Мерседес.

— Видишь, я сыграл на его самолюбии. Заставил обнаружить себя. — Он снова повернулся в сторону, откуда раздался голос Блэквелла. — Все поменялось местами, *hombre*! Теперь я Охотник, а ты — Жертва. Как тебе это нравится, *gringo*?

Грязный БМВ резко затормозил возле машины Гусмана, подняв облако пыли. Оттуда выскочил Эмилио, держа в руках винчестер с охотничьим прицелом. На плече у него висел двухствольный обрез.

— Попался, да? — спросил Эмилио. — Отлично, пошли за ним, *mi colonel* *. Я справа, ты — слева. Судя по тому, как он улепетывал, с оружием у него напряженка.

— Неплохой план, — сказал Гусман — все, как в старые добрые времена. Но сегодня ты останешься здесь, верный друг. Я пойду за ним один.

* Мой полковник (исп.).

— Босс, вряд ли это самое удачное решение, — заметил Эмилио.

— Ты не понимаешь, — ответил Гусман, — это тапо а тапо, классическая дуэль не на жизнь, а на смерть. К тому же я давно уже не веселился как следует.

— Босс, — сказал Эмилио, — я знаю, что ты настоящий тигр, но все же позволь мне пойти с тобой.

— Ты можешь прикрывать меня сзади, — сказал Гусман. — Но ни в коем случае не стреляй в него. Он мой, *tu sabes* *? Я лично должен его прикончить. — Он сошел с берега на мелководье и, крикнув: — Эй, Блэквелл, *yo vengo* **, — направился к мангровому островку.

— Он всегда отличался упрямством, — с восхищением пробормотал Эмилио.

Он покачал головой и пошел за Гусманом. После секундного колебания за ними последовала и Мерседес.

* Здесь ты понял? (*исп.*).

** Я иду (*исп.*).

Глава 63

В комнате было прохладно. Под потолком медленно вращались широкие лопасти вентиляторов. Дикерсон и Дал сели в конце длинного стола. Блэйк и Козэли стояли прислонившись к стене, покрытой рогожей из листьев ротанговой пальмы, готовые выхватить оружие в любую секунду. Пока такой необходимости не было. Дал смешал два коктейля из рома и протянул высокий запотевший стакан Дикерсону.

— Чин-чин, — сказал Дикерсон, и сделал глоток.

— Господи, неужели люди до сих пор так говорят? — удивился Дал.

— Какая разница, как они говорят. Перейдем лучше к делу.

— Разумеется. Вы, как я понимаю, мистер Дикерсон, глава резидентуры в Южной Флориде, второй оперативный отдел ЦРУ?

Дикерсон коротко кивнул:

— А вы — Дал, начальник карибского сектора Багамской корпорации. На вас и вашу организацию у нас имеются солидные досье.

Дал улыбнулся:

— У нас на вас тоже.

— Думаю, что мне следует сразу уточнить наши позиции, — сказал Дикерсон, — чтобы не оставалось никаких недомолвок. Мы считаем деятельность Багамской корпорации незаконной. Она ведет к огромным штрафам и длительным тюремным заключениям.

— Конечно, мы вне закона, — сказал Дал. — Но наше дело благородное и справедливое. И никто не сможет ничего нам сделать на нашем собственном

острове. Я полагаю, мистер Дикерсон, что в вашем положении не стоит прибегать к угрозам.

— А я и не собирался вам угрожать, — ответил Дикерсон. — Просто мне хотелось внести ясность.

— Вы назвали нас незаконной организацией, — сказал Дал. — Но на самом деле мы — последняя надежда человечества.

— Ладно, пусть будет так, — согласился Дикерсон. — А теперь давайте о деле.

На лице Дала появилось удивленное выражение.

— Что вы имеете в виду?

— Ведь это вы настаивали на нашей встрече? — спросил Дикерсон.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — произнес Дал. — Относительно вас я не получал никаких инструкций. Ваше появление на острове для нас полной неожиданностью, хотя мы и не собираемся отказывать вам в гостеприимстве.

Собеседники уставились друг на друга. Дал откашлялся. Рука Дикерсона непроизвольно дернулась — очевидно, это было физическое проявление подавляемых долгое время страхов проговориться о чем-либо секретном, — и опрокинула бокал с коктейлем. Прежде чем кубики льда упали на стол, Блэйк и Коэлли выхватили из-под пиджаков автоматы. В потолке открылся люк, и оттуда высунулось дуло АК-47, которое медленно повернулось в сторону Блэйка и Коэлли. Затем боковая дверь в зал распахнулась, и на пороге появился Зейл в сопровождении двух лаборантов из лос-анджелесского университета, одетых в футболки с изображением щенка Снуппи.

— Что случилось, Зейл? — сдавленным голосом спросил Дикерсон. — Я, вроде, приказал тебе оставаться на корабле... тьфу! — на самолете.

— Я посчитал, сэр, что следует доложить о том, — сказал пилот, — что на остров только что приземлился еще один самолет.

Дикерсон и Дал недоуменно воззрились друг на друга.

Глава 64

Тишина висела над покрытым пятнами островов заливом, где Флоридская бухта соединяется с болотистым берегом Эверглейдс. Вода и земля образовали здесь одно целое — нечто вязкое, густое и хлопающее. Шоссе походило на черный шрам, зияющий на поверхности мелководья. На краю дороги стояли две машины. Под ними, частично погрузившись в воду, лежала третья. Вдали, ближе к Мексиканскому заливу, виднелась рыбацкая шхуна, идущая под парусами в направлении Ки Вест. За ней тянулся белый пенистый след. Чуть ближе — почти рядом с берегом — плыла плоскодонка. Рыбак в широкополой соломенной шляпе отталкивался от дна шестом.

Гусман повесил манлихер на плечо, больше доверяя автомату «Узи». Держа его наготове, он осторожно подошел к островку, внимательно всматриваясь в густые заросли мангрового кустарника, железных деревьев и тумбо-лимбо. И остановился.

— Эй, Блэквелл! Выходи поиграть! — крикнул Гусман.

— Иди сюда и поймай меня! — крикнул Блэквелл с другой стороны острова. — Я здесь, сукин ты сын. Кончилось твоё время.

— Мое время? Да как ты со мной разговариваешь, сопляк? Тебе хоть раз приходилось убивать? Думаешь, у тебя это получится? — Гусман замолчал, прислушиваясь.

Внезапно Блэквелл появился из-за островка с перекосенным от злости лицом. В руке он сжимал короткоствольный «Смит энд Вессон» 45-го калибра.

Гусман нажал на спусковой крючок и выпустил автоматную очередь из своего «Узи». Правая рука Блэквелла тут же окрасилась в красный цвет. Револьвер выпал из разжавшихся пальцев. Блэквелл наклонился, чтобы поднять его, но новая очередь из автомата заставила его поспешно юркнуть в спасительные мангровые заросли.

Глава 65

Дверь в зал заседаний Багамской корпорации распахнулась. Дикерсон и Дал вскочили. Блэйк и Коэлли застыли возле противоположной стены, словно барельеф гангстерского саркофага.

На пороге появился Симмонс. А за ним — невысокий, стройный Мастер Охоты с приятной улыбкой на лице.

— Я знаю, кто вы такой, — медленно произнес Дал. — Мы имеем на вас солидное досье. Но я никогда не предполагал, что мы можем встретиться.

— Вы и ваши люди любыми способами пытались предотвратить подобную встречу, — сказал Мастер Охоты. — Как видите, напрасно вы старались. Встреча все же состоялась.

— У нас с вами разные пути, — сказал Дал. — Наша организация пытается спасти мир от самоубийственной близорукости и безумия. Вы же и ваша «Охота» являетесь частью этого безумия.

— Вряд ли вы сами в это верите, — сказал Мастер Охоты. — Мы в «Охоте» предлагаем человечеству единственное решение — заменить войну законным убийством на добровольной основе. Вам ведь прекрасно известно, что человек никогда не может полностью удовлетвориться, пока кого-нибудь не убьет. Люди не могут по-настоящему наслаждаться пейзажем, если там не движется нечто такое, во что можно выстрелить.

Нельзя отключать инстинкты, которые ведут нас к войне и прогрессу. Это лишь приведет нашу расу к полнейшему вымиранию. Мы — человеческие существа — рождены для охоты, мистер Дал, но теперь у нас совсем не осталось дичи. Нам не остается ничего

другого, как убивать друг друга. А мы должны убивать. Поэтому нам просто необходимо упорядочить процедуру убийства.

— Но мы все же можем добиться выполнения цивилизованных законов! — воскликнул Дал.

— Вы прекрасно понимаете, что это невозможно, — заметил Мастер Охоты. — Может, через несколько столетий, но не в обозримом будущем. Мой дорогой Дал, наша первейшая и наиглавнейшая задача — возвращение к первоначальному экологическому равновесию. Этим как раз занимаетесь вы и ваша Багамская корпорация. Наша же миссия заключается в том, чтобы отвлечь человечество от войны, предоставив ему не менее захватывающую альтернативу. Без нас и нашей Охоты ваши высокоинтеллектуальные ученые останутся лишь горсткой мечтателей, живущих в своем воображаемом мире, в то время как беснующиеся политики творят свои грязные дела. Будьте практичным, Дал. Давайте действовать сообща.

— В ваших словах есть зерно здравого смысла, — согласился Дал. — Я не могу не отметить, что в наших научно-исследовательских разработках действительно существуют кое-какие недостатки. Дело в том, что люди стали такими равнодушными. Если не происходит никаких катастроф типа Лав Кэнал * или Чернобыля, идея сохранения экосистем Земли абсолютно не привлекает внимания людей. Да, люди хотят заниматься более интересными делами, и пусть уж лучше они добровольно занимаются бессмысленными убийствами, участвуя в Охоте, чем миллионами погибают в не менее бессмысленных войнах. Если бы это зависело только от меня... но, увы! Я всего лишь региональный директор, всего лишь один из тех десяти, кто принимает окончательное решение в Багамской корпорации.

— Я возьму на себя смелость заметить, — сказал Мастер Охоты, — что такому рассудительному человеку, как вы, давно уже пора занять пост главного директора корпорации. Мы, разумеется, окажем вам всестороннюю помощь.

Дал рассмеялся:

* Название города, построенного на месте захоронения смертоносных химических отходов.

— Вынужден признать, что ваша идея весьма заманчива. Но, уверяю вас, это абсолютно невозможно.

— О, все в нашей власти, — ответил Мастер Охоты, и его лицо расплылось в улыбке. — По правде говоря, ничего другого вам и не остается. Я взял на себя смелость информировать вашу уважаемую организацию, что вы перешли на нашу сторону.

— Они никогда вам не поверят!

— Поверят. Мы уже приступили к исполнению плана «Диоскуры». В данный момент команда наших специально обученных убийц уничтожает ваших главных чиновников.

— Вы не посмеете! — воскликнул Дал.

— Ни вы, ни я не в силах этому помешать. К исходу дня ваша компания окажется без руководства. Так что давай, Дал, не стесняйся, пользуйся случаем! Неужели ты не понимаешь, что мы вдвоем можем свалить правительство США! И у тебя, и у нас есть могущественные друзья в Конгрессе. Объединим наши усилия — и это станет началом нового порядка для человечества.

Дал прищурился, пытаясь проанализировать возможные варианты своих действий. Да, действительно, выбора у него не было.

— Ну, честно говоря, — сказал он, — мне наплевать, сколько человек погибнет в вашей дурацкой Охоте. Главное, что мы с коллегами сможем спасти мир. Ладно, Мастер, я с тобой.

Дикерсон слушал весь этот разговор, хмурясь все больше и больше. Он шагнул вперед, маленький человек, преисполненный решимости.

— Если вы думаете, что вам это удастся, вы глубоко ошибаетесь! Блэйк! Коззли!

Агенты тут же выхватили оружие. Ствол АК-47 с потолка поочередно взял всех на мушку. Казалось, вот-вот начнется нечто невообразимое.

— Прежде чем совершить нечто такое, о чем вы пожалеете, — сказал Мастер Охоты, — подумайте, не говорит ли вам о чем-нибудь следующая фраза: «Апельсин, альфа 323, метла и подошвы»?

— Это же сегодняшний пароль! — воскликнул Дикерсон. — Откуда, черт возьми, вы его знаете?

— В этом нет ничего странного, — ответил Мастер Охоты, внезапно заговорив хриплым голосом с чикагским акцентом, который так хорошо был знаком Дикерсону.

— Босс! — просипел Дикерсон.

— А теперь выполняйте мои приказы, — сказал Мастер Охоты.

— Да, сэр. Но, сэр, зачем мы это делаем?

— Ради блага нашей страны, — ответил Мастер Охоты.

Услышав подобное объяснение, Дикерсон облегченно вздохнул. Он боялся оказаться втянутым в предательский заговор. Это могло привести его к внутреннему конфликту, а доктор Менш советовал ему избегать конфликтов.

— Теперь вы видите, — сказал Мастер Охоты, обращаясь к Далу, — почему наш план увенчался успехом. Все основные силы на нашей стороне. Через год Охоту узаконят в Америке, а затем ее примеру последует и весь мир. А уж потом мы посвятим себя переустройству мира.

Дал и Мастер Охоты пожали друг другу руки. Симмонс, Блэйк и Козэли заулыбались, радуясь, что они на одной стороне. АК-47 исчез из отверстия в потолке.

— А что с Охотником? — спросил Козэли.

— С Блэквеллом? — уточнил Симмонс. — Думаю, он уже убил свою Жертву.

— Все не так просто, — сказал Дал. — Боюсь, у меня для вас плохие новости. Когда все это началось, мы послали своего представителя узнать, что произошло с нашим поставщиком оружия, и исправить положение. Боюсь, это означает, что мистера Блэквелла должны ликвидировать.

— А разве нельзя отозвать представителя обратно? — поинтересовался Симмонс.

Дал покачал головой:

— Она не поддерживает с нами связь по радио.

— В таком случае, — сказал Мастер Охоты, — Блэквеллу придется позаботиться о себе самому. Я не меньше вас сожалею о его судьбе, но в борьбе за новый мировой порядок жертвы неизбежны.

Глава 66

Эмилио услышал стрельбу и ринулся вперед, теряя в вязкой жиже туфли, но не решимость. В нескольких ярдах позади, с трудом передвигая ноги, шла Мерседес. Плоскодонка подплыла ближе, и рыбак в соломенной шляпе выпрямился, с любопытством наблюдая за происходящим.

— Вали отсюда! — закричал Эмилио, размахивая пистолетом.

Рыбак направил лодку в сторону, а затем внезапно повернулся. Шляпа слетела, и стали видны славянские черты лица рыбака. Поляк!

Короткими очередями из двух «Узи» он уложил Эмилио наповал. Лодка качнулась. Чтобы удержать равновесие, Поляк замахал руками. В этот момент он представлял собой замечательную цель. Мерседес подняла свой магнум-357 и всадила Поляку пулю прямо в грудь.

Глава 67

Гусман медленно приблизился и остановился в трех футах от островка, крепко сжимая в руке свой «Узи». Блэквелл лежал в воде, держась левой рукой за раненое плечо и изо всех сил пытаясь не потерять сознание. Шок уже прошел, и теперь боль волнами расходилась от плеча по всему телу. Вскоре к Гусману подошла Мерседес. Ее костюм из светлого полотна был запачкан грязью, а длинные темные волосы спутались.

— Ну как, понравилось тебе охотиться, щенок?

Блэквелл ничего не ответил. Что он мог сказать?

— Прощай, пустая голова, — произнес Гусман, направляя на Блэквелла дуло «Узи».

— Нет! — воскликнула Мерседес и нажала на спусковой крючок. Пуля из магнума-357 разворотила Гусману затылок. Он рухнул ничком в воду. Этаким коктейль из человеческих мозгов для крабов.

Мерседес опустилась на колени рядом с Блэквеллом. Она продолжала держать магнум в непосредственной близости от головы Охотника.

— Я не могла позволить, чтобы этот толстый подонок пристрелил тебя, — сказала Мерседес. — Это позор — умереть от руки человека, который смазывает свои волосы вазелином.

— Мерседес, — прошептал Блэквелл. — Я тебя люблю. Все это похоже на какое-то сумасшествие, правда? Теперь мы можем быть вместе, ты и я. Уедем куда-нибудь далеко, где никто никогда не слышал про Охоту, скажем, в Новую Гвинею. Мы поженимся и

будем вечно любить друг друга. Как это будет прекрасно. Что скажешь?

— Если бы я только могла! — воскликнула Мерседес. По ее лицу текли слезы. — Я без ума от тебя, Фрэнк! Ты такой приятный, такой беззащитный, такой прямолинейный. Я еще никогда не встречала такого мужчину. Но у нас ничего не выйдет, дорогой. Забавно, что ты упомянул Новую Гвинею. Я как раз только что вернулась оттуда. Пришлось прикончить там одного парня, который решил нарушить правила Багамской корпорации.

— Скажи им, что Гусман убил меня. Что я утонул. Что ты искала меня, но не смогла обнаружить. Мы найдем какой-нибудь далекий уголок. Вот что, встретимся через месяц возле Скидморского фонтана в Портленде, штат Орегон. Никому и в голову не придет искать нас в таком месте.

— Я бы с удовольствием, радость моя, но после каждого задания мы проходим проверку на детекторе лжи. Это обязательная процедура, и мне от нее никак не отвертеться. Прости, но лучше это сделаю я, чем кто-нибудь чужой. Закрой глаза. Ты ничего не почувствуешь.

— Мерседес! — воскликнул Блэквелл. — Не шути так!

Склонившись над ним с убийственной нежностью, Мерседес приставила дуло пистолета к его виску. Блэквелл дотянулся до запястья правой руки и нажал на кнопку завода своего смертоносного «ролекса». Пуля оцарапала щеку Мерседес и срезала локон роскошных черных волос.

— М-да, — произнесла она, поджав губы. — Может, в конце концов, ты не такой уж и приятный человек.

— Дорогая, давай поговорим спокойно!

Губы Мерседес сжались еще больше, а указательный палец напрягся на спусковом крючке. Блэквелл зажмурил глаза. Раздался выстрел...

Глава 68

Через шесть месяцев Блэквелл снова оказался в секретной штаб-квартире, расположенной на севере Нью-Джерси. На лифте он спустился на оперативный уровень. Секретарша провела его к Симмонсу. Тот вышел из своего кабинета и лично проводил его в апартаменты Мастера Охоты.

— Рад тебя видеть, Фрэнк, — сказал Мастер Охоты. — Как плечо, уже зажило?

— С плечом все в порядке, — ответил Блэквелл.

— Думаю, тебе уже рассказали, что Конгресс только что проголосовал за принятие Акта о законном убийстве совместно с Актом об охране окружающей среды. Настал новый день в истории человечества.

— Да, сэр, — сказал Блэквелл. — Я чрезвычайно этому рад.

— Все еще сердишься, да?

— Да, сэр. Это так.

— Я думаю, пора забыть давние обиды. Я хочу, чтобы вы помирились.

Мастер Охоты сделал жест рукой, и из темного угла вышел Поляк.

— Здорово, приятель, — сказал он. — Я хотел навестить тебя в больнице, но мне передали, что ты отказываешься меня видеть.

Лицо Блэквелла напряглось.

— Я и сейчас не желаю тебя видеть. Ты сказал, что прикроешь меня. Но когда мне понадобилась твоя помощь, тебя не оказалось.

— По крайней мере я могу объяснить тебе причину моего опоздания.

— Не нужно мне твоих объяснений, — сказал Блэквелл. — Ты был моим другом и моим Наводчиком. Я доверял тебе. А тебя не оказалось там в нужный момент.

— Это я приказал, — произнес Мастер Охоты.

Он щелкнул пальцами, и из затемненной части комнаты вышли двое мужчин. Низкого роста, в соломенных шляпах и с тонкими усиками. Валериано и Панфило выглядели сейчас гораздо лучше, чем в лагере контрас неподалеку от Сан-Франциско де ла Пас.

— Прости своего друга, сеньор, — сказал Валериано. — Он опоздал лишь потому, что доставлял нам оружие. Да, он действительно рисковал твоей жизнью. Но если бы мы не получили вовремя оружие, наша революция потерпела бы поражение.

— Что-то я никак не пойму, — сказал Блэквелл. — Я считал, что контрас проиграли.

— Так оно и есть на самом деле, — ответил Панфило. — Только мы никогда не были контрас. Мы с Валериано сразу же после университета стали секретными агентами «Охоты».

— Это правда, — подтвердил Валериано. — Люди из подполья смогли вовремя раздать оружие всем нашим последователям. Восстание началось на следующий день. К нашему правому делу присоединились бойцы как сандинистского фронта, так и контрас. Мы выступали за светлые идеалы, право на законное убийство, а также за умеренное перераспределение имущества среди различных слоев населения. Так что лишь благодаря вашему другу, сеньор, в начале той недели «Охота» получила статус законной организации во всех странах Центральной Америки, которые объединились теперь под нашим руководством.

— К тому же, — добавил Поляк, — я появился как раз вовремя, чтобы спасти твою жизнь.

— Ты не должен был ее убивать! — воскликнул Блэквелл.

Поляк покачал головой:

— Я должен был это сделать, Фрэнк. Она собралась пристрелить тебя.

— Мерседес не собиралась это делать. Она просто шутила.

— Черт возьми, Фрэнк! Она собиралась сделать именно это. А если она и шутила, то как я мог определить это, находясь от нее в тридцати ярдах?

— Ты мог бы просто ранить ее, а не убивать.

— Ты что, рехнулся? Лежа с простреленной ногой и почти без сознания? Тебе крупно повезло, что я вообще попал в нее, будучи в таком состоянии.

Блэквелл помотал головой:

— Поляк, она ведь любила меня, — дрожащим голосом произнес он.

Поляк обнял Блэквелла за плечи.

— Может и так, приятель, может, она действительно тебя любила. Но в ней было нечто такое, что заставило бы ее убить тебя, несмотря на то что она тебя любила, в чем, честно говоря, я сильно сомневаюсь.

Блэквелл ссутулился, черты лица заострились, а в потухших глазах появилась безысходность.

— Что ж, — произнес он, — все кончено. Сначала Клэр, а теперь Мерседес. Почему мне всегда так не везет с женщинами? Все время их убивают. Но что самое обидное, мне в жизни больше не к чему стремиться.

— Нет, приятель, есть, — с заговорщицкой улыбкой сказал Поляк.

— О чем ты?

— Ну-ка взгляни на это.

Поляк протянул Блэквеллу листок бумаги. Тот взял его и пробежал глазами. Затем перечитал во второй раз более внимательно.

— Охота? Мы с тобой снова собираемся охотиться? Но ведь я ничего не подписывал.

— Я взял на себя смелость сделать это за тебя, — сказал Поляк. — Разумеется, ты вправе отказаться. Но тогда мне придется искать другого Охотника, чтобы служить ему Наводчиком.

— Не знаю, почему мне разрешили принять участие еще в одной Охоте, — сказал Блэквелл. — В прошлой Охоте я ведь показал себя не с лучшей стороны. В том смысле, что не я убил Жертву, а

Мерседес. — Он помолчал, а потом хриплым голосом добавил: — Она сделала это ради меня, Поляк!

— Не начинай все сначала, Фрэнк. Да, в последний раз у тебя дела шли не очень-то удачно. Но в тебе есть потенциал Охотника. Поверь мне, уж я-то в этих делах разбираюсь. Многим первая Охота служит только разминкой, а уж потом они разворачиваются вовсю.

— Ты действительно так считаешь? — хрипло переспросил Блэквелл.

— Еще бы, — усмехнулся Поляк. — Стал бы я иначе рисковать своей репутацией, снова идя к тебе Наводчиком?

— Ладно, Поляк, — сказал Блэквелл, и на этот раз его голос звучал твердо. — Поохотимся вместе, но на этот раз все будет, как надо.

После того как они ушли, а Панфило с Валериано отправились на прием, устроенный в их честь, Симмонс повернулся к Мастеру Охоты.

— Я рад, что с Блэквеллом все обошлось, — сказал он. — Вобщем-то не стоит принимать такие вещи близко к сердцу, но я волновался за этого парня.

— Зря, — ответил Мастер Охоты. — Я с самого начала знал, что он не подведет. К тому же счастье или несчастье отдельно взятого индивидуума не идет ни в какое сравнение с теми социальными изменениями, которые он вызвал своими действиями. Теперь Охота стала законной, Симмонс, и человечество станет жить по новым законам. Война побеждена! Земля спасена! Наконец-то настал золотой век человечества!

Содержание

Первая жертва, роман, <i>перевод с английского С. Коноплева</i>	5
Охотник-жертва, роман, <i>перевод с английского С. Коноплева</i>	215

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга вторая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редактор М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Г. Бочарова, А. Хиршфелде
Оператор компьютерной верстки Н. Болтач
Художественное оформление серии: М. Захаренков
Оформление: Л. Булыкина, А. Бибанаев, В. Ковалев

ЛР № 062455 от 23.03.93.

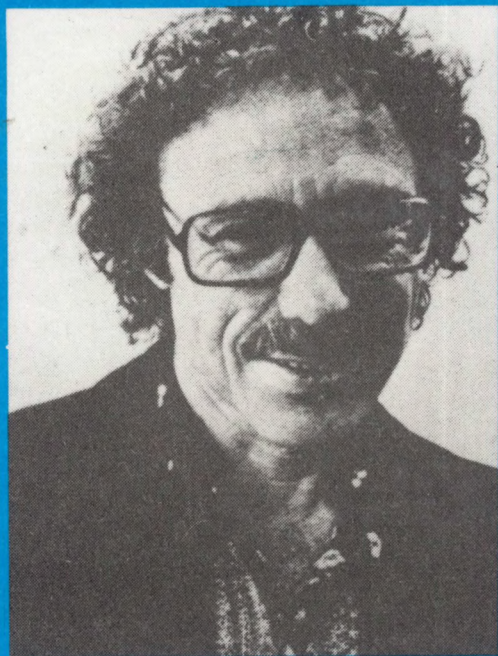
Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.06.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,94. Усл. кр.-отт. 25,20.
Уч.-изд. л. 23,29. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-214.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА
ОХОТНИК-ЖЕРТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994